

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Исторический факультет

Кафедра всеобщей истории

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов XI Республиканской научно-практической конференции
студентов и магистрантов,
посвященной 1000-летию г. Бреста

Брест, 18–19 апреля 2019 г.

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2019

УДК 94(476)(082)+099.5
ББК 63.3(0)я43
И 90

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
учреждения образования «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина»*

Рецензенты:

ректор учреждения образования «Брестский областной
институт развития образования»,
кандидат исторических наук, доцент *А. В. Моцук*;
доцент кафедры гуманитарных наук учреждения образования
«Брестский государственный технический университет»,
кандидат исторических наук *С. В. Грибова*

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, доцент *Е. И. Пашкович*,
кандидат исторических наук, доцент *Е. С. Розенблат*,
кандидат педагогических наук, доцент *З. С. Левчук*

Технический редактор и верстка Н. И. Кравчук

Историческая наука: достижения проблемы, перспективы :
сб. материалов XI Респ. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов, посвящ.
1000-летию города Бреста, Брест, 18–19 апр. 2019 г. / Брест. гос. ун-т имени
А. С. Пушкина ; редкол.: Е. И. Пашкович [и др.]. – Брест : БрГУ, 2019. – 275 с.

В сборник «Историческая наука: достижения проблемы, перспективы» включены статьи студентов из Беларуси, Польши, Украины, посвященные проблемам исторической памяти, персонажам мировой и отечественной истории. Авторы сделали попытку оценить их вклад в различные сферы человеческой деятельности. Особое внимание участники сборника уделили истории г. Бреста и Брестчины, проблемам современной Беларуси, геополитическим трансформациям на постсоветском пространстве.

Адресуется научным работникам, преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется актуальными проблемами исторической науки.

Проведение конференции и издание сборника оказалось возможным благодаря финансовой помощи Ленинской районной г. Бреста организации РОО «Белая Русь».

СОДЕРЖАНИЕ

Вабішчэвіч А. М. 1000-гадовая гісторыя Брэста: ад старажытнасці да сучаснасці	5
---	---

Раздел 1. БРЕСТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Делендик Д. О., Король Е. С. Железнодорожная станция «Брест-Центральный» в перипетиях европейской истории.....	17
Ісакаў С. А. Святкаванні значных дат гісторыі Польшчы, арганізаваныя польскай адміністрацыяй Брэста ў 1919–1921 гг.....	23
Макаревич В. Ю. Музыкальная культура г. Бреста в послевоенный период	26
Марченко А. В. Происхождение топонимики микрорайонов современного г. Бреста	28
Мядзведзеў К. А. Гісторыя берасцейскага мяшчанства XVIII ст.....	36
Трубчык А. Г. Арганізацыйная структура, кампетэнцыя і асноўныя накірункі дзейнасці органаў польскай грамадзянскай адміністрацыі Брэсцкай акругі ў 1919–1921 гг.	43
Хвесько Д. В. Спортивные сооружения Бреста как условие развития личности	50
Шпаковская А. Н. Спорт высоких достижений и его представители на Брестчине	52
Suwała K. Sejm Brzeski z 1653 roku	56

Раздел 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БРЕСТЧИНЫ 1920–1950-е гг.

Дехтерук П. М. Украинское население и политика Польши по отношению к национальным меньшинствам на территории Полесского воеводства.....	60
Дорогокупец Д. В. Еврейские политические партии Западной Беларуси в межвоенный период (1921–1939).....	64
Дзякончук Э. Э. Особенности проведения комсаци в Пинском повете (1921–1939).....	66
Крук-Перепелкина С. Ю. Образование польского вольно-казацкого отдела Алжирской казацкой станицы в Западной Беларуси.....	72
Ласкович А. Н., Погорельская И. И. Особенности социально-политического развития Брестчины в межвоенный период в 1921–1939 гг.	76
Резанович Д. И. Зарождение партизанского движения в Барановичской области в начальный период Великой Отечественной войны.....	79
Русін А. Д. Перадвыбарчая кампанія і выбары ў Народны сход Заходняй Беларусі на тэрыторыі сучаснай Брэсцкай вобласці	83
Серко С. А. Аграрные преобразования в Брестском районе в 1949–1952 гг.....	87

Чашевой В. Д. Кобринское восстание 1933 г. глазами В. П. Ласковича	91
Чернякевич С. М. Пружанщина в 1919–1920 гг. по материалам рапортов Стражи кресовой	94
Щерба А. А. Генезис и реформирование поветовых органов управления и самоуправления в Полесском воеводстве в 1920–1930 гг. XX в.	98
Юзвук И. И. Административно-территориальное устройство Домачевской гмины Брестского повета Полесского воеводства в межвоенный период.....	103

Раздел 3. МАЛАЯ РОДИНА: ИСТОРИЯ, ЛИЧНОСТИ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Галынскі Р. Д. Узнікненне і развіццё горада Быхава ў XIV–XVIII стст.	107
Зелинский А. С. Мортиролог помещичьих усадеб Ивановщины XIX – начала XX в.	115
Кейко Ю. В. Православное храмовое строительство в 60–70-е гг. XIX в. (на примере церкви в д. Вороцевичи Кобринского уезда).....	118
Кузнецова-Тимонова А. В. Ветераны «секретной войны»: брестчане-участники войны в Анголе (1975–1992)	122
Медведь О. В. Музей-усадьба «Пружанскі палацык»: история создания и деятельность.....	129
Мізярска Н. А. Рэлігія ў штодзённым жыцці вышэйшага саслоўя Віцебскай губерні ў XIX – пачатку XX ст.	134
Сахарук Я. О. Станислав Петрович Кишка – государственный и военный деятель ВКЛ	136
Шкляр П. А. Деятельность учреждений среднеспециального образования в Бигосово (1945–1970)	141
Bogowiec R. Szlachta ziemi Chełmskiej wobec relacji polski z Turcją i tatarami za panowania Zygmunta III Wazy	147

Раздел 4. РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ: ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ОБРАЗОВАНИЕ

Бондаренко П. А. Проблемы экономической интеграции: «молочные войны» России и Беларуси.....	153
Веремеюк А. Л. Влияние молодежной субкультуры Японии и Южной Кореи на современную молодежь Беларуси	156
Дядюк Н. О. Белорусская мультипликация в контексте мирового анимационного кино	163
Жук С. А. Работа с одаренными учащимися: институциональные трансформации в условиях становления национального суверенитета (по материалам ГАБр)	167
Лисовская П. С. Экскурсия как форма обучения при изучении истории Беларуси	177

Козлов А. С. XII отчетно-выборная конференция Новополоцкого горкома ЛКСМБ: итоги и уроки.....	180
Корольчук Н. Н. Дипломатический этикет в практике международного общения	186
Курадовец А. Н. ЕАЭС: от идеи создания до реализации	193
Невар В. Н. ЕАЭС как политический рынок: положение Беларуси.....	199
Проценко Я. В. Школьная форма: за и против	206
Соик А. Ю. Исторический образ СССР и России в постсоветской истории Беларуси и Украины	211
Сухаревич О. В. Концепция «мягкой силы» Республики Беларусь.....	216
Чуравский Р. В. Численный показатель ОВД Республики Беларусь. Корреляция количественных и качественных данных	223

Раздел 5. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, УСТНОЙ ИСТОРИИ И УРБАНИСТИКИ

Альгамец А. А. Арганізацыя і станаўленне калгаса «XVII партз’езд» у 1940–1980-я гг. у памяці вяскоўцаў (на матэрыялах в. Сямігосцічы Столінскага раёна)	230
Гусаковская Н. Р. Холокост в советской историографии.....	235
Жижиян С. Ф. Культовые каменные изваяния в фольклорной традиции белорусов	238
Ігнацюк Т. А. Вясновы цыкл каляндарнай абраднасці в. Балоты Кобрынскага раёна: спробы палявых даследаванняў	245
Лавшук В. В. Вклад Кристофера Рена в архитектурный облик Англии	250
Лутава Д. А. «Белорусские народные рассказы» Восіпа Данілавіча Арлоўскага.....	254
Макоўчык А. В. Метад вуснай гісторыі ў даследаванні штодзённасці	258
Савчук А. Н. Роль женщин в знаменитых археологических открытиях	263
Таганова О. Х. Обычай <i>adaglamak</i> в туркменском обществе: Трансформация традиции	268
Шекро И. В., Слюсарь Н. Ю. Социокультурные особенности проектирования городского пространства	271

1000-ГАДОВАЯ ГІСТОРЫЯ БРЭСТА: АД СТАРАЖЫТНАСЦІ ДА СУЧАСНАСЦІ

У 2019 г. праходзіць шырокамаштабнае святкаванне 1000-годдзя Брэста. А першыя ўрачыстыя юбілейныя святкаванні былі звязаны з 950-годдзем горада. Пры гэтым трэба адзначыць, што першапачаткова планавалася той юбілей адзначыць яшчэ ў 1967 г. Паводле пратакола пасяджэння бюро Брэсцкага абкама партыі ад 13 лютага 1967 г., па прапанове Брэсцкага гаркама КПБ і гарсавета абкам партыі хадайнічаў перад ЦК КПБ аб дазvole на *“проведение в мае 1967 года празднования 950-летия города Бреста”* ў сувязі з тым, што *“в 1967 году исполняется 950 лет со времени первого летописного упоминания о городе Бресте”* [9, арк. 17]. Афіцыйнага разгляду гэтага пытання ў ЦК КПБ не было. Станоўчага адказу адтуль не атрымалі. На наш погляд, на гэта паўплывалі наступныя акалічнасці: па-першае, ішлі навуковыя спрэчкі адносна першага летапіснага згадвання Бярэсця (1017 ці 1019 г.), якія працягваюцца і цяпер; па-другое, на май 1967 г. былі запланаваны ўрачыстасці да 900-годдзя Мінска. У верасні 1968 г. Брэсцкі гаркам партыі ізноў прапанаваў правесці святкаванне 950-годдзя Брэста – ужо 17 верасня 1969 г. Паводле пратакола пасяджэння Брэсцкага абкама партыі ад 13 студзеня 1969 г., такое рашэнне абгрунтаўвалася тым, што *“в 1969 году исполняется 950 лет со времени первых летописных упоминаний о существовании города Бреста”* [10, арк. 19–20]. Пасля абмеркаванняў у гарвыканкаме, гаркаме і абкаме партыі нарэшце на пасяджэнні бюро Брэсцкага абкама 20 сакавіка 1969 г. канчаткова было прынята рашэнне аб правядзенні святкавання 950-годдзя горада 23–25 мая 1969 г. [11, арк. 83].

На карысць менавіта 1019 г. як пачатку летапіснай гісторыі Брэста паўплывалі вынікі археалагічных раскопак пад кіраўніцтвам П. Ф. Лысенкі, якія праводзіліся на працягу 1969–1981, 1988 гг. на месцы гарадзішча. У 1982 г. быў адкрыты археалагічны музей “Бярэсце” – адзіны ў свеце музей сярэдневяковага ўсходнеславянскага горада, які размешчаны на месцы гарадзішча старажытнага Бярэсця. Сярод унікальных шэдэўраў, знойдзеных пры раскопках, варта адзначыць самшытавы грэбень з выразанымі 13 літарамі кірыліцы.

Аднак вытокі горада бяруць пачатак яшчэ ў другой палове X ст. Пра гэта сведчаць праведзеныя археалагічныя даследаванні згаданага П. Ф. Лысенкі ў 2006 г. Паводле яго высноў, па часе ўзнікнення Бярэсце з’яўляецца трэцім старажытным горадам на тэрыторыі Беларусі пасля Полацка (862 г.) і Турава (980 г.).

Старажытны горад Бярэсце паўстаў у месцы зліцця рэк Заходні Буг і Мухавец, на скрыжаванні гандлёвых шляхоў. Ужо ў першыя стагоддзі яго гісторыі склалася традыцыйная структура сярэдневяковага горада, якая ўключала дзяцінец і навакольны горад. З 1182 г. у польскіх хроніках узгадваўся Берасцейскі замак.

Зыходзячы з горадабудаўнічых традыцый і дасягненняў, планіроўкі горада, узвядзення буйных фартыфікацыйных умацаванняў (крэпасці), гісторыя Брэста ўмоўна падзяляецца на два храналагічныя адрэзкі: X–XI стст. – 30-я гг. XIX ст. (старажытнае Бярэсце, сярэдневяковы горад) і 40-я гг. XIX ст. – пачатак

XXI ст. (новы Брэст). Рубяжом паміж імі стала ўзвядзенне Брэсцкай крэпасці і будаўніцтва гарадскіх аб'ектаў на новым месцы – на фарштатах крэпасці. З 40-х гг. XIX ст. горад развіваўся пераважна за кошт пашырэння тэрыторыі Кобрынскага фарштата.

У сваю чаргу, зыходзячы з уваходжання Брэста ў склад розных дзяржаўна-палітычных і адміністрацыйна-тэрытарыяльных утварэнняў, можна вылучыць найбольш значныя перыяды ў яго гісторыі: у складзе старажытнарускіх княстваў, ВКЛ, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі, Польшчы паміж Першай і Другой сусветнымі войнамі, у межах БССР, у незалежнай Рэспубліцы Беларусь.

З XI ст. да сярэдзіны XII ст. Бярэсце ўваходзіла ў склад Тураўскага княства. У 1044 г. горад увайшоў ва ўладанні кіеўскага князя Яраслава Мудрага (Кіеўскае княства). Любечскі з'езд князёў 1097 г. замацаваў Бярэсце за тураўскім князем Святаполкам Ізяславічам, г. зн. пакінуў у складзе Тураўскага княства. З другой паловы XII ст. горад уваходзіў у склад Уладзіміра-Валынскага княства. Польскія князі рабілі неаднаразовыя ваенныя паходы, каб завалодаць горадам. Паводле Вялікай хронікі XIV ст., у 1179 г. польскі князь Казімір II Справядлівы ўзяў у кіраванне Бярэсце. У 1182 г. адбыўся чарговы паход Казіміра II на Бярэсце. У 1199 г. гэта быў горад Галіцка-Валынскага княства.

Бярэсце было ўключана ў склад ВКЛ у пачатку XIV ст. пры вялікім князі Віцені ў 1315 г. (паводле іншай версіі – пры вялікім князі Гедыміне ў 1319 г.). З 1320-х гг. было “вотчынай” князя Гедыміна ў складзе галіцка-валынскіх зямель. Яго спадчыннікі – сыны Альгерд і Кейстут – у 1345 г. падзялілі ВКЛ на Віленскую і Трокскую паловы. Бярэсце ўвайшло ў Трокскую палову Кейстута і яго нашчадкаў. Берасцейскай воласцю кіраваў намеснік вялікага князя. Польскі кароль Казімір III у ходзе вайны за галіцка-валынскую спадчыну ў 1349 г. некалькі месяцаў часова займаў Бярэсце. Паводле дамовы аб перамер'і 1350 г., Берасцейская зямля засталася ў складзе ВКЛ. Бярэсце і замак належалі Кейстуту да яго смерці ў 1382 г. У 1384 г. сын Кейстута Вітаўт атрымаў у кіраванне Гарадзенскае княства і Берасцейскую зямлю. Пасля Крэўскай уніі 1385 г. Бярэсце стала буйным адміністрацыйным і гандлёва-рамесным цэнтрам. Горад Бярэсце як былы надзел Кейстутавічаў быў далучаны Вітаўтам да вялікакняжацкага дамену.

Бярэсце першым з беларускіх гарадоў атрымала Магдэбургскае права. 15 жніўня 1390 г. у Кракаве мяшчане Бярэсця атрымалі прывілей польскага караля Уладзіслава II Ягайлы аб наданні гораду Магдэбургскага права (пасля яно неаднаразова пацвярджалася). Органам гарадскога самакіравання быў магістрат, які складаўся з рады (савета) і лавы. Узначальваў магістрат войт, які прызначаўся вялікім князем. Рада выбіралася штогод на агульным сходзе мяшчан, яе ўзначальвалі 1–2 бурмістры з ліку радцаў. Бурмістру і гарадской радзе падпарадкоўвалася адміністрацыя горада. У магістрат адбіраліся радцы (члены рады) і лаўнікі. Лаўнікі разам з войтам складалі войтаўска-лаўніцкі суд, які разбіраў крымінальныя справы, маёмасныя спрэчкі.

З 1413 г. Бярэсце стала цэнтрам Берасцейскага староства ў складзе Трокскага ваяводства. У грамаце вялікага князя Казіміра за 1444 г. сярод

15 “лепшых” (галоўных) гарадоў ВКЛ названа і Бярэсце [4, с. 332]. У 1517 г. са складу Троцкага ваяводства выдзелена Падляшска-Берасцейскае (Падляшскае) ваяводства. У 1520 г. Бярэсце стала цэнтрам Берасцейскага павета ў складзе Падляшскага ваяводства. У ходзе адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэформы ў ВКЛ у 1566 г. створана Берасцейскае ваяводства (цэнтр – горад Бярэсце). Берасцейскае ваяводства падзялялася на Берасцейскі (у яго ўвайшлі былыя Берасцейскі і Камянецкі паветы) і Пінскі (уключаны былыя Пінскае, Кобрынскае, Тураўскае, Давыд-Гарадоцкае, Дубровіцкае княствы). Першым берасцейскім ваяводам быў Ю. Тышкевіч.

Важнай падзеяй культурнага жыцця старажытнага Бярэсця было выданне Бібліі (Берасцейскай Бібліі, Радзівілаўскай Бібліі), якая з’яўляецца помнікам польскамоўнага кнігадрукавання. Кніга, што ўтрымлівала поўны пераклад Бібліі на польскую мову, была выдадзена 4 верасня 1563 г. у друкарні ў Бярэсці па загаду і пры фінансавай падтрымцы (10 тыс. дукатаў) берасцейскага старасты князя Мікалая Радзівіла (мянушка “Чорны”), аднаго з кіраўнікоў кальвіністаў у ВКЛ. У перакладзе ўдзельнічалі запрошаныя з Малой Польшчы кальвінісцкія тэолагі, сярод якіх Ян Ласкі (яго лічаць ініцыятарам выдання), Рыгор (Гжэгаж) Орсавіуш (Оршак), Францыск Сканкор, Пётр Статорыус (Стоіньскі), Андрэй Тшэцецкі, Георг Шоман, Якуб Любельчык, Францішак Лізманин, Бернард Охін. У падрыхтоўцы выдання ўдзельнічаў буйны арыянскі тэолаг Павел з Бжэзін. Магчыма, друкаваннем займаўся кіраўнік Берасцейскай друкарні Ц. Базылік. Кніга была буйнейшым друкаваным выданнем ВКЛ XVI–XVIII стст. і выдадзена фарматам “у аркуш”, яе аб’ём складаў 738 старонак [6, с. 176–181]. Упершыню ў гісторыі кнігадрукавання на Беларусі змешчаны прадметны паказальнік. Наклад выдання Брэсцкай Бібліі складаў ад 500 да 1000 асобнікаў. Пашыраным з’яўляецца меркаванне, што ў час Контррэфармацыі Біблія знішчалася па загаду Мікалая Крыштафа Радзівіла (мянушка “Сіротка”) і была ўключана Рымска-каталіцкай царквой у індэкс забароненых кніг, але Віленскі сінод 1617 г. пастанавіў, каб яна была пры кожным кальвінісцкім зборы ВКЛ. Аднак культуролаг А. Суша абвяргае тое, што гэтая Біблія знішчалася сынамі М. Радзівіла Чорнага. Паводле некаторых ацэнак, у свеце захаваліся 130 экзэмпляраў кнігі, у т. л. у Беларусі – адзін у Мінску (у Цэнтральнай навуковай бібліятэцы імя Я. Коласа НАН Беларусі) і адзін у Брэсце. 6 верасня 2019 г. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка падараваў жыхарам г. Брэста да 1000-гадовага юбілею ўнікальны экзэмпляр Брэсцкай Бібліі (захоўваецца ў Музеі гісторыі горада Брэста), а таксама фрагмент выдання ў сектары рэдкай кнігі Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага. У 2019 г. рэалізаваны праект Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, Выдавецкага дома «Сегмент» і ЗАТ “Белнафтастрах” па вырабу факсімільнага выдання Брэсцкай Бібліі. Экзэмпляры факсімільнага выдання перададзены бібліятэкам і музеям г. Брэста. У 2017 г. на перакрываванні вуліц Пушкінскай і Кірава каля Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага ў гонар 500-годдзя беларускага кнігадрукавання ўсталяваны памятны знак Брэсцкай Бібліі (скульптар – А. Нічыпарук).

Памежнае становішча Брэста прадвызначыла на працягу ўсёй яго 1000-гадовай гісторыі поліэтнічны, поліканфесійны характар яго культурнай спадчыны. З глыбокай старажытнасці да сучаснасці тут перапляліся традыцыі і звычаі беларускага, польскага, яўрэйскага, рускага, украінскага і іншых народаў, хрысціянскія (праваслаўныя, каталіцкія, пратэстанцкія) і нехрысціянскія (іудаізм) каштоўнасці.

У склад Рэчы Паспалітай, створанай паводле заключанай 1 ліпеня 1569 г. Люблінскай уніі, увайшло і Берасцейскае ваяводства ВКЛ. З сярэдзіны XVII ст. у дакументах горад усё часцей называецца Брэстам Літоўскім. Хоць вальны сейм Рэчы Паспалітай 1776 г. адмяніў Магдэбургскае права ў шэрагу гарадоў і мястэчак, аднак Брэст захаваў гэтае права.

Адной са значных падзей стала Брэсцкая унія 1596 г. Сабор прыхільнікаў уніі адкрыўся ў Брэсце 6 кастрычніка 1596 г. На ім прысутнічалі папскія паслы, прадстаўнікі караля Рэчы Паспалітай, мітрапаліт, 5 з 7 епіскапаў, дзяржаўныя дзеячы – ваявода Мікалай Крыштаф Радзівіл, канцлер ВКЛ Леў Сапега. Акт уніі быў прыняты 8 кастрычніка 1596 г. Сутнасць уніі заключалася ў прыняцці каталіцкага веравучэння і пераходзе ў падпарадкаванне рымскаму папе з адначасовым захаваннем набажэнства візантыйскай літургічнай традыцыі на царкоўнаславянскай мове. Брэсцкая унія прывяла да ўзнікнення на тэрыторыі Рэчы Паспалітай уніяцкай царквы. Падпісанне Брэсцкай уніі 1596 г. абвастрыла міжканфесійную сітуацыю на беларускіх землях [4, с. 540].

Пасля 3-га падзелу Рэчы Паспалітай (1795 г.) Брэст-Літоўск увайшоў у Расійскую імперыю як павятовы горад Слонімскай губерні (у 1797 г. – Літоўскай губерні, у 1801 г. – Гродзенскай губерні, у складзе якой знаходзіўся да жніўня 1915 г.). Царскія ўлады запаволена і непаслядоўна праводзілі палітыку па ўніфікацыі беларускага гарадскога самакіравання з агульнарасійскім. Новая сістэма гарадскога самакіравання знаходзілася ў падпарадкаванні і пад кантролем адміністрацыі ўсіх узроўняў. Непасрэдна за стан горада адказвалі граданачальнік і паліцмайстар, якім падпарадкоўваліся чыноўнікі і паліцэйскія. Згодна з гарадской рэформай 1870-х гг., уведзены новы ўсесаслоўны орган гарадскога самакіравання – гарадская дума. У Гродзенскай губерні першым павятовым горадам, дзе з'явіліся органы самакіравання, у 1877 г. стаў Брэст-Літоўск.

Будаўніцтва Брэсцкай крэпасці ў 1836–1842 гг. прадвызначыла перанос горада на новае месца (на 2,5 км на ўсход). У 1835 г. на тэрыторыі, адведзенай для крэпасці, поўнасцю забаранілі ўзводзіць жылыя будынкі, а ў 1840 г. вырашана выселіць усіх жыхароў з крэпасці. Культавыя і грамадскія пабудовы XVII–XVIII стст. былі разбураны ці прыстасаваны для ваенных патрэб. Такім чынам, агульнадзяржаўныя інтарэсы Расійскай імперыі сталі дамінуючымі ў параўнанні з асабістымі інтарэсамі жыхароў горада. Яны і прадвызначылі незайдросны лёс сярэдневяковага Бярэсця, перанос горада на новае месца. Далей Брэст-Літоўск развіваўся на 3-х фарштатах крэпасці, пераважна на Кобрынскім. Пачалася яго забудова вакол вуліц Шасейнай (цяпер праспект Машэрава), Мільённай (цяпер вуліца Савецкая) і іншых, якія ўваходзяць у гістарычны цэнтр цяперашняга Брэста.

На працягу ўсёй гісторыі горад вельмі часта падвяргаўся рабаванню і спальванню ў час войн і нападаў захопнікаў. Пасля гэтага даводзілася доўга і напружана працаваць, каб ізноў адраджаць горад. Страты (нярэдка велізарныя па маштабах) ад пажараў былі і ў мірны час. Так, 4–5 мая 1895 г. у Брэсце адбыўся вялікі пажар, у ходзе якога была знішчана ўся цэнтральная частка горада – 1600 дамоў, багадзельня, прыют, 2 бальніцы, 2 вучылішчы, аптэкі, 104 прадуктовыя крамы. 28 красавіка 1901 г. у горадзе ізноў быў вялікі пажар – пацярпела каля 20 тыс. жыхароў.

Чарговыя буйныя страты горад атрымаў у час Першай сусветнай вайны. У жніўні 1915 г. пры адступленні расійскай арміі Брэст быў разбураны. Усяго за вайну былі знішчаны 2500 будынкаў з 3670, 1500 хат з 1700 [3, с. 12]. Горад быў заняты войскамі кайзераўскай Германіі.

У канцы 1917 – пачатку 1918 гг. Брэст-Літоўск быў уключаны ў арбіту вялікай дыпламатыі. З 9 (22) снежня 1917 г. да 3 сакавіка 1918 г. у Брэсцкай крэпасці праводзіліся мірныя перамовы, якія неаднаразова перапыняліся з-за рознагалоссяў бакоў, вострай унутрыпартыйнай і публічнай дыскусіі ў савецкай Расіі, суправаджаліся аднаўленнем ваенных дзеянняў – 18 лютага 1918 г. аўстра-германскія войскі пачалі наступленне і занялі большую частку Беларусі. Паводле ўмоў Брэсцкага мірнага дагавора 27 студзеня (9 лютага) 1918 г., заключанага дзяржавамі Чацвярнага саюза (Германіяй, Аўстра-Венгрыяй, Балгарыяй і Турцыяй) з Украінскай Народнай Рэспублікай, Брэст-Літоўск быў перададзены УНР. А 3 сакавіка 1918 г. у Белым палацы (захаваліся толькі яго руіны) на тэрыторыі крэпасці быў заключаны Брэсцкі (Брэст-Літоўскі) мірны дагавор паміж савецкай Расіяй і краінамі Чацвярнага саюза. У складаных умовах савецкая Расія, якая была няздольнай працягваць ваенныя дзеянні, прыняла нямецкія ўмовы міру. Дагавор складаўся з 14 артыкулаў і розных дадаткаў. Нямецкай акупацыі падлягалі прыбалтыйскія землі (Курляндыя, Ліфляндыя, Эстляндыя) і частка Беларусі. Тэрыторыя Беларусі падзялялася па лініі Дзвінск – Свянцяны – Ліда – Пружаны – Брэст. Расія абавязана была вывесці войска з тэрыторыі Асманскай імперыі, перадаць ёй на Каўказе акругі Карс, Ардаган і Батум. Украіна і Фінляндыя прызнаваліся самастойнымі дзяржавамі. Ад Расіі адыходзіла 26 % тэрыторыі (каля 1 млн 210 тыс. км²) з насельніцтвам 56 млн чалавек (каля трэці насельніцтва еўрапейскай часткі былой Расійскай імперыі). Яна абавязвалася правесці дэмабілізацыю арміі і разбраенне флоту, прыняць рэжым гандлю з Германіяй ад 1904 г. [12, с. 13–17, 19–23].

Чарговы перыяд гісторыі Брэста быў звязаны з адроджанай Польскай дзяржавай. 9 лютага 1919 г. горад занялі польскія войскі. На непрацяглы час – з 1 па 18 жніўня 1920 г. – у Брэсце была ўстаноўлена савецкая ўлада. Паводле Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г., заходнебеларускія землі (у тым ліку Брэст-Літоўск) увайшлі ў склад Польшчы. Брэст-Літоўск (з 1923 г. Брэст-над-Бугам) стаў цэнтрам Палескага ваяводства, у склад якога ўваходзілі Брэсцкі, Драгічынскі, Кобрынскі, Косаўскі (у 1935–1939 гг. – Івацэвіцкі), Лунінецкі, Пінскі, Пружанскі, Столінскі, а таксама населеныя пераважна ўкраінцамі Сарненскі (да 1930 г.) і Камень-Кашырскі паветы. Органы гарадскога

самакіравання пачалі стварацца на заходнебеларускіх землях паводле распараджэння Грамадзянскага кіравання ўсходніх земляў ад 25 чэрвеня 1919 г. Гарадская рада (савет) з'яўлялася прадстаўнічым органам улады ў гарадской гміне. Выканаўчым органам гарадской гміны з'яўляўся магістрат, які ўзначальваў прэзідэнт, яго намеснік (віцэ-прэзідэнт). Як правіла, пасады прэзідэнта горада займалі толькі палякі (у 1930-я гг. пераважна былыя вайскоўцы). У 1929 г. у склад горада былі ўключаны яго прадмесці: Кіеўка, Граеўка і Шпановічы. У 1933 г. замест магістрата выканаўчым органам гарадской гміны стала гарадское ўпраўленне [1, с. 52–57].

У 1921–1939 гг. на сучаснай вуліцы Леніна быў заснаваны новы адміністрацыйны цэнтр. Архітэктарам Ю. Лісецкім узводзіліся жылыя пабудовы калоній “Схроніска”, калоніі Г. Нарутовіча, “Тартак”, “Афіцэрскай калоніі”. Сярод асабнякоў, буйных грамадскіх пабудоў, што ўцалелі да сучаснасці, трэба адзначыць асабнякі Ю. Лісецкага па вуліцы Леванеўскага (цяпер – Музей гісторыі горада) і вуліцы Леніна (зараз музей “Выратаваныя мастацкія каштоўнасці”). У 1925 г. у стылі неакласіцызму архітэктар С. Філясевіч узвёў будынак аддзялення Банка Польшкага (цяпер там размяшчаецца Галоўнае ўпраўленне Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь па Брэсцкай вобласці). У стылі функцыяналізму ў 1938 г. пабудаваны гмах Палескага ваяводскага ўпраўлення (да яго ў 1960-я гг. дабудаваны 2 крылы) – зараз там знаходзіцца Брэсцкі аблвыканкам. Канструктывізм пераважаў у гарадской архітэктуры таго часу.

Непрацяглым быў прамежак часу ад верасня 1939 г. да 22 чэрвеня 1941 г., калі ў горадзе ўсталявалася савецкая ўлада. 22 верасня 1939 г. у Брэсце сфарміравана Часовае кіраванне. З восені 1939 г. у горадзе пачалі праводзіцца палітычныя, эканамічныя, сацыяльна-культурныя пераўтварэнні на савецкай аснове. 4 снежня 1939 г. была ўтворана ў складзе БССР Брэсцкая вобласць з цэнтрам у г. Брэсце.

Няпростымі ў гісторыі горада і крэпасці былі гады Вялікай Айчыннай вайны. На працягу многіх дзесяцігоддзяў савецкага перыяду і ў постсавецкі час абарона Брэсцкай крэпасці ў чэрвені – ліпені 1941 г. была і застаецца сімвалам стойкасці і мужнасці абаронцаў Айчыны. Нягледзячы на велізарныя людскія страты, абаронцы здолелі аб'яднаць свае намаганні. 24 чэрвеня 1941 г. быў падрыхтаваны загад № 1, утворана зводная баявая група на чале з капітанам І. Зубачовым, палкавым камісарам Я. Фаміным. З захопам Усходняга форта арганізаваная абарона Брэсцкай крэпасці скончылася, аднак у асобных казематах працягвалася змаганне – маёр П. Гаўрылаў трапіў у варожы палон толькі 23 ліпеня 1941 г.

Пра гэтую старонку ваеннай гісторыі ў СССР і за мяжой даведаліся дзякуючы старанням савецкага пісьменніка Смірнова Сяргея Сяргеевіча, лаўрэата Ленінскай прэміі, які прысвяціў вывучэнню абароны Брэсцкай крэпасці і пошуку яе абаронцаў 10 гадоў жыцця. 8 мая 1965 г. ёй было прысвоена званне “Крэпасць-герой”, уручаны ордэн Леніна і медаль “Залатая Зорка”. Больш за 200 удзельнікаў абароны былі ўзнагароджаны медалямі і ордэнамі. А 25 верасня 1971 г. на тэрыторыі крэпасці быў адкрыты мемарыяльны комплекс “Брэсцкая

крэпасць-герой”, у стварэнні якога прымала ўдзел група вядомых майстроў манументальнага мастацтва: архітэктары У. Кароль, В. Волчак, В. Занковіч, скульптары У. Кібальнікаў, А. Бембель, У. Бабыль і інш. Мемарыяльны комплекс “Брэсцкая крэпасць-герой” цяпер з’яўляецца адным з самых наведвальных аб’ектаў гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі.

Тут дарэчы будучы словы прывітальнай тэлеграмы пісьменніка С. Смірнова (май 1969 г.), якія не страцілі сваёй актуальнасці: *“Годы работы над историей обороны крепости-героя Бреста превратили меня в брестчанина, одного из патриотов вашего замечательного города. Каждый раз, бывая у вас, люблюсь тем, как растёт и хорошеет ваш дорогой мне город. Желаю Вам, дорогие мои земляки-брестчане, новых успехов во всех областях вашей многосторонней деятельности. Пусть ещё краше, шире и зеленее становится ваш город – парадный подъезд нашей великой Родины. Пусть молодое поколение брестчан свято хранит в своей памяти великий подвиг защитников крепости-героя ...”* [14].

У час нямецка-фашысцкай акупацыі ў 1941–1944 гг. Брэст з большай часткай Брэсцкай вобласці быў уключаны ў склад рэйхскамісарыята “Украіна”. У лютым 1944 г. горад быў перададзены ў генеральную акругу “Беларусь” рэйхскамісарыята “Остланд”. Адносна мясцовага насельніцтва акупацыйныя ўлады ажыццяўлялі гвалт і генацыд. Адною з самых страшных падзей стала знішчэнне яўрэйскага гета ў Брэсце 15–18 кастрычніка 1942 г. На старонцы ў кнізе ўліку насельніцтва г. Брэста аб колькасці жыхароў па нацыянальнасці на 15, 16 і 17 кастрычніка 1942 г. была закрэслена лічба аб колькасці яўрэйскага насельніцтва (16 934 чалавекі) і пастаўлены прочырк [2, с. 281]. З усёй брэсцкай яўрэйскай абшчыны выратаваліся адзінкі людзей.

Пасля вызвалення Брэста ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў 28 ліпеня 1944 г. пачалося аднаўленне савецкіх і партыйных органаў улады. У 1944–1991 гг. у горадзе размяшчаліся кіруючыя структуры абласнога, раённага і гарадскога ўзроўняў: Брэсцкі абкам, райкам і гарвыканкам КПБ, Брэсцкі аблвыканкам, райвыканкам і гарвыканкам і інш. У 1954 г. у склад Брэсцкай вобласці ўвайшлі адміністрацыйныя раёны скасаваных Пінскай і часткі Баранавіцкай абласцей. У 1978 г. у Брэсце былі створаны два адміністрацыйна-тэрытарыяльныя раёны – Ленінскі і Маскоўскі, якія працягваюць існаваць і цяпер.

Пасляваенныя дзесяцігоддзі былі насычаны мірнай і стваральнай працай жыхароў горада. Да 1969 г., калі адзначалася 950-годдзе Брэста, горад ператварыўся ў буйны прамысловы і культурны цэнтр. Аб дынаміцы народанасельніцтва сведчаць звесткі з табліцы 1. Да таго часу былі адноўлены і пабудаваны 33 прамысловыя прадпрыемствы, у горадзе паўсталі новыя галіны прамысловасці: электратэхнічная, прыладабудаванне, тэкстыльная. У сувязі з 50-годдзем БССР і КПБ у студзені 1969 г. горад быў узнагароджаны Ганаровым сцягам, а вялікая група рабочых і служачых адзначана ордэнамі і медалямі. Паводле генеральнага плана 1965 г., прадугледжвалася далейшае развіццё Брэста ва ўсходнім напрамку. Там ужо ўзводзіўся ўсходні прамысловы раён, разгарнулася будаўніцтва мікрараёна “Усход”. У 1969 г. галоўны архітэктар

Брэста А. Гарбачоў такім бачыў горад у 2000 г.: *“Исчезнут переулки, расширятся улицы ... Город, конечно, потянется к солнцу – появится новый микрорайон на южном берегу Мухавца. Гостеприимством, благоустроенными отелями, удобными видами транспорта наш город с каждым годом будет всё больше и больше привлекать внимание туристов”* [8].

Табліца 1 – Дынаміка росту насельніцтва Брэста ў XIV–XXI стст.

Год	Колькасць жыхароў
1390	каля 5 тыс. чал.
1861	20,9 тыс. чал.
1897	46,6 тыс. чал.
1913	57,3 тыс. чал.
1939	41,4 тыс. чал.
1959	73,6 тыс. чал.
2018	347,6 тыс. чал.

Разгорнутае ў пасляваенныя дзесяцігоддзі прамысловае і жыллёвае будаўніцтва прывяло да пашырэння тэрыторыі горада. У 1958 г. у гарадскую рысу Брэста ўключылі 9 прыгарадных сельскіх населеных пунктаў: Адамкова, Бярозаўка 1-я, Бярозаўка 2-я, Ковалёва, Лысая Гара, пасёлак Паўднёвы, пасёлак цагельнага завода № 22, пасёлак мясакамбіната, Соя. У 1968 г. у гарадскую мяжу ўвайшло 7 вёсак: Бярозаўка, Вулька-Падгародская, Гузні, Кацельня-Падгародская, Крушына, Рэчыца, Трышын. У 1979 г. у гарадскую мяжу ўключаны яшчэ 3 вёскі: Дуброўка, Кацін Бор, Пугачова [13, с. 465–474].

З 1991 г. ва ўмовах дзяржаўнага суверэнітэту Рэспублікі Беларусь Брэст з’яўляецца цэнтрам Брэсцкай вобласці. У 2007 г. у гарадскую мяжу былі ўключаныя 11 прыгарадных сельскіх населеных пунктаў: Аркадзія, Бярнады, Вычулкі, Гершоны, Казловічы, Кацельня-Баярская, Міцькі, Машчонка, Новыя Задворцы, Плоска, Старыя Задворцы.

Паспяхова пераадолеўшы ў 1990-я гг. – пачатку XXI ст. усе цяжкасці на шляху рэфармавання і мадэрнізацыі, цяпер упэўнена развіваюцца флагманы прамысловасці г. Брэста: ААТ “Савушкін прадукт”, СП “Санта Брэмар”, Брэсцкі мясакамбінат, СП ААТ “Брэстгазаапарат”, Брэсцкі панчошны камбінат, Брэсцкі лікёра-гарэлачны завод “Белалка”, “СТіМ”, ААТ “Брэсцкі электратэхнічны завод”, “Брэсцкі электралямпавы завод”, “Берасцейскі пекар” і інш. Выпускаемая імі прадукцыя мае высокую канкурэнтаздольнасць у краіне і за мяжой.

Брэст застаецца буйным міжнародным транспартным вузлом. Вялікі аб’ём грузавых і пасажырскіх перавозак ажыццяўляе Брэсцкае аддзяленне Беларускай чыгункі. Значныя транспартныя паслугі аказваюць аўтавакзал, рачны порт “Брэст”, аэрапорт, шматлікія транспартныя арганізацыі.

Па даручэнні і пры падтрымцы Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі была разгорнута маштабная работа па будаўніцтве і добраўпарадкаванні горада. *“Брэст должен стать цветущим и красивым городом, в котором комфортно живется, хорошо отдыхается. Каждый*

руководитель должен понимать, что когда-нибудь он тоже станет пенсионером и за руку с внуками пойдет по этому городу. А по каким улицам мы поведем своих внуков? Надо для себя, для своих детей сделать город красивым и ухоженным. Населенный пункт, в котором мы живем, это ведь наш общий дом и наводить порядок в нем нужно сообща”, – заявіў кіраўнік дзяржавы 31 сакавіка 2004 г. на сесіі Брэсцкага абласнога Савета дэпутатаў [7]. Забудова праводзілася і працягваецца цяпер у адпаведнасці з генеральным планам г. Брэста 2003 г. (у рамках яго развіцця быў распрацаваны і зацверджаны ў 2019 г. горадабудаўнічы праект). У 2017–2018 гг. распрацавана Стратэгія прасторавага развіцця “Брэст-2050”.

Пастаянна ажыццяўляецца планамерная дзейнасць па развіцці сацыяльнай сферы. У 1995 г. Брэсцкі дзяржаўны педагагічны інстытут імя А. С. Пушкіна, гісторыя якога пачалася яшчэ ў 1945 г. з заснавання Брэсцкага настаўніцкага інстытута, быў пераўтвораны ў Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна. У 2001 г. у ім быў створаны Інстытут павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кіруючых работнікаў і спецыялістаў. У 2000 г. Брэсцкі політэхнічны інстытут, заснаваны ў 1966 г. як інжынерна-будаўнічы інстытут, быў пераўтвораны ў Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт. У 2005 г. на базе Аддзела праблем Палесся створаны Палескі аграрна-экалагічны інстытут НАН Беларусі.

Дынамічна развіваецца сярэдняя і сярэдняя спецыяльная адукацыя, адкрыты цэлы шэраг новых навучальных устаноў. З 1990 г. паспяхова дзейнічае ліцэй № 1 імя А. С. Пушкіна. Занялі годнае месца і гімназіі: № 1 (1992 г.), № 2, № 3 (1993 г.), № 4 (1995 г.), № 5 (1999 г.), № 6 г. імя Маршала Савецкага Саюза Г. К. Жукава (2003 г.). У 2003 г. для адораных навучэнцаў створаны Брэсцкі дзяржаўны абласны агульнаадукацыйны ліцэй (у 2005 г. яму прысвоена імя П. М. Машэрава). У 2014 г. у Паўднёва-Заходнім мікрараёне № 4 адкрыта новая сярэдняя школа № 1 на 1120 вучняў.

Брэстчына славіцца сваімі спартыўнымі дасягненнямі. Пачынаючы з 1960 г., скарбонку алімпійскіх медалёў Брэстчыны папоўнілі С. Макаранка, Л. Гейштар, Б. Ісачанка, Ю. Несцярэнка, Н. Гелах, Ю. Бічык, Н. Сазановіч, С. Мартынаў, А. Бацюшка і іншыя спартсмены. У Брэсце створаны буйныя сучасныя спартыўныя аб’екты высокага класа для правядзення спаборніцтваў міжнароднага ўзроўню: Брэсцкі абласны цэнтр алімпійскага рэзерву па веславанні (вяслярны канал), Брэсцкі абласны цэнтр алімпійскага рэзерву па гульніх відах спорту “Вікторыя”, Брэсцкі абласны цэнтр алімпійскага рэзерву па водных відах спорту, лёгкаатлетычны манеж, лядовы палац і інш. Цяпер прафесіяналы і аматары спорту ў Беларусі і за мяжой добра ведаюць футбольны клуб “Дынама-Брэст”, гандбольны клуб “БГК імя А. П. Мяскова”.

Брэст з’яўляецца цэнтрам культурнага жыцця не толькі рэспубліканскага, але і міжнароднага значэння. У 2015 г. горад з’яўляўся культурнай сталіцай Беларусі, а ў 2019 г. стаў культурнай сталіцай СНД. Сталі вядомымі далёка за межамі Беларусі міжнародныя фестывалі, што праводзяцца ў Брэсце: Міжнародны фестываль класічнай музыкі “Студзеньскія музычныя вечары”

(з 1988 г.), Міжнародны фестываль тэатральнага мастацтва “Белая вежа” (з 1996 г.) і іншыя творчыя праекты. У горадзе беражліва захоўваюцца культурныя традыцыі. Дасягненні брэсцкіх тэатраў, бібліятэк, музеяў знайшлі заслужанае прызнанне з боку дзяржавы, айчыннай і замежнай грамадскасці. У 1992–1997 гг. брэсцкі мастак-эмальер М. Кузьміч займаўся аднаўленнем духоўнай святыні – Крыжа прападобнай Еўфрасінні Полацкай. 25 ліпеня 2009 г. у Брэсце на скрыжаванні вуліц Савецкай і Гоголя быў адкрыты помнік да 1000-годдзя горада з анёлам-захавальнікам на вяршыні і 6 скульптурамі (князя Уладзіміра Васількавіча, Вітаўта, М. Радзівіла Чорнага, алегарычнымі фігурамі маці, летапісца і салдата). Аўтарамі помніка з’яўляюцца скульптар А. Паўлючук і архітэктар А. Андраюк.

Наогул, на працягу 1000-гадовай гісторыі Брэст перажываў росквіт і заняпад, меў багатыя здабыткі і значныя страты, з’яўляўся прыдатным месцам для ўзаемадзеяння розных рэлігій, народаў. Шматлікія войны, пажары, эпідэміі і іншыя бедствы былі пастаяннымі і бязлітаснымі спадарожнікамі ў гісторыі Брэста. Нягледзячы на гэта, горад унёс вялікі ўклад у айчынную і сусветную гісторыю, культуру. Многія лёсавызначальныя падзеі міжнароднага значэння былі звязаны з Брэстам у мінулым. Дабрабыт і слава Брэста працягваецца плённай і стваральнай працай калектываў прадпрыемстваў і ўстаноў, талентам, ведамі, майстэрствам і вопытам людзей розных пакаленняў і прафесій, нацыянальнасцяў і веравызнанняў, ашчадным захаваннем і памнажэннем найлепшых традыцый. Таму 1000-гадовая гісторыка-культурная спадчына Брэста з’яўляецца добрай натхняльнай асновай для яго цяперашняга і будучага развіцця.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
2. Брест в 1941–1944 гг. Оккупация : док. и материалы. – Брест : Альтернатива, 2016. – 316 с.
3. Вабішчэвіч, А. Крэпасць і горад Брэст-Літоўск у час Першай сусветнай вайны паводле сведчанняў відавочцаў / А. Вабішчэвіч // Беларус. гіст. часопіс. – 2015. – № 8. – С. 5–13.
4. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экоперспектива, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – 688 с.
5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экоперспектива, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 613 с.
6. Гісторыя беларускай кнігі : у 2 т. / М. В. Нікалаеў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1 : Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага. – 423 с.
7. Глава государства принял участие в сессии Брестского областного Совета депутатов и представил на утверждение нового губернатора Брестской области Константина Сумара. – Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/glava-gosudarstva-prinjal-uchastie-v-sessii-brebstskogo-oblastnogo-soveta-deputatov-i-predstavil-na-1972/. – Дата доступа: 15.04.2019.

8. Горбачев, А. Заглянем в 2000-й / А. Горбачев // Заря. – 1969. – 24 мая. – С. 3.
9. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 1-п. Воп. 22. Спр. 23.
10. ДАБр. – Ф. 1-п. Воп. 28. Спр. 17.
11. ДАБр. – Ф. 1-п. Воп. 28. Спр. 21.
12. Март 1918 года. На изломе истории ... : материалы междунар. науч.-практ. конф. исслед., преподавателей, музейн., библиотеч. и арх. работников, Брест, 14–15 марта 2018 г. ; редкол.: Г. Г. Бысюк [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2018. – 124 с.
13. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Брэста : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – Кн. 2. – 687 с.
14. Сердечные поздравления // Заря. – 1969. – 24 мая. – С. 1.

*А. М. Вабішчэвіч,
загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў,
доктар гістарычных навук, прафесар*

Раздел 1
БРЕСТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94(476)

Д. О. Делендик, Е. С. Король (Беларусь, Брест, БрГТУ)

Научный руководитель – Л. Ю. Малыгина, канд. ист. наук, доцент

**ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ «БРЕСТ-ЦЕНТРАЛЬНЫЙ»
В ПЕРИПЕТИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**

В статье рассматривается судьба Брестского железнодорожного вокзала на фоне различных исторических событий конца XIX – начала XXI в. Упоминаются знаменитые гости вокзала: императоры Александр III и Николай II, В. И. Ленин, И. В. Сталин и др. Делается вывод о том, что станция «Брест-Центральный» является важной исторической достопримечательностью нашего города.

Для каждого города вокзал – особое и очень важное место. Здание вокзала – это первое и последнее, что видит гость города. Здание Брестского вокзала – визитная карточка не только города, но и всей Беларуси, уникальное и одно из самых красивых сооружений в нашей стране. 28 мая 2019 г. нашему вокзалу исполнилось 133 года. В его стенах творилась сама история, по перрону вокзала проходили одни из самых знаменитых людей своего времени, его разрушали и отстраивали вновь, восхищались его архитектурной идеей. Однако стоит признать, что очень мало людей нашего поколения знает о его богатом прошлом. Многие факты точно вызвали бы удивление и гордость. К великим и трагическим событиям истории вокзал соприкасался порой невольно, когда в его залах, на перроне появлялись знаковые фигуры мировой истории или когда здесь, в стратегически важном месте пограничья, происходили встречи на высшем дипломатическом уровне.

Первый вокзал Варшавско-Тереспольской железной дороги на площадке за пересечением улиц Петровской и Никольской (Карбышева и Куйбышева) с улицей Садовой (Орджоникидзе) действовал с 1 ноября 1869 г. До наших дней это здание не сохранилось [9]. После открытия движения по новым магистралям он не справлялся с возрастающим потоком пассажиров и грузов. Новый Брест-Литовский вокзал создавался как один из лучших в Российской империи. Он решал сразу несколько железнодорожных задач того времени: объединил все дороги, которые шли через город, и соединил Москву с Варшавой.

С помощью создателя и хранителя вокзального музея С. Т. Шпудейко, в прошлом – приемосдатчик и помощник начальника вокзала, во время подготовки к столетию Белорусской железной дороги в архивах нашли телеграмму, которую отправили в день открытия пассажирского здания – 28 мая 1886 г. [2]. Она была составлена инженером Василевским и начальником службы ремонта путей Лямыным из Жабинки, где в то время было сосредоточено техническое оборудование, и гласила о том, что: «После

молебствия сего числа с двух часов дня последовала перемена движения на новые пути и открытие для публики пассажирского здания Брестской центральной станции». Первым начальником Брестского вокзала в 1870–1885 гг. был Людвиг Александрович Страшевич. Всего за прошедшее до наших дней время вокзалом руководили 18 человек.

В конце августа – сентябре 1886 г. на ревизию войск в Брест-Литовск прибыл российский император Александр III (1881–1894 гг. правления) с супругой Марией Федоровной и сыном Николаем. Его местом была Беловежская пуца, где он охотился. Около Брест-Литовска в это время проводились маневры Виленского и Варшавского военных округов, в которых участвовал Углицкий полк.

В антикварном номере журнала «Всемирная иллюстрация» за 1886 г. можно найти описание этого события: «В пятницу, 29-го августа, {...} в 11 часов утра Их Императорския Величества с Их Императорскими Высочествами прибыли на центральную станцию Бресть-Литовска, где вокзал был изящно украшен флагами, гирляндами зелени, вензелями Их Величеств и транспарантами. На станции Их Величества были встречены виленским генерал-губернатором, гродненским губернатором и высшими военными лицами. На дебаркадере Их Величества были приветствуемы депутациею от города Бресть-Литовска, во главе с городским головою, который поднес Государю Императору и Государане Императрице хлеб-соль на серебряном вызолоченном блюде; тут же представилась Их Величествам депутация с хлебом-солью от крестьян 1-го мирового участка Брест-Литовскаго уезда. Затем Государь Император и Государыня Императрица прошли в залу, где Их Величествам представились губернский и уездные предводители дворянства, поднесшие хлеб-соль на серебряном вызолоченном блюде; Ея Величеству здесь представились дамы, поднесшие Государыне Императрице несколько букетов цветов» [3]. Со станции члены царской семьи под восторженные приветствия народа отправились к крепости.

Здание железнодорожной станции располагалось на северной окраине города, возле рабочего поселка Граевка, который возник в 1870-е гг. во время строительства участка пути «Брест – Белосток» Московско-Варшавской железной дороги. По воспоминаниям управляющего Юго-Западных железных дорог С. Витте, 29 августа 1886 г. император «проехал прямо на станцию Юго-Западных железных дорог, лежащую к северу от Бреста и находящуюся недалеко от него. Там он остановился в замке одного помещика поляка около станции...» [1].

На вокзале Брест-Литовска император Александр III также встретился с наследником германского престола Вильгельмом, что свидетельствовало о дружественных взаимоотношениях с Германской империей на тот момент. После окончания официальной церемонии при встрече внука германского кайзера Вильгельма I Гогенцоллерна на перроне с почетным караулом царь обернулся к казаку, который держал шинель императора и громко закричал: «Дай шинель!» Тогда Вильгельм-младший, немного понимавший русский язык, подбежав к казаку, взял у него шинель и надел ее на плечи ошеломленному

императору Александру [5]. Долгое время эти одновременно символические и курьезные факты истории оставались неизвестны.

В 1888 г. на Брестском железнодорожном вокзале впервые в Российской империи было оборудовано электрическое освещение как самого здания, так и перронов. Это было очередным свидетельством того, что вокзалу, обеспечивавшему транзит из Москвы в Варшаву, изначально придавали высокое значение.

Считается, что в июле 1900 г. [2] или в июле 1890 г. [8] через железнодорожную станцию Брест-Литовск на пути в эмиграцию или для издания газеты «Искра» в Германии проезжал революционер В. И. Ульянов (Ленин) – идейный враг самодержавия и будущий лидер Советской России. Не все верят, что документальному подтверждению из Института марксизма-ленинизма можно доверять, но именно этому главному революционеру и коммунисту советской эпохи на фасаде здания была установлена памятная доска.

По иронии судьбы, в июле 1900 г. первый раз город посещал последний представитель дома Романовых Николай II, которого ленинское правительство приговорит к расстрелу в 1918 г. В Центральном государственном архиве кинофотодокументов Санкт-Петербурга хранится фотоальбом «Посещение Николаем II военного лагеря в Брест-Литовске», датированный 26 июля 1900 г.

Царь посещал Брест-Литовск также в сентябре 1909 г., «проезжая через ст. Брест из Ялты за границу», о чем писали «Гродненские епархиальные ведомости» в публикации «Представление Его Императорскому Величеству Государю Императору депутации от населения Гродненской губернии на станции Брест 8-го сего октября». В 10 часов утра, под звон колоколов городских храмов, монарха приветствовали около 1,5 тыс. учащихся женских и мужских учебных заведений, высшие чины православного духовенства епархий, военные и губернские служащие. После выхода императора из вагона раздался гимн «Боже Царя храни». Потом царь поцеловал подаренную ему икону с ликом главной местной святыни – преподобного мученика Афанасия Брестского, а также книгу о его житии [6, с. 379–380]. От губернского Предводителя Дворянства царь принял хлеб-соль, обошел учащуюся молодежь. Встреча длилась 35 минут, «многие плакали от умиления и восторга», затем гости проследовали на трапезу «в Царские покои вокзала» [6, с. 381–382]. Последняя деталь является доказательством того, что великолепное здание станции «Брест-Центральный» как олицетворение западного форпоста Российской империи изначально было приспособлено для осуществления таких высоких приемов.

Появился в стенах вокзала император Николай II и в менее торжественных обстоятельствах – в начале Первой мировой войны. В своем дневнике за 1914 г. он писал об этом следующее: «24-го сентября. Среда. В половине первого ночи выехал из Ставки и в 9 час. утра прибыл в Ровно. С большою радостью встретил Ольгу и Сандро на станции. Поехал с ними в лазарет, в кот. Ольга ухаживает с начала войны в качестве сестры милосердия, а затем в местный лазарет, где обошел более тяжелораненых. Все нашел в порядке и чистоте. Завтракал с Ольгой, Сандро и Дмитрием у себя и в час с четвертью уехал в Брест-Литовск. Прибыл сюда в 6 час. Николаша, ген.-адъют. Иванов и прочие начальники

ожидали на вокзале. Поговорил с Ивановым и дал ему Георгия 2-й степ. Обедал с Николашей и старшими местными начальниками. Вечером выслушал обычную сводку за вчерашний день. Лег пораньше». {...}

«18-го декабря. Четверг. {...} День стоял теплый, как вчерашний. Уехал из Седлеца в 12.30 чрезвычайно довольный. Завтракал с гвар. начальством. Сидел с Борисом до Бреста; там они все вышли из поезда. Продолжал путь на восток домой. Читал бумаги. Вечером играл в кости» [4].

Когда армия кайзера Германии с союзниками в 1915 г. наступала на территорию Бреста, части Российской армии Западного фронта во время планового отступления 22 июля, эвакуировали жителей и 6 предприятий, уничтожили мосты и подожгли вокзал, чтобы те не достались врагу. У здания станции рухнули перекрытия, было уничтожено более 60 % вокзальных построек. Это было первое крупное разрушение «Бреста-Центрального». Один из германских офицеров, капитан К. Пэلمان, в день занятия города и крепости 26 августа писал: «Великой была радость начальников и солдат от быстрого занятия этого важного стратегического пункта. {...} Тут, образуя звезду, скрещивались пять важнейших железных дорог. {...} Да, радость и гордость были велики, но еще больше было удивление победителя при виде того, что он застал вместо большого цветущего города – далеко простирающиеся груды дымящихся тлеющих остатков. Каждым из нас невольно овладевала ярость и справедливый гнев при виде такого вандализма. {...} Брест-Литовск же был шедевром этих разрушителей собственной родины» [7, с. 44–45]. Сами же завоеватели здание вокзала не восстанавливали, но пользовались после расчистки подъездными путями.

Пассажирское здание станции стояло полуразрушенным, с обгоревшими стенами, но даже в таком виде сумело войти в историю. Во время мирных переговоров в Брест-Литовске в декабре 1917 г. – марте 1918 г. на перроне вокзала появлялись делегации, представляющие Советскую Россию, Украину и Центральные державы. Фотографии о встречах делегаций печатались во многих газетах мира. После завершения Первой мировой и польско-советской войн наступило временное затишье. Польские власти отстроили здание Брестского вокзала уже в модернистском архитектурном стиле. В 1929 г. обновленный вокзальный комплекс был введен в эксплуатацию.

22 июня 1941 г. в Брест пришла Великая Отечественная война. Милиционеры и железнодорожники 9 дней храбро держали оборону в подвалах вокзала, которые были сделаны еще при первом строительстве и являли собой лабиринт со множеством выходов. Гитлеровцы ничего не могли сделать, поэтому им пришлось просто затопить подвалы водой. Большинство брестских защитников погибло, спаслись лишь те, кто знал о секретных выходах. В конце 1950-х гг. при перестройке вокзала были найдены останки некоторых из них. За три года оккупации вокзал так и не был разрушен.

«В 1945-м, когда начали реконструировать и очищать вокзал, воду откачивали больше двух недель, находили там истлевшие трупы», – вспоминает

С. Т. Шпудейко [2]. Результатом военных бомбежек стали разбитая крыша вокзала, трещина в стенах. Здание требовало ремонта.

В послевоенное время станция «Брест-Центральный» также принимала множество известных гостей. В августе 1945 г. И. Сталин ехал через Брест на Потсдамскую конференцию, он увидел обстрелянное, разбитое здание. Во время следования литерного поезда пути на какое-то время «зашивались», и движение на этом участке прекращалось. До Бреста поезд Сталина вели паровозы, а из Бреста до Потсдама – только что появившиеся тепловозы. По воспоминаниям работающего в те времена начальника вокзала Ширяева, «вождь народов» вышел из поезда и осмотрел разрушенный, обстрелянный вокзал и сказал: «Несмотря на послевоенную разруху, мы должны здесь построить такой вокзал, чтобы он стал гордостью советского государства». После чего на станции были достроены переходы, кассовые залы, также установили опоры по всему периметру здания. Именно тогда здание в стиле ампира Брестского вокзала приобрело нынешний облик. До смерти Сталина в 1953 г. в центральном зале ожидания вокзала стоял памятник в его честь.

В 1946 г. на вокзале находился Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Из представителей глав государства гостями в послевоенные десятилетия были первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, первый секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров и президент Франции Жорж Помпиду. Ежегодно сюда прибывали главы стран – членов Варшавского договора. На привокзальной площади проходили встречи, митинги, концерты. Старожилам вокзала запомнилось, как во время одной из официальных встреч Л. И. Брежнев подарил встречающим его детям шесть коробок с конфетами «Красный Кремль».

Перед прибытием президента КНДР Ким Ир Сена 26 мая 1984 г. приехала команда охраны северокорейского лидера. Приветственный лозунг на корейском языке из-за ошибки пришлось переделывать в ночь перед приездом важного гостя. Они изучили и обследовали всю территорию «Бреста-Центрального», во время перестановки вагона на узкую колею, осмотрели и обстучали все колесные тележки. На пути следования к новому лидеру СССР К. У. Черненко Ким Ир Сен остановился для возложения венка к вечному огню Брестской крепости.

Музей истории вокзала станции Брест-Центральный был открыт 24 мая 1986 г. в честь 100-летия вокзала. В данном музее хранится гостевая книга, огромное количество документов исторической важности, более двух тыс. фотографий, свидетельствующих о богатой и разносторонней истории вокзала, некоторые из них уникальны.

Первый поезд Победы с ветеранами прибыл на брестский вокзал в 2005 г., во время празднования 60-летия победы в Великой Отечественной войне. Из Москвы было доставлено знамя Победы. С тех пор такие акции стали традиционными.

Новое возрождение железнодорожная станция пережила в 2013 г. После капитального ремонта были обновлены и стали функционировать новые тоннели, арочные навесы над платформами (над Варшавской стороной вокзала

они самые длинные в Европе!), создана безбарьерная среда для людей с ограниченными возможностями. В зале повышенной комфортности и комнатах отдыха оборудованы полы с подогревом, в зале ожидания действует беспроводной интернет Wi-Fi. Приметой эпохи национальной суверенности стало то, что вся информация на стендах и вывесках ж/д станции дается на белорусском или английском языке.

Все события, которые пережил Брестский железнодорожный комплекс, его разрушения и возрождения в еще более величественном виде показывают, что здание станции «Брест-Центральный» является свидетелем перипетий более полуторавековой европейской истории: Российской империи, советской эпохи, суверенного развития белорусов. Железнодорожная станция «Брест-Центральный» давно уже стала символом преемственности поколений, является важной исторической достопримечательностью нашего города.

Список использованной литературы

1. Александров, Н. Монархи Российской империи в Бресте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.realbrest.by/novosti/istorija-bresta/monarhi-gossiiskoi-imperii-v-breste.html>. – Дата доступа: 20.03.2019.
2. Брежнев, Ким Ир Сен: истории пассажиров Брестского вокзала // Радио Sputnik Беларусь. Выход в эфир 28.05.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ee.sputniknews.ru/news/20160528/1889400.html>. – Дата доступа: 15.03.2019.
3. Всемирная Иллюстрация. Художественно-литературный журнал. – 1886. – Т. 2 (36). – СПб : Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886. – 541 с.
4. Дневники императора Николая II. Т. 2. 1905–1918 [Электронный ресурс]. – Изд-во Захаров, 2007. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/384138-nikolay-romanov-dnevniki-imperatora-nikolaya-ii-tom-ii-1905-1917.html>. – Дата доступа: 20.03.2019.
5. Жизнь Александра III. Курьезные и забавные моменты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/history_for_chayniks/jizn-aleksandra-iii-kureznye-i-zabavnye-momenty-5ae7d01fa815f19a06c01ffc. – Дата доступа: 20.03.2019.
6. Представление Его Императорскому Величеству Государю Императору депутации от населения Гродненской губернии на станции Брест 8-го сего октября [Электронный ресурс] // Гродн. епарх. ведомости. – 1909 – 11 окт. – Режим доступа: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment>. – Дата доступа: 20.03.2019.
7. Пэلمان, К. Бои на реке Зап. Буге летом 1915 года: обработано по официальным данным Германского генерального штаба в 1917 году капитаном Пэلمان : издано в 1918 году по поручению Германского главного штаба действующей армии / К. Пэلمان ; пер. с нем. под ред. ген. штаба Л. Ф. Тигранова. – Петербург : Гос. изд-во, 1921. – 56 с.
8. Своя судьба и у вокзала. К 125-летию железнодорожного вокзала станции Брест-Центральный // Брест. вестник. – 16 апр. 2011.
9. Полищук, О. 130-летию железнодорожной станции Брест-Центральный посвящается... Ч. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.realbrest.by/novosti/istorija-bresta>. – Дата доступа: 29.03.2019.

УДК 94(476)“1919/1921”

С. А. Ісакаў (Беларусь, Мінск, Ін-т гісторыі НАН Беларусі)
Навуковы кіраўнік – А. М. Літвін, докт. гіст. навук, прафесар

**СВЯТКАВАННІ ЗНАЧНЫХ ДАТ ГІСТОРЫІ ПОЛЬШЧЫ,
АРГАНІЗАВАНЫЯ ПОЛЬСКАЙ АДМІНІСТРАЦЫЯЙ
БРЭСТА Ў 1919–1921 гг.**

У артыкуле разглядаюцца этапы стварэння Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх Зямель і яго дзейнасць на тэрыторыі Брэста. Асаблівая ўвага нададзена грамадска-палітычнаму жыццю і дзейнасці польскіх улад у сферы правядзення ідэалагічных мерапрыемстваў.

З лістапада 1918 г. пачала сваё існаванне Рэч Паспалітая Польская, якая акрэсліла з самага пачатку, што будзе збіраць землі былой Рэчы Паспалітай 1772 г. Аднак у польскіх палітыкаў не было адзінага плана наконт далучэння “польскіх зямель”. На тэрыторыі Заходняй Беларусі былі выкарыстаны спробы федэралістычнага і інкарпарацыйнага плана. Па федэралістычнаму плану Ю. Пілсудскі і яго прыхільнікі хацелі стварыць федэрацыйны саюз на чале з Польшчай. Беларуская, украінская і літоўская аўтаноміі павінны былі выконваць ролю буфера паміж Польшчай і савецкай Расіяй. Супрацьлеглым лагерам з’яўляўся лагер на чале з Р. Дмоўскім і яго прыхільнікамі, якія прапаноўвалі ідэю інкарпарацыі, па якой планавалася стварыць маналітную Польшчу.

З пачатку 1919 г. польская армія пачала сваё прасоўванне на тэрыторыю Заходняй Беларусі, дзе сустрэлася з нямецкімі акупацыйнымі войскамі. Баявых дзеянняў амаль не было, бо нямецкія войскі ў гэты час праводзілі эвакуацыю. Нямецкая ваенная адміністрацыя дамовілася з польскай, што ніякіх перашкод чыніць польскім войскам не будзе, а ўзамен патрабавала, каб нямецкія войскі без перашкод праз тэрыторыю Польшчы трапілі ў Германію. 10 лютага 1919 г. пасля перамоў паміж камандуючым Падляшскай групы войск А. Лістоўскім і нямецкім камандаваннем “Ober-Osta” была здадзена спачатку Брэсцкая крэпасць, потым горад. Пачалося фарміраванне польскай ваеннай адміністрацыі. Брэсцкая крэпасць і тэрыторыя, якая размяшчалася вакол яе, былі абвешчаны ваеннай тэрыторыяй [1, арк. 39]. Ваенныя тэрыторыі дзяліліся на этаповыя акругі. Брэсцкая этаповая акруга адпавядала межам былога Брэсцкага павета 1914 г. Часова кіраўніком акругі з’яўляўся палкоўнік Андрэй Апатовіч, штаб узначальваў капітан Рудольф Ягельскі [1, арк. 40]. У маі кіраўніком этаповай акругі стаў генерал Баляслаў Астроўскі, а грамадзянскае ўпраўленне ўзначаліў Мацей Ямант.

7 чэрвеня 1919 г. была створана Брэсцкая акруга [7, с. 61] Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх Зямель (ГУУЗ) з цэнтрам у г. Брэсце [4], якая падпарадкоўвалася камандаванню групы войск А. Лістоўскага (табліца) [2, с. 106–107].

Табліца – Структура кіравання Брэсцкай этаповай акругі ў 1919 г.

Ваенны камендант аператыўнай групы А. Лістоўскага		
Генеральны камісар	выконвае надзор і кантроль за грамадзянскай уладай	
Горад	Бурмістр (ад 5000 жыхароў)	адміністрацыйныя функцыі, рэкамендуе людзей у гарадскую раду
Павет	Павятовы камісар	адміністрацыйнае кіраванне паветам, выбар павятовай рады
Гміна	Войт	улада адміністрацыйная і паліцэйская, выбар гміннай рады з 6 мясцовых жыхароў
Вёска	Солтыс	улада паліцэйская

З першых дзён устанаўлення польскай улады ў г. Брэсце пачалася палітыка паланізацыі, якая апанавала ўсе бакі грамадска-палітычнага жыцця. Адкрываліся польскія школы, дзейнічалі польскія партыі і арганізацыі, пераіменаваліся вуліцы. Наступным крокам стала арганізацыя святкаванняў значных дат з гісторыі Рэчы Паспалітай (РП) 1569–1795 гг. 29 красавіка 1919 г. быў падпісаны закон аб народным святкаванні 3 мая, калі была падпісана Канстытуцыя ў 1791 г. За выкананнем юрыдычнага акта была адказна рада міністраў, закон уступаў у сілу 3 мая 1919 г. [3]. Так, у г. Брэсце 3 мая 1919 г. адбылося арганізаванае шэсце з нагоды падпісання канстытуцыі, у якім на чале ішлі генерал Падляшскай групы А. Лістоўскі, Б. Астроўскі і М. Ямант. У мерапрыемстве таксама ўдзельнічаў вайсковы аркестр і камандзір гарнізона Брэсцкай крэпасці генерал Язэп Шамота.

Важнасць гэтага свята была агалошана на 33 пасяджэнні сейма Рэчы Паспалітай Польскай 6 мая 1919 г., дзе выступіў з галоўнай прамовай маршалак сейма, які выказаў думку, што Канстытуцыя 3 мая 1791 г. стала сімвалам адраджэння цяперашняй Польшчы. Ён таксама адзначыў: “Рэч Паспалітая была вольнай дзяржавай, аднак яе згубіла анархія, бо не было парадку. Таму патрэбна залажыць фундамент дзяржавы, каб не пайсці па шляху анархii” [10, с. 4]. Кіраўніцтва польскай дзяржавы хацела паказаць гісторыю РП як гісторыю толькі польскай дзяржавы. Аднак, выходзячы з гэтага, у складзе РП знаходзіліся не толькі палякі, а таксама беларусы, украінцы, літоўцы і іншыя народы, якія зрабілі для яе не менш, чым палякі. Наступным святам было 1 ліпеня 1919 г., калі на дзяржаўным узроўні было зацверджана святкаванне 350-годдзю падпісання Люблінскай уніі. Свята вельмі зручна ўпісвалася ў ідэю інкарпарацыі, бо гісторыя ўзаемадосін Вялікага Княства Літоўскага з Польскім каралеўствам сягае яшчэ ў эпоху Сярэднявечча. 1385, 1401, 1413, 1432, 1447, 1448, 1499, 1563, 1569 гг. і іншыя падзеі сведчылі аб наступленні паланізацыі і прагнасці польскай шляхты да тэрыторый беларускіх, украінскіх і літоўскіх зямель. Гэтыя падзеі не абыйшлі г. Брэст, куды 1 ліпеня 1919 г. на святкаванні прыбыў А. Лістоўскі, які зрабіў прамову наконт гістарычнай падзеі. Пасля выступлення генерала свята працягнулася шэсцем з плакатамі і аркестрам.

У календары Таварыства Стражы Крэсавай за 1920 г. был пададзены спіс святочных дат па гісторыі Польшчы: каранацыя першага польскага караля,

Грунвальдская бітва, пераможныя бітвы Лівонскай вайны, паўстанне 1794 г. і каталіцкія святы [8, с. 4–27]. Гэтыя гістарычныя падзеі павінны былі сфарміраваць свядомасць мясцовых жыхароў як часткі польскага народу. 10 лютага 1920 г. у Брэсце пад кіраўніцтвам вайскавай і грамадзянскай улады праходзіў парад, прысвечаны заняццю польскімі войскамі горада. У мерапрыемстве, акрамя гарнізона Брэсцкай крэпасці, удзельнічала мясцовая скаўцкая арганізацыя і інш. У Крыжаўдвіжанскім касцёле праходзілі імшы.

У г. Брэсце большасць насельніцтва складалі яўрэі, якім польская адміністрацыя мала дапамагала, таму што яны атрымлівалі ад амерыканскіх фондаў падтрымку. Адным з такіх фондаў з'яўляўся “American Jewish Joint Distribution Committee” (пазней “American Jewish Joint Distribution Committee” быў скарачана пазначаны як “JOINT”). Арганізацыя займалася аказаннем гуманітарнай дапамогі падчас вайны і падтрымкай аднаўленчых работ пасля вайны. “JOINT” быў заснаваны ў 1914 г. з галоўнай мэтай падтрымкі яўрэяў, якія апынуліся на тэрыторыі, дзе праходзілі баявыя дзеянні. Дапамога аказвалася ў выглядзе паставак харчавання, адзення, медыкаментаў, грашовых сродкаў і інш. Падчас вайны на насельніцтва абрынуліся эпідэміі, галеча і пагромы, таму арганізацыя ў асноўным дапамагала яўрэям. Акрамя гэтага, у Брэсце ў 1919 г. дзейнічаў польска-амерыканскі камітэт дапамогі дзецям, пры дапамозе якога была адчынена дабрачынная сталовая [9, с. 53].

Вясной – летам 1920 г. пачалося контрнаступленне Чырвонай Арміі. 31 ліпеня – 1 жніўня быў захоплены г. Брэст, аднак польскія ўлады і арганізацыі пачалі эвакуавацца яшчэ ў канцы чэрвеня – пачатку ліпеня 1920 г. Аднак бітва пад Варшавай была прайграная, і савецкім войскам прыйшлося адступіць з баямі. 19 (20) жніўня 1920 г. у ходзе баёў польскімі войскамі быў захоплены Брэст і крэпасць. Улада ў горадзе аказалася ў руках ваенных 4-й арміі. 9 верасня 1920 г. было створана “Упраўленне прыфрантавых і этапных тэрыторый” (УПіЭТ) [5] пры якіх былі ўтвораны паветы. Дэлегатамі УПіЭТ пры камандаванні 4-й арміі з'яўляліся Эмерык Чапскі (20.09) і Вацлаў Скіндэр (30.09). 21 верасня 1920 г. у Брэсцкую акругу быў накіраваны Ян Шрэдэрс на пасаду кіраўніка аддзела дзяржаўных каштоўнасцей і лясных спраў. У канцы верасня 1920 г. у брэсцкі павет быў прызначаны стараста Ян Сянкевіч [6]. Па ўмовах Рыжскага міру Брэст адышоў да Польскай рэспублікі і стаў цэнтрам Палескага ваяводства.

Адным з інструментаў польскай палітыкі ў Брэсце з'яўлялася прапан-гадыска-ідэалагічная праца, якая вялася для таго, каб падчас правядзення плебесцыту на далучаных тэрыторыях мясцовыя жыхары вызначылі сябе як палякі і змянілі свядомасць на польскую. Для гэтага праводзіліся розныя шэсці, парады і выступленні, каб паказаць, што гэтая зямля з'яўлялася заўсёды польскай і яна сама імкнецца да Польскай рэспублікі. Ад часоў ВКЛ палякі планамерна праводзілі спробы ўключэння беларускіх зямель у склад Каралеўства Польскага. Працягам спроб інкарпарацыі стала польска-савецкая вайна, дзе адным з цэнтраў развіцця польскага ўплыву на беларускіх землях стаў Брэст.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Tym czasowa instrukcja DOE // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 2. Воп. 1. Спр. 311.
2. Szemat administracji zarządu kresow wschodnich // ДАБр. – Ф. 2. Воп. 3. Спр. 1.
3. Dziennik praw państwa polskiego. № 1–65 (30 kwietnia 1919). – № 38. – 281 s.
4. Dziennik Urzędowy Generalnego Komisarza Cywilnego Naczelne Dowództwo W. P. Zarząd Wojkowy Ziemi Wschodnich. № 5 (28 czerwca 1919). – Roz. III (41).
5. Dziennik Urzędowy Zarządu Terenów Przyfrontowych I Etapowych. № 1 (20 października 1920). Roz. I (1).
6. DU ZTPiE. № 1 (20 października 1920). Roz. VI (8).
7. Gierowska-Kałuża, J. Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich (19 lutego – 9 września 1920) / J. Gierowska-Kałuża. – Warszawa : Wyd-wo Neriton Instytut Historii PAN, 2003. – 431 s.
8. Kalendarz Ludowy Straży Kresowej na rok 1920. / Warszawa : Długa № 50. – Wyd-wo Straży Kresowej, 1920. – 64 s.
9. Paszkowicz, J. Działalność amerykańskich organizacji charytatywnych w województwie poleskim w początkowym okresie funkcjonowania II Rzeczypospolitej // J. Paszkowicz. – Białystok : Instytut historii uniwersytetu, 2001. – № 23/24. – S. 53–54.
10. Sprawozdanie Stenograficzne z 33 Posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 6 maja 1919 r. / Warszawa : Druk W. Piekarniaka, 1972. – S. 1–48.

УДК 94(476)

В. Ю. Макаревич (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – А. Ю. Бодак, канд. ист. наук, доцент

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БРЕСТА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты развития музыкальной культуры г. Бреста в послевоенное время. Этот период характеризовался заметным оживлением всех сторон общественной жизни в стране, в том числе и в музыкальной культуре.

Несмотря на то что после Великой Отечественной войны прошло не так много времени, власти сразу же приступили к оживлению и развитию городской культуры. В статье рассматривается одна из основных ее частей – музыкальная. 30 июля 1946 г. был проделан один из первых шагов к развитию народного творчества в городе. Толчком к этому послужило Постановление ЦК КП(б)Б о проведении республиканского смотра художественной самодеятельности. Было указано создать при красных уголках, клубах и доме народного творчества всевозможные музыкальные группы: вокально-инструментальные ансамбли, трио, квартеты и другие коллективы. При этом наряду с организованными коллективами, отдельное внимание уделялось возможности участия в смотре семей-любителей.

Также было высказано предложение городскому и районному комитетам КП(б)Б, председателям фабрично-заводских комитетов профсоюзов вместе с отделом культуры Брестского исполнительного областного совета до 01.09.1946

г. провести городские и районные смотры художественной самодеятельности. После проведения регионального этапа требовалось организовать областной смотр с 1 по 15 сентября 1946 г. Финалистов областного этапа следовало направить на республиканский смотр, который должен был пройти 17 сентября 1946 г. [1, с. 13].

При всех стараниях властей повысить уровень культуры в городе, на решение всех подобных проблем их внимания не хватало. Начальник областного отдела искусств жаловался: «Областной дом народного творчества не оказывает методологическую помощь художественным коллективам» [2, с. 42]. Также критиковались и другие заведения этой сферы. Работа музыкальных школ и училища была подвергнута проверке городского комитета, и в ходе работы были выявлены ошибки, одна из которых – «политическая беспечность». Некоторые учителя и студенты оказались привлечены силовыми структурами как члены антисоветских группировок как реальных, так и надуманных соответствующими инстанциями, как, например, «Контрреволюционная националистическая группа». Ухудшало всю ситуацию малое количество обучающихся. На последнем курсе в училище обучалось всего пять человек, а количество учебных часов было невелико. Директор отрабатывал около 5–6 часов в неделю, а остальные учителя по 14–15 часов, что являлось очень низким показателем.

Но несмотря на некоторые недостатки, крупные мероприятия проводили на достойном уровне. Был составлен план празднования 30-летия БССР. На музыкальное училище возлагалась задача выступить на предприятиях [3, с. 12], отдел культпросвета должен был провести городской смотр художественной самодеятельности и отобрать лучших исполнителей [3, с. 13], которые выступят на торжественном заседании. С 1 по 2 января 1949 г. городской клуб проводил массовые гуляния [3, с. 20], а городской исполнительный комитет взял на себя задачу до 15 января 1949 г. провести детский смотр художественной самодеятельности [3, с. 24]. К каждому мероприятию таких масштабов относились с особой ответственностью. Также этот период в городе характеризуется открытием новых клубов, крупнейшим из которых стал клуб в предместье Волынка. Он был открыт в 1953 г., и это стало важным моментом в культурной жизни не только Волынки, но и окрестных деревень южнее Бреста. Новый клуб получил зрительный зал на 170 мест [6, с. 1] (он стал крупнейшим из пяти имевшихся тогда городских клубов). Руководители учреждения получали неплохую для деятелей культурной сферы зарплату. Директор клуба получал 600 руб., а художественный руководитель – 550 руб. (сказывался «деревенский» коэффициент) [4, с. 1].

Без преувеличения, новый клуб стал действительно средоточием культурной жизни Волынки. За первые месяцы своего существования, в клубе было проведено 18 тематических вечеров, на которых участвовало 1090 человек [6, с. 2]. Кроме того, при клубе начали проводиться концерты самодеятельности (21 в первый же год существования клуба). В концертах участвовали 59 человек. 10 человек вошли в состав драматического коллектива, еще 25 пели в местном

хоре, 6 человек играли на домре и 16 были задействованы в танцевальном кружке [6, с. 3].

Традиционно главным центром культурной жизни города в тот период был Парк культуры и отдыха имени 1 мая. Здесь проводились концерты филармонии и художественной самодеятельности примерно два раза в неделю. Для этого в парке существовала концертная площадка [5, с. 18]. На ней раз в месяц демонстрировали таланты лучшие коллективы художественной самодеятельности города. В сентябре 1953 г. здесь состоялся крупный праздник песни и танца, который вызвал широкий резонанс в городе. 2030 человек участвовало в различных хорах и 294 человека в танцевальных коллективах [6, с. 4].

Таким образом, можно сказать, что музыкальная жизнь в Бресте уверенно развивалась. Люди с радостью участвовали во всех мероприятиях города, стараясь позабыть страшное прошлое. Постоянные смотры самодеятельности открывали новые таланты, которые вносили новые краски в общественную жизнь города. Красные уголки, клубы и дома культуры занимались массовым развитием народной художественной самодеятельности, удовлетворяя культурные потребности того времени.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1п. Оп. 3. Д. 58.
2. ГАБр. – Ф. 1п. Оп. 5. Д. 10.
3. ГАБр. – Ф. 2п. Оп. 50. Д. 1267.
4. ГАБр. – Ф. 1432. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАБр. – Ф. 1432. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАБр. – Ф. 1432. Оп. 3. Д. 4.

УДК 81.373.21

А. В. Марченко (Беларусь, Брест, БГТУ)

Научный руководитель – Л. Ю. Малыхина, канд. ист. наук, доцент

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОПОНИМИКИ МИКРОРАЙОНОВ СОВРЕМЕННОГО г. БРЕСТА

Объектом исследования в статье является город Брест, предметом исследования – топонимы города Бреста, которые используются для обозначения современных микрорайонов и новых частей нашего города. Выявлено, что большинство из них происходит от названий окрестных деревень. Современные топонимы чаще всего указывают на географическое местоположение.

Топонимика (от греч. *topos* «место» и *онута* «имя, название») – составная часть ономастики, изучающая географические названия (топонимы), их значение, структуру, происхождение и ареал распространения. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет ее топонимию. Топонимика помогает восстановить черты исторического прошлого народов, определить границы их расселения, очертить области былого распространения языков, географию культурных и экономических центров, торговых путей и т. п.

В основу исследования о происхождения топонимики современных микрорайонов г. Бреста легли научные источники и сведения, полученные из периодической печати, в том числе из интернет-СМИ. Важным источником о процессе освоения территории стали исторические документы, содержащие топонимическую и историко-географическую информацию. Результаты исследования новых микрорайонов современного Бреста являются определенным приращением знаний в области представлений о топонимике Бреста.

Звучание главного топонима нашего города претерпело длительную эволюцию за период от первых его упоминаний в X–XI вв. в древнерусских, польских летописях и хрониках и до нынешнего, утвердившегося в 1944 г., названия: Берестье, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест.

Первой и самой достоверной версией о происхождении названия Берестье служит легенда, записанная путешественником Павлом Шпилевским. В ней повествуется о путешествии в Великое княжество Литовское одного богатого купца с товарищами. Неожиданно дорогу обозу преградило болото, вокруг которого росло много берез. Путники срубили деревья и по березовому настилу смогли пройти топь. Вышли они к острову, который был образован большой рекой и маленькой речкой, впадающей в нее. За то, что все прошло удачно, купец решил отблагодарить языческого бога Велеса и построил на острове капище. Через некоторое время, возвращаясь из Литвы, где была удачная торговля, купец и его товарищи опять остановились у Велесова капища, построили избы и основали город, который называли Берестье [8, с. 29–30].

Считают также, что происхождением названия город обязан вязу (местн. – вьез, бэрысьть), буйно произраставшему около населенного пункта вплоть до начала XX в., и, возможно, интенсивно используемому при строительстве древнего детинца Бреста, что совпадает с известной легендой об основании города. До недавнего времени в окрестных деревнях редкий двор не имел собственного вяза.

В настоящее время в белорусскоязычной культуре нередко используются топонимы Бярэсце или Берасце «Писань у Бэ́рестью лета от нароженья...». Начальник управления архитектуры и градостроительства Брестского горисполкома г. Бреста Николай Власюк, предполагает, что в именительном падеже данный топоним должен звучать как Бэ́ресть, с ударением на первом слоге, а еще точнее Бэрысьть, как с незапамятных времен и по сей день его называют полешуки, так же как и Пыньск, Киев, Дорогычын, Кобрынь, Камьянэць, Высокэ, Дывин и т. п.

Сегодня Брест – это крупнейший транспортный узел и культурный центр с богатым историческим прошлым и интересными народными традициями. Он расположен в юго-западной части области, при впадении реки Мухавец в Западный Буг, у государственной границы с Польшей.

В городе Бресте на сегодняшний момент выделяют два административных района – Ленинский и Московский, граница между которыми проходит по восточному участку железной дороги Москва – Брест, бульварам Космонавтов и Шевченко. Каждая из этих частей города вбирает в себя официально и

традиционно существующие микрорайоны – всего их около 25. Традиционные наименования ряда микрорайонов повсеместно используются жителями, гостями или властями города для ориентирования.

В соответствии с данными современной картографии, на территории Ленинского района располагаются микрорайоны Адамково, Аркадия, Березовка, Граевка, Дубровка, Катин Бор, Козловичи, Лысая Гора, Мощенка, Плоска, Речица, Северный городок, Новые Задворцы, Старые Задворцы.

В Московском районе располагаются микрорайоны: Вулька-Подгородская, Бернады, Гершоны, Волынка, Восток, Вычулки, Киевка (Заводская), Ковалево, Пугачево, Тришин, Южный. Среди новых микрорайонов: Лагуна, Юго-Восточный микрорайон № 1, «Жилой комплекс Варшавский» и Студгородок.

Микрорайоны старой застройки Ленинского района чаще всего именуется в зависимости от прежних названий окрестных населенных пунктов.

Так, *Граевка* – это бывший поселок на северной окраине Бреста. Само слово «грай» происходит от праславянского, от которого в числе прочего произошли: русско-церковно-славянское «гряйти», русское «грать», «граю», «каркать, громко смеяться», «грай», сербохорватское «грајати», «грајем», словенское «grájati» «порицать, хулить», польское «zgraja» «толпа, стая»; родственно литовское «gróti», «gróju», также «grióti», «grióju». 16 июля 1932 г. во время закладки школы (будущей 17-й) директором Ф. Чернаком было составлено послание для потомков. Из него следует, что территория Граевки была частью земельной собственности Межеевского, организатора повстанческих отрядов в 1831 г., лишённого права собственности. Конфискованная земля была распределена между крестьянами [6]. В 70-е гг. XIX в. во время строительства новой ветки железной дороги Брест – Белосток – Граево, местное население было в основном занято в обслуживании железнодорожного узла. Свободные пустыри между кварталами деревянных барачных корпусов дали второе название местности – Слободка. Уже с 1912 г. Городская управа Бреста ходатайствовала за включение Граевской Слободки в черту города. Произошло это только в 1929 г., когда Брест-над-Бугом уже был центром Полесского воеводства Польши. «Товарищество работников железной дороги» приобрело у пана Пашкевича 64 га земли и, слившись с Граевской Слободой под названием «Граевское предместье», вошло в состав города [6]. Расширение территорий города при польской власти шло в западном направлении, в 1922–1939 гг. застройка велась в основном одно- и двухэтажными особняками.

Адамково – бывшее поместье, с 1930 г. – деревня Речицкого сельсовета, где при Польше функционировал военный аэродром [4]. Вошло в черту города в 1958 г.

Речица. Фольварк Речицкий появился между 1566 и 1588 г. [4]. В XIX в. деревня и имение входили в Косичскую волость Брестского уезда. Существует, по крайней мере, два мнения о происхождении слова «Речица». Одно из них определяет его как городское поселение, второе указывает на то, что населенный пункт расположен вдоль реки. В нашем случае имеет место первое определение.

С 1879 г. в деревне действовали пивоварни. В 1930-е гг. на месте Речицы вырос поселок. С 1940 г. деревня и поселок находились в составе Брестского района. К 1959 г. деревня была центром Речицкого сельсовета и колхоза «Пограничник». В 1959–1968 гг. поселок слился с деревней, входил в Клейниковской сельсовет. В 1968 г. Речица вошла в состав Бреста. С 1978 г. в Ленинском районе города.

Дубровка. В начале XX в. была деревней в Косичской волости Брестского уезда. В 1921–1939 гг. входила в Косицкую гмину Брестского повета Полесского воеводства Польши. Известно множество населенных пунктов, урочищ и др., в названии которых присутствует слово «дубрава/дуброва», имеющее древнеславянское происхождение. Слово «дуб» близко к древнему слову «древо», обозначающего «дерево вообще», широко представлен в русской топонимике (Дубровка, Дубровицы и пр.). Дубрава (дуброва) – равнинный лес с преобладанием дубовых деревьев. Существует и другое менее распространенное для слова дубрава определение – чистые лесные насаждения, состоящие из какой-либо преобладающей древесной породы (как лиственной, так и хвойной), по которой они могут и называться, например: березовая дубрава (березняк) и т. д.

Березовка. Еще один брестский топоним, произошедший от названия древесной породы. Небольшая деревня под таким названием в письменных источниках впервые упоминается в 1529 г. В заболоченной местности росло много берез, древесина которой всегда ценилась, шла на продажу. Южная часть Березовки вошла в состав Бреста в 1958 г. (включает улицы Герцена, Скрипникова, Якуба Коласа и др.). Вторая часть Березовки входила в Косицкую волость Брестского повета, с 1940 г. стала центром Березовского сельсовета. 1954–1958 гг. – входит в Тришинский сельсовет Брестского района, с 1958 г. также вошла в черту Бреста [5]. Микрорайон Березовка в обывательском представлении состоит из двух частей – собственно Березовки и Плоски.

Плоска. Данных о происхождении топонима не выявлено. Согласно письменным источникам как деревня Брестского уезда и воеводства ВКЛ известна с XVII в. В 1698 г. перешла в собственность брестских иезуитов. После третьего раздела Речи Посполитой (1795) д. Плоска в составе Российской империи располагалась в Слонимской губернии, с 1797 г. – в Литовской, а с 1801 г. – в Гродненской. Деревня была центром вотчинного поместья в Брестском уезде, в который входили фольварок Плянта, д. Огородники и часть д. Остромечево. С 1846 г. д. Плоска перешла в собственность пани Любановской. В 1897 г. она значилась как деревня в Косицкой волости Брестского уезда, где работал «хлебозапасный» магазин. Более поздние свидетельства об этом районе относятся к межвоенному периоду, когда Плоска значилась в Косицкой гмине Брестского повета Полесского воеводства Польши. У горожан этот район города ассоциируется прежде всего с располагающимися там городским кладбищем и психиатрической больницей. Плоска вошла в пределы городской черты в 2007 г.

Козловичи. В 1408 г. согласно грамоте, на Магдебургское право городу была пожалована д. Козловичи. Родословная названия этой деревни на северо-западной окраине Бреста начинается с фамилии знатного вельможи Козлович,

который здесь поселился. По другой версии, название происходит от животных, которых здесь держали из-за обилия сочных, целебных трав. По воспоминаниям старожилов из-за эпидемии тяжелой болезни около 200 лет назад Козловичи меняли свое месторасположение [7]. Деревня, находящаяся у польско-белорусской границы вошла в состав Ленинского района в 2007 г.

Катин Бор. Прежнее название – мыза Катенбург – на рубеже XIX–XX вв. изменилось на Катин Бор. О происхождении названия есть несколько легенд, но к императрице Екатерине II они никакого отношения не имеют. В польских документах XIX в. и на картах деревня-хутор называется Катенбург (Katenborg). В начале XX в. поместье и хутор объединились в деревню, вошли в состав Мотыкальской области Брестского повета. Микрорайон Катин Бор на северо-западе Бреста стал частью города в 1979 г.

Лысая гора находилась в составе Речицкого сельсовета Брестского района. По одному из преданий название деревни пошло от места, где находилось поселение, которое было лишено растительности. Название микрорайона, находящегося в пределах Славянской и Белорусской улиц, нередко считают элементом восточнославянского фольклора, связанного с колдовством и сверхъестественными силами. Согласно легендам, ведьмы и другие сказочные существа регулярно собирались на «лысых горах», где устраивали шабаш. Деревня вошла в состав города в 1958 г.

А теперь ознакомимся с микрорайонами *Московского района*, расположенными в юго-восточной части города.

Гершоны (Гершон). Название возводится к «Киршоновицкому дворцу», упоминаемому в источниках 1564 г. В 1648 г. близ деревни Гершановичи был убит преподобномученик Афанасий (Филиппович), игумен Брестский, выступавший против унии. В селе находился храм Рождества Пресвятой Богородицы 1866–1869 гг. постройки. А в нынешний момент – Свято-Афанасьевский мужской монастырь.

Вполне возможно, что изначально это было еврейское поселение, так как само слово «гершон» имеет этимологию иврита. Согласно Торе, Гершон (иврит: גֶרְשׁוֹן Gêršōn) был старшим из сыновей Леви и патриархальным основателем гершонцев, одним из четырех основных родов среди левитов в библейские времена. В январе 2008 г. городские власти опубликовали проект застройки городского района Волынка – Гершоны.

Киевка (Заводская) – бывшая деревня, возникшая в 1870-е гг. на восточной окраине Бреста в связи со строительством железной дороги на Ковель и Киев (указательный топоним). Застройка была усадебной, улицы неблагоустроены. Из-за типа свободной застройки бытовало также название Киевская Слобода. Станция Брест-Полесский была здесь самым красивым зданием до революции. В поселке жили рабочие и служащие железной дороги, ремесленники, мелкие торговцы. Часть населения занималась сельским хозяйством. В 1929 г. деревня вошла в состав Бреста. С 1978 г. – в Московском районе города. В связи с большим количеством промышленных предприятий, построенных в 1960–1970-е гг. (чулочный, ковровый комбинаты и др.), или от

того, что в новых, современных зданиях этого микрорайона стали получать квартиры работники данных предприятий, в этом же районе прижился новый топоним «Заводской».

Микрорайон «Восток». В 1965 г. был утвержден новый генеральный план города, предусматривающий дальнейшее его развитие в восточном направлении и создание трех промышленных районов. В 1970-е гг. был создан Восточный промышленный узел, построены электроламповый завод, чулочный комбинат, областная типография. С 1967 г. началось строительство нового крупного жилого микрорайона «Восток» к востоку от промышленной зоны вдоль ул. Московской. Проект его планировки был разработан в институте «Белгоспроект» в 1966 г. архитекторами В. Аникиным и П. Лагуновской (на Востоке сегодня выделяют всего шесть микрорайонов. Восток-6 стал единственным, который занял южную сторону ул. Московской).

В русский язык слово «восток» пришло из старославянского, а там оно появляется как калька из греческого слова *anatolē* «восход (солнца), место восхода солнца». Первая часть слова *ana* – приставка, означающая «движение вверх», вторая часть – корень – означает место. Собственно фонетической формой этого слова должна быть «всток». Название данных микрорайонов Восток, Южный, Центральный и др. определялось географическим расположением по отношению к центру города.

В 1975 г. был утвержден генеральный план, по которому Брест получил развитие не только в восточном, но и в южном и северном направлениях. Застройка Южного жилого района началась в 1983 г. Его микрорайоны в дальнейшем получили собственные имена, в том числе исторического происхождения.

Ковалево – бывшая деревня в фольварке в Каменец-Жировецкой волости Брестского уезда. Название деревни предположительно связано со словом «коваль» – кузнец, т. е. скорей всего возникло от вида ремесленной деятельности. В начале века землю поместья Ковалево выкупило военное ведомство для строительства казарм гарнизона Брестской крепости [4]. С 1940 г. – это поселок в Пугачевском сельсовете Брестского района, где жили в основном военно-служащие. В 1954–1958 гг. этот населенный пункт перешел в юрисдикцию Гершонского сельсовета Брестского района, а в 1958 г. стал частью Бреста. С 1986 г. здесь началось строительство многоэтажных жилых домов. Сегодня территория микрорайона Ковалево расширяется за счет четырех юго-Западных микрорайонов застройки (ЮЗМР-1-4). Планируется застройка ЮЗМР-5.

Микрорайон *Лагуна* (ЮВМР-4) – застройка возле Ковалевки. Лагуна (от итал. *laguna* «озеро») представляет собой живописный и спокойный мелкий водоем, отделенный от большей части воды барьерными островами или рифами. Топоним Лагуна в данном случае отражает не столько географические характеристики микрорайона, сколько носит указательный характер, т. к. район располагается возле известного ранее объекта – рынка «Лагуна».

Пугачево – бывшая деревня, название которой предположительно связано со словом «пугач» – филин. В 1876 г. в ней насчитывалось 190 жилых домов и

около 600 жителей [2]. В 1905 г. включала в себя деревню, три имения, хутор и усадьбу, входившие в состав Каменец-Жировецкой волости Брестского уезда. В 1979 г. микрорайон Пугачево вошел в черту города. Сегодня этому микрорайону на карте города отведен пустырь, ограниченный ул. Октябрьской революции, ул. Суворова и рынком «Ковалево».

Южный городок. В прошлом – поселок Южный. Строительство городка военного назначения с полигоном началось в межвоенный период в 1937 г. [3].

Вулька располагается на месте бывшей деревни Вулька-Подгородская. Название происходит от польского слова *Wolka*, уменьшительного от *Wola* (воля). В Пинском и Брестском Полесье, где был распространен в том числе и польский язык, топоним Воля (Вуля) был аналогом «Свободы» на востоке Беларуси. В таких поселениях существовало временное или полное освобождение жителей от налогов. Иногда название «Вулька» встречается в значении «отдельная улица».

Волынка. Деревня Волынка возникла еще в XIII в. на торговом пути в сторону Волынской области Западной Украины. История нынешней Волынки возникла тогда, когда на месте старого города Брест-Литовск началось строительство крепости. Между крепостью и форштадтами была оставлена незастроенная территория – эспланада, буферная зона – на случай ведения военных действий, позже названная Волынским форштадтом (форштадт – поселение, находящееся вне города или крепости; предместье), т. е. название современного микрорайона произошло от Волынского укрепления крепости, возле которого и находился данный форштадт. «На Волынском предместье и именно возле Почтовой площади здания более каменные, во вкусе новейшей архитектуры, довольно изящные и большие...», – пишет в своих путевых записках П. Шпилевский [8].

Некоторые из названий новых кварталов Востока носят функциональный характер, такие как *студгородок* – жилая застройка из нескольких корпусов УО «Брестский государственный технический университет». Некоторые указывают на направление застройки. Например, в районе пограничного перехода Варшавский строится «*Жилой комплекс Варшавский*», который сначала относился к микрорайону Вулька-Подгородская. В планах создание в городе энергоэффективного квартала, возможно в районе Березовки, ЮЗМР-1 или Красного Двора. Стратегия «Брест – город для жизни», которая будет представлена в 2019 г. на рассмотрение городского Совета депутатов [9], несомненно, приведет к появлению новых топонимов.

Летом 2017 г. к областному центру присоединились девять населенных пунктов: Аркадия, Бернады, Гершоны, Котельня-Боярская, Митьки, Мощенка, Старые и Новые Задворцы, Плоска [4].

Исследованные топонимы микрорайонов г. Бреста по происхождению можно условно разделить на три группы:

– Первая часть названий происходит от человеческих имен, иногда личных, иногда родовых, фамильных (Козловичи).

– Вторую группу топонимов составляют те, в которых закладывается сжатое, иногда очень яркое описание функциональных признаков того места, которое он называет (Ковалево, Студгородок).

– Третья группа связана с природно-географическим положением микрорайона (Восток, Южный, Юго-Запад, Центр) или направлением строительства по отношению к более известным пунктам (Волынка, Киевка).

От принадлежности топонимов к определенному языку свидетельствует наличие национальных формантов. Анализируя местные топонимы с точки зрения словообразования, выявлено, что чаще всего использовались слова старославянского происхождения, в отдельных случаях – еврейского. Для отдельных топонимов характерна форма нарицательных терминов (Лысая Гора).

С одной стороны, в топонимии, которая используется в определении микрорайонов современного Бреста, используются слова, сохранившиеся в «законсервированном» виде, особенно тех окраин – бывших деревень, которые ранее не входили в пределы города. Чтобы выяснить истинный смысл этих исторических названий, нужно хорошо знать словарь, лексику каждой эпохи, народную терминологию, которые оставили свой след в топонимии.

С другой стороны, дальнейшее развитие культуры и экономической специфики города, изменение условий жизни привело к появлению новых слов и понятий, связанных с определением функциональной ценности, либо географического положения той или иной части города.

Список использованной литературы

1. Князева, В. А. Брэст // Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя / В. А. Князева. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 3, кн. 1 : Брэсцкая вобласць ; пад рэд. А. І. Лакоткі 528 с.
2. Сарычев, В. В. В поисках утраченного времени. Пугачево. Ч. 1 : Силач Ляшко / В. Сарычев // Вечер. Брест. – 2016. – 6 июня.
3. Сарычев, В. В. В поисках утраченного времени. Пугачево. Ч. 2 : Строительство Южного городка / В. Сарычев // Вечер. Брест. – 2016. – 10 июня.
4. Синявская, Е. Деревни, которые вошли в состав города Бреста в прошлом. Какие они были и когда это произошло? [Электронный ресурс] / Е. Синявская // Брест. вестн. 21.08.2018. – Режим доступа: <http://virtualbrest.by/news58200.php> – Дата доступа: 20.03.2019.
5. Шляжко, Н. История брестской Берёзовки: не та, что раньше [Электронный ресурс] / Н. Шляжко // Брест. вестн. 22.12.2018. – Режим доступа: <http://onlinebrest.by/povosti>. – Дата доступа: 20.03.2019.
6. Шляжко, Н. История о брестском микрорайоне Граевка. Как было раньше [Электронный ресурс] / Н. Шляжко // Брест. вестн. 31.01.2019. – Режим доступа: <http://onlinebrest.by/novosti>. – Дата доступа: 20.03.2019.
7. Шляжко, Н. О прошлом д. Козловичи. Воспоминания 91-летней брестчанки [Электронный ресурс] / Н. Шляжко // Брест. вестн. 06.10.2018. – Режим доступа: <http://brestcity.com/blog/o-proshlom-d-kozlovichi-vozpominaniya-91-letnej-brestchanki>. – Дата доступа: 20.03.2019.
8. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Минск : Беларусь, 2016. – 271 с.
9. 1000 лет на всех. Николай Власюк, главный архитектор Бреста // Вечерний Брест. – 2018. – 29 дек.

УДК [94(476.7–25)+323.3(476.7–25)(091)]”17”

К. А. Мядзведзеў (Беларусь, Мінск, БДУ)

Навуковы кіраўнік – У. А. Сосна, канд. гіст. навук, дацэнт

ГІСТОРЫЯ БЕРАСЦЕЙСКАГА МЯШЧАНСТВА XVIII ст.

У дадзеным артыкуле распавядаецца пра жыццё берасцейскага мяшчанства на працягу XVIII ст., іх узаемаадносіны з прадстаўнікамі розных саслоўяў і рэлігійных груп, удзел у падзеях, што датычыліся развіцця горада ў азначаны перыяд. Бярэсце мела свае індывідуальныя асаблівасці, якія адрознівалі яго ад іншых гарадоў Беларусі таго часу. Аднак было і шмат агульнага: даволі вялікі працэнт у мяшчанскім асяродку яўрэяў, рэлігійнае супрацьстаянне, барацьба паміж заможным і збядзелым мяшчанствам, змаганне мяшчан супраць шляхты і духавенства. Спад супярэчнасцяў прыйшоўся толькі на XX ст.

Мяшчанства – самая вялікая па колькасці група гарадскога насельніцтва на тэрыторыі Беларусі ў XVIII ст. Мяшчане ўдзельнічалі ў самых розных працэсах і падзеях, што так ці інакш тычыліся гарадоў, – сацыяльных, палітычных, рэлігійных, культурных, ваенных. Аднак, нягледзячы на шмат агульных рысаў, кожнае гарадское паселішча мела свае індывідуальныя асаблівасці, што вылучала яго з агульнай масы.

Пачатак XVIII ст. для Бярэсця ахарактарызаваўся даволі моцным эканамічным спадам, звязаным з падзеямі Паўночнай вайны (1700–1721). Гэты працэс датычыўся ўсіх без выключэння гарадоў Беларусі таго часу (нават тых, якія прама не былі закрануты баявымі дзеяннямі). У пачатку 1703 г. ваяводскі соймак у Бярэсці прыняў рашэнне аб прыцягненні да крымінальнай адказнасці мяшчан, якія ўхіляліся ад службы ў шэрагах “паспалітага рушання”. Аднак гэта не дапамагло ўратавацца ад варожых нашэсцяў. У сакавіку 1703 г. горад быў абрабаваны атрадам шведскага генерала Арвіда Горна: забраны свойская жывёла, прадукты харчавання, адзенне, абутак, грошы, абрабаваны і спалены свіраны, а таксама лодкі з гандлёвымі таварамі і збожжам [2, с. 478–479; 26, с. 124]. Вясной 1706 г. Бярэсце зрабілася ахвярай спачатку расійскіх, а потым шведскіх войскаў. Згарэла большасць дамоў, загінула або разбеглася шмат берасцейцаў. Шведы пад камандаваннем генерал-маёра Меерфельда захапілі замак і знішчылі ўсіх абаронцаў [13, с. 17; 29, с. 319]. У 1709–1711 гг. горад і яго ваколіцы напаткаў паморак (“морская пошэль”), выкліканы разарэннем у выніку баявых дзеянняў. З 1,9 тысячы жыхароў у жывых засталася толькі 200 чалавек. Істотна скарацілася колькасць рамесных прадпрыемстваў, заняпаў гарадскі гандаль. Згодна з рашэннем сойма Рэчы Паспалітай (1712 г.), Бярэсце і яго насельнікі “па прычыне разбурэнняў і абнішчання” на чатыры гады вызваліліся ад усіх падаткаў у дзяржаўны скарб [13, с. 17–18; 16, с. 314].

Уздым эканомікі горада і рост насельніцтва пачаўся толькі з другой паловы XVIII ст. У 1770 г. была заснавана першая мануфактура ў Бярэсці, якая спецыялізавалася на выпуску тканін з самых розных матэрыялаў (шоўк, сукно, палатно і інш.). Яе адкрыццё было звязана з імем надворнага падскарбія ВКЛ Антонія Тызенгаўза. У 1780 г. мануфактура мела 7 ткацкіх станкоў, 12 пралак

і на ёй працавалі 20 рабочых з ліку берасцейскіх мяшчан [11, с. 199; 13, с. 255; 17, с. 359]. Аднак рэчы, зробленыя на берасцейскай мануфактуры (як і на іншых прадпрыемствах Тызенгаўза), каштавалі значна даражэй за іх еўрапейскія аналагі і былі горшыя па якасці. Работнікі-мяшчане знаходзіліся ў прыгонным ці нападпрыгонным стане, не атрымлівалі падоўгу заробак, часта збягалі з мануфактуры, запрошаныя з-за мяжы спецыялісты мелі даволі нізкі прафесійны ўзровень. У дадатак да ўсяго Тызенгаўз не меў належнага плана вытворчасці, матэрыялы на мануфактуры расходаваліся вельмі неэканомна, здараліся частыя прастоі, склады былі запоўнены нерэалізаванай прадукцыяй (агульная вартасць якой у 8 разоў перавышала кошт усіх станкоў), кожны год прыходзілася павялічваць матэрыяльныя затраты. Вынікам такой дзейнасці стала тое, што ў 1780 г. берасцейскую ткацкую мануфактуру прыйшлося зачыніць [13, с. 255; 14, с. 34, 35; 24, с. 102].

Даволі неспакойным было і гарадское жыццё. Адбывалася барацьба па самых розных прычынах: сацыяльных, рэлігійных, маёмасных. Берасцейскае мяшчанства змагалася за свае правы супраць шляхты і каталіцкага духавенства. Аднак і ў яго шэрагах не назіралася адзінства. У 1731 г. магістрацкі суд Бярэсця разбіраў шэраг спраў, звязаных з прысваеннем пэўнымі асобамі гарадской маёмасці і звязаным з гэтым ціскам на мяшчан. Напрыклад, у верасні – кастрычніку берасцейскія бурмістры, радцы і лаўнікі запатрабавалі прыцягнуць да адказнасці ротмістра “харугвы янчарскай” Антона Кулеша. Кіраўніцтва магістрата абвінаваціла яго ў тым, што ён «у абыход Канстытуцыі 1717 года і шмат іншых Канстытуцый... гарадскія лугі пазабіраў» [19, с. 82; 25, арк. 53адв.]. Акрамя таго, ротмістр (паводле скаргі) прымушаў мяшчан Бярэсця займацца касьбой, не дазваляў ім нікуды адыходзіць з працы, а прыбытак з лугоў забіраў сабе. Справа была перанакіравана ў камісарскі суд, які сваім рашэннем ад 1 кастрычніка 1731 г. вярнуў гораду забраныя Кулешам лугі разам са скошаным сенам і выдзеліў спецыяльных людзей “для правозу і забараня онага”, а ротмістр быў аштрафаваны за супрацьпраўныя дзеянні [19, с. 82; 25, арк. 54].

Паралельна з гэтай справай ішло разбіральніцтва “аб млынах скарбовых і па-за дэкрэтовых”. Берасцейскі млынар-мяшчанін Букрэўскі запатрабаваў вярнуць яму скарбовы млын на Заходнім Бугу, які знаходзіўся ў пасэсіі (арэндзе) ва ўдавы берасцейскага кашталяна Мікалая Садоўскага – Крысціны (з роду Пацеяў). Падчас разгляду справы выявілася, што папярэдні арандатар не выплачваў у скарб падатак у памеры адной меркі змолатага збожжа. Таму 2 кастрычніка 1731 г. камісарскі суд Бярэсця пакінуў млын у пасэсіі ў кашталянкі Садоўскай [19, с. 81; 25, арк. 12–17адв.].

Яшчэ адна справа датычылася незаконнага прысваення гарадскіх земляў (102 шнуры) на карысць берасцейскага езуіцкага калегіума. Гэты надзел быў далучаны імі да падараванага яшчэ ў сярэдзіне XVI ст. князем Дзмітрыем Фёдаравічам Сапегам фальварка Пельчыцы. Езуіты перашкаджалі перамерам прыналежаючых да іх кляштара і калегіума зямель, выганялі каморнікаў і землямераў, прымушалі берасцейскіх мяшчан да прац на сваю карысць. Кіраўнікі горада (бурмістры, радцы, лаўнікі) падалі агульную скаргу “ад імя паспальства” на

самаўпраўства езуітаў і запатрабавалі вярнуць “102 шнуры грунтоў, лугоў і лесу”. Камісарскі суд Бярэсця сваім рашэннем ад 10 снежня 1731 г. пастанавіў: “тое, што гэты фальварак неслухна да сябе прылучыў, гораду Яго Каралеўскай Міласці вярнуць, у пасэсію аддаць і канцамі Яго Міласцю панам каморнікам гранічным Берасцейскага ваяводства абмежаваць...” [19, с. 82; 25, арк. 54–56].

У верасні 1745 г. у Бярэсці распачаўся мяшчанскі бунт. Ён быў звязаны з тым, што тагачасны трымальнік Берасцейскай эканоміі каморнік ВКЛ Ян Ежы Флемінг павысіў у тры разы падаткі з мяшчан і сялян, якія жылі на яе тэрыторыі. Бунт супаў з хваляваннямі супраць самаўпраўства арандатара ў сельскай мясцовасці і падзеямі на Украіне, вядомымі як “гайдамаччына”. У перамовы з берасцейскімі мяшчанамі ўступіў (па просьбе караля Аўгуста III) канцлер ВКЛ Ян Фрыдэрык Сапега. У іх выніку непажаданыя падаткі былі адмененыя, і большая частка гараджан (у асноўным багатых і сярэдніх) адышла ад удзелу ў хваляваннях. Уладам удалося звузіць сацыяльную базу бунта і напрыканцы кастрычніка 1745 г., прыцягнуўшы ваенную сілу, канчаткова расправіцца з рэшткамі паўстанцаў [9, с. 396]. Нягледзячы на тое што мяшчанам удалося дабіцца адмены павышаных падаткаў, усё засталася па-ранейшаму: прыгнятальнік Флемінг быў адхілены са сваёй пасады толькі ў 1765 г., розныя нявырашаныя супярэчнасці працягвалі нарастаць, што выклікала неаднаразовае абвастрэнне праблем у будучым.

У студзені 1778 г. адбыліся хваляванні берасцейскіх мяшчан, якія працавалі на мануфактуры Тызенгаўза. Яны патрабавалі выдаць ім запазычанасці па заробках і ліквідаваць празмерную эксплуатацыю на прадпрыемстве. Працаўнікоў мануфактуры падтрымала бяднейшае мяшчанства Бярэсця, цэхавыя вучні і падмайстры і нават некаторыя члены магістрата. Падаўленню гэтых бунтаў перашкаджала тое, што ў той жа час распачалося паўстанне сялян па ўсім Берасцейскім ваяводстве. Выступленне паралізавала працу гарадскіх прадпрыемстваў (мануфактуры, цэхаў, лавак), органаў самакіравання і прымусіла шляхту пакінуць горад або ўзяцца за зброю. Толькі ў красавіку 1778 г. пасля накіравання двух палкоў рэгулярнай арміі Рэчы Паспалітай хваляванні былі падаўленыя. Улады змаглі перацягнуць на свой бок багатых мяшчан, цэхавых майстроў і кіраўніцтва магістрата, якія і без таго баяліся разрастання гэтага выступлення і яго пераўтварэння з лакальнага ў “пажар новай гайдамаччыны” [25, арк. 198]. Таксама мяшчанам не ўдалося дамовіцца з мяцежнымі сялянамі аб адзінстве сіл і агульнай барацьбе. Вынікам стала раз’яднанне дзвюх бунтоўных стыхій і іх паражэнне. Трое зачыншчыкаў бунту былі пакараны смерцю, яшчэ 16 пасаджаны ў замкавую турму, пяцёра мяшчан атрымалі па 150 удараў бізуном (двое пасля экзекуцыі памерлі) [25, арк. 201].

У другой палове XVIII ст. павялічылася колькасць сутыкненняў паміж хрысціянамі і іўдзеямі. Асноўнай прычынай такіх інцыдэнтаў з’яўлялася рэлігія, аднак былі і іншыя выпадкі, калі праваслаўныя і каталікі (з ліку берасцейскіх шляхцічаў або мяшчан) рабавалі яўрэяў, паквапіўшыся на іх маёмасць. Часам спалучаліся і абодва фактары. Так, у 1780 г. шляхцічы Мрачкоўскі і Багуслаўскі напалі на карчму мяшчаніна Эстэркі. Акрамя рабавання маёмасці і пагрому ў

будынку, “яны выкралі і зvezлі дачку гаспадара, каб зрабіць яе сапраўднаю хрысціянкаю” [1, с. 438; 20, с. 74]. У 1790 г. меў месца “кывавы навет” мяшчан-хрысціян на іўдзеяў. Першыя абвінавацілі сваіх апанентаў у выкарыстанні хрысціянскай крыві для рытуалаў і забойстве 10-гадовага хлопчыка. Яўрэйскі кагал спрабаваў адвесці паклёп, аднак апраўданні прывялі да таго, што адбыўся пагром, у выніку якога загінулі 20 іўдзеяў, была спалена сінагога і разрабаваны лаўкі [3, с. 16; 22, с. 537].

Адбываліся таксама канфлікты і паміж яўрэямі. Асноўнай прычынай супярэчнасцяў была маёмасць, аднак адбываліся спрэчкі і па некаторых дагматах іўдзейскай рэлігіі і па прычыне “напльву ў места пастаронніх жыдоў і трымання імі кантрактаў на арэнду розных устаноў”. У 1768 г. кіраўнікі берасцейскага кагала падалі скаргу ў “Камісію добрага парадку”, паскардзіўшыся на тое, што “...не згодна з Прывілеем аб арэндзе, ім належачага, пастароннія жыды Аарон Шмерковіч і Давід Нахімовіч падложным чынам і па крыўдзе іх кантракт гадавы з Яго Міласцю панам аканомам учынілі і арэндную суму на 4 тыс. тынфаў захапілі”. Больш за тое, яны патрабавалі адхіліць ад сваіх пасадак войта і лентвойта Бярэсця, якія займаліся паборамі з цэхавікоў яўрэйскага паходжання і гвалтам захапілі яўрэйскую лазню. Таксама кагальныя старэйшыны патрабавалі спагнаць гарадскія запазычаныя агульнай сумай 2300 злотых [19, с. 81; 25, арк. 21адв.].

Новы віток сацыяльных, эканамічных і рэлігійных супярэчнасцяў распачаўся ў 1792 г. падчас дзейнасці т. зв. Таргавіцкай канфедэрацыі. 23 ліпеня каля Бярэсця адбылася бітва 5-тысячнага атрада войска ВКЛ пад камандаваннем генерал-лейтэнанта Шымона Забелы і роўнага яму па колькасці расійскага корпуса генерал-паручніка Івана Ферзэна. Перад боем да “арміі літоўскай” далучыліся берасцейскі гарнізон і некалькі сот мяшчан. Аднак ход бітвы з самага пачатку склаўся не на карысць Забелы, і войска ВКЛ адступіла праз Цярэспаль на Варшаву. 11 верасня ў разрабаванае расіянамі Бярэсце з Вільні пераехалі кіраўнікі Таргавіцкай канфедэрацыі (Станіслаў Фелікс Патоцкі, Севярын Ржэвускі, браты Шымон Марцін і Юзаф Казімір Касакоўскія). Была створана “Генеральная канфедэрацыя абодвух народаў”. У Бярэсці таргавічане адзначыліся тым, што павялічылі ў некалькі разоў падаткі з мяшчан, увялі паборы на сваю карысць і заняліся рабаваннем гарадской маёмасці. Тых, хто не згаджаўся з новымі парадкамі, каралі турэмным зняволеннем або смерцю. У ноч з 23 на 24 верасня 1792 г. натоўп берасцейскіх мяшчан разграміў яўрэйскі квартал, які ўключаў у сябе некалькі сінагог, гандлёвыя рады, жылыя дамы. Загінула больш за 50 чалавек іўдзеяў, абвінавачаных гараджанамі ў пасобніцтве канфедэратам і расійскім войскам. Днём пад аховай вайсковага атрада, высланага расійскім паслом Якавам Сіверсам, кіраўнікі таргавічан пераехалі ў Гародню, а яўрэйскі пагром паўтарыўся [3, с. 16; 7, с. 658–659; 22, с. 539].

Наступным этапам гарадскога жыцця для Бярэсця сталі падзеі паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі. Ужо з сярэдзіны красавіка ў ваколіцах горада пачалі дзейнічаць паўстанцкія атрады, у самім “месте” пачаліся мяшчанскія хваляванні. 4 мая, баючыся акружэння і знішчэння, з Бярэсця ў напрамку Пінска адступіў невялікі расійскі атрад пад камандаваннем палкоўніка

Часменскага [27, с. 200–201]. 9 мая ў горад увайшоў атрад паўстанцаў на чале з паплечнікам Касцюшкі Казімірам Нестарам Сапегам. Князь здолеў сабраць атрад з берасцейскіх мяшчан колькасцю ў 1,5 тыс. чалавек. Астатнія адмовіліся па розных прычынах ісці да паўстанцаў. Аднак і сярод тых, хто запісаўся ў войска, сапраўдных добраахвотнікаў было мала – шмат каго ўзялі прымусова [15, с. 66; 18, с. 29; 30, с. 86].

У канцы чэрвеня 1794 г. у шэрагу гарадоў, ахопленых паўстаннем (у тым ліку і ў Бярэсці), распачаліся мяшчанскія хваляванні. Гараджане патрабавалі ад Касцюшкі і яго паплечнікаў спынення пабораў, экзекуцый і рэкрутчыны, а таксама стварэння вайсковых атрадаў на добраахвотніцкіх пачатках. Найбольш радыкальныя з паўстанцкіх кіраўнікоў (у першую чаргу Якуб Ясінскі) бачылі ў гэтых выступленнях пагрозу для адзінства паўстанцкіх шэрагаў і патрабавалі рашучай справы з іх удзельнікамі. Таму напачатку ліпеня Ясінскі санкцыянаваў падаўленне мяшчанскіх хваляванняў у Бярэсці і пакаранне смерцю 15 мяшчан [6, с. 229]. У адказ на гэта мясцовае насельніцтва адмовілася пастаўляць паўстанцам фураж і правіант, а берасцейскі магістрат разам з парадкавай камісіяй прыняў рашэнне байкатаваць правядзенне ў горадзе рэкруцкага набору [27, с. 203]. Пасля бітваў пад Крупчыцамі (17 верасня 1794 г.) і каля Бярэсця (30 верасня) расійскі камандуючы Сувораў загадаў ставіць шыбеніцы для берасцейцаў, падазраючы іх пагалоўна ў падтрымцы паўстання [4, с. 185]. Восенню 1794 г. паўстанне Касцюшкі, не атрымаўшы належнай падтрымкі з боку мяшчан, было канчаткова разгромлена. Яго вынікам стаў трэці падзел Рэчы Паспалітай (24 кастрычніка 1795 г.), пасля чаго дзяржава перастала існаваць, а Бярэсце ўвайшло ў склад Расійскай імперыі.

Апошняя палітычнай з’явай XVIII ст. была дзейнасць т. зв. Віленскай асацыяцыі (сакавік 1796 – кастрычнік 1797 г.). Гэта была таемная антыўрадавая арганізацыя з мэтай адраджэння Рэчы Паспалітай шляхам падрыхтоўкі і ўзняцця яшчэ аднаго паўстання. Таварыства разгарнула даволі шырокую дзейнасць – адгалінаванні (“філіі”) існавалі ў шмат якіх гарадах, у т. л. і ў Бярэсці. Членамі таварыства быў складзены “Акт паўстання” (27 студзеня 1797 г.), разасланы адозвы ў розныя паветы з заклікамі да шляхты, сялян, мяшчан, святарства ўздымацца на барацьбу. Аднак распачаць выступленне арганізатары і радавыя члены “асацыяцыі” не паспелі: ужо ў кастрычніку 1797 г. яе з дапамогай правакатараў выкрылі ўлады і пакаралі найбольш актыўных дзеячаў. У іх ліку былі накіраваныя ў сібірскую высылку і 7 берасцейскіх мяшчан разам з каталіцкім святаром [5, с. 214; 28, с. 88–89; 32, с. 154–157].

Паводле матэрыялаў статыстыкі часоў Расійскай імперыі, у Бярэсці ў 1797 г. пражывала 3192 жыхары (у т. л. 1351 яўрэй), налічвалася 623 дамы (з іх 21 каменны). Яўрэйскае домаўладанне на працягу XVIII ст. даходзіла да 70 %, што неаднаразова становілася прычынай пагромаў і “крывавых наветаў” [10, с. 96–97; 12, с. 237; 13, с. 18]. З прамысловых прадпрыемстваў у горадзе на канец XVIII ст. меліся суконная мануфактура, вінакурня, цагельня і жалеза-плавільны завод. Працавалі на іх у асноўным берасцейскія мяшчане – не болей, чым па 10 чалавек на адным “заводзіку”. Рэзка ўпала роля гарадскіх цэхаў: у

Бярэсці цэхавікамі на 1799 г. з'яўляліся толькі 25 % рамеснікаў. Аднак рамесніцкіх спецыяльнасцяў налічвалася 45 [8, с. 47; 10, с. 61; 11, с. 197, 199; 12, с. 243, 245, 246; 13, с. 18; 21, с. 20–21; 23, с. 1–2; 31, с. 187].

Такім чынам, на працягу ўсяго XVIII ст. жыццё Бярэсця і яго жыхароў было даволі супярэчлівым і разнастайным. Мяшчанскі асяродак горада быў неаднародным у сацыяльным, этнічным, рэлігійным і культурным аспектах. Асобныя групы ў ім часта пераходзілі ад супрацоўніцтва да зацятай канфрантацыі і наадварот. Часам здараліся і непераадольныя, непрымірныя супярэчнасці (напрыклад, паміж берасцейскімі іўдзеямі і хрысціянамі). Падобнае назіралася і ў наступныя дзесяцігоддзі. Толькі ў XX ст. удалося збіць накал супярэчнасцяў, што вякамі падзялялі гарадское грамадства Бярэсця.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Акты Виленской археографической комиссии. – Вильна : Тип. Губерн. правления, 1871. – Т. V : Акты Брестского и Городненского гродских судов. – 489 с.
2. Акты Виленской археографической комиссии. – Вильна : Тип. Губерн. правления, 1872. – Т. VI : Акты Брестского гродского суда, акты Брестского подкоморского суда, акты Брестской магдебургии, акты Кобринской магдебургии и акты Каменецкой магдебургии. – 742 с.
3. Акулич, М. Брест и евреи: история города невероятной судьбы: история, Холокост, наши дни / М. Акулич. – Минск : Изд. решения, 2017. – 67 с.
4. Анішчанка, Я. К. Палітычная гісторыя ў часы падзелу Рэчы Паспалітай / Я. К. Анішчанка. – Мінск : Выд. Хурсік, 2006. – 256 с.
5. Анішчанка, Я. К. Малавядомыя крыніцы пра «Віленскую асацыяцыю» 1797 года / Я. К. Анішчанка // Беларус. археагр. штогоднік. – 2011. – Вып. 11. – С. 214–217.
6. Анішчанка, Я. Статут жыцця Якуба Ясінскага / Я. Анішчанка // Маладосць. – 1998. – № 2. – С. 220–233.
7. Анішчанка, Я. Таргавіцкая канфедэрацыя / Я. Анішчанка // Вялікае княства Літоўскае : у 3 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2007. – Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 658–659.
8. Бацяеў, В. Ф. Традыцыйныя грамадскія аб'яднанні і формы самакіравання / В. Ф. Бацяеў [і інш.] // Беларусы / рэдкал.: В. М. Бялявіна [і інш.]. – Мінск, 2002. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі. – С. 9–149.
9. Белоруссия в эпоху феодализма : сб. док. и материалов : в 3 т. / редкол.: А. И. Азаров [и др.] ; сост.: А. И. Азаров [и др.] ; Акад. наук БССР, Ин-т истории, Арх. упр. при СМ БССР. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – Т. 2. – С середины XVII до конца XVIII века до воссоединения с Россией. – 561 с.
10. Белоруссия в эпоху феодализма : сб. док. и материалов : в 3 т. ; ред. колл.: В. В. Чепко, В. Н. Жигалов ; сост.: В. В. Чепко, В. В. Шатилло / Акад. наук БССР, Ин-т истории, Архивное упр. при СМ БССР. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1961. – Т. 3 : Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVIII – первой половине XIX века (1772–1860). – 623 с.
11. Бохан, Ю. М. Становішча гарадоў / Ю. М. Бохан // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2004. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – С. 187–201.

12. Бохан, Ю. М. Мясцэчкі і працэсы ўрбанізацыі на землях Беларусі ў XV–XVIII стст. / Ю. М. Бохан ; уклад. М. А. Волкаў. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 292 с.
13. Брест : энцykl. справ. / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭн, 1987. – 408 с.
14. Гардзееў, Ю. Рамантык эпохі Асветніцтва: Антон Тызенгаўз / Ю. Гардзееў. – Мінск : Тэхналогія, 2008. – 67 с.
15. Грыгор’еў, М. Войска ВКЛ ад Сасаў да Касьцюшкі (1765–1794 гг.) / М. Грыгор’еў. – Менск : Выд. З. Саложкін, 1994. – 168 с.
16. Грынявецкі, В. Берасце / В. Грынявецкі // Вялікае княства Літоўскае : у 3 т. / гал. рэд.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2005. – Т. 1 : Абаленскі – Кадэнцыя. – С. 313–314.
17. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал.: К. І. Шабуня [і інш.] ; Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – Т. 1 : Першабытнаабшчынны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму. – 631 с.
18. Емяльянчык, У. «За адну толькі шляхту ваяваць не буду» / У. Емяльянчык // Беларус. мінуўшчына. – 1994. – № 1. – С. 27–29.
19. 3 архіўных крыніц // Памяць: гіст.-дак. хроніка Брэста : у 2 кн. / рэдкал.: Р. Р. Бысюк (старш.) [і інш.] ; уклад. А. П. Кондак. – Мінск, 1997. – Кн. 1. – С. 79–82.
20. Здановіч, У. В. Магдэбургскае права / У. В. Здановіч // Памяць: гіст.-дак. хроніка Брэста : у 2 кн. / рэдкал.: Р. Р. Бысюк (старш.) [і інш.] ; уклад. А. П. Кондак. – Мінск, 1997. – Кн. 1. – С. 73–75.
21. Игнатенко, А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII вв. / А. П. Игнатенко. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963. – 87 с.
22. Кандель, Ф. Евреи России. Времена и события: история евреев Российской империи / Ф. Кандель. – М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2014. – 798 с.
23. Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распаду феадалізму / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. – Мінск : БАН, 1934. – Т. 1 : 1796–1840: статыстыка. – 300 с.
24. Молчанова, Л. А. Материальная культура белорусов в XVI–XVIII веках / Л. А. Молчанова // Вопросы истории. – 1979. – № 5. – С. 93–106.
25. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1906. Воп. 1. Спр. 1. – 370 арк.
26. Пашкевіч, У. Дэмаграфічны і эканамічны крызіс (другая палова XVII – пачатак XVIII стст.). / У. Пашкевіч // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2004. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – С. 119–126.
27. Пичета, В. И. К истории восстания Костюшко 1794 г. / В. И. Пичета // Учен. записки Ин-та славяноведения АН СССР / отв. ред. П. Н. Третьяков. – М., 1953. – Т. VII. – С. 179–209.
28. Таляронак, С. В. Тайныя таварыствы ў Літве і на Беларусі ў канцы XVIII ст. Віленская асацыяцыя 1796–1797 гг. / С. В. Таляронак // Весці АН Беларусі. Сер. грамад. навук. – 1992. – № 5–6. – С. 88–92.
29. Ткачоў, М. Берасцейскі замак / М. Ткачоў // Вялікае княства Літоўскае : у 3 т. / гал. рэд.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2005. – Т. 1 : Абаленскі – Кадэнцыя. – С. 318–319.

30. Філатава, А. М. Паўстанне 1794 г. на Беларусі / А. М. Філатава // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён : зб. арт. – Мінск, 1992. – С. 83–91.

31. Чаквін, І. У. Беларускі этнас у другой палове XVII – XVIII ст. / І. У. Чаквін // Беларусы / В. К. Бандарчык, В. М. Бялявіна, Г. І. Каспяровіч [і інш.] ; рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.] ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск, 2001. – Т. 4 : Вытокі і этнічнае развіццё. – С. 171–213.

32. Żytkowycz, L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–1797 / L. Żytkowycz. – Wilno: Nakładem Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 1938. – 464 s.

УДК 94(476.7 + 355.07(438-89)(091)“1919/1921”

А. Г. Трубчык (Беларусь, Мінск, Інстытут гісторыі НАН Беларусі)

АРГАНІЗАЦЫЙНАЯ СТРУКТУРА, КАМПЕТЭНЦЫЯ І АСНОЎНЫЯ НАКІРУНКІ ДЗЕЙНАСЦІ ОРГАНАЎ ПОЛЬСКАЙ ГРАМАДЗЯНСКАЙ АДМІНІСТРАЦЫІ БРЭСЦКАЙ АКРУГІ Ў 1919–1920 гг.

Дадзены артыкул прысвечаны агляду арганізацыйнага афармлення і дзейнасці органаў польскай адміністрацыі на тэрыторыі Брэстчыны пад час польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.). Упершыню ў айчыннай гістарыяграфіі паказана структура органаў кіравання, кадравы склад, размежаванне паўнамоцтваў і кампетэнцыі апарата грамадзянскага кіравання. Выяўлены асаблівасці арганізацыйнай структуры. На прыкладзе дзейнасці органаў улады ў сферы школьнай адукацыі паказана палітычная пазіцыя асобных чыноўнікаў у адносінах да будучага лёсу акупаваных зямель.

Дзейнасць польскай ваеннай адміністрацыі на Брэстчыне пачалася з сярэдзіны лютага 1919 г. і рэгулявалася спецыяльным дакументам – “Схема адміністрацыі Усходніх крэсаў”, зацверджаным на пасяджэнні Генеральнага штаба Войска Польскага 22 лютага 1919 г. [1, л. 106].

Акруговым камісарам пры камандаванні групай войскаў генерала Антонія Лістоўскага быў прызначаны Антон Ваяводскі, яго намеснікам – Мечыслаў Інэс. У сакавіку – красавіку 1919 г. кампетэнцыя акруговага камісара распаўсюджвалася на г. Брэст, Брэсцкі, Пружанскі, Кобрынскі, Слоніўскі і Пінскі паветы. У адпаведнасці з распараджэннем Генеральнага камісара ад 28 мая 1919 г. “Аб арганізацыі акруг і акруговых улад на тэрыторыі Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель” акрэслена структура і паўнамоцтвы Брэсцкага акруговага камісарыята, у падпарадкаванне якога перайшлі Брэсцкі павятовы камісарыят з г. Брэстам, а таксама Ваўкавыскі, Пружанскі, Слоніўскі, Кобрынскі, Пінскі, Мазырскі, Баранавіцкі павятовыя камісарыяты [2].

Першым камісарам горада Брэста быў Мар’ян Зброўскі, прызначаны на пасаду ў канцы лютага 1919 г. [3, л. 142]. З’яўляючыся прадстаўніком ваенных уладаў, гарадскі камісар забяспечваў ахову грамадскага парадку, кантраляваў працу органаў гарадскога самакіравання (гарадской рады і магістрата), даводзіў да мясцовага насельніцтва распараджэнні Літоўска-Беларускага дэпартаменту і

нёс адказнасць за іх выкананне. Усталяванню кантактаў паміж ваеннымі ўладамі і жыхарамі горада павінна была садзейнічаць гарадская рада, членаў якой камісар прызначаў з прадстаўнікоў розных нацыянальнасцяў і мясцовых грамадскіх арганізацый [4, л. 260].

З канца лютага 1919 г. камісар прыступіў да арганізацыі працы магістрата і гарадской паліцыі. Бурмістрам горада Брэста быў прызначаны Вітольд Вішнеўскі. Камісар г. Брэста з'яўляўся непасрэдным кіраўніком жандармерыі. Галоўнай задачай жандармерыі была ахова грамадскага парадку, выкананне адміністрацыйных распараджэнняў гарадскога камісара і прадастаўленне яму штомесячных справаздач. Акрамя таго, жандармерыя з'яўлялася выканаўчым органам судоў і казначэйства. У асобных выпадках начальнік жандармерыі мог выдаваць распараджэнні аб ахове грамадскага парадку, аднак уступленне дадзеных распараджэнняў у дзеянне залежала ад рашэння гарадскога камісара. За нядобра-сумленнае выкананне жандармамі сваіх абавязкаў і злоўжыванне службовымі паўнамоцтвамі прадугледжваліся дысцыплінарныя спагнанні, а таксама крымінальная адказнасць. За нясенне службы пры грамадзянскай адміністрацыі жандармы атрымлівалі дадатковае ўзнагароджанне ў выглядзе “кресовой надбаўкі” (надбаўка, якая ўсталёўвалася чыноўнікам на тэрыторыі Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель (ГУУЗ)) і “асабістай надбаўкі” (4 маркі штодня з фонду Генеральнага камісарыята) [5].

Арганізацыйная структура Брэсцкага гарадскога камісарыята не была вызначана ў афіцыйных распараджэннях ваенных уладаў. Пра пачатак працы камісарыяту гараджанам стала вядома 15 сакавіка 1919 г. з плакатных аб'яваў [6, л. 257]. Зліццё гарадскога камісарыята з павятовай адміністрацыяй замацавалася на падставе распараджэння Генеральнага камісара ад 28 мая 1919 г. “Аб арганізацыі акруг і акруговых улад на тэрыторыі Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель”. Зыходзячы з заканадаўства Польскай дзяржавы, на тэрыторыі “былой расійскай акупацыі” (у тым ліку тэрыторыя ГУВЗ) статус гарадоў, выдзеленых са складу павета, павінны былі атрымаць Вільня, Гродна і Брэст [7].

Гэтым прадугледжвалася, што дадзеныя гарады як адміністрацыйныя адзінкі, уваходзячы ў склад пэўных акруг, пераходзілі пад кантроль гарадскіх камісарыятаў, якія з'яўляліся органамі ўлады першай інстанцыі, і акруговых камісарыятаў – органаў улады другой інстанцыі. У сувязі з тым, што распараджэннем Генеральнага камісара ад 28 мая 1919 г. былі вызначаны паўнамоцтвы толькі Віленскага камісара, а падобных распараджэнняў у дачыненні да іншых гарадоў не было, у чэрвені 1919 г. кіраванне Брэстам перадавалася Брэсцкаму павятоваму камісару, пад кантроль якога пераходзіў магістрат. Гарадское аддзяленне жандармерыі было рэарганізавана ва Упраўленне паліцыі г. Брэста. Замест афіцэра-інструктара ўводзілася пасада начальніка паліцыі. Першым начальнікам паліцыі г. Брэста быў В. Больдак, яго намеснікам – А. Горскі [8, л. 260]

У склад Упраўлення паліцыі ўваходзілі тры сяржанта паліцыі, якія ажыццяўлялі агульны нагляд за працай участкаў, восем старэйшых паліцэйскіх,

60 участковых. Пры Упраўленні дзейнічаў крымінальны аддзел, які складаўся з кіраўніка, сакратара, двух сяржантаў паліцыі і шэсць агентаў. Справаводства ўскладалася на сакратара, яго памочніка і работнікаў канцылярыі. З 15 чэрвеня 1919 г. Упраўленне паліцыі перадавалася на ўтрыманне магістрата г. Брэста. Супрацоўнікі крымінальнага аддзела, за выключэннем сяржантаў, а таксама работнікі канцылярыі, адносіліся да катэгорыі дзяржаўных служачых, што прадугледжвала адпаведныя даплаты і ільготы, а таксама службовае жыллё [9, л. 13–14].

Першым кіраўніком Брэсцкага акруговага камісарыята быў Мацей Ямант, яго намеснікам з’яўляўся Уладзіслаў Есьман. Камісарыят складаўся з трох упраўленняў, канцылярыі і бухгалтэрыі. Начальнікам канцылярыі быў прызначаны Вітольд Говальт, галоўным бухгалтарам – Анастасій Баркоўскі. Фінансавое ўпраўленне ўзначальваў Юзэф Адамчэўскі, разліковае ўпраўленне – Марцэлій Саталецкі, начальнікам падатковага ўпраўлення з’яўляўся Станіслаў Плоцкі, ветэрынарны аддзел ўзначальваў Марэк Пенскі, агітацыйна-прызыўны аддзел – Юзаф Твардоўскі. На акруговага камісара ўскладалася адміністрацыйная функцыя, якая заключалася ў забеспячэнні грамадскага парадку, урэгуляванні нацыянальных, канфесійных адносін, сацыяльна-класавых інтарэсаў, каардынацыі дзейнасці грамадскіх арганізацый і таварыстваў, а таксама органаў мясцовага самакіравання. Кіраўнік камісарыята кантраляваў усе сферы жыцця ў акрузе: сельскую гаспадарку, гандаль і прамысловасць, медыцынскае абслугоўванне, школьную адукацыю, будаўніцтва і дарожна-рамонтныя службы, фінансавую сістэму. Ва ўмовах ваеннага часу адміністрацыйныя метады кіравання найбольш эфектыўна ўжываліся для барацьбы з ліхварствам і спекуляцыяй, для забеспячэння грамадскага парадку і правядзення антыэпідэмічных санітарных мерапрыемстваў, а таксама падчас правядзення рэквізіцыі на патрэбы арміі. Разам з тым, улада камісара не распаўсюджвалася на ваенныя і судовыя органы, на службы шляхоў зносін і камунікацыі (жалезная дарога, тэлефон, тэлеграф, пошта). Згодна з распараджэннем Галоўнакамандуючага ад 10 кастрычніка 1919 г. пасада “акруговы камісар” атрымала назву “начальнік акругі”, а камісары паветаў сталі называцца старастамі [10].

З 8 лістапада начальнікам Брэсцкай акругі быў прызначаны Уладзіслаў Есьман, а яго намеснікам стаў Юзаф Банькоўскі. Да пачатку 1920 г. усталювалася ўнутраная структура акруговага камісарыята, якая складалася з 3 інспектаратаў і 12 спецыялізаваных аддзелаў. Інспектаратам дзяржаўнай маёмасці і лесу кіраваў акруговы інспектар Юзаф Фелінскі, фінансавы інспектарат падпарадкоўваўся акруговаму фінансавому інспектару Юзафу Адамчэўскаму, школьны інспектарат узначальваў акруговы школьны інспектар Казімір Вольбецк. Інспектаратам дазвалялася весці ўласную карэспандэнцыю, выдаваць інструкцыі і распараджэнні, якія завяраліся асабістай пячаткай адпаведнага інспектара. Інспектары падпарадкоўваліся непасрэдна Генеральнаму камісарыяту, аднак кружнаму кіраўніцтву падаваліся копіі справаздачнай дакументацыі. У асобных выпадках акруговай камісар мог прыпыніць дзеянне распараджэння, падпісанага інспектарам, да атрымання дазволу Генеральнага камісара. Кіраўніцтва аддзелаў

ажыццяўлялі начальнікі і референты (у выпадку, калі пасаду начальніка застава-лася вакантнай): адміністрацыйны адзел узначальваў рэферэнт Якімовіч, адзел сельскай гаспадаркі – начальнік А. Маліноўскі, рэферэнт Нядзельскі, фінансава-гаспадарчы адзел – рэферэнт Лянкевіч, падатковы адзел – начальнік Станіслаў Плоцкі, адзел паліцыі – начальнік Ю. Вонз, адзел самакіравання – начальнік С. Святкевіч, харчовы адзел – начальнік Банькоўскі, санітарны адзел – акруговы лекар Станкевіч, ветэрынарны адзел – рэферэнт В. Пенскі, агітацыйна-прызыўны адзел – начальнік Юзаф Твардзецкі, адзел рамяства і гандлю – начальнік Аляксандр Чапскі, адзел ваенных трафееў – начальнік Генрых Пятровіч [11].

Кіраўнікі аддзелаў павінны былі прадастаўляць акруговаму камісару штомесячныя справаздачы аб сваёй дзейнасці. Аналагічныя патрабаванні былі да справаздач павятовых камісарыятаў (старастаў).

Палітыка польскіх улад на Брэстчыне мела выразны паланізатарскі характар, што можна прасачыць на прыкладзе іх дзейнасці ў сферы адукацыі. Першыя школьныя інспектараты пачалі арганізоўвацца на Брэстчыне ў красавіку 1919 г. Галоўную сваю задачу школьны інспектар Брэсцкай акругі Казімір Вольцбек бачыў у тым, каб стварыць як мага больш польскіх школ. У сваім распараджэнні ён меў зладжаную каманду аднадумцаў: павятовыя школьныя інспектары, мясцовыя арганізацыі Польшкага школьнага таварыства (далей – ПШТ) і Галоўная апякунская рада. Да канца кастрычніка 1919 г. у Брэсцкім, Кобрынскім, Пружанскім, Ваўкавыскім і Слонімскай павятах утворана 200 новых польскіх школ, якія атрымлівалі фінансавую дапамогу ад ПШТ. У Пінскім і Баранавіцкім павятах праца распачалася значна пазней, аднак да канца 1919 г. было зарэгістравана 70 новых школ. У сакавіку – чэрвені 1920 г. у Брэсцкай акрузе дзейнічала 455 польскіх школ, якія ахоплівалі 32 000 вучняў і 630 настаўнікаў [12].

Польская ўлада лічыла, што беларускі нацыянальны рух на Брэстчыне не аказвае ўплыву на насельніцтва, таму яно хутка падтрымае польскія школы. У жніўні 1919 г. інструктар Таварыства Стражы Крэсвай (ТСК) ахарактарызаваў палітычную сітуацыю ў рэгіёне наступным чынам: “Сярод насельніцтва ідэя незалежнай Беларусі і нават беларускіх школ вельмі непапулярная. Ад беларускіх школ, створаных пры нямецкай акупацыі, нічога не засталася. Аб беларускай мове, на якой адбывалася навучанне насельніцтва гаворыць, што “гэта была ні тутэйшая мова, ні руская, ні польская, а Бог ведае якая. Праваслаўнае насельніцтва да польскай улады адносіцца нават больш паслухмяна і лагодна, чым католікі, якія лічаць сябе прывілегіраванымі” [13].

Схіліць насельніцтва на бок польскай улады дапамагала матэрыяльная падтрымка польскіх грамадскіх арганізацый (раздача адзення, харчавання, арганізацыя пунктаў бясплатнай медыцынскай дапамогі, прытулкаў, інтэрнатаў і інш.). На думку інструктара ТСК Слонімскага павята, “праваслаўныя хутчэй падтрымаюць дзяржаву, якая гарантуе спакой і парадак, забяспечыць харчаваннем, дапаможа ўзнавіць гаспадарку... з нашага боку неабходна рэлігійная і, па магчымасці, моўная талерантнасць” [14].

Аб тым, якой была гэта “талерантнасць”, сведчыць дзейнасць павятовых школьных інспектараў. Школьны інспектар Слонімскага павета Станіслаў Кажан не забараняў арганізацыю беларускіх школ за кошт насельніцтва пры ўмове, што знойдуцца настаўнікі і беларускія кніжкі, напісаныя лацінскім шрыфтам. Інспектар разлічваў цягнуць час да зацвярджэння бюджэту, бо адчыніць новую школу ў сярэдзіне навучальнага года было немагчыма. На пасады настаўнікаў у павеце было вылучана 40 кандыдатаў, якія валодалі польскай мовай. Жадаючых працаваць у рускай або беларускай школе сярод іх не было. Яшчэ ў час правядзення летніх настаўніцкіх курсаў, арганізаваных у маі 1919 г. інструктарам ТСК Слонімскага павета, з заняткаў была выключана “група рускіх агітатараў” – настаўнікаў, якія збіраліся выкладаць на беларускай мове. Зразумела, што насельніцтва так і не дачакалася “адпаведных настаўнікаў” і, каб не пакінуць сваіх дзяцей увогуле без адукацыі, пачало згаджацца на польскія школы [15].

Да канца 1919 г. у павеце былі адчынены 58 польскіх школ і некалькі змешаных (польскіх з вывучэннем беларускай мовы). Усе польскія школы былі забяспечаны кніжкамі, якія ПШТ атрымлівала з Варшавы. У чэрвені 1920 г. у Слоніме арганізаваны чарговыя настаўніцкія курсы, якія павінны былі забяспечыць працаўнікамі 90 новых школ, праектаваных на наступны навучальны год.

Школьны інспектар Пружанскага павета Здзіслаў Аляхоўскі забараняў адкрыццё школ з рускай мовай навучання, пры гэтым дазваляў вывучэнне беларускай мовы ў польскіх школах. У кастрычніку 1919 г. былі арганізаваны трохмесячныя настаўніцкія курсы. Школьнаму інспектару было вядома, што палова з 40 слухачоў з’яўлялася былымі настаўнікамі рускіх школ, таму ён вымушаны быў дазволіць уключыць у праграму курсаў выкладанне беларускай мовы. Разам з тым у павеце не было створана ніводнай беларускай школы. Па сведчанні павятовага інструктара ТСК, праваслаўнае насельніцтва не жадала беларускіх школ, а настаўніцтва згаджалася выкладаць на польскай мове. Да канца года павятовыя школьны інспектар планавалі арганізаваць 60 польскіх агульнаадукацыйных школ [16].

Органы адукацыйнай улады на Брэстчыне падтрымлівалі каталіцкую адукацыю, таму шчыльна супрацоўнічалі з ПШТ. Са згоды інспектараў пад эгіду ПШТ былі перададзены гімназіі ў Ваўкавыску і Кобрыне. Пры падтрымцы ПШТ у Ваўкавыскім павеце планавалася ўтварыць 170 польскіх агульнаадукацыйных школ. У маі 1919 г. у Ваўкавыску ПШТ арганізавала першыя польскія курсы для непісьменных, у ліпені 1919 г. – настаўніцкія курсы, на якія былі запрошаны выкладчыкі з Варшавы. Да кастрычніка 1919 г. выдаткі на арганізацыю школьнай справы дзяліліся паміж інспектаратам і ПШТ: школьны інспектар утрымліваў 12 агульнаадукацыйных школ, ПШТ – 7 [17].

Моцны ўплыў каталіцкага духавенства на школы незадавальняў праваслаўнае насельніцтва. У канцы снежня 1919 г. выйшла распараджэнне Генеральнага камісара аб дазvole выкладання праваслаўнай рэлігіі ў дзяржаўных польскіх школах. Не было акрэслена, з якіх сродкаў неабходна плаціць праваслаўным святарам за выкладанне ў школах. Школьныя інспектары бралі выдаткі на сябе, аднак пачалі самі назначаць і кантраляваць дзейнасць

выкладчыкаў рэлігійных прадметаў. Гэта ўносіла напружанне ў адносіны з праваслаўным насельніцтвам. Восенню 1920 г. пад уплывам змены ваенна-палітычнай сітуацыі на карысць Польшчы ў рапартах інструктараў ТСК Брэстчыны з'явілася інфармацыя аб тым, што насельніцтва большасці паветаў пачало пагаджацца на польскія школы з выкладаннем рэлігіі на рускай мове.

У агульнай статыстыцы школ Брэсцкай акругі адсутнічаюць звесткі з Мазырскага павета. Школьны інспектарат у Мазыры быў арганізаваны ў пачатку красавіка 1920 г. Па дадзеных інспектара Гюнтэра, на тэрыторыі павета налічвалася каля 20 000 палякаў, да прыходу польскіх войскаў тут дзейнічала 19 польскіх школ [18]. Для арганізацыі школьнай справы не было магчымасцей: настаўніцтва не жадала заставацца ў зруйнаваных ваеннымі дзеяннямі вёсках, школы патрабавалі капітальнага рамонту, насельніцтва было не ў стане ўтрымліваць школы. Акрамя таго, набліжаўся час веснавых сельскагаспадарчых работ, таму прыцягнуць дзяцей да школы было складана.

Мясцовая адміністрацыя не ведала нават, да якой акругі належыць Мазырскае староства. Школьны інспектар напісаў ліст да інструктара ТСК Пружанскага павета з просьбай дапамагчы наладзіць школьнае жыццё. З Пружан дадзены ліст быў пераадрасаваны кіраўніцтву ТСК Мінскай акругі, якое, аднак, адмовілася займацца Мазырскім паветам, спаслаўшыся на цяжкасць камунікацыі з гэтым рэгіёнам. Нарэшце, толькі ў пачатку мая 1920 г. цэнтральная ўлада ТСК у Варшаве вырашыла перадаць гэтую справу Брэсцкай акрузе. У Мазыры пачала сваю дзейнасць ТСК, аднак ніякіх вынікаў гэта не мела. Падчас эвакуацыі староства ў пачатку ліпеня 1920 г. школьны інспектар знік разам з усёй дакументацыяй (магчыма, яе ўвогуле не існавала) і касай інспектарата.

У адносінах да яўрэйскіх школ адукацыйныя ўлады Брэсцкай акругі, улічваючы значны адсотак яўрэйскага насельніцтва, вялі памяркоўную палітыку. Руска-яўрэйскія школы з самага пачатку атрымлівалі фінансаванне ад Брэсцкага акруговага інспектарата, што да кастрычніка 1919 г. не мела перашкод з боку ГУУЗ. Новае кіраўніцтва секцыі асветы на чале з Л. Зажэцкім імкнулася да паступовай ліквідацыі руска-яўрэйскага школьніцтва. Школьныя інспектараты Брэстчыны, па магчымасці працягваючы фінансаванне гэтых школ, паступова ўводзілі выкладанне польскай мовы, дапускаючы, што вучні і настаўнікі ў выключных выпадках (для разумення найбольш складаных пытанняў) могуць карыстацца рускай мовай. У старэйшых класах вырашана было на пэўны час захаваць рускую мову выкладання, аднак з ужываннем польскамоўнай тэрміналогіі.

У снежні 1919 г. Нясвіжская руска-яўрэйская гімназія накіравала сваіх прадстаўнікоў да Генеральнага камісара ў Вільню са скаргай на тое, што школьны інспектар Брэсцкай акругі насуперак афіцыйным распараджэнням патрабуе выкладання прадметаў на польскай мове ў няпольскіх школах. Генеральны камісар Ю. Асмалоўскі згадзіўся з тым, што дзейнасць інспектара з'яўлялася "незаконнай" і дазволіў увядзенне рускай мовы выкладання ў малодшых класах. Мясцовы школьны інспектар пагадзіўся на дадзеную

саступку, якая стала адзіным выключэннем з агульнай тэндэнцыі апалячвання сярэдняй адукацыі на Брэстчыне.

Усяго ў 1919/1920 навучальным годзе ў Брэсцкай акрузе дзейнічалі 6 польскіх і 12 руска-яўрэйскіх сярэдніх школ, якія знаходзіліся на дзяржаўным утрыманні, 3 настаўніцкія семінары (Кобрын, Слонім, Ваўкавыск), 4 рамесныя школы (у Пінскім, Слонімскім паветах і Кобрыне). Калі ў 1919–1920 гг. асноўная ўвага надавалася арганізацыі агульнаадукацыйных школ (было затрачана каля 77 % бюджэтных сродкаў), то на наступны год планаваліся арганізацыя і падтрымка перш за ўсё сярэдніх і прафесійных школ [19].

У сувязі з пачаткам контрнаступлення савецкіх войскаў і неабходнасцю спешнай эвакуацыі польскіх органаў грамадзянскага кіравання ў ліпені 1919 г., большасць павятовых старастаў падрыхтавалі абагульняючыя справаздачы за ўвесь перыяд сваёй дзейнасці. На падставе атрыманых звестак начальнік акругі паспеў скласці ліквідацыйную справаздачу, якая была перададзены ў Генеральны камісарыят. Брэсцкі акруговы камісарыят і павятовыя стараствы былі скасаваныя загадам Галоўнакамандуючага Войска Польскага ад 9 верасня 1920 г. “Аб ліквідацыі Упраўлення Генеральнага камісара Усходніх зямель і Упраўлення Галоўнага Камісара зямель Валыні і Падольскага фронту” [20].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Schemat administracji Zarządu Kresów Wschodnich, 22 lutego 1919 // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2. Оп. 3. Д. 1.
2. Zarządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wshodnich o organizacji okręgów i władz okręgowych na obszarach wschodnich, zajętych przez Wojsko Polskie, 28 maja 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. – 1919. – № 5 (28 czerw.). – Poz. 39.
3. ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 2.
4. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 2.
5. Okólnik Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich do komisarzy okręgowych, Delegata dla Zarządu Powiatów Wołyńskich, i komisarzy powiatowych w przedmiocie organizacji żandarmerji powiatowej, 21 czerwca 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. – 1919. – № 8 (25 lip.). – Poz. IV-67.
6. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 2.
7. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. І. Борка. – Гродна : ГДУ імя Янкі Купалы, 2011. – 45 с.
8. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 21.
9. Rozporządzenie Komisarza Powiatu Brzesko-Litweskiego, 8 czerwca 1919 r. // ГАБр. – Ф. 96. Оп. 1. Д. 1.
10. Rozkaz Naczelnego Wodza Wojsk Polskich, dotyczy zmian w organizacji zarządu cywilnego na obszarach wschodnich, zajętych przez wojska polskie, 10 października 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. – 1919. – № 22 (24paźdz.). – Poz. I-225.
11. Protokół ze zjazdu komisarzy powiatowych okręgu brzeskiego z dnia 17 czerwca 1919 roku // BPW, Dział Starych Druków i Rękopisów, ZCZW, akc.1773/ 8, k. 28-41.; Ruch służbowy // Dziennik Urzędowy ZCZW. – 1920. – № 4 (20 stycz.), № 19 (10 marca.).
12. Sprawozdanie rzeczowe Inspektoratu Szkolnego Okręgu Brzeskiego za czas swego istnienia od 3.04.1919 r. do 29.09.1920 r. // BPW. DSDiR. ZCZW. – Akc. 1773/10/ IV.
13. Raport ogólny instruktora Straży Kresowej Władysława Kastory z okręgu świsłockiego, sierpień 1919 r. // AAN. – Zesp. 55. Akta TSK. Syg. 282. K. 41–44.

14. Raport instruktora Straży Kresowej powiatu borysowskiego za kwiecień 1920 r. // AAN. – Zesp. 55. Akta TSK. Sygn. 267. K. 9–13.

15. Raport kierownika obwodów słonimskiego Towarzystwa Straży Kresowej za okres od 17 października do 1 listopada 1920 r. // AAN. – Zesp. 55. Akta TSK. Sygn. 279. K. 80–84.

16. Raport instruktora Straży Kresowej Władysława Kastory z powiatu prużańskiego, grudzień 1919 r. // AAN. – Zesp. 55. Akta TSK. Sygn. 276. K. 21–30.

17. Raporty polityczny i społeczny Stanisława Podwińskiego z powiatu wołkowyskiego za okres od 8 do 23 października 1919 r. // AAN. – Zesp. 55. Akta TSK. Sygn. 282. K. 65.

18. List Inspektora Szkolnego powiatu Mozyrskiego do Straży Kresowej powiatu Prużańskiego, 29 marca 1920 r. // AAN. – Zesp. 55. Akta TSK. Sygn. 140.

19. Sprawozdanie rzeczowe Inspektoratu Szkolnego Okręgu Brzeskiego za czas swego istnienia od 3.04.1919 r. do 29.09.1920 r. // BPW. DSDiR. ZCZW. – Akc. 1773/10/ IV.

20. Rozkaz Naczelnego Wodza W. P. Z dnia 9 września 1920 r. o zniesieniu Urzędu Komisarza Generalnego Ziemi Wschodnich oraz Naczelnego Komisarza Ziemi Wołynia i Frontu Podolskiego, 9 września 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. – 1920. – № 1 (20 października). – Poz. I–1.

УДК 725.85:316.612 (476.7)

Д. В. Хвесько (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – З. С. Левчук, канд. пед. наук, доцент

СПОРТИВНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БРЕСТА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье представлены важнейшие спортивные сооружения Бреста, которые предоставлены для занятий спортом всем желающим. Благодаря наличию спортивных сооружений, Брест является спортивным городом, в котором имеются огромные возможности для формирования здорового образа жизни.

Брест можно по праву считать спортивным городом, в котором имеются большое количество спортивных сооружений, являющихся базой для развития личности. В г. Бресте можно заниматься спортом как на профессиональном уровне, так и на любительском. Так, на стадионе «Брестский» всегда открыты двери для любителей здорового образа жизни. Здесь можно арендовать беговые дорожки, заниматься в тренажерном зале по различным оздоровительным направлениям. В помещении зала площадью 360 м² расположен комплекс многофункциональных тренажеров, таких как кардиотренажеры, создающие аэробную нагрузку (беговые дорожки, степперы, велотренажеры, эллипсоиды), тренажеры для выполнения базовых спортивных упражнений, тренажеры для выполнения упражнений на узконаправленную группу мышц.

Функционируют спортивные залы, в которых ежедневно занимаются группы по следующим направлениям: спортивные танцы, хореография, классическая аэробика, детская йога, танец живота.

Многофункциональный стадион «Брестский» на улице Гоголя в Бресте был построен на месте пустыря в 1937 г. Тогда это была аллея Вольности,

а Брест-над-Бугом входил в состав Польши. В период немецкой оккупации (1941–1944) стадион использовался в качестве стоянки для бронетехники. С момента освобождения советскими войсками города и до 1972 г. он оставался спартаковским, пока его не передали спортобществу «Динамо». Капитальная реконструкция стадиона началась в 1996 г. Велась она поэтапно, матчи чемпионата Беларуси по футболу здесь проходили регулярно. Три года спустя, в 1999 г. были приняты в эксплуатацию футбольное поле, поле для занятий легкой атлетикой, восточная, северная и южная трибуны с индивидуальными пластиковыми сидениями на 2 311 мест. Стадион строился не только для проведения футбольных матчей, но и для проведения легкоатлетических соревнований республиканских и международных уровней.

Дворец водных видов спорта – современный спортивно-оздоровительный мультикомплекс международного уровня предлагает жителям и гостям г. Бреста широкий спектр услуг бассейнов для детей и взрослых.

Во дворце водных видов спорта предлагают различные направления фитнеса:

– пилатес – это система упражнений, основная цель которых – детальная проработка всей системы мышц, увеличение эластичности связок, подвижности позвоночника и суставов. Преимущество пилатес состоит в том, что он практически не имеет ограничений для занятий в зависимости от уровня подготовки, возраста, наличия тех или иных заболеваний;

– калланетика – это система непродолжительных, спокойных, четких движений, которые при последовательном выполнении помогут укрепить бедра, ягодицы, живот, придать соответствующую форму всему телу, улучшить осанку;

– стретчинг – вид аэробики, представляющий собой комплекс упражнений на растягивание мышц, связок и сухожилий. Хорошая гибкость дает возможность эффективнее выполнять упражнения, сохранять красивую осанку и снижает риск болей в спине;

– фитбол-аэробика связанас выполнением упражнений на фитболе, в процессе которых физическую нагрузку получает большинство групп мышц. Круглая форма мяча позволяет выполнять упражнения с большой амплитудой, а благодаря его неустойчивости для удержания равновесия мышцы постоянно находятся в напряжении. Преимущество фитбол-аэробики и в том, что тело напряжено на протяжении всей тренировки, в результате чего происходит сжигание большего количества калорий в сравнении с выполнением обычных статических упражнений;

– Body Balance представляет совокупность упражнений, сочетающих в себе фитнес, йогу и пилатес. Тренировка помогает укрепить мышцы, стать более гибким и нормализовать работу вестибулярного аппарата.

Дворец водных видов спорта имеет спортивный зал для занятий волейболом, восстановительные центры (сауны), тренажерный зал «LIGHT», к занятиям в котором допускаются только представительницы женского пола. В Брестской областной «Специализированной детско-юношеской спортивной

школе олимпийского резерва» могут заниматься любители бега, бадминтона, баскетбола, тенниса.

Государственное учебно-спортивное учреждение «Брестский областной центр олимпийского резерва по игровым видам спорта “Виктория” имени Мешкова» также предоставляет физкультурно-оздоровительные услуги коллективам физической культуры, любительским командам, юридическим и физическим лицам. Центральная арена предназначена не только для проведения игр и чемпионатов по баскетболу, волейболу, гандболу, мини-футболу и индорхоккею, но и для культурно-зрелищных мероприятий. Именно в Бресте любительский футбол проходит на высшем уровне. В зимний период любительские игры проходят в «Виктории», а весенне-осенний период – на стадионе «Строитель».

Формирование здорового образа жизни – важнейшая задача государственной политики. Важно формировать здоровый образ жизни как можно раньше. Необходимо знать и соблюдать последовательность формирования здорового образа жизни. У каждого человека должна быть своя система здоровья как совокупность условий образа жизни, которые он реализует.

УДК 796.071.2(476.7)

А. Н. Шпаковская (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – З. С. Левчук, канд. пед. наук, доцент

СПОРТ ВЫСОКИХ ДОСТИЖЕНИЙ И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛИ НА БРЕСТЧИНЕ

В статье проанализированы достижения спортсменов Брестчины, которые внесли значимый вклад в развитие спорта высоких достижений. Раскрыта история спортивных достижений на различных соревнованиях международного и мирового уровней, в которых побеждали спортсмены Брестчины.

Визиткой Республики Беларусь на мировой арене стал спорт. Об этом говорят высокие достижения белорусских спортсменов на международных соревнованиях. Значимыми спортивными достижениями прославилась и Брестчина. Наши спортсмены неоднократно подтверждали свой статус сильнейших на крупнейших мировых соревнованиях. Спорт высоких достижений Брестчины имеет свою историю. Любители спорта появились на Брестчине в конце XIX в., а спортсмены – в 20-х гг. XX в. Спортивная летопись Брестчины включает период истории, вобравший множество памятных событий, ярких имен и интересных фактов. Олимпийское движение в регионе зарождалось и развивалось как неотъемлемая часть массового спорта. Архивные документы свидетельствуют, что первые физкультурные сообщества возникли в Бресте в начале 90-х гг. XIX в. Это были небольшие кружки и группы, созданные при учебных заведениях. Кружковцы занимались плаванием, греблей, прогулками на велосипедах, катанием на коньках. В 1893 г. в городе было открыто отделение «Русского общества велосипедистов-туристов». Группа

энтузиастов совершила небывалый по тем временам пробег длиной 136 верст, проследовав по маршруту Брест – Кобрин – Верховесье – Великорита – Брест. Вскоре брестские велосипедисты успешно осуществили второй пробег протяженностью 132 версты.

Отсчет спортивных достижений представителей Брестчины ведется с 1928 г. Именно в этом году Николай Дранько из Бреста стал первым белорусским спортсменом, принявшим участие в Олимпийских играх в составе команды Польши. В 1928 г. он выступил на Играх в Амстердаме и занял высокое 5-е место в трековой гонке. К этому времени он уже был неоднократным победителем трековых и шоссейных гонок в Польше. Н. Дранько основал в Бресте знаменитую велосипедную ДЮСШ, выводя воспитанников на высокие результаты. Еще до войны один из его учеников Евгений Малец стал первым брестчанином, завоевавшим звание победителя всесоюзных соревнований и звание мастера спорта СССР.

В послевоенное время брестчане вновь достигают высоких результатов, в частности, в гребле. Именно в этом виде спорта тренером В. К. Пилипенко был подготовлен ряд выдающихся спортсменов, среди которых С. Л. Макаренко. В 1960 г. на XVII Олимпийских играх в Риме он стал первым представителем Брестчины, завоевавшим олимпийскую золотую медаль. Сегодня эти спортивные традиции продолжает в гребле академической В. В. Синельщиков. Он открыл дорогу в спорт высших достижений многим знаменитым белорусским спортсменам в гребле. Представительницы школ академической гребли Юлия Бичик и Наталья Гелах дважды становились бронзовыми призерами Олимпиады в Афинах в 2004 г., в Пекине в 2008 г.

Достоинный след в спортивной истории оставили выдающиеся легкоатлеты, стрелки, тяжелоатлеты, судьба которых так или иначе оказалась связанной с Брестчиной. Среди них Б. Корецкий в фехтовании, В. Балихин в беге с барьерами, А. Васильев в стрельбе, И. Базилевская в гребле академической. Особого внимания заслуживает наш земляк, уроженец д. Ляховцы Малоритского района Петр Поченчук, ставший серебряным призером Игр Олимпиады-80 в Москве в спортивной ходьбе на 20 км. С 1992 г. в республике ежегодно проводятся состязания, посвященные памяти спортсмена.

Триумфом можно считать олимпийский дебют на Играх XXII Олимпиады в Москве двадцатидвухлетнего парня из Бреста Бориса Исаченко, завоевавшего серебро в стрельбе из лука. В пантеон славы мировой тяжелой атлетики вошел уроженец Малориты Леонид Тараненко. В 80-е гг. XX в. он являлся мега-звездой подмосковья, где состязались самые сильные мужчины планеты. Л. Тараненко установил 19 мировых рекордов, завоевал «золото» Московской Олимпиады в 1980 г, «серебро» Олимпийских игр в Барселоне в 1992 г. Наш земляк занесен в книгу рекордов Гиннеса с мировыми рекордами: толчок 266 кг, в сумме упражнений 475 кг достигнуты в 1988 г.

На Олимпийские игры в Атланту 1996 г. наша делегация отправилась впервые в статусе национальной команды. Белорусские спортсмены завоевали 15 медалей, в числе которых были медали посланцев Брестчины. Серебряная

медаль, завоеванная Н. Сазанович в семиборье, и бронзовые медали Т. Самохваловой (Давыденко) и Я. Павлович в академической гребле в составе «восьмерки» с рулевой стали ценным вкладом в командную «копилку».

В 2000 г. на Олимпийских играх в Сиднее сборная Беларуси завоевала три золотые, три серебряные и одиннадцать бронзовых медалей, заняв в неофициальном рейтинге 23-ю строчку из 199 стран-участниц. С лучшей стороны проявила себя на этих Играх наша землячка Наталья Сазанович, выступавшая в семиборье и занявшая призовое третье место. Бронзовая медаль двадцатисемилетней спортсменки стала единственной наградой среди всех посланцев Брестчины на этой Олимпиаде.

На XXVIII Олимпийских играх 2004 г. в Афинах вспыхнула сверхновая звезда. Бегунья из Беларуси Юлия Нестеренко преодолела в тот день 100 метров быстрее всех на планете, опередив афроамериканок, доминировавших в спринте. Девушку из Бреста тут же окрестили «Белой Молнией», и эта метафора сопровождает ее до сих пор. Победа в самой престижной дисциплине легкой атлетики стала подлинным триумфом не только для спортсменки, но и для всей Беларуси.

К Афинской Олимпиаде усиленно готовилась и тяжелоатлетка Анна Батюшко. На Олимпиаде обаятельная белоруска выглядела абсолютно неизвестной дебютанткой. Тем не менее в занявшей почетное восьмое место в сумме упражнений, т. е. место в десятке сильнейших, в восемнадцатилетней пинчанке специалисты увидели перспективную спортсменку. В 2003 г. на чемпионате мира в канадском г. Ванкувере талантливая спортсменка взяла «бронзу» в весе до 63 кг, заодно установив свой первый мировой рекорд – 113,5 кг в рывке. В олимпийских Афинах она стала одной из претенденток на медали. В упорной и напряженной борьбе наша землячка завоевывала второе место, имевшее фактически золотой отлив. Олимпийское «серебро» Афин дорогого стоило. Анна Батюшко в числе других девушек совершила настоящий прорыв, обеспечив женской тяжелой атлетике внимание специалистов и огромный общественный интерес в Беларуси. Сегодня этим видом спорта занимаются сотни девушек по всей стране.

О четкой спортивной специализации Брестчины говорить в наше время затруднительно. В регионе очень активно развиваются многие виды спорта, однако предпочтение отдается гребле, легкой атлетике. Третий вид – пулевая стрельба, где Брестская область представлена выдающимися чемпионами и призерами Олимпийских игр. Об этом свидетельствует блистательная спортивная карьера Сергея Мартынова. Родившийся в 1968 г. в Московской области Сергей с детства жил в г. Бресте и считает его своим родным городом. Именно здесь будущий рекордсмен мира впервые стал постигать азы стрельбы из малокалиберной винтовки. Упорство и терпеливость, отличавшие брестского спортсмена, вскоре принесли свои плоды. Молодой стрелок выиграл ряд престижных соревнований и его включили в национальную команду Советского Союза, которая в 1988 г. отправилась на Игры XXIV Олимпиады в Сеул. Советские стрелки на тех Играх не достигли победы. Возможность взойти на

пьедестал главных соревнований планеты открылась С. Мартынову спустя четыре года в австралийском Сиднее. И Сергей Мартынов блестяще ее реализовал. В упорной борьбе воспитанник Брестчины выиграл «бронзу». От второго места и, соответственно, олимпийского «серебра» его отделила одна десятая доля миллиметра. Однако, завоеванная медаль являлась успехом и для него, и для национальной сборной.

Начало нового века ознаменовалось для С. Мартынова новыми стартами в спортивных соревнованиях самого высокого ранга. Подтверждая статус одного из сильнейших стрелков планеты, наш земляк добился права участвовать в Олимпиаде в Афинах-2004. Там, соревнуясь с лучшими спортсменами мира, белорус своим результатом подтвердил, что отечественная школа пулевой стрельбы по праву считается одной из лучших в мире. Наш земляк уверенно выиграл свою уже вторую олимпийскую бронзовую медаль. Проявляя спортивное долголетие, в 2006 г. С. Мартынов выигрывал личное и командное первенство мира. Великолепный стрелок из Бреста, он по-прежнему находится в отличной форме и по праву занимает место в составе национальной команды.

На Олимпиаде в Пекине в 2008 г. приняло участие 24 спортсмена из 8 регионов Брестской области. Спортсмены Брестчины были представлены в 10 видах спорта: бадминтон, спортивная гимнастика, художественная гимнастика, гребля академическая, легкая атлетика, плавание, стрельба пулевая, стрельба из лука, тяжелая атлетика, фехтование. Это лучший показатель для нашей области за всю историю выступления на Олимпийских играх после признания суверенитета Беларуси.

В Пекине спортсменами области завоевано три медали. Представительница Столинского района Надежда Остапчук в толкании ядра стала третьей. А брестчанки Юлия Бичик и Наталья Гелак в гребле академической в составе «двойки» распашной также смогли завоевать почетное третье место. Близки к завоеванию медалей были еще несколько наших земляков. В шаге от медали остановилась одна из лучших на сегодняшний день в республике тяжелоатлетка из Каменецкого района Ирина Кулеша. В финальном забеге 4 по 400 метров белорусские девушки, в числе которых выступала брестчанка Юлиана Ющенко, также заняли почетное 4 место. Наши спортсмены как участники предыдущих Олимпиад, так и перспективная молодежь в будущем добьются новых спортивных побед.

УДК 94(476)«16»

K. Suwała (Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie UMCS)
Научный руководитель – dr hab. prof. nadzw. Dariusz Kupisz

SEJM BRZESKI Z 1653 ROKU

Статья посвящена Брестскому сейму 1653 г. – одному из 22 экстраординарных сеймов в истории Речи Посполитой, и первому, проходившему за пределами Короны. Автор рассматривает вопрос о подготовке сейма. Основное внимание уделяется ходу заседаний сейма и принятым решениям.

Artykuły henrykowskie z lat 1573–1576 przewidywały zwoływanie sejmów nadzwyczajnych, czyli extraordinaryjnych. W przypadkach, gdy było to konieczne, to król mógł zwołać sejm normalny nadzwyczajny. Ów sejm nie obowiązywała zasada tycząca się sejmów zwyczajnych (ordynaryjnych), które powinny odbywać się najdalej co dwa lata. Sejm nadzwyczajny nie był jednak sejmem specjalnym, jak elekcyjny czy konwokacyjny. Sejmy nadzwyczajne można było zwołać w dogodnym momencie, nawet niewiele oddalonym w czasie. Ustalenie czasu zależało od monarchy i tego, jak pilna według niego była ta potrzeba. Ze względu na przyspieszony proces zwoływania takiego sejmiku, skracano czas na odbycie sejmików przedsejmowych (od czterech do dwóch tygodni). Obrady sejmów extraordinaryjnych również trwały krócej – dwa tygodnie, najwyżej trzy. Jeśli zaistniałaby potrzeba przedłużenia, decyzja musiała zostać podjęta jednomyślnie. Należy również nadmienić, że z góry założono, że najistotniejszą kwestią jest to, aby owe sejmy nie trwały za długo. Wobec tego nie czytano na przykład paktów konwenty. Poruszano kwestie, które określone były w uniwersałach, legacjach oraz kanclerskich propozycjach od tronu – a więc w większości przypadków te związane z obronnością i zagrożeniem kraju, a także ze zbieraniem środków na jego obronę. Upoważniające monarchę do zwoływania sejmów extraordinaryjnych konstytucje sejmowe także wymieniały tematykę obrad.

Na sejmach nadzwyczajnych kierowano się zasadą jednomyślności, korzystano z liberum veto, ale zdarzało się także, że poruszano inne kwestie, aniżeli było to przewidziane w legacjach królewskich. W czasie istnienia Rzeczypospolitej, odbyły się 22 sejmy nadzwyczajne. 8 z tych sejmów zakończyło się przyjęciem konstytucji, a 11 zerwano [4, s. 12–38, 3, s. 216–302]. Jeden z takich sejmów został zwołany 11.02.1653 r. do Brześcia i trwał od 24.03.1653 r. do 18.04.1653. Było to w czasach panowania Jana II Kazimierza Wazy, marszałkiem sejmiku został Krzysztof Zygmunt Pac. Samo miejsce obrad było częściowo podyktowane tym, że Warszawa była zapowietrzona i para królewska opuściła miasto [1, s. 339–343].

Była to też pierwsza okazja w dziejach, gdzie sejm Rzeczypospolitej Obojga Narodów obradował poza granicami Korony. Sam sejm ciężko rozpatrywać bez wspomnienia o sejmie z 1652 r., gdyż w dużej mierze sejm z roku 1653 był kontynuacją poprzedniego. Na co zwraca uwagę fakt modyfikacji deklaracji podatkowych które zostały złożone na sejmie Brzeskim względem sejmiku poprzedniego. Same wysokości komputów koronnego i litewskiego pozostają bez większych zmian. Drobne modyfikacje dotyczą zmiany składu osobowego komisji

wojskowych Korony i Litwy, czy konstytucji dotyczącej dyscypliny wojskowej [2, s. 7–17, 71–83].

Przechodząc ściślej do wydarzeń poprzedzających sejm Brzeski musimy omówić ekspedycję sejmową która została przygotowana przez królewską kancelarie w czasie dwóch tygodni od rady grodzieńskiej, gdzie król oficjalnie ustalił termin sejm. Został wydany również uniwersał królewski oraz listy senatorskie, które podejmowały takie sprawy jak:

- Przyczyny zwołania sejm, na co składały się niskie wpływy z podatków, których do tej pory spłynęła zaledwie *jedna trzecia*, co miało katastrofalne przełożenie na opłacenie wojsk czy zaciąganie nowych. Innymi powodami była obawa wobec rosnących sił nieprzyjaciela, poprzez zawiązanie sojuszy z *poganami* (mając na uwadze rozmowy z Kozaków z Turcją, Mołdawią, Siedmiogrodem i innymi sąsiadami).

- Podstawę prawną zwołania sejm, którą była konstytucja uchwalona na poprzednim sejmie.

- Tematyka obrad sejmowych miała obracać się wyłącznie wobec kwestii finansowych, związanych z obronnością państwa.

- Termin obrad ustalono na 24.03.1653 rok i trwać miał dwa tygodnie, a miejsce odbywania się sejm wyznaczono wyjątkowo na Brześć, zdając sobie z naruszenia dotychczasowego prawa.

- Król wyznaczył termin rozpoczęcia sejmików przedsejmowych na 8.03.1653 rok, dodatkowo apelując do szlachy, aby rozważyła z myślą o ojczyźnie sposoby na wystawienie odpowiednio licznego wojska i spłatę zadłużenia, szczególnie wobec wojska.

- Podobne prośby król wystosował w stosunku do posłów na sejm i senatorów.

- Na koniec uniwersału król wzywał aby poborcy przywieźli na sejm zebrane dotychczas podatki, aby można było uspokoić wojsko.

Część ze spraw poruszanych w uniwersale królewskim została rozwinięta w instrukcjach królewskich na sejmiki. Szczególnie wytknięto szlachcie opieszałość w kwestii poboru podatków i zmniejszanie kwot podatkowych [2, s. 83–117].

Sejm rozpoczął się 24.03.1653 r. mszą w kościele jezuickim w Brześciu, którą odprawił biskup łucki Andrzej Gembicki, a kazanie wygłosił spowiednik królewski, jezuita ks. Seweryn Karwat. Następnie w izbie poselskiej dochodzi do oprostowania sejm jako zwołanego w miejscu niezgodnym z prawem i sporu o kolejność oddawania głosów w trakcie elekcji na marszałka którym ostatecznie zostaje chorąży wielki litewski Krzysztof Zygmunt Pac. Po przekazaniu królowi i senatowi informacji o wyborze marszałka, król wyznaczył datę ceremonii powitalnej. Następnego dnia 25.03.1653 z racji święta Zwiastowania Najświętszej Marii Panny następuje przerwa w obradach. 26.03.1653 r. rozpoczyna się ceremonia powitania króla, wygłoszono propozycje królewskie, a marszałek poselski poprosił króla o rozdanie wakansów. W kolejne dni 27.03 i 28.03 posłowie przedstawiają królowi listę wakansów, przedstawiają wota senatorskie i wybierają deputatów do rachunków skarbowych. 29.03.1653 roku marszałek sejm, Krzysztof Pac pozostawia posłom swobodę względem wyboru tematyki obrad z powodu braku rejestrów podatkowych, co uniemożliwia rozliczenie podatków z ostatnich lat. Posłowie wnioskuje między innymi o nie rozpoczynanie obrad merytorycznych przed rozdaniem wakansów. Ponadto

wybuchły pomniejszych spory typowe dla sejmów, jak spór o królewszczyzny, czy skargi powiatów i ziem. Król wezwał posłów do sali senatu, gdzie zostały ogłoszone nominacje królewskie na wakujące urzędy. Obrady tam zostały utajnione, odczytane zostały list hetmana polnego koronnego Stefana Potockiego i skrypty ze sprawozdania rad senatu. Na koniec król wyznaczył deputatów do rachunków skarbowych spośród senatorów. Dodatkowo około godziny 17 do Brześcia wjechał hetman polny litewski Janusz Radziwiłł. Następnego dnia była przerwa w obradach z racji niedzieli. 31.03.1653 r., w poniedziałek, marszałek podejmuje decyzje, że koekwacja obejmie tzw. podatek berestecki, zobowiązania Prus Królewskich oraz świadczenia uchwalone na sejmie letnim w 1652 r. Ponadto poruszono sprawę wakującej buławy wielkiej koronnej, skargi na żołnierzy czy nadanie urzędu generała artylerii litewskiej Zygmuntowi Wahlowi. Rozpoczęto koekwację i przedstawiono rozliczenie województwa poznańskiego z podatku beresteckiego. Kolejnego dnia 1.04.1653 posłowie zaniechali koekwacji, wrócono do tematu nadania buławy wielkiej koronnej i pomniejszych spraw. 2.04.1653 r. wznowiono obrady nad koekwacją, przez województwa poznańskie i kaliskie, dyskutowano na temat odszkodowania i pomocy materialnej dla właścicieli majątków poszkodowanych w wyniku działań wojsk koronnych. Opracowano też petycję w której poparto postulaty armii, z wnioskiem o ukaranie żołnierzy którzy dopuścili się przestępstw kryminalnych, kontynuowano rozmowy dotyczące buławy wielkiej koronnej. Kolejnego dnia 3.04.1653 r. kontynuowano koekwację, dotyczyły one województwa krakowskiego, księstwa zatorskiego i oświęcimskiego. Dyskutowano również na temat terminu wspólnych obrad z królem i senatem. W piątek 4.04.1653 r. kontynuowano koekwację od województwa wileńskiego do trockiego, przyjęto audiencję posłów wojska litewskiego, a kanclerz koronny poinformował izbę o tym, że król jest w gotowości do wysłuchania jej próśb. Kolejnego dnia, w sobotę 5.04.1653 r. nastąpił dalszy ciąg koekwacji podatków, od powiatu upitskiego do województwa smoleńskiego. Reprezentanci Prus Królewskich domagali się zapewnienia środków na utrzymanie twierz pruskich, ale inni posłowie oskarżyli ich o próbę uniknięcia rozliczenia podatku. 6.04.1653 r. przypadła Niedziela Palmowa Męki Pańskiej i nastąpiła przerwa w obradach. 7.04.1653 r., wznowiono obrady i koekwacje podatków od województwa lubelskiego do witebskiego. Dodatkowo deputaci przedstawili rozliczenie skarbu koronnego, litewskiego i generała artylerii. Żołnierze apelowali o pieniądze na wykup swój i pozostających w niewoli kolegów. Odczytano konstytucje „Zapłata wojskom koronnym starego i nowego zaciągu”, „Obostrzenie disciplina militaris” i „O generale artilleriej WXL”. W międzyczasie dwukrotnie przybyli do izby poselskiej deputaci senatorzy prosząc raz aby posłowie szybko kończyli koekwację i przybyli na konkluzję sejmu, a drugi raz wzywając natychmiast do stawienia się w sali senatu. Około godziny 17–18 uroczyste zakończone pracę izby poselskiej. Marszałek Krzysztof Zygmunt Pac wygłosił mowę i złożył laszkę marszałkowską. Na obradach senatu zostały przedstawione rachunki skarbowe i zajęto się interpelacjami kilku posłów. W izbach połączonych podjęto decyzję o przedłużeniu sejmu, wystrzegając możliwość spisywania i uchwalania konstytucji „przy świecach”.

W kolejnych trzech dniach, od 8.04.1653 do 10.04.1653 r. podejmowano obrady w izbach połączonych. Raz jeszcze odczytano konstytucję: „Zapłata wojskom koronnym starego i nowego zaciągu” i „Obostrzenie disciplina militaris”. Nieudało się dokończyć koekwacji koronnych, wystąpił spór o podatek berestecki. Kanclerz Koryciński informował o ilości pieniędzy wydanych na wojsko i wzywał do składania deklaracji podatkowych, które złożyły wojewódzwa: poznańskie, kaliskie, krakowskie, sandomierskie. 11.04.1653 r. zakończono składanie deklaracji podatkowych przez województwa koronne a także deklaracje województw i powiatów litewskich. W imieniu Jana Kazimierza, kanclerz Koryciński wezwał do zakończenia sejmów następnego dnia. 12.04.1653 r. debatowano o obronie kraju i sposobach na powiększenie liczebności armii koronnej. Ostatecznie prolongowano sejm do 16.04.1653 roku. Następnego dnia 13.04.1653 r. nastąpiła przerwa w obradach z powodu Niedzieli Wielkanocnej. Do obrad wrócono 14.04.1653, ale aż do 16.04.1653 roku nie ustalono niczego konkretnego. Debatowano nadal o obronie kraju i sposobach zwiększenia armii koronnej do stanu 50000 wojska. Król wydał ultimatum i zapowiedział koniec obrad kolejnego dnia. 17.04.1653 zaczęły się obrady o godzinie 10, a zakończyły dopiero 18.04.1653 roku w godzinach popołudniowych. Bezowocne dyskusje na temat obronności zostały zakończone przez króla. Następnie ustalono donację dla armii w wysokości półrocznego żołdu. Uchwalono konstytucje sejmowe, debatowano nad pomocą dla szlachty ukraińskiej, ogłoszono również infamisów. Ostatecznie zakończono ceremonialnie sejm, marszałek wygłosił mowę pożegnalną na którą odpowiedział król i posłowie ucałowali królewską rękę [2, s. 123–205].

Ostatecznie na sejmie w Brześciu uchwalono 74 konstytucje (77 jeśli wliczyć w to deklaracje podatkowe i rozliczenia podatków litewskich). Z czego 24 (26) dotyczyły Wielkiego Księstwa Litewskiego. 34 konstytucje można zakwalifikować jako ogólnopolskie, 12 jako partykularne, 28 jako prywatne. Są to zbliżone liczby do sejmów z 1652 roku, gdzie było 58 konstytucji z porównywalnym podziałem tematycznym. Sejm był w dużej mierze „przegadany” do czego widać zauważalną tendencję w ówczesnych latach. Uczestnicy nie skupiali się na ważnych sprawach dla jakich został zebrany sejm, ale często prywatnych i partykularnych. Owocowało to w kolejnych prolongatach sejmów, aż król stanowczo się temu przeciwstawił. Ostatecznie utrzymano postanowienia sejmów z 1652 r., gdzie określono wielkość armii koronnej na 50 000 a litewskiej na 15 000, mimo iż dotychczasowe pobory podatkowe wskazywały, że niemożliwym będzie wystawienie tak wielkiej armii [2, s. 229–236].

Список использованной литературы

1. Akta sejmikowe Ziemi Chełmskiej 1572–1668 ; opr. W. Bondyra, H. Gmiterek, J. Ternes. – Lublin, 2013.
2. Ciesielski, T. Sejm brzeski 1653 r. / T. Ciesielski // Studium z dziejów Rzeczypospolitej w latach 1652–1653. – Toruń, 2004.
3. Czapliński, W. Sejm w latach 1587–1696 / W. Czapliński // Historia sejmów polskiego. – Warszawa, 1984. – T. 1.
4. Opaliński, E. Sejm srebrnego wieku 1587–1652 / E. Opaliński // Między głosowaniem większościowym a liberum veto. – Warszawa, 2001.

Раздел 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БРЕСТЧИНЫ 1920–1950-Е ГГ.

УДК 323.15(438.1)«19-21/1939»(=161.2)

П. М. Дехтерук (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

УКРАИНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАЦИОНАЛЬНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА

Статья посвящена вопросам украинского национального меньшинства проживавшего на территории Полесского воеводства в 1921–1939 гг, а также политике, проводимой польскими властями по отношению к национальным меньшинствам в регионе. Автор анализирует количество украинцев проживавших на Брестчине как в годы Российской империи, так и Польши. Особое внимание обращается на проблему ассимиляции «тутейшего» населения Полесского воеводства.

Первая Всероссийская перепись населения, проводимая властями Российской империи в 1897 г., впервые определила национальный состав территории Брестчины. Территория, которая будет позже включена в состав Полесского воеводства, в Российской империи находилась в составе двух губерний – Гродненской и Минской. В Гродненской – Брест-Литовский, Кобринский, Пружанский уезды, в Минской – Пинский уезд. Общее население данных уездов составляло 772 722 человек. Из них в Брест-Литовском уезде проживало 218 432, в Кобринском 184 453, в Пружанском 139 074, в Пинском 230 763 человек. Из имеющихся источников можно предположить, что понятие «родной язык» подразумевало собой национальность. Таким образом, количество населения, назвавшего свой родной язык «малорусским», составляет 298 050 человек, или 38,57 %. Большинство украинского населения проживало в Кобринском и Брест-Литовском уездах – 79,58 % и 63,35 % соответственно [1]. О том, что на данных территориях проживали украинцы, свидетельствуют не только статистические данные, но и работы различных этнографов. «Этнографический атлас Западной России» Риттиха, изданный в 1860-х гг., показывает границы проживания украинцев-«малоросов»: три уезда Гродненской губернии (Брест-Литовский, Пружанский, Кобринский) на северо запад до реки Нарев и далее на восток между г. Пружаны и с. Сельце до Огинского канала. Труды профессора и этнографа Карского, изучавшего население Гродненской губернии, подтверждают карту Риттиха [2, с. 21]. 1 марта 1921 г. на территории, занятой польскими войсками, было создано Полесское воеводство со столицей в Пинске. 18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор, согласно которому «Польша предоставляла лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения

религиозных обрядов. Также лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше получили право в пределах внутреннего законодательства культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы». Национальные права украинцев и белорусов в Польше были закреплены также решением Совета послов Антанты, а на территориях с украинским большинством должна была быть создана украинская национально-культурная автономия, которая предполагала собой образование на национальном языке, свободу вероисповедания, в частности православия и греко-католицизма, а также свободу политических объединений и культурных организаций. Мало что из данных условий соблюдалось польским государством, однако положение украинцев в Польше было значительно лучше, чем в Румынии и СССР, но хуже, чем в Чехословакии. Пражское правительство оказывало помощь в иммиграции и показывало лояльность к украинскому меньшинству, проживавшему в Закарпатье.

30 сентября 1921 г. была проведена первая перепись населения во Второй Речи Посполитой. В Полесском воеводстве проживало 880 898 человек. Из них 156 142 назвали себя русинами (украинцами), что составило 17,73 % от общего количества населения региона [6]. Мартовская конституция 1921 г. закрепила гарантию равных прав всем гражданам Польши несмотря на национальность и религиозную принадлежность. На практике же только поляки были привилегированной группой. Ни один неполяк не стал во Второй Речи Посполитой министром, воеводой или старостой [3, с. 218–222].

Национальные особенности восточных территорий потребовали от властей выработки концепций особой политики. Основными стали федералистская и инкорпорационная. Федералистская концепция предусматривала культурную и некоторую государственную автономию в составе Польского государства. Инкорпорационная модель предусматривала включение «крэсов восточных» в общепольский культурный и государственный ареал, а также активную культурную ассимиляцию в том числе насильственными методами. Федералистская концепция в первые годы была поддержана польскими властями. Ее основы изложил Ю. Пилсудский в обращении к населению 22 апреля 1919 г. Однако время показало, что данная приверженность федерализму была лишь политическим ходом. Польскому государству, вступившему в ряд военных конфликтов, была нужна поддержка и мирный тыл. Вскоре Пилсудский отошел от этой концепции. Доминирующие позиции как в государственных проектах, так и в общественном мнении заняла инкорпорационная концепция. Кроме двух стержневых концепций, существовали и другие. Свой вариант предложили консерваторы во главе с С. Цат-Мацкевичем. Предполагалось провести постепенную инкорпорацию и сделать упор не на культурную ассимиляцию, а на государственную. Объявлялось несостоятельным применение насильственных методов, которые могли лишь привести к отторжению местного населения. Существовала либерально-демократическая концепция, предусматривающая территориальную автономию для украинцев и

белорусов, а также отказ от антисемитизма и национализма. Данную концепцию в своих программах использовали либеральные и социалистические партии. Она имеет множество схожих черт с набирающей в то время популярность регионалистской теорией, признающей наличие этнических особенностей в отдельных регионах как проявление разнообразия единой общепольской этнической общности и культуры. Первый этап решения проблемы с «национальными меньшинствами» в Польше, пришелся на 1923–1926 гг., когда у власти находилась Национально-Демократическая Партия, которая брала курс на полонизацию национальных меньшинств и их полную ассимиляцию. По мнению национальных демократов, правоцентристов и христианских демократов, Польша должна была существовать как мононациональное государство. Большинство политических деятелей напрямую считали украинцев несформировавшейся нацией, на которую очень легко воздействовать методом ассимиляции, полонизации. Именно это стало причиной советской ориентации украинцев и развития национализма. Теоретиками решения украинского вопроса считались Р. Дмовский и С. Грабский. По их мнению украинский народ считается «безгосударственным», а следовательно, и «неисторическим». Дмовский не признавал идею украинского государства. Для полной полонизации украинцев, по мнению того же Дмовского, требовалось двадцать лет [4]. Вторым этапом начался после 1926 г. с приходом к власти Ю. Пилсудского. Программа регионализма, разработанная волынским воеводой Генрихом Юзэвским, представляла собой индивидуальный подход к регионам в области национальной политики, учитывая особенности регионов.

Политика Польши в отношении украинцев на территории Волынского, Львовского, Станиславовского и Тернопольского воеводств и украинцев в Полесском воеводстве значительно отличалась. В 1923 г. полесский воевода Станислав Довнорович написал «Очерк программы государственных задач и работы на Полесье», где предусматривал, что Полесье должно было быть отделено от остальных северо-восточных земель с белорусским населением. Оно должно было стать польским форпостом на вновь присоединенных землях. Процессам обретения национального самосознания на выделенных территориях необходимо было придать пропольскую направленность. В нелегком деле ассимиляции было решено сделать ставку на местных крестьян. Немаловажным аспектом являлось положение о необходимости создания городского осадничества [5, с. 481]. Во время второй переписи населения в 1931 г. из общего количества проживавших в Полесском воеводстве 1 125 451 человек, украинцами себя называли 56 272 человек, 5 % от общего числа. В соответствии с переписью большинство населения (62,4 %) составляли «тутэйшие», что подтверждало слабую национальную идентификацию у населения, а значит необходимость активизации национальной политики в отношении «полешуцкой группы». Костек-Бернацкий в своей деятельности на посту воеводы был достаточно самостоятелен и использовал своеобразные методы. Их он изложил в приказе ко всем членам воеводского управления и полиции. «Тех полешуков, которые не заявили о своей национальности, следует считать поляками,

несмотря на вероисповедание и говор» [6, с. 134–135]. К середине 1930-х гг. наблюдается утверждение в необходимости скорейшего включения «полешуцкого племени» в состав польского народа. В 1935 г. при Совете Министров создается профильный Комитет по делам национальностей. Было принято решение о возврате к колонизаторской концепции. Включать жителей Полесья в систему государственных органов считали все же небезопасным. Предполагалось, что на слабозаселенных полесских болотистых территориях будет несложно изменить национальный состав населения. Необходимым посчитали проведение мелиоративных мероприятий, постройку городов и поселений, а также выплату дополнительных пенсионных отчислений тем, кто переезжал на полесские территории. Этими людьми в основном и должны были стать около 200 тыс. осадников, которые исполнили бы роль оплота польской культуры и традиций [7, с. 218–225]. Именно эта стратегия использовалась в области национальной политики вплоть до 1939 г. Она не принесла ощутимых результатов в ассимиляции, а скорее привела к обратному эффекту. Недоверие со стороны государства и исключение местного населения из государственного механизма привело к отстраненности и абстрагированию местного населения от доверенных лиц режима. В конечном счете политика ассимиляции не принесла результатов. Полесский край и сегодня является многонациональным регионом с большим разнообразием культурных традиций.

Список использованной литературы

1. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [Электронный ресурс] / под ред. Н. А. Тройницкого [Санкт-Петербург] : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутренних дел, 1899–1905. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/436627>. – Дата доступа: 01.03.2019.
2. Горбачук, В. Т. Український повстанський рух на Берестейщині в середині ХХ століття. Спогади, матеріали, листування / В. Т. Горбачук. – К. : Вид-во НПУ імені М. П. Драгомирова, 2016. – 214 с.
3. Motyka G. Odrzezi wołyńskiej do akcji “Wisła”. Konfliktpolsko-ukraiński 1943–1947. – Wyd-wo Literackie, 2015.
4. Dmowski, R. Polityka Polska odbudowanie państwa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wsercupolska.org/przeczytaj/Polityka%20polska.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2019.
5. Макар, Ю. Становище українців у міжвоєнній Польщі / Ю. Макар // Четвертий Міжнар. конгрес українців : доповіді та повідомлення. Історія. Ч. II : ХХ ст. - 1999.
6. Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / Гос. архив Брестской области ; сост.: А. Г. Карапузова (отв. сост.) [и др.] ; редкол.: Е. С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2009. – 306 с.
7. Свідерська, Н. Українське питання в політичних доктринах II Речі Посполитої / Н. Свідерська // Наук. зап. ТДПУ ім. В. Гнатюка. Сер. Історія. – 1999.

УДК 329.73(476-15)''1-921/1939''(=411.6)

Д. В. Дорогокупец (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – А. Н. Свирид, канд. ист. наук, доцент

ЕВРЕЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921–1939)

18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор, по которому Западная часть Беларуси входила в состав Польши. В условиях польской оккупации, недопустимого низкого уровня труда, и социально-политическая ситуация в Европе привела к национально-освободительному движению. Среди всего разнообразия партий разной направленности выделялись еврейские. Деятельность польских еврейских партий проходила под влиянием нарастающего антисемитизма в обществе, а также усиливались обострения отношений с властями.

18 марта 1921 г. после проигранной советско-польской войны Советский Союз подписывает Рижский мирный договор. По его условиям обширные территории Западной Беларуси отходили Польше. На этих территориях было создано польским правительством четыре воеводства: Новогрудское, Полесское, Виленское и Белостокское [4, с. 39].

На присоединенных территориях преобладающая масса населения была белорусами, но наряду с белорусами значительным было и еврейское население. Деятельность еврейских политических партий проходила в условиях нарастания враждебного отношения к евреям, а также осложнения отношений с властями. В начале 20-х гг. XX в. начинает борьбу за политические и экономические права евреев Еврейская фракция в польском парламенте [4, с. 39].

Еврейские политические силы проводили довольно активную политику в регионах. На территории Западной Беларуси был представлен весь спектр еврейских политических партий [4, с. 39].

Говоря о партиях, можно отметить партию «Союз Израиля». Программа партии включала в себя защиту интересов частной собственности, религиозных интересов еврейского населения, а также немало внимания уделялось идеям эмиграции евреев на свою историческую родину – Палестину. Если говорить о Полесском воеводстве, то здесь «Союз Израиля» проводил достаточно пассивную политику. Но даже проводя такую политику, партия осуществляла просветительские, молодежные и благотворительные мероприятия. Были созданы религиозные школы для девочек, Союз ортодоксальных женщин, Организация ортодоксальной молодежи, начальная школа. Таким образом, деятельность «Союза Израиля» имела больше религиозно-ортодоксальную направленность и преследовала идеи иудаизма, сохранение традиций еврейского народа, а также ставила целью вести просветительскую деятельность [4, с. 40].

В межвоенный период особой популярностью пользовалась партия Бунд. Она играла первые роли в еврейском политическом движении и в общественной жизни Западной Беларуси. Бунд действовал как официальная легальная партия с центром в Варшаве еще до присоединения белорусских земель в состав Польши

[2, с. 62]. Так как партия являлась легальной, она принимала участие в выборах Сейма, а это означает, что партия активно участвовала в политической жизни Польши [2, с. 63]. В партии не было единого взгляда на те или иные проблемы по отношению к вопросу о диктатуре пролетариата и парламентской демократии и по отношению ко II Интернационалу. Поначалу Бунд допускал установления диктатуры пролетариата с целью социалистического строительства. Только 14 февраля 1935 г. была принята Декларация, которая представляла собой партийную программу партии: социалистическая партия еврейского рабочего класса [1]. В своих программах Бунд осуждал сионизм, потому что это препятствовало культурной автономии. Партия выступала за равноправие еврейской нации во всех сферах жизни общества, но особое внимание уделялось вопросу бедности еврейского населения [1].

Таким образом, программы и идеи партии были привлекательны для еврейского общества того времени. Это подтверждают выборы в городские магистраты в 1934 г. В результате реорганизации и изменения идеологических программ Бунд оказался в состоянии играть важную роль в политической жизни не только Польши, но и «восточных кресов» [2, с. 64].

В начале XX в. возник ряд сионистских организаций социалистической направленности, база которых не ограничивалась пролетариатом, а включала выходцев из мелкобуржуазных слоев населения. Такие организации назывались младосионисты [3, с. 69]. Они пропагандировали будущее еврейского народа в Палестине и сблизилась с организациями палестинских рабочих. Далее последовал вопрос об объединении мелких партий в одну единую с четкой программой и задачами. Объединение произошло в 1920 г. в Праге под названием «Всемирная сионистская партия труда». Говоря о программе партии, можно отметить, что предполагалось создание в Палестине национального центра еврейской общественности, в основе которого бы лежало социалистическое хозяйство и еврейская культура. Предусматривалось возрождение национальной жизни в странах еврейской диаспоры на правах автономии, а также создание в рамках автономии своего производства и укоренение древнееврейской культуры [3, с. 69]. Был выдвинут план достижения вышеперечисленных целей:

- 1) создание пионерского движения для подготовки кадров эмиграции в Палестину;
- 2) направление в Палестину трудящихся;
- 3) должно произойти социально-политическое объединение евреев в государствах их проживания;
- 4) защита рабочих от эксплуатации;
- 5) сионизм должен укорениться на принципах исторических прав евреев на Палестину [3, с. 70–71].

Согласно программе сионистов, реализация их идеи должна произойти путем постепенного объединения всех элементов еврейского общества в умственном и физическом труде. Партия считала национальным еврейским языком иврит [3, с. 71].

Следует отметить, что партия принимала участие в сионистских конгрессах, а ее представители входили в состав исполнительных организаций сионистской направленности. Она имела огромное влияние со стороны не только еврейской интеллигенции, но и со стороны рабочей молодежи, что говорит о прогрессивности ее идей [3, с. 73].

Список использованной литературы

1. Основные направления деятельности и степень влияния еврейских политических партий в Западной Беларуси в середине 1930-х гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ustopuk.info>. – Дата доступа: 24.03.2019.
2. Костючик, В. Бунд в политической жизни Польши в межвоенный период (20–30 годы) / В. Костючик // Моладзь Берасцейшчыны : сб. науч. ст. студентов ист. фак. Брест. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. – Вып. 2. – Брест, 1995. – С. 62–68.
3. Свирид, А. Н. Сионистская партия труда «Hitachuuth» («Объединение») во II Речи Посполитой с момента образования до государственного переворота 1926 г. / А. Н. Свирид // Моладзь Берасцейшчыны : сб. науч. ст. студентов ист. фак. Брест. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. – Вып. 2. – Брест, 1995. – С. 69–75.
4. Стецкевич, П. Т. Деятельность еврейских политических партий и организаций на территории Полесского воеводства в 1923 – мае 1926 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://гер.polesu.by>. – Дата доступа: 24.03.2019.

УДК (476.7)«1921/1939»

Э. Э. **Дьякончук** (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – А. А. Савич, канд. ист. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ КОМАСАЦИИ В ПИНСКОМ ПОВЕТЕ (1921–1939)

Статья посвящена определению особенностей мероприятий по проведению комасации в Пинском повете межвоенной Польши. Проанализированы архивные материалы, отражены мнения исследователей, занимавшихся изучением проблематики данной темы. В работе представлены точки зрения как советской, так и современной белорусской историографии. Аграрные преобразования в повете были частью сельскохозяйственных реформ во всей Польше. На примере частных случаев были прослежены положительные и отрицательные последствия проведения комасации в отдельных частях повета и в целом на территории Пинщины.

На начало 1920-х гг. в западнобелорусской деревне, в том числе на Пинщине, были довольно слабо развиты капиталистические отношения, сохранялись многие пережитки, главной из них была чересполосица, в аграрной сфере широко использовалась ручная работа и натуральная оплата. Чересполосица была одной из главных препятствий на пути развития сельского хозяйства, что актуализировало объединение разбросанных крестьянских наделов.

Первые предварительные мероприятия по комасации осуществлены польскими властями на территории Западной Беларуси еще в течение 1919 г.,

но системное ее проведение стало возможным только после заключения 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора, по результатам которого западно-белорусские земли (в том числе и Пинщина) вошли в состав польского государства (II Речи Посполитой). В соответствии с принятым в Польше административно-территориальным устройством западнобелорусские земли были разделены на воеводства, уезды и гмины, в результате чего Пинск стал уездным центром Полесского воеводства. Площадь Пинского повета охватывала 5631 км², численность населения по переписи 1931 г. составляла 184 305 (из них в Пинске – 23 497, в деревнях – 149 560) человек. Густота населения в уезде в 32,7 человек на кв. км соответствовала среднему показателю по воеводству. Уезд включал в себя один город (Пинск), три городка (Логишин, Погост-Загородский, Серники) и 914 деревень. Он делился на 14 гмин: Бродница, Вичевка, Доброславка, Жабчицы, Кухотская Воля, Логишин, Лемешевичи, Морочно, Погост-Загородский, Парохонск, Поречье, Пинковичи, Угриничи, Хойно [9, с. 155].

Перед проведением комасации местные власти составляли подробный план работ по ее осуществлению, заключали предварительный договор с землемером о сроках и ходе выполнения планируемых работ, условиях оплаты выполненной работы и т. д. Несмотря на это, мероприятия комасации часто сопровождались организационными сложностями. Так, 18 октября 1924 г. в пинскую поветовую земельную управу попали 62 заявления (общее количество – 82) самостоятельных хозяев села Кутынь гмины Морочно с просьбой об объединении их земель с одновременной ликвидацией сервитутов. 22 октября в селе состоялось общее собрание крестьян с участием пинского поветового земельного комиссара М. Тапчевского, на котором было установлено, что деревни Кутынь I и Кутынь II представляли одну административную, но две юридические единицы. Общая площадь крестьянских наделов в Кутыни составляла около 460 га, а Кутынь II – примерно 142 га. Крестьянские наделы размещены в 12 окрестных местностях, у каждого из крестьян насчитывалось по несколько небольших разбросанных чересполосных наделов, расстояние между которыми в некоторых местах достигало 13 км. В результате рассмотрения на месте обстоятельств дела, было принято решение начать в указанной местности работы по комасации на следующих просторах: совместные наделы крестьян д. Кутынь I и Кутынь II – около 602 га; государственная усадьба Плянта-Заречная – около 650 га, а также церковных, сервитутных и земель, принадлежавших крестьянам. других деревень – всего около 1463 га. Осуществлять комасацию в деревне государственными властями было поручено землемеру К. Трофимовичу, который в скором времени начал в деревне свою деятельность. 26 августа 1925 г. крестьянами в д. Кутынь I и Кутынь II выбрана местная рада селения в составе Т. Марчука, М. Марчука, К. Савчука, Я. Верамейчика, М. Батька, С. Янчука и М. Окача, а также их заместителей. 30 августа 1925 г. в качестве членов оценочной комиссии крестьянами избраны М. Вакулич (житель д. Хряпино), Е. Надилович (д. Лакница) и А. Мацерук (д. Залужье), хорошо знающие местные условия хозяйствования. 22 сентября 1925 г. Комиссия составила оценочно-измерительный реестр земель и

определила его на плане, а на следующий день уездный земельный комиссар утвердил земли, подлежащие объединению и определил направление новых дорог. 24 ноября 1925 г. во главе с пинским поветовым земельным комиссаром состоялось собрание жителей д. Кутынь I, Кутынь II и Любин (присутствовало 90 из 102 участников комасации), на котором крестьянам был объявлен измерительно-оценочный реестр и пределы их новых наделов. Никто из сельчан не высказался против, не поступило жалоб и в течение следующих 14 дней, поэтому проект комасации деревень был признан правомочным. Крестьянам поручалось до 1 января 1928 г. довести сеть окружающих дорог к соответствующему состоянию. 2 октября 1926 г. совместно с членами совета заселения д. Кутынь I и Кутынь II землемер Трофимович приступил к определению условий перехода в собственность местных крестьян новых наделов. 25 июня 1927 г. на место прибыл поветовый земельный комиссар, который на общем крестьянском собрании заслушал мнения крестьян о проекте комасации и утвердил его. 2 октября 1926 г. совместно с членами совета д. Кутынь I и Кутынь II Трофимович приступил к определению условий перехода в собственность местных крестьян новых наделов [6].

11 марта 1929 г. крестьяне в с. Скуратичи гмины Поречье подали в поветовую земельную управу прошение с просьбой о осуществлении комасации у них в селе (общая площадь земли около 309,36 га). Инициаторами представления были 9 местных хозяев, которым принадлежало 89,57 га. Жители Скуратич в среднем владели по 10–21 пахотных и 5–14 луговых участков, отношения ширины к длине которых составляли как 1 к 1000. В селе насчитывалось 22 хозяйства, 13 из которых необходимо было наделение землей до размера в 5,5 га III класса в эквиваленте, что требовало 33,91 га, и 7 местных малоземельных крестьян выразили желание приобретения 5,5 га земли в окрестностях. Таким образом, для дальнейшего продуктивного ведения сельского хозяйства срочно было необходимо осуществление комасации и из 18 присутствующих на собрании крестьян 13 проголосовали в поддержку проекта объединения наделов [3].

Проведение комасации требовало определения оценочной стоимости земли, что возлагалось на создаваемые местными органами самоуправления оценочные комиссии. Так, 26 июня 1930 г. был избран совет заселения с. Бастичи гмины Жабчицы, а 4 октября того же года создана Оценочная комиссия в составе Д. Гусаковского, Е. Дорошенко и В. Дорошенко. По итогам работы указанной комиссии 15 ноября 1930 г. земли крестьян в селе Бастичи были разделены следующим образом: а) пахотные земли – I га первого класса стоил 600 злотых, II – 450, III – 350, IV – 240, V – 100; б) луга – IV – 650, II – 400, III – 300, IV – 200, V – 100; в) топи – IV – 20 и II – 5 злотых за 1 га. Между сельчанами и владельцем соседней усадьбы «Подгатъе» В. Бакуненко шел спор о праве обладания участком пахотной земли размером 10,36 га в «Березовой роще». Никаких документов, которые бы свидетельствовали в пользу одной из сторон, найдено не было, поэтому надел был исключен из земель поселения как спорный [4].

Следует отметить, что значительные трудности на пути комасации представляла нехватка квалифицированных инженеров, но вместе с этим власти ответственно относились к профессиональным качествам землемеров, которые проводили работы по комасации. Так, 6 июня 1926 г. Министерством Сельскохозяйственных реформ было запрещено С. Шпадерскому, жителю г. Пинска, осуществлять работы по землеустройству в связи с отсутствием документов, подтверждающих его профессиональную практику в качестве землемера [5]. Кроме этого, встречались случаи недоразумений между задействованными в деле осуществления комасации землемерами. Например, 23 июня 1934 г. инженер К. Суревич сообщал в Полесскую Окружную земельную Управу, что землемер К. Трофимович, который проводил комасацию села Нобель гмины Морочно, долгое время не платил деньги своим помощникам, мотивируя это личным тяжелым материальным положением, но средства на разгульный образ жизни у него имелись. Он любил часто употреблять спиртное, что приводило к стычкам с его вспомогательным персоналом и особенно уволенными непосредственно им Л. Гашчеком и С. Залесским, которые не имели средств для того, чтобы выехать из Нобеля, и в связи с этим совет с. Нобель просит помочь им выехать, потому что те подрывают авторитет землемера, подстрекают местных крестьян к написанию жалоб на К. Трофимовича и постоянно просят сельчан одолжить им деньги [2].

Государство в 1930-е гг. активизировало кредитование комасации. При оформлении кредита на комасацию крестьянину необходимо было заплатить первоначальный взнос, а потом каждое полугодие (1 апреля и 1 октября) выплачивать сумму основного долга равными долями с процентами. Гербовый сбор при этом обычно составлял 7 злотых 20 грошей, его нужно было заплатить в течение месяца со дня переоформления земли. Оплатить все необходимые работы крестьянам было довольно сложно, но польские власти во многих случаях понимали тяжелое материальное положение крестьян и шли им навстречу. Например, 15 февраля 1937 г. крестьян д. Кашавичи гмины Жабчицы обратились в Полесский воеводский земельный отдел с просьбой избавить их от платы за проведение комасации, так как они не могли ее своевременно оплатить (60 % местных крестьян имели надел менее 6 га, а качество земли оказалось самой низкой на территории гмины, кроме того, ближайший государственный лес находился в 40 км от села, из-за чего крестьяне не могли самостоятельно переносить и ремонтировать собственные постройки). Из 90 хуторизированных хозяйств этого села 60 были вновь созданными, и поэтому успешное осуществление комасации было невозможным без снятия с крестьян оплаты за выполнение работ [1, с. 152]. 11 октября 1937 г. житель д. Ганьковичы гмины Жабчицы П. Казак, на иждивении которого находилось четыре человека, просил поветовую земельную управу уменьшить размер выплат за комасацию наполовину в связи с тяжелым материальным положением. Крестьянин владел 5 га земли, из них озимыми засеяно 1,5 га, имел 1 лошадь, 2 коровы, 1 козу, 7 кур, 1 воз, 1 плуг, 1 борону. Дом и сарай крестьянина были в хорошем состоянии, крытые соломой – переносить свои постройки на новое место Казак

не соглашался. После рассмотрения поступившего документа поветовый староста принял решение на 1 год отсрочить выплаты.

Значительная проблема при осуществлении комасации – определение новой сети дорог и коммуникаций. Так, например, 23 марта 1939 г. землемер М. Петрковский обращался в Министерство коммуникаций для перенесения в ходе комасации д. Кухотская Воля II и частично Железница гмины Кухотская Воля существующей дороги Кухотская Воля – Любешов и проектируемой железной дороги Кухотская Воля – Любешов. Существующую дорогу планировалось расширить до 27 м в ширину и придать ей статус поветовой, а также определить ее местонахождение согласно полученным крестьянами наделам и планируемому прокладыванию железной дороги [7].

Польские власти стремились побудить крестьян к внедрению на новых хозяйствах передовых методов обработки земли, подчеркивали, что сама по себе комасация еще не гарант улучшения их материального положения. С данной целью власти проводили с активным участием крестьян различные сельскохозяйственные выставки-продажи и конкурсы. Так, 30 сентября 1928 г. Полесское окружное общество сельского хозяйства в д. Поречье провело демонстрацию достижений скотоводства, на которую с гмины Поречье доставлено 76 голов крупного рогатого скота и 47 лошадей. Демонстрацию посетили пинский поветовый староста В. Балдоне и вице-президент Полесского окружного общества сельского хозяйства в д. Поречье А. Сенкевич. Судейская комиссия в составе инспектора самоуправления В. Арды, ветеринарного врача Е. Черейского и А. Пининского выдала победителям конкурса 6 похвальных грамот, 4 плуга и 11 денежных вознаграждений.

Однако, несмотря на все приложенные усилия, польскому правительству не удалось провести комасацию в Пинском районе в 1921–1939 гг. на благо и к удовлетворению всего местного крестьянства. Например, жители д. Пучины и некоторых других деревень были недовольны условиями осуществления комасации, и поэтому в течение нескольких лет игнорировали проведенное властями перераспределение земель и оставались жить в деревне, продолжая обрабатывать прежние наделы [10, с. 108]. Комасация не была доведена польскими властями до конца, и поэтому не смогла полностью выполнить поставленные перед ней задачи. Вместе с тем комасация способствовала развитию производительных сил в сельском хозяйстве и созданию многих хозяйств фермерского характера, частично ослабила социальную напряженность на селе и стала для крестьян в некоторой степени отдушиной. Она способствовала улучшению благосостояния сельчан, специализации крестьянских хозяйств по выращиванию отдельных видов культур, повышению культуры обработки земли, ее урожайности и в итоге увеличению общего сбора урожая, складыванию общего внутреннего рынка и становлению в аграрной сфере Западной Беларуси товарно-рыночных отношений. Комасация была сложным и противоречивым процессом, который нельзя оценить однозначно, но благодаря ей местная сельское хозяйство сделало в целом довольно существенный шаг вперед в своем развитии [8, с. 18].

Подводя итоги, можно сказать, что проведение комасации в Пинском повете в 1921–1939 гг. способствовало ликвидации чересполосицы, поддержанию экономически сильных хозяйств, широко использующих передовые методы обработки земли, способных обеспечивать себя и поставлять продукты на рынок. Определить точно денежную стоимость крестьянских наделов было довольно сложно, поэтому во многих случаях крестьяне полагали, что их обидели и требовали дополнительной земли, а также перераспределения пахотной земли и приобретения более выгодного надела, что еще больше осложняло и затягивало комасацию. Многие местные крестьяне считали, что комасация автоматически облегчит их материальное положение, но не всегда их ожидания совпадали с действительностью. Благодаря проведению комасации улучшалось качество обработки земли и, соответственно, возрастала ее урожайность и общий сбор культур. Комасация снижала количество рабочих дней крестьян, требуемых для обработки личного надела, способствовала становлению капиталистических отношений в сельском хозяйстве повета и экономической дифференциации местного крестьянства, стимулировала создание общего внутреннего рынка, вовлечению крестьян Пинщины в государственные товарно-денежные отношения. Комасация создавала крестьянам отличные возможности вести хозяйство по-новому, но не все они смогли этим воспользоваться из-за отсутствия средств. Эти обстоятельства показывают как положительные итоги аграрных преобразований в Пинском повете, так и отрицательные, выразившиеся в недовольстве некоторых групп крестьян условиями аграрных реформ.

Список использованной литературы

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР : док. и материалы : в 2 т. – Минск : Беларусь, 1972. – Т. 2. 1929–1939 / И. П. Ховратович (сост.) [и др.]. 560 с.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 6. Д. 2312а.
3. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 2318.
4. ГАБр. – Ф. 60. Оп. 1. Д. 168.
5. ГАБр. – Ф. 60. Оп. 1. Д. 457.
6. ГАБр. – Ф. 60. Оп. 1. Д. 893.
7. ГАБр. – Ф. 60. Оп. 1. Д. 2056.
8. Гарматны, В. П. Правядзенне камасацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / В. П. Гарматны ; БДУ. – Мінск, 2016. – 27 с.
9. Памяць : гіст.-дак. хроніка Пінскага раёна / рэдкал.: Г. К. Кісялёў [і інш.]. – Мінск : БелТА, 2003. – 621 с.
10. Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 г.) / А. А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 204 с.

УДК 94(476-15)«19»

С. Ю. Крук-Перепелкина (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – А. Н. Свирид, канд. ист. наук, доцент

ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО ВОЛЬНО-КАЗАЧЬЕГО ОТДЕЛА АЛЖИРСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

На территории Западной Беларуси в 30-е гг. XX в. разворачивается деятельность 7-го Польского вольно-казацкого отдела, включившего в свой состав помимо природных казаков-эмигрантов и коренных белорусов. Польский отдел являлся частью многочисленной организации, Алжирской казацкой станицы, объединявшей казаков в странах эмиграции. Помимо Польского отдела, в Алжирскую станицу входило еще 8 отделов преимущественно в странах Европы. Основной своей целью станица преследовала посадку казаков на землю во французском Марокко для возрождения казачества и казацких традиций, пришедших в упадок после революции 1917 г.

Революционный взрыв 1917 г. в царской России безвозвратно изменил огромное государство и разбросал людей разного достатка и сословий по различным континентам, породив тем самым зарубежную русскую диаспору.

Доктор исторических наук Д. Д. Пеньковский в своем исследовании приводит сведения об эмиграции, явившейся следствием гражданской войны, почти трехсот тысяч казаков и членов их семей. Первая массовая казацкая эмиграция произошла осенью 1920 г.: казаки с семьями отплывали из черноморских портов в Турцию, Болгарию и Сербию. Сухопутный эмиграционный путь лежал в страны Европы. С Дона, Кубани, Терека и Волги эмигрировали в среднем по 100 тыс. человек. В целом по сведениям Д. Д. Пеньковского, в 1920–1930 гг. эмигрировали более полумиллиона казаков и их семей [9].

12 октября 1920 г. в Риге был подписан прелиминарный договор, а 18 марта 1921 г. окончательный Рижский мирный договор, согласно которому Западная Украина и Западная Беларусь вошли в состав Польши [11].

Польша как близлежащая территория с Россией наряду с другими странами Европы стала направлением массовых миграций антибольшевистских масс. Положение беженцев было повсеместно тяжелое, но в Польше они находились в чрезвычайно неблагоприятных условиях, что в большей степени касалось их юридического положения: проживания и передвижения внутри страны и т. д. Однако, несмотря на все трудности, беженцы стремились попасть в Польшу [10]. Можно предположить, что одним из решающих факторов эмиграции казаков в Польшу было то, что основная их масса была неграмотной [4, л. 145] и в Польше языковой барьер им было проще преодолеть, нежели во Франции либо в Германии.

Важно отметить, что накануне революции 1917 г. казачество обладало рядом очень важных политических и экономических прав и привилегий, сложившихся исторически и закрепленных законодательно. Из них особо следует

выделить права в области самоуправления, когда каждый казак имел право голоса, право избирать и быть избранным в местные судебные и властные органы. Значимым экономическим аспектом, обеспечивавшим прочное положение казачьих хозяйств, являлось войсковое землевладение, дававшее право гарантированного получения земельного надела, что при благоприятных условиях обеспечивало финансовое и материальное благосостояние казачьего населения. Эти привилегии создавали условия доминирования казачества в общественно-политической жизни казачьих областей по сравнению с их не казачьим населением [12].

Покинув столетиями насиженные земли, казаки лишились привилегий своего сословного статуса. На новых местах проживания со статусом беженцев и нередко без документов основная масса казаков оказалась в крайне бедственном положении. Постепенно для облегчения существования в новых сложившихся условиях в странах эмиграции согласно привычному казачьему административному устройству создаются хутора и станицы [14].

Польский вольно-казачий отдел (с центром в г. Пинске) Алжирской казачьей станицы формируется и разворачивает свою деятельность в 1934–1935 гг.

Алжирская казачья станица включала в себя 9 отделов, располагавшихся в различных странах рассеяния казаков-эмигрантов, с центром в Ницце и зарегистрирована в префектуре Приморских Альп в 1932 г. [5, л. 20]. Основной ее целью, помимо оказания помощи казакам в разрешении насущных жизненных трудностей, была посадка казаков на землю во французском Марокко для обеспечения казаков землей, возрождения казачества и казачьих традиций, для чего в 1932 г. было создано «Африканское кооперативное сельскохозяйственное и земельное общество» (СКАФА), зарегистрированное в Ницце [5, л. 30]. Целью общества было получение в форме концессий от правительства французского Алжира и Марокко удобных для земледелия и скотоводства территорий в восточном Марокко и обеспечения переселенцев всем необходимым (зданиями, техникой, инвентарем) [2, л. 1].

Станица представляла собой военную организацию с четкой иерархией, структурой, уставом и необходимыми атрибутами: имела свой герб, печать, флаг и знамя. Синдикат казачьей прессы Алжирской казачьей станицы издавал журналы «За казачество», «Донец» и «Казак». Отделы станицы состояли из групп, хуторов, куреней и находились в прямом подчинении атаману Алжирской станицы [3, л. 6]. Во главе отдела стояло управление, состоявшее из атамана отдела, нескольких помощников, писаря и казначея. Члены управления отделом назначались атаманом станицы и обязаны были все свое время посвящать на пользу станицы [3, л. 6].

В Польский отдел из 58 групп, существовавших по данным на 1934 г., в состав станицы входили: 6-й Пинский вольно-казачий хутор, 7-й Полесский вольно-казачий имени полк, Фролова хутор, 43-я Митеювская Калмыцкая группа, 44-я Беловежская Донская группа, 45-я Погост-Зареченская группа, 46-я Дрогичинская вольно-казачья группа, 47-я Ляховицкая белорусская группа, 48-я Коссовская Донская вольно-казачья группа, 49-я Телехановская украинская

группа, 50-я Лешиневичская белорусская группа, 51-я Омельникская белорусская группа, 52-я Козицкая белорусская группа, 53-я Речицкая белорусская группа, 54-я Обровская белорусская группа, 55-я Ивацевичская белорусская группа, 56-я Бродницкая белорусская группа [3, л. 17].

Стать членом Алжирской казачьей станицы имел возможность любой природный казак (кроме коммунистов), а также русские либо подданные других стран, получившие казачье звание за участие в Казачьих армиях или в борьбе против коммунистов, также каждый, оказавший станице бескорыстную и важную услугу [1, л. 6]. Требовалось выполнить ряд формальностей: подать рапорт на имя атамана станицы, заполнить анкету установленного образца и предоставить две фотографии для получения членской карточки [3, л. 6]. Обязательными являлись членские вступительные и ежемесячные взносы. Важными требованиями являлись отсутствие судимости, а для вступления в СКАФА и знание земледелия либо ремесла, приближенного к нему [2, л. 3], поскольку главная цель организации Алжирской станицы была посадка казаков на землю.

Военизированная структура станицы обязывала каждого, вступившего в станицу, беспрекословно подчиняться уставу станицы и лицам, поставленным во главе на местах [3, л. 6].

7-й Польский отдел являлся самым многочисленным. Объяснить это можно тем, что помимо природных казаков вступить в станицу изъявили желание и коренные белорусы, русские и украинцы, проживавшие на землях, вошедших в состав Польши после советско-польской войны 1919–1921 гг. Местные жители обращались к атаману Польского вольно-казачьего отдела с просьбами о зачислении в ряды станицы и СКАФА [4, л. 150]. От желающих не было отбоя [4, л. 170]. Т. е. можно утверждать, что белорусы были заинтересованы во вступлении в станицу и переезд в Марокко не меньше русских казаков. Основной причиной тому, предположительно, был «политический режим» Юзефа Пилсудского, ущемлявший интересы национальных меньшинств.

На основании множественных просьб было принято решение о формировании белорусских казачьих групп, в которые могли быть зачислены белорусы с условием выплаты необходимого взноса согласно уставу организации [4, л. 151].

Польские власти резко проявили свое негативное отношение к тенденции вступления польских граждан – белорусов в ряды станицы. Руководство отдела и его подразделений подвергалось преследованию, арестам, выселению за пределы воеводств. При многочисленных обысках изымались анкеты, списки, приказы, квитанционные книги с печатью станицы [8, л. 16]. Полиция всячески препятствовала в деле формирования белорусских групп, сбор денег с белорусов был категорически запрещен [4, л. 119, 144, 145].

Полиция безжалостно боролась с Алжирской казачьей станицей, разраставшейся все больше и больше. Более 20 атаманов хуторов, куреней и групп станицы подверглись тюремному заключению, около 10 человек выслано за пределы Полесья [7, л. 16].

Множественные попытки членов управления добиться легализации отдела станицы в Польше и СКАФА [4, л. 4; 7, л. 16] остались безрезультатны, из-за чего дело формирования станицы и переезда в Марокко оказалось под угрозой. Посредством подкупа должностных лиц в феврале 1935 г. обществу СКАФА Алжирской казачьей станицы в Польше была выдана фальшивая квитанция за № 8087 с подписью атамана станицы [5, л. 11, 55]. Фальшивая квитанция о регистрации общества СКАФА Алжирской казачьей станицы, имевшая своей целью облегчить существование правления отдела в Польше, еще более его усугубила, так как в 1935 г. атаман 7-го Польского отдела К. Голованичев и атаман 6-го Польского хутора Н. Хлебников были привлечены к уголовной ответственности, следствие проводилось в 1935–1937 гг. В качестве обвинения им было предъявлено обвинение в агитации за эмиграцию из Польши, распространение ложных слухов и сведений.

Несмотря на все противодействия со стороны польских властей? состав 7-го Польского вольно-казачьего отдела увеличивался. Из дела о деятельности 7-го Польского отдела известно, что с декабря 1934 г. на адрес атамана станицы в Ницце были высланы различные суммы денег из следующих населенных пунктов Польши: Пинск, Янов, польский Дрогичин, Погост, Телеханы, Столин, Давид-Городок, Плотница, Лунинец, Березно, Бродница, Микашевичи, Ганцевичи, Мальковичи, Дивин, Слоним, Барановичи, Лемешевичи, Косов, Юхновичи, Ничаево, Ленин, Антополь, Жабинка, Синкевичи, Доброславка, Нехаево, Пружаны, Брест, Антоновка, Ковель, Кобрин, Пружаны, Лахва, Дрогичин, Кожан-Городок, Ивацевичи, Хомск, Мельница [5, л. 57–69].

Примечательно, что в Польше немалый процент станичников составили не природные казаки, а именно коренные белорусы, русские и украинцы, получившие казачье звание при вступлении в Польский отдел станицы и изъявив тем самым готовность предоставить себя в полное распоряжение атамана станицы [6, л. 13]. К сведению, только в 60-ю Столинскую белорусскую группу Алжирской казачьей станицы записалось 119 человек [6, л. 67], в списке 63-го Столинского хутора числилось 150 человек [6, л. 70].

География распространения вступивших в ряды Польского вольно-казачьего отдела Алжирской казачьей станицы и численность показывают заинтересованность среди населения восточных воеводств Польши в деле распространения станицы и реализации плана посадки казаков на землю в Марокко.

Список использованной литературы

1. Устав Алжирской казачьей станицы, утв. в 1932 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2503. Оп. 1 Д. 1. – 17 л.
2. Устав африканского кооперативного с/х и земельного общества (СКАФА) // ГАБр. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 3. – 6 л.
3. Приказы атамана Алжирской казачьей станицы // ГАБр. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 4. – 18 л.
4. Дело о деятельности 7-го Польского вольно-казачьего отдела Алжирской казачьей станицы за 1934–1935 гг. // ГАБр. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 8. – 178 л.

5. Дело о привлечении польскими властями к судебной ответственности руководителей 7-го Польского казачьего отдела Голованичева Константина и Хлебникова Николая за 1935–1937 гг. // ГАБр. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 9. – 69 л.

6. Заявления жителей Пинского и Столинского поветов о зачислении их в члены с/х и земледельческого общества СКАФА, членов Купятической и Столинской групп Алжирской казачьей станицы за 1934–1935 гг. // ГАБр. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 12. – 82 л.

7. Журнал «За казачество» № 15, декабрь 1934 г. // ГАБр. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 22. – 34 л.

8. Журнал «За казачество» № 16, 17, 18 январь 1935 г. // ГАБр. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 23.– 49 л.

9. Cyberleninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emigratsiya-kazachestva-iz-rossii-i-ee-posledstviya>. – Дата доступа: 22.09.2018.

10. Cyberleninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-osobennosti-rossiyskoj-emigratsii-v-polshu-v-pervoy-polovine-1920-h-gg> Дата доступа: 12.10 2018.

11. Histonow [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.histonow.ru/hisnows-153-3.html>. – Дата доступа: 25.09 2018.

12. History.wikireading [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/326364>. – Дата доступа: 15.10 2018.

13. SciBook.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scibook.net/novaya-istoriya/mirovoj-ekonomicheskij-krizis-1929.html>. – Дата доступа: 16.11.2018.

14. Ufa-kazak.ru Прикладной информационно-аналитический ресурс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ufa-kazak.ru/kazachi-stanicy-v-emigracii/>. – Дата доступа: 28.09 2018.

УДК 316.334.3(476.7)

А. Н. Ласкович, И. И. Погорельская (Беларусь, Брест, БрГТУ)

Научный руководитель – В. В. Сушко, канд. ист. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БРЕСТЧИНЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В 1921–1939 ГГ.

В статье проанализированы актуальные направления социально-политического развития Брестского региона в межвоенный период 1921–1939 гг. в составе польского государства. Рассмотрены особенности социальной политики на территории региона, реализация программ местного управления польскими властями, правовое положение земель, осуществление территориально-административных преобразований.

Согласно Рижскому мирному договору 1921 г. в состав Польши были включены земли Западной Беларуси (современные Гродненская, Брестская, части Минской и Витебской областей) и Западной Украины (Галиция, часть Волыни, Ровенщина). Отдельным пунктом соглашения польское правительство гарантировало соблюдение прав и свобод белорусского и украинского населения: «Польша предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей, все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и

выполнение религиозных обрядов... Лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше имеют право, в пределах внутреннего законодательства, культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы» (статья VII Рижского мирного договора) [1].

Территория новоприсоединенных земель Западной Беларуси была разделена на Полесское, Новогрудское, Виленское и Белостокское воеводства. Польские власти не признавали термин «Западная Беларусь» и в официальных документах называли Западную Беларусь «восточными кресами» (окраинами).

Полесское воеводство было крупнейшим во Второй Речи Посполитой, его общая площадь составляла 42 149 км² в 1921 г. и 36,8 тыс. км² в 1931 г., включая 1131,4 тыс. жителей. Оно было образовано 1 марта 1921 г. и упразднено в результате исполнения советско-германского договора о разделении границ в сентябре 1939 г. Самым большим городом Полесского воеводства был Брест-над-Бугом (до 1923 г. Брест-Литовск) [2].

Дискриминация в отношении белорусов проявлялась практически во всех сферах жизни. Признавая белорусское население ненадежным и настроенным прорусски или просоветски, поляки стремились заменить местные кадры в образовании, администрации и прежде всего в армии этническими поляками. Это приводило к необоснованным увольнениям местного населения, в первую очередь с руководящих и значимых должностей, нанося ущерб кадровому потенциалу региона. Тем более что приезжие польские чиновники не знали всей специфики Брестского региона, особенностей инфраструктуры и даже бытовых отличий, что нередко становилось причиной конфликтов с местным населением.

Развитие западных белорусских новоприсоединенных регионов сильно отставало от развития собственно польских областей. Фактически Западная Беларусь являлась сырьевым придатком Второй Речи Посполитой. В начале 1930-х гг. подавляющая часть трудоспособного населения Брестского региона была занята в сельском хозяйстве, а доля задействованных в промышленном производстве не превышала более 5 %.

На Брестчине отсутствовала тяжелая промышленность. Преобладала деревообрабатывающая, пищевая и легкая промышленность. Большая часть предприятий относилась к небольшим производственным объединениям и занималась переработкой продукции сельского хозяйства и некоторых видов местного сырья. Также распространение получило мелкое товарное производство и, таким образом, функционировали предприятия по выпуску строительных материалов, стекольной продукции, обработки шкур, спиртовые заводы и т. д.

Так как большая часть населения западнобелорусских земель была задействована в сельском хозяйстве, изменения и преобразования коснулись его непосредственно. Крупные земельные угодья польские власти раздавали в управление осадникам – бывшим офицерам и чиновникам, которые имели заслуги в советско-польской войне 1919–1920 гг. Осадники стали своеобразной социальной опорой и платформой на землях Западной Беларуси в составе Польши межвоенного периода. Также осадникам принадлежала контролирующая и

полицейская функция в отношении местного населения. При этом новые власти не ставили целью улучшение социального обслуживания населения: в должной степени была нехватка учреждений образования, медицинского обслуживания, обеспечения социальными гарантиями и т. д. На территории Западной Беларуси не было ни одного белорусского театра, музыкального учреждения, отсутствовало национальное радио. К окончанию 1930-х гг. более 30 % местного населения было безграмотным. Однако некоторые представители белорусской интеллигенции тем не менее стремились не только сохранить культурное наследие своего этноса, но и популяризировать его. В первую очередь этот процесс был характерен для белорусского литературного творчества и нашел свое отражение в работах Максима Танка (Е. Скурко), М. Машара, М. Василька, Я. Брыля, Н. Тараса и др. Активной общественной и публицистической деятельностью занимались, обогащая белорусскую культуру такие представители, как И. Лагинович, А. Луцкевич, И. Дворчанин, Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, Г. Ширма и др.

Важные внутривластные изменения произошли в Польше во второй половине 1920-х гг.: в результате государственного переворота в мае 1926 г. была установлена диктатура во главе с маршалом Юзефом Пилсудским. В стране утвердился жесткий авторитарный режим «санации» («оздоровления»), который включал комплекс мер в политической, социальной и экономической сферах жизни польского государства. На восточных землях перед варшавским правительством стояла четкая задача – подавление национально-освободительного движения и ассимиляция белорусского, украинского и литовского населения [1].

В условиях развертывания национально-освободительной борьбы польское правительство принимает решение о ликвидации в январе 1927 г. Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ) – 490 ее руководителей и активистов были привлечены к судебной ответственности и посажены в тюрьмы. Среди осужденных были руководители БКРГ: Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, П. Волошин и М. Метла.

Значительная роль в усилении социального и национально-освободительного движения на западнобелорусских землях принадлежала Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ), созданной в октябре 1923 г. Лидерами и активистами этой организации являлись такие общественные деятели, как И. Логинович, А. Ольшевский, С. Дубовик, М. Орехва, А. Славинский и др. Важное значение в политической жизни Западной Беларуси играла автономная организация КПЗБ – Коммунистический союз молодежи Западной Беларуси (КСМЗБ), лидерами которой являлись: А. Андреюк, В. Хоружая, М. Майский, М. Дворников, М. Масловский и др.

После того как БКРГ была разгромлена, ее работа была продолжена организацией «Сражение за интересы крестьян и рабочих», созданной в 1928 г. из представителей бывшей Громады, основными требованиями которой были призывы к прекращению национального угнетения белорусского этноса в составе польского государства, ликвидация полонизации местного населения и политического террора. Однако польские властные структуры игнорировали выдвигаемые требования представителей национально-освободительного движе-

ния, что приводило к еще большему противостоянию местной населения и политических активистов с одной стороны и в целом польского правительства и жителей Западной Беларуси. Важную позицию в общественно-политической жизни региона выполняла культурно-просветительская организация – Товарищество белорусской школы (ТБШ), которая была создана в 1921 г. и просуществовала до 1937 г. Основными целями, которые ставили перед собой участники ТБШ, были: популяризация просвещения местного населения, обучение грамоте детей и взрослых, создание сети библиотек и изб-читален, поощрение и организация художественной самодеятельности, издание учебников и т. д.

Реализуемая польскими властями социальная и политическая доктрина предполагала полонизацию местного населения, ограничивала деятельность культурно-просветительского и образовательного движения белорусской интеллигенции. Организации национально-освободительного характера, существовавшие в этот период, способствовали защите и актуализации прав белорусского населения, однако в условиях политических репрессий не могли в полной мере реализовать этот целевой потенциал.

Список использованной литературы

1. Западная Беларусь под польским часом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://teleskop-by.org/2017/09/17/zapadnaya-belarus-pod-polskim-chasom-istoriya-odnogo-etnotsida/>. – Дата доступа: 21.03.2019.
2. Западная Беларусь в составе Польши [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 22.03.2019.
3. Западная Беларусь под властью Польши [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://www.slideshare.net/sitnikpw/ss-31538911>. – Дата доступа: 19.03.2019.
4. Положение в Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://http://www.gistoryja.ru/XIX-nachalo-XXI-v/72-polozhenie-v-zapadnoj-belarusi-v-1921-1939-gg.php>. – Дата доступа: 20.03.2019.

УДК 355.425.4(091)(476.7)“1941/42”

Д. И. Резанович (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – П. И. Гарбуль, канд. ист. наук, доцент

ЗАРОЖДЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БАРАНОВИЧСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Данная статья содержит информацию об организации партизанского движения и антифашистского подполья в Барановичской области на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1942 гг.). В тексте приводится информация о ситуации, сложившейся в первые месяцы войны на территории региона. Раскрываются данные о первых партизанских и подпольных группах и отрядах, которые сформировались на территории области. Освещаются важные моменты, отражающие специфику создания первых партизанских отрядов и подпольных групп в Барановичской области.

3 июля 2019 г. исполнилось 75 лет со дня освобождения Беларуси от немецких оккупантов. Огромную роль в этом важном для Беларуси событии сыграли белорусские партизаны и подпольщики. Ни в одной республике СССР, ни в одном регионе Советского Союза движение не достигло такого размаха, как на белорусской земле. В данной статье мы уделили внимание истории формирования и развития партизанского и подпольного движений в Барановичской области в июне 1941 – мае 1942 гг.

27 июня 1941 г. гитлеровские захватчики оккупировали г. Барановичи и прилегающие к нему Новомышский и Городищенский районы Брестской области (сегодня Барановичский район). Барановичский горком партии во главе с Л. В. Поповой покинул город 25 июня 1941 г. Однако в тылу врага остались члены партии и другие патриоты. Под влиянием воинов-окруженцев и местных активистов стихийно возникают первые отряды и группы. Так, уже летом 1941 г. в окрестностях д. Житлин Коссовского района боролся с врагами партизанский отряд под командованием лейтенанта Красной Армии А. Черткова, в Василюшковском районе лейтенанта А. Иванова [1, с. 324].

В д. Пудино Новогрудского района военнослужащий М. Р. Радецкий вместе с военнослужащими и местными активистами образовали партизанскую группу, ее возглавил Г. Г. Киеня [8, с. 86], работавший до войны председателем колхоза, а в Кореличском районе Г. Д. Беляй организовал осенью партизанскую группу из молодежи. В Зельвенском районе бывший член КПЗБ П. И. Булак летом 1941 г. начал собирать патриотические силы [6, с. 22].

Летом и осенью 1941 г. в Бытенском и Слонимском районах из военнослужащих, оказавшихся в окружении, и местных жителей сложились партизанские группы, которые возглавили А. В. Фридрих, Г. А. Дудко, И. С. Козелецкий, П. В. Пронягин, Калепов, С. И. Грищенко, Д. А. Шмыглер, А. Ф. Персиянцев. Позднее эти группы объединились в 1942 г. отряды имени Н. А. Щорса, И. А. Зайцева (позже отряд имени П. К. Пономаренко бригады имени К. К. Рокоссовского) и др. [6, с. 22]. Особенно активно с первых дней войны в Андреевских и Рохоловских лесах Бытенского района действовала партизанская группа А. В. Фридриха – коммуниста, председателя местного колхоза.

В конце 1941 г. на территории Барановичской области в составе трех партизанских отрядов и 12 групп сражались 83 человека. Возникшие в начале войны партизанские отряды переживали период своего становления. Количество партизанских отрядов и их вооружение было недостаточным для того, чтобы осуществлять крупные военные акции и охватить своим влиянием значительную часть жителей районов. Во многих районах партизанские отряды вообще отсутствовали. Да и сами отряды были, как правило, малочисленными по количеству бойцов и часто действовали разрозненно [1, с. 325]. Тем не менее рост и укрепление партизанского движения настолько беспокоили немецко-фашистское командование, что грозные приказы покончить с партизанами следовали один за другим.

В ходе многочисленных вражеских карательных экспедиций осенью 1941 г. часть подпольных партийных и комсомольских организаций, партизан-

ских отрядов и диверсионных групп была разгромлена или рассеяна. Ряд партизанских отрядов ушел за линию фронта, часть вынуждена была передислоцироваться в другие районы. Зимой и весной 1942 г. в разных районах области возникли партизанские группы, которыми командовали П. К. Макаров, З. К. Будько, А. И. Феоктистов, Ермолаев, П. А. Александров, А. И. Иванов, Т. Д. Дмитриев, Б. А. Мичурин и др. [2, с. 22]. Принимались меры по улучшению вооружения партизанских отрядов. Многие из них стали располагать не только винтовками, но и автоматами, пулеметами и даже пушками.

В конце 1941 – начале 1942 г. партизанские отряды и группы возникли в Городищенском, Кореличском, Щучинском, Бытенском, Новогрудском и других районах Барановичской области. В Бытенском районе, например, зимой 1941/42 г. образовалось несколько партизанских групп, которые к весне 1942 г. установили между собой связь и влились в партизанский отряд имени Щорса [3, с. 152]. С мая 1942 г. начался массовый приток в ряды партизан местного населения. Численно выросшие группы перерастали в отряды, мелкие объединялись или вливались в уже действовавшие. Так образовались отряды Голянский (позже «Победа»), Орлянский (позже «Борьба»), Лидский (позже имени К. Ворошилова), «Громова», «Грозный», «Золотова», имени В. И. Чапаева, 621-й (позже имени В. П. Чкалова), Д. И. Семенцова, имени А. И. Матросова и др. [5, с. 23].

Вместе с количественным ростом отрядов в 1942 г. шел процесс централизации управления боевыми действиями партизан в масштабах района, зоны. Он проявился, с одной стороны, в образовании временных координационных центров, созданных по общему согласию личного состава отрядов, с другой – в организационном объединении их в бригады. Так, в марте – апреле 1942 г. были установлены связи между подпольными организациями в деревнях Василишковского района. В результате был создан «Окружной белорусский антифашистский комитет Барановичской области», который объединил 35 подпольных и партизанских групп [7, с. 15].

Начиная с августа – сентября 1941 г. все активнее шел процесс консолидации сил антифашистского подполья, установления связей между подпольными организациями в масштабе районов, совершенствования и укрепления его организационных форм. Знание местных условий и приобретенный в прошлом опыт подпольной работы позволили бывшим членам КПЗБ уже к концу 1941 г. создать подпольные антифашистские комитеты [4, с. 63]. Уже в августе 1941 г. антифашистскую организацию в Барановичах создали советские военнослужащие-окруженцы во главе с капитаном Ф. М. Пожарским. Члены организации собирали и передавали в первомайскую партизанскую бригаду разведданные, боеприпасы, медикаменты.

Широкая сеть подполья, созданная по инициативе местных комсомольцев И. Мацко, В. Колесника, К. Балбановича, Е. Кремко, А. Бенецкого существовала в Мирском районе Барановичской области. Развитие советского антифашистского подполья на территории Западной Беларуси, в том числе и Барановичской области, прошло путь от небольших групп до крупных организаций

межрайонного и областного уровней. Подпольщики умело сочетали в своей деятельности требования конспирации с расширением связей с местным населением, вовлечением его в активную борьбу с оккупантами. К весне 1942 г. антифашистское подполье значительно расширилось и окрепло. По состоянию на 15 июня 1942 г. были созданы 3 районных антифашистских комитета, 9 сельских комитетов и 20 боевых групп.

Таким образом, организаторская и политическая работа партийного и комсомольского подполья под руководством ЦК ВКП(б) и ЦК(б)Б обеспечила создание, дальнейший численный рост и укрепление партизанских сил на территории Барановичской области. Несмотря на многочисленные трудности в первые месяцы войны, на нехватку продовольствия, боеприпасов, медикаментов и других важнейших вещей, а также на трудный поиск наиболее приемлемых форм организации, отсутствие единого командования, на территории Барановичской области началось зарождение первых партизанских и подпольных групп. Боевой опыт, полученный этими, ещё немногочисленными группами и отрядами, несомненно, повлиял на дальнейшие успешные боевые действия против немецко-фашистских оккупантов на территории области.

Список использованной литературы

1. Беларусь 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск : Беларусь. наука, 2010. – Кн. 1. – 480 с.
2. Всенародная борьба в Беларуси против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; редкол.: А. Т. Кузьмин (пред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 3. – 1983. – 591 с.
3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) . док. и материалы : в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Ин-т истории АН БССР ; сост.: Р. Р. Крючок, П. П. Липило. – Минск : Беларусь 1967 – 1982. – Т. 1. – 1967. – 744 с.
4. Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944 гг. : справочник / Э. Г. Иоффе [и др.] ; под общ. ред. д-ра ист. наук проф. Э. Г. Иоффе. – Минск : Беларусь, 2009. – 271 с.
5. Памяць : гіст.-дак. хроніка г. Баранавічы і Баранавіцкага р-на / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 736 с.
6. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.): краткие сведения об организации, структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
7. Козак, К. И. Партийная организация Барановичской области – организатор борьбы трудящихся против немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / К. И. Козак ; Ин-т историко-полит. исслед. Компартии Беларуси. – Минск. 1991 – 23 с.
8. Хацкевич, А. Ф. Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР / А. Ф. Хацкевич, Р. Р. Крючок – Минск : Наука и техника, 1980. – 320 с.

УДК 94(476)

А. Д. Русін (Беларусь, Мінск, БДУ)

Навуковы кіраўнік – А. Г. Каханоўскі, доктар гіст. навук, прафесар

ПЕРАДВЫБАРЧАЯ КАМПАНІЯ І ВЫБАРЫ Ў НАРОДНЫ СХОД ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ НА ТЭРЫТОРЫІ СУЧАСНАЙ БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

Дадзены артыкул прысвечаны перадвыбарчай кампаніі і выбарам у Народны сход Заходняй Беларусі на тэрыторыі сучаснай Брэсцкай вобласці 1–22 кастрычніка 1939 г. Трэба адзначыць, што даследаванне базіруецца не толькі на крыніцах па Брэсцкаму рэгіёну, але і па ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі. Гэта дазваляе выяўляць падабенствы і адрозненні гістарычнай падзеі. Вынікам даследавання стала выяўленне агульных рысаў перадвыбарчай кампаніі ў Народны сход для ўсёй Заходняй Беларусі і асаблівых для Брэсцкага рэгіёна, аналіз форм і метадаў мабілізацыі грамадства да ўдзелу ў легітымізацыі савецкіх пераўтварэнняў.

Перадвыбарчая кампанія 1939 г. у Народны сход Заходняй Беларусі займае невялікі прамежак часу – усяго тры тыдні. Яе пачатак прыпадае на 1 кастрычніка, калі была апублікавана пастанова па пытаннях Заходняй Беларусі і Украіны. У якасці прыярытэтнага кроку ў ёй разглядалася скліканне Народнага сходу [1, с. 79], функцыя якога зводзілася да легітымізацыі савецкай улады.

Сучасная тэрыторыя Брэсцкай вобласці на момант 1939 г. поўнасьцю ўваходзіла ў склад Польшчы. Тэрытарыяльна-адміністрацыйнай адзінкай у міжваеннай Польшчы з’яўлялася ваяводства, якое, у сваю чаргу, дзялілася на паветы. У выпадку з Брэсцкай вобласцю такім ваяводствам было Палескае, у складзе якога было 10 паветаў.

Пастанова “Вопросы Западной Украины и Белоруссии” [1, с. 79] вызначала характар выбараў як роўных, таемных і ўсеагульных. Выбарчае права надавалася і мужчынам і жанчынам пры ўмове дасягнення васемнаццацігадовага ўзросту. Паняцце “роўны” характар выбараў азначае, што права на выбары мелі незалежна ад веравызнання, нацыяльнальнай прыналежнасці і маёмаснага стану. Норма па колькасці выбаршчыкаў і дэпутатаў была фіксаванай і складала адзін дэпут ад 5 тыс. выбаршчыкаў.

Правам на выстаўленне кандыдатаў на выбары былі надзелены рабочыя і сялянскія камітэты, рабочая гвардыя. У перадвыбарчы час актуальным стала пытанне аб фарміраванні камуністычных мясцовых арганізацый. Справа ў тым, што рашэннем выканкама Камінтэрна дзейнасць КПЗБ была спыненая. У выніку ў верасні 1939 г. набор у шэрагі камуністаў быў зроблены з рабочых і сялян [1, с. 79], якія змаглаіся за ўсталяванне новага парадку. Былых членаў КПЗБ, на думку кіраўніцтва СССР, патрэбна было дэталёва правяраць.

У прадаўжэнні аб паходжанні кандыдатаў у дэпутаты неабходна звярнуцца да харатарыстык асобы кандыдата. Часта кандыдаты падвяргаліся судоваму пераследу з боку польскай улады ў 1929–1930-х гг., што выяўлялася ў арыштах і турэмным знявольванні. Калі ўлічыць той факт, што кандыдаты пра-

ходзілі дэталёвыя праверкі, то можна зрабіць выснову аб прызначэнні кандыдатамі найбольш лаяльных да савецкай улады. На тэрыторыі Кобрынскага павета кандыдаты Газук, Геселевіч, Сідарук [1, с. 92–94] падвяргаліся пераследу польскай уладай, вылучаны ў кандыдаты сходамі Рабочай гвардыі, сялянскімі камітэтамі. Аднак цікава, што тры кандыдаты ад савецкай улады ў розных выбарчых акругах мелі розную нацыянальную прыналежнасць: рускі, украінец, беларус. Прапагандысцкая праца ў перадвыбарчай кампаніі рэгулявалася той жа пастановай па пытаннях Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі.

Пры аналізе перадвыбарчай кампаніі варта звярнуцца да ўспамінаў жыхароў тэрыторыі сучаснай Брэсцкай вобласці. Нягледзячы на суб'ектыўны характар успрыняцця падзей, успаміны перадаюць псіхалагічны аспект праблемы таго перыяду.

Многіх жыхароў Заходняй Беларусі здзіўляла тое, што часта кандадат у выбарчай акрузе быў адзін. Пры гэтым кандыдата прызначала ўлада [2, с. 161], а ў складзе выбарчай камісіі прысутнічалі іншыя савецкаія агітатары.

Па сведчаннях селяніна з в. Сукач Язэпа Бальцэвіча [2, с. 162], большасць удзельнікаў часовых камітэтаў кіравання і кандыдатаў у дэпутаты не мелі добрай характарыстыкі за польскім часам, толькі што выйшлі з турмаў. Бухгалтар Уладзімір Махцевіч з Ганцавічаў указваў на тое, што кандыдатаў прызначалі зверху, некаторыя былі бандытамі, асуджаныя за напад на польскіх салдат.

Як бачна, успаміны насельніцтва сучаснай Брэсцкай вобласці аб перадвыбарчай кампаніі ў цэлым пацвярджаюць выкананне палітыкі савецкага кіраўніцтва, закладзенае ў дакументах. Недахоп кадраў у сувязі з роспускам у 1938 г. КПЗБ прывёў да недаверу да яе прыхільнікаў у верасні 1939 г. Прысланыя з усходніх абласцей БССР партыйныя супрацоўнікі не маглі цалкам вырашыць праблему, таму сярод мясцовых кандыдатаў маглі патрапляцца асобы з крымінальным мінулым.

Пры правядзенні перадвыбарчай кампаніі актуалізуецца пытанне аб праграме кандыдата. У дадзеным выпадку для любой выбарчай акругі Заходняй Беларусі блок камуністаў і беспартыйных вылучаў кандыдатаў, ішоў на выбары пад лозунгамі ўсталявання савецкай улады, уваходжання Заходняй Беларусі ў склад БССР і СССР, нацыяналізацыі банкаў і канфіскацыі памешчыцкіх зямель. Дадзеныя лозунгі рэгуляваліся пастановай ад 1 кастрычніка 1939 г. [1, с. 80], прынятай палітбюро ў Маскве.

Такім чынам, можна адзначыць, што перадвыбарчая кампанія ў плане лозунгаў і метадаў правядзення была ўніфікаванай. Улічываючы важнасць падзей уз'яднання Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны агульныя контуры кампаніі акрэсліваліся на ўзроўні агульнасаюзнага кіраўніцтва.

На ўзроўні рэспубліканскага кіраўніцтва пытанне аб выбарах уздымалася 2 кастрычніка 1939 г., дзе П. К. Панамарэнкам было прынята рашэнне аб няўхільным выкананні пастановы палітбюро ВКП(б) ад 1 кастрычніка 1939 г. [1, с. 87–88], а таксама прызначэнні адказных асобаў за падрыхтоўку выбараў. Кіраўніком часовай управы ў Брэст-Літоўску быў прызначаны Л. Я. Гарэлік. Кіраўніком часовай управы Палескай управы прызначылі П. З. Калініна. Для

паляпшэння працы партыйных арганізацый на тэрыторыю сучаснай Брэсцкай вобласці быў накіраваны ўпаўнаважаны на партыйнай рабоце І. Н. Карасёў.

Падрыхтоўка да выбараў заключалася ў масіраванай працы агітатараў. Дзеля перадвыбарчай агітацыі было накіравана ў Заходнюю Беларусь з усходніх абласцей БССР 700 камуністаў і 800 камсамольцаў. Таксама з мэтай азнаямлення насельніцтва Заходняй Беларусі з савецкім заканадаўствам было загадана адправіць у дадзены рэгіён партрэты членаў Палітбюро ЦК ВКПБ(б), устава партыі [1, с. 88], Канстытуцыі БССР і СССР.

Дзеянні агітатараў падчас перадвыбарчай кампаніі былі накіраваны як на павышэнне колькасці прапаганды, так і на павышэнне яе якасці. Колькасць агітатараў была павялічана да 300 [2, с. 162] на тэрыторыі Ганцавіцкага раёна. Пры гэтым трэба адзначыць, што памеры раёна былі дастаткова невялікія. Апроч агітатараў, на тэрыторыю раёна былі прысланы супрацоўнікі НКУС.

Якасць прапаганды выяўлялася ў заахвочванні да ўдзелу ў выбарах насельніцтва. Арышты тэрэтычных праціўнікаў савецкай улады, у тым ліку ляснічых і падляснічых, ліквідавала нават магчымасць супраціву. На палітычных сходах перадвыбарчай кампаніі прысутнічаў супрацоўнік НКУС [2, с. 161–163], што дазваляла кантраляваць змест выступленняў. Часта самі супрацоўнікі НКУС, якіх называлі палітрукамі, бралі ўдзел у агітацыі.

Асабліва сцю перадвыбарчай кампаніі ў Народны сход на тэрыторыі сучаснай Брэсцкай вобласці з'яўляецца шматэтнічны склад рэгіёна. Так, колькасць украінскага, рускага, яўрэйскага, польскага насельніцтва агулам пераважала колькасць беларускага ў Кобрынскім павеце. Там толькі 47 % складалі беларусы [1, с. 90–92]. У складзе выбарчай камісіі прысутнічалі таксама прадстаўнікі розных нацыянальнасцяў.

Такая сітуацыя прыводзіла да пэўных складанасцяў у плане падрыхтоўкі выбараў. 18 кастрычніка 1939 г. была адзначана незадавальняючая сітуацыя з падрыхтоўкай да выбараў у Палескай вобласці. Тэрмінам, у які павінны былі быць надрукаваны бюлетэні, было 20 кастрычніка. Дапускалася друкаванне толькі на адной мове: беларускай, рускай, польскай, украінскай. Для інфармавання аб ходзе выбараў у кожны павет камандзіраваўся дзяжурны, які кожныя дзве гадзіны ў дзень выбараў паведамляў аб ходзе галасавання [1, с. 88–89].

Патрэбна заўважыць, што выбары 22 кастрычніка 1939 г. праводзіліся пачаў, чым у сучасным грамадстве. Агітацыйная праца праводзілася і напярэдадні галасавання і ў сам дзень. Сярод метадаў заахвочвання яўкі на выбарчых участкі даследчык А. В. Трафімчык называе метадаў “кнута і перніка”.

Успаміны дазваляюць меркаваць аб тым, што супрацоўнік НКУС сачыў за волевыяўленнем насельніцтва Заходняй Беларусі на выбарчым участку [2, с. 164]. Падыход да выбарчых урнаў насіў урачысты характар. За тымі людзьмі, якія па стану здароўя не маглі ўдзельнічаць у галасаванні, адпраўлялі машыны і дастаўлялі на участкі для галасавання.

З гэтага вынікае, што яўка на выбары ў Народны сход з'яўлялася краевугольным пытаннем для савецкай улады. Народны сход павінен быў зацвердзіць курс на сацыялістычныя пераўтварэнні і замацаваць тэрыторыю ў

складзе БССР і СССР. Высокі паказчык яўкі ў такім выпадку станавіўся б паказчыкам ухвалення пераўтварэнняў, падтрымкі новай улады.

Вынікам праведзенай агітацыйнай працы, адміністрацыйнага рэсурса, што выкарыстоўваўся падчас перадвыбарчай кампаніі, а таксама падтрымкай значнай часткай насельніцтва сучаснай Брэсцкай вобласці новай савецкай улады можна растлумачыць унушальную перамогу блока камуністаў і беспартыйных на выбарах 22 кастрычніка 1939 г. Ад 92 да 98 % [1, с. 89–90] склала яўка на выбарчыя ўчасткі. Такія вынікі можна лічыць безумоўнай перамогай савецкай улады, якая за тры тыдні змагла арганізаваць і правесці складаную выбарчую кампанію. Патрэбна адзначыць, што выбары на тэрыторыі Брэсцкай вобласці адбыліся не без эксцэсаў. 23 кастрычніка 1939 г., калі самі выбары ўжо скончыліся, быў застрэлены намеснік старшыні выбарчай камісіі 11-га ўчастка Драгічынскага павета [3, с. 102].

Такім чынам, перадвыбарчая кампанія і выбары ў Народны сход на тэрыторыі сучаснай Брэсцкай вобласці адбываліся па распрацаванаму Палітбюро ЦК ВКП(б) механізму, які рэалізоўваўся кіраўніцтвам БССР. У той жа час этнічная сітуацыя абумовіла складанасць у падрыхтоўцы дастатковай колькасці бюлетэняў Пры правядзенні перадвыбарчай кампаніі і выбараў савецкая ўлада была вымушана ўлічваць гэтыя асаблівасці з мэтай заахвочвання да ўдзелу ў выбарах.

Прымяненне часта адміністрацыйных метадаў было абумоўлена, з аднаго боку, асаблівасцямі палітычнай мадэлі савецкага кіраўніцтва, а з іншага – на правядзенне выбарчай кампаніі сапраўды было няшмат часу – усяго тры тыдні. Такія межы можна растлумачыць імкненнем хутчэйшай легітымізацыі савецкай улады і пераўтварэнняў на савецкай аснове. Мабілізацыя электарату адбывалася ва ўмовах нядаўняга сканчэння кароткатэрміновых баявых дзеянняў і фармальнага кіраўніцтва далучанымі тэрыторыямі з боку Ваеннага савета Беларускага фронту. У такім выпадку падзеі на тэрыторыі сучаснай Брэсцкай вобласці з’яўляюцца складанай часткай працэсу саветызацыі Заходняй Беларусі ў верасні 1939 – чэрвені 1941 г.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Беларуская нацыя: уз’яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г. : зб. дак. і матэрыялаў / аўт.-уклад. У. Ф. Ладысёў. – Мінск : БДУ, 2004. – 199 с.
2. Трафімчык, А. В. 1939 год і Беларусь: забытая вайна / А. В. Трафімчык. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2014. – 226 с.
3. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі... ». Верасень 1939 г. – 1956 г. : дак. і матэрыялы : у 2 кн. / рэдкал.: У. Адамушка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – Кн. 1 : Верасень 1939 г. – 1941 г. / У. Адамушка [і інш.]. – 2009. – 200 с.

УДК 658.8

С. А. Серко (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – А. А. Савич, канд. ист. наук, доцент

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В БРЕСТСКОМ РАЙОНЕ В 1949–1952 ГГ.

В статье на основе архивных материалов рассматриваются вопросы аграрных преобразований в Брестском районе в 1949–1952 гг.: особенности проведения коллективизации, отношение председателей колхозов к делу строительства коллективного хозяйства, производительность труда колхозников и борьба советской власти с кулацкими хозяйствами.

В условиях послевоенной разрухи советская власть в Западной Беларуси не стала форсировать политику коллективизации. Большинство крестьяне были противниками колхозной системы. С 1944 по 1949 г. земля была отдана крестьянам, и основой сельского хозяйства стали единоличные хозяйства. В 1947 г. ЦК КП(б)Б начал политику по возрождению колхозов в Западной Беларуси, созданных в 1939 – 1941 гг. За 1947–1948 гг. в Брестском районе были возрождены все 13 довоенных колхозов, которые объединяли 379 крестьянских хозяйств, что составляло всего 4, % всех хозяйств района [15, с. 138, 457].

Однако такое положение не устраивало ЦК ВКП(б), так как не вписывалось в сталинскую теорию построения социализма. В феврале 1949 г. состоялся XIX съезд КП(б)Б. Он поставил задачу перед партийно-советскими организациями западных областей Беларуси: «улучшить работу по организационно-хозяйственному укреплению вновь созданных колхозов и по пропаганде среди крестьян-бедняков и середняков преимуществ колхозного строя» [14, с. 283]. Начинается массовое производственное кооперирование деревни под строгим контролем государства и со многими атрибутами 1930-х гг. Партийные органы постоянно пытались ускорить темпы коллективизации. В апреле 1949 г. Бюро ЦК КП(б)Б рассмотрело вопрос «О состоянии колхозного строительства в Брестской области». Отмечалось, что процесс коллективизации идет медленно и с большими нарушениями. Позже отмечалось, что во многих колхозах, организованных в первом квартале 1949 г., не обобществлены лошади и сельскохозяйственный инвентарь [1, с. 110].

Мощное давление государственной системы в сочетании с нежеланием вступать в колхозы вызывало протест крестьянства. Он проявлялся в распространении антиколхозных слухов, подбрасывании писем с угрозами, в поджогах, покушениях и убийствах наиболее жестких проводников политики советской власти в деревне. Весной 1949 г. были убиты два председателя колхозов Брестского района: имени Дзержинского в д. Терпиловичи и «Искра» в д. Чернавчицы. После этого председателям колхозов были выданы пистолеты с патронами. Для охраны семьи приставляли оперуполномоченных, которые ночью охраняли, а днем отсыпались у них дома. Председателям был дан строгий

наказ: во время колхозных собраний, которые, как правило, проводились по вечерам, спиной к окну не стоять [1, с. 124].

В то же время есть примеры, когда председатели колхозов и сельсоветов старались «смягчить» жизнь односельчанам, даже в нарушении Устава сельхозартели – основного документа колхоза. Так, в 1951 г. Исполнительным комитетом Брестского районного совета депутатов трудящихся была проведена ревизия колхоза имени Тимошенко Пугачевского сельсовета, которая выявила ряд серьезных нарушений. По вине председателя колхоза и с молчаливого согласия председателя сельсовета в колхозе:

- был запущен учет трудодней;
- сено и овощи распределялись не по трудодням, а без учета;
- общие собрания колхозников и заседания правления колхоза проводились нерегулярно;
- приусадебные участки колхозникам отводились с нарушением норм и даже выделялись приусадебные участки и сенокосы единоличникам с колхозного массива;
- когда колхоз еще не полностью засыпал кормовые и семенные фонды населению, было продано 1800 кг картофеля;
- без ведомости кладовщик колхоза отпускал колхозникам продукты и фураж;
- сверх нормы начислялись трудодни председателю колхоза, счетоводу и пастуху [4, л. 22–23].

За 1949–1951 гг. в Брестском районе было создано 84 колхоза с учетом существовавших до этого – 97, в которых находилось 8012 хозяйств – 97,8 % всех крестьянских хозяйств [15, с. 457]. В дальнейшем на протяжении 1952 г. оставшиеся единоличники, задавленные налогами, написали заявления в Брестский районный совет депутатов трудящихся о списании земли в пользу колхозов и исключении из списка единоличников по причине прекращения ведения сельского хозяйства и занятости на производстве в городе [5–13]. К 1950 г. в районе действовали две МТС, которые насчитывали 39 тракторов, 5 комбайнов и 10 молотилок. В 1952 г. по-прежнему в Брестском районе оставалось две МТС, но число техники выросло: 47 тракторов, 12 комбайнов, 15 молотилок и другой сельскохозяйственной техники [15, с. 456–457].

В 1952 г. размеры выплат на один трудодень составили: зерновые – 1,2 кг, картофель – 0,3 кг, сено – 1,8 кг, деньги – 30 копеек. Для сравнения: в Гродненской области колхозник за один трудодень получал 1,09 кг зерна, 0,28 кг картофеля, 0,42 кг сена, 15 копеек [1, с. 117].

В новых условиях обобществления земли, лошадей, крупного рогатого скота, сельскохозяйственного инвентаря стимул к качественной работе у крестьян был на низком уровне. При утверждении годовых отчетов за 1951 г. Исполкомом Брестского районного совета депутатов трудящихся по всем без исключения сельсоветам и колхозам района констатировалось:

- не выполнен план урожайности зерновых и прочих культур;

– не выполнен план по поголовью коров и свиней, надою молока и настригу шерсти;

– не выполнен план строительства животноводческих построек, плохо организовано кормление, уход и содержание скота, не достаточно проведено утепление животноводческих строений;

– нарушается финансовая и трудовая дисциплина [9, л. 6–18; 10, л. 52; 11, л. 28].

В марте 1952 г. Исполком Брестского районного совета депутатов трудящихся был вынужден списать недоимки прошлых лет по сельскохозяйственному налогу с хозяйств, безнадежных к взысканию, 177 тыс. руб. с 97 хозяйств [11, л. 6].

Необходимо отметить, что до коллективизации даже в условиях послевоенной разрухи, крестьяне Брестского района всегда выполняли планы, поставленные перед деревней. Так, план 1944 г. по сдаче хлеба государству был перевыполнен. При плане 975 т было сдано 1061,5 т и еще 700 т в фонд Красной армии. В 1945 г. при плане хлебозаготовок 1350 было сдано 1356 т. В 1947 г. в сложных условиях падения урожайности из-за климатических условий планы по хлебозаготовке, поставке картофеля и мяса были выполнены [5, с. 456].

В соответствии со сталинской теорией коллективизации создание колхозов должно было сопровождаться ликвидацией кулацких хозяйств. По каким критериям шел отбор зажиточного крестьянства? Руководство Брестской области выделило следующие признаки: эксплуатация наемной рабочей силы, сдача земли в аренду, спекуляции в годы оккупации, наличие ветряной мельницы, паровой машины, сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами [1, с. 121–122].

Особенностью послевоенной западнобелорусской деревни являлось то, что она не имела крупных землевладельцев. Они или были репрессированы в довоенное время, или выехали в Польшу. Поэтому главный удар пришелся на середняков – крепких хозяйственников, которые в годы Великой Отечественной войны смогли сохранить строения, животных, инвентарь [2, с. 93]. Руководящие органы на местах стали составлять списки кулацких семей. В 1950 г. республиканскими органами власти была проведена проверка этих списков. В докладной записке, представленной ЦК КП(б)Б в июле 1950 г. «О фактах извращения политики партии по отношению к середняцким хозяйствам в западных областях БССР», указывалось, что в Брестской области (данные приводятся только по области) за 1949 – первое полугодие 1950 г. было неправильно отнесено к числу кулацких 131 середняцкое хозяйство [1, с. 122]. Первоначально борьба советской власти с кулачеством находилась на стадии ужесточения налоговой политики. В постановлении Совета Министров БССР «О налоговом обложении кулацких хозяйств западных областей» от 6 сентября 1947 г. определялось увеличение налогов на 20–50 % [2, с. 93]. Под влиянием этого повышения налога многие крестьянские хозяйства были поставлены на грань разорения. Единственный выход крестьяне видели во вступлении в колхоз, тем более что при этом недоимки по сельскохозяйственному налогу списывались [1, с. 124].

Уже после фактического завершения сплошной коллективизации в Западных областях БССР государство перешло от политики ограничения к политике ликвидации кулачества. В сентябре 1951 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление «О выселении кулаков из Белорусской ССР». Выселение кулацких семей проводилось на протяжении всего 1952 г. органами МГБ и милиции в Южно-Казахстанскую область Казахской ССР. Только в апреле 1952 г. из Брестской области (без учета Пинской и Барановичской областей, данные по Брестскому району отсутствуют) было выслано 357 семей, что составило 1572 человека [1, с. 123].

XX съезд КП(б)Б в сентябре 1952 г. объявил о завершении процесса коллективизации в западных областях БССР и охарактеризовал его как серьезную политическую победу, итог деятельности партийных организаций на селе [14, с. 408].

Таким образом, в 1949–1952 гг. в Брестском районе, как и по всей Западной Беларуси, форсированным порядком с использованием принуждения была проведена коллективизация, разрушившая индивидуальное крестьянское хозяйство. Крестьяне были лишены средств производства, права выбора форм хозяйствования на земле, были превращены в механическую рабочую силу. Это и предопределило неизбежность кризиса, в котором оказалось сельское хозяйство в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Он проявился в снижении производительности труда, неспособности обеспечить население продуктами питания.

Список использованной литературы

1. Белозорович. В. А. Западнобелорусская деревня в 1939–1953 годах : монография / В. А. Белозорович. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 148 с.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.). – Мінск : Саврем. шк. : Экоперспектыва, 2011. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. – 728 с.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 993. Оп. 2.
4. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 5.
5. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 8.
6. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 9.
7. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 10.
8. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 11.
9. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 12.
10. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 13.
11. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 14.
12. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 15.
13. ГАБр. – Ф. 993. Оп. 2. Д. 21
14. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Минск : Беларусь, 1986. – Т. 4 : 1945–1955. – 551 с.
15. Памяць : гіст.-дак. хроніка Брэсцкага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 574 с.

УДК 329.15(476)КПЗБ(091)

В. Д. Чашевой (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – А. А. Савич, канд. ист. наук, доцент

КОБРИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1933 Г. ГЛАЗАМИ В. П. ЛАСКОВИЧА

В статье на основе анализа публикаций В. П. Ласковича о Кобринском восстании 1933 г. в Западной Беларуси выявляются идейно-политические позиции и личные приоритеты автора в подаче основных сюжетов указанного события и определения собственной роли в них. Представлена субъективная оценка автором действий по подготовке восстания, рассмотрены причины и тактические задачи восстания, его организационно-кадровое и техническое обеспечение, действия польских властей против протестующих, последствия подавления Кобринского восстания и влияние рассматриваемых событий на самого В. П. Ласковича как человека и революционера.

В. П. Ласкович родился 18 февраля 1914 г. в д. Франополь Брестского района в семье крестьянина-бедняка, которая оказалась беженцами в России с 1915 г. В 1919 г. Ласковичи вернулись на родину в Западную Беларусь, в которой увидели разрушенные деревни и, как отмечал сам В. П. Ласкович, «непонятное ему польское государство». Эти чувства обострили в нем справедливость, искреннее стремление бороться за истинную власть для своего народа, усилили веру в идеалы пролетарского и крестьянского интернационализма, которые под влиянием идей большевистской революции и при поддержке советской власти должны были укрепиться и на территории оккупированной Польшей Западной Беларуси. Этим стремлениям В. П. Ласковича благоприятствовало ближайшее его окружение и особенно отец, который открыто демонстрировал недовольство польскими порядками, подвергался частым арестам и допросам [3, л. 112; 8].

Как активный революционер В. П. Ласкович проявил себя в Кобринском восстании 1933 г. на фоне волны революционных выступлений трудящихся по всей Польше. Автор всячески подчеркивал антинародный характер польской власти, создавая у читателя впечатление «предреволюционной грозы». В. П. Ласкович считал, что революционные выступления были вызваны чрезмерной эксплуатацией рабочих капиталистами и помещиками, непосильными налогами, особенно тяжело жилось жителям западных областей Беларуси, ибо все лучшие земли принадлежали помещикам и осадникам, закрывались белорусские и русские школы, преследовался родной язык. По его мнению, белорусы – это не люди, а «бесцветная масса», вследствие чего борьба белорусов под руководством КПЗБ не прекращалась. Как бывший член КПЗБ автор разделял мысль о компартии как главной силы в борьбе за интересы трудящихся, за воссоединение западных областей в едином советском государстве [4–7].

В. П. Ласкович подробно останавливается на событиях, которые начались 23 июля 1933 г. в д. Леплевке Брестского района с митинга в поддержку выступлений краковских крестьян, бастующих в Лодзи и Белостоке, подчеркивая решающую инициативу местных коммунистов, которые призывали кресс-

стьян «защищать свое добро, гнать грабителей». Выделяя идеи пролетарского интернационализма, автор подчеркивает стремление местных коммунистов доказать свою солидарность с трудящимися Польши и в единой борьбе вести бой за свое освобождение [1, л. 80].

В подготовке восстания В. П. Ласкович справедливо выделил решающую организационную роль Н. Н. Дворникова, сообщая о том, что 28 июля 1933 г. в Щебринском лесу (около д. Франополь) собрался на заседание Брестский окружной комитет КПЗБ во главе с «товарищем Дворниковым». Автор с документальным пафосом говорит о постановлении комитета выполнить призыв ЦК КПЗБ о поддержке революционных выступлений краковских крестьян, усилить подготовку к массовому походу трудящихся Брестчины в помещичьи и осаднические имения с требованиями немедленной уплаты рабочим заработной платы за сезонные работы, направить инициативу трудящихся к разделу помещичьей земли между крестьянами, к массовой вырубке помещичьих лесов, освобождение всех политических заключенных, установить демократические свободы в стране, легализовать КПЗБ.

В. П. Ласкович информирует об избрании окружным комитетом руководящего штаба движения, куда вошли «Максим» – Н. Н. Дворников, «Валя» – Регина Каплан и «Володя» – сам Ласкович. В его повествовании заметно юношеское стремление показать свою значимость в описываемых событиях. Согласно автору, члены штаба разделили функции следующим образом: «Максим» взял на себя общее руководство и партийно-политическую работу, «Валя» – работу с комсомолом и молодежью, на «Володю» возлагалась вся техническая работа и вопросы организации базовых дружин (красной самообороны), доставка литературы, ее складирование и охрана, партийные и комсомольские связи с центром и между районами, приобретения оружия [1, л. 82]. Относительно «функционала» автора необходимо высказать осторожность, учитывая то, что на тот момент он был девятнадцатилетним пареньком и не прошел необходимой для такого солидного задания соответствующей подготовки.

Тем не менее как отмечает автор, «началась кипучая работа», В. П. Ласковича командировали в Белосток за коммунистической литературой, причем это была его первая поездка в чужой город по поручению партии. Автор признает, что молодость, неопытность пугали его самого, пафосно добавляя, что нужна была великая любовь и преданность делу коммунизма, полное отдание себя делу рабочего класса, чтобы смело без единой заминки сесть на поезд и ехать в неизвестный город для выполнения ответственного поручения партии. В. П. Ласкович выполнил это поручение, доставив подпольную литературу в июле 1933 г. о краковских событиях, лодзинской и белостокской забастовках и последних директивах КПЗБ после чего развернулась «массово-политическая работа» среди крестьян. Помещиков и осадников было много, требовалось выбрать такого помещика и такое географическое положение его имения, куда бы можно было лучше повести трудящихся не с одного района, но и с других соседних районов, на тех, на кого больше всех были бы озлоблены крестьяне.

Таким местом оказались имения братьев Малачевских, расположенные на границах Подгородского и Жабинковского районов и граничащие с землями деревень Франополь, Подлесье, Бульково и др. [1, л. 78].

Автор не без удовлетворения утверждал, что штабом движения руководил «Максим», правой его рукой был Ласкович, который хорошо знал местность и был преданным, в случае гибели «Максима» явки и пароли передавались Ласковичу, и он становился главой движения [2, л. 13]. К последнему необходимо относиться критически, имея в виду информацию о более опытных участниках событий, в первую очередь Р. Каплан.

В. П. Ласкович акцентирует внимание на массовости выступления и возвышенности чувств его участников, «комсомольцы и молодежь клялись в верности друг другу, в верности КПЗБ и неистовой борьбе за освобождение Западной Беларуси». Автор применяет метод повествования от Ласковича в третьем лице, говоря о «штабе Ласковича» и его товарищах, Ласковичу доложили, что прискакал гонец (связной) и ищет «Володю» или «Максима». Автор мемуаров описывает пути движения восставших четырех колонн, с восторгом приводит информацию о разоружении и взятии в плен «ненавистных белорусскому народу польских осадников», которые долгие «годы терзали тело белорусского народа», а также реакцию польских властей. В частности, доклад коменданта полиции Новоселок Домбровского вышестоящему начальству о нападении: «Спасайте, все погибло, коммунисты подняли восстание...» [1, л. 75], а также развертывание отряда военной жандармерии с пушками и автоматами.

По информации В. П. Ласковича, весь август 1933 г. в Подгородском, Домачевском, Малоритском, Жабинковском районах было объявлено осадное положение. По всем дорогам дежурили военные патрули, в узловых пунктах расположились в боевой готовности подразделения воинской жандармерии, сотни людей подверглись аресту, в первую очередь члены КПЗБ, военно-полевому суду была предана работница ЦК КПЗБ Р. Каплан [1, л. 76]. Высказывая мысль о массовой солидарности с арестованными, автор утверждает, что по всей стране состоялись митинги, демонстрации, забастовки, в канцелярию президента Польши «непрерывным потоком шли сотни тысяч писем с требованием о немедленном освобождении участников Кобринского вооруженного восстания» [1, л. 85], что требует проверки.

Таким образом, Кобринское восстание крестьян занимает в мемуарах В. П. Ласковича важное место самого значительного и громкого события его молодой революционной деятельности комсомольца и коммуниста. Избежав ареста из-за участия в Кобринском восстании, В. П. Ласкович вскоре был переправлен в Минскую школу КПЗБ, по возвращении из которой вскоре был арестован и по сентябрь 1939 г. находился в польских тюрьмах

Список использованных источников

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 500. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 395.
4. Ласкович, В. Истоки мужества / В. Ласкович // Заря. – 1977. – 6 июля.

5. Ласкович, В. Когда отцы уходят на задание / В. Ласкович // Заря. – 1968. – 23 окт.
6. Ласковіч, В. Людзі падпольных друкарань / В. Ласковіч // Зара. – 1961. – 5 мая.
7. Ласкович, В. Мятежное сердце / В. Ласкович // Заря. – 1975. – 10, 11 дек.
8. Перыпетыі лёсу апошняга Рэвалюцыянера [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://www.istpravda.ru/bel/digest/10758/>. – Дата доступа: 12.05.2018.

УДК 329.73(091)(476.7)«1919/20»

С. М. Чернякевич (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. И. Пашкович, канд. ист. наук, доцент

ПРУЖАНЩИНА В 1919–1920 ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ РАПОРТОВ СТРАЖИ КРЕСОВОЙ

Статья посвящена очень неоднозначному и, на наш взгляд, малоизученному периоду в истории Беларуси, когда после ухода немецких оккупационных войск на белорусских территориях устанавливалась польская власть. В советской историографии этот период характеризовался отрицательно: грабежи, мародерство солдат, бесчинства польской администрации. Большинство современных научных работ посвящены рассмотрению истории западнобелорусских территорий после подписания Рижского мирного договора, т. е. с 1921 г., а предшествующий период до сих пор нуждается в специальном научном изучении, в том числе на микроуровне.

В начале 1919 г. по мере оставления немецкими войсками белорусские территории занимали польские военные подразделения. Согласно декрету от 8 февраля 1919 г. эти территории переходили в ведение Генерального штаба польской армии и Литовско-Белорусского департамента Министерства иностранных дел Польши. Вскоре для управления оккупированных территорий было создано Гражданское управление Восточных земель при Верховном командовании польской армии, которое с 12 мая 1919 г. возглавлялось Генеральным комиссаром Восточных земель и действовало до начала сентября 1920 г. 9 сентября 1920 г. Гражданское управление Восточных земель было упразднено, а вместо него на вновь оккупированных поляками белорусских территориях было создано Управление прифронтовых и этапных территорий, просуществовавшее до конца ноября 1920 г. [1, с. 3; 5].

Согласно распоряжению оккупационных властей от 29 августа 1919 г. об административно-территориальном делении, захваченные на восток от Белостока земли были разделены на четыре округа: Брестский, Волынский, Виленский и Минский, которые, в свою очередь, делились на поветы [2, с. 117].

В состав Брестского округа вошли поветы: Брест-Литовский, Волковысский, Пружанский, Слонимский, Кобринский и Пинский. 1 августа 1919 г. из частей Новогрудского и Слуцкого поветов был создан Барановичский повет, присоединенный к Брестскому округу, а в ноябре 1919 г. в состав Брестского округа вошел Мозырский повет [3, с. 1115].

Одновременно с гражданской администрацией на оккупированных территориях создавалась еще одна структура – Страж кресова – польская

организация, созданная еще в феврале 1918 г., заданием которой была оборона и воссоединение земель бывшего Великого княжества Литовского с возрожденной Речью Посполитой. Организация должна была поддерживать федеративную политику Ю. Пилсудского и осуществлять на оккупированных территориях политическую, просветительскую, пропагандистскую деятельность прежде всего среди польского населения. Кроме того, структуры Стражи кресовой должны были контролировать местную администрацию, Гражданское управление Восточных земель и отслеживать ситуацию в регионе [4].

Организационному отделу Стражи кресовой в Варшаве подчинялись местные отделы в округах, поделенные на районные (поветовые) инспектораты. Персонал Стражи кресовой был очень неоднородным по своему составу. Согласно инструкции, инспекторы обязаны были минимум два раза в месяц составлять отчеты (рапорты) о ситуации на подконтрольной территории, действиях польской администрации, настроениях среди местного населения. На сегодняшний день отчеты инструкторов Стражи кресовой сосредоточены в одном из фондов Архива актов новых в Варшаве. В 2001 г. польской исследовательницей Геровской-Каллаур этот важный источник по истории белорусских земель в 1919–1920 гг. был частично опубликован [3].

Вот какие сведения о ситуации в Пружанском повеле можно там обнаружить. Согласно рапорту инструктора Стражи кресовой Владислава Касторы за 16 октября 1919 г., общая площадь повета составляла 353 тыс. десятин (3 856,5 км²). Как указано в документе, численность населения повета в 1904 г. насчитывала 153 118 человек, в том числе католиков 8 %, православных 78 %, евреев 13 %. Согласно подсчетам, сделанным за период с 1 августа 1918 г. по 1 августа 1919 г., население составляло 67 000 человек (т. е. сократилось более чем на 43 %), в том числе евреев около 19 % и католиков 10 %. Польское население, в большинстве своем католики, было представлено средними землевладельцами и мелкой шляхтой. 45,8 % от общего количества частной земли находятся в распоряжении поляков [3, s. 314].

Повет был разделен на четыре района: Беловежский, Шерешевский, Берёзовский, Пружанский. В повеле было образовано 20 гмин. Только в сухопольской гмине к маю 1920 г. не была организована гминная рада. Эта гмина, как указано в одном из рапортов, «занимает враждебное отношение к Польше, а по отношению к администрации пассивна» [3, с. 337]. Местные жители разочарованы в гминном самоуправлении, так как оно не удовлетворило потребности населения, а районная администрация не раз оказывала давление на решения гминных рад. В повеле была налажена работа четырех магистратов [3, s. 312]: в Наревке (современная деревня в Хайновском повеле Подляского воеводства Польши), Шерешеве, Березе и Пружанах. Во главе районов обычно стояли местные помещики. Войты остались со времён немецкой оккупации и не пользовались поддержкой местного населения. Некоторые из войтов были назначены при власти большевиков. В рапорте указывается парадоксальный факт, что один из них вынуждал солтыса собирать взносы в пользу бывшего члена большевистского комитета [3, s. 317].

На основании рапортов можно сделать вывод, что административные отношения в повете долгое время не были упорядочены должным образом. Главой повета был староста (комиссар). На этой должности некоторое время находился Ян Сенкевич. Как указано в одном из документов, он не имел достаточного опыта, его деятельность ограничилась только организацией канцелярии. При этом он ввел чрезмерный бюрократизм и обременительный формализм, ограничил компетенцию и инициативность отдельных референтов (начальников отделов поветового управления). Новым комиссаром был назначен Винярский, который уже после двухдневного управления поветом взял отпуск и выехал в Закопане. Обязанности комиссара временно выполнял князь Ледуховский. Он был занят реализацией своей главной идеи – организацией тайной антибольшевистской группы и много времени своим прямым обязанностям не уделял, поскольку приходил в управление около 12 часов, выделяя 3 часа на работу, а днем, если не было посещений, был занят игрой в карты. По мнению автора рапорта, от таких действий складывалось впечатление «временности» польской власти. Отсутствие должного руководства и осознания задач администрации на пограничных землях сочеталось с недостатком гибкости и понимания ситуации [3, с. 317].

Согласно рапорту от 2 декабря 1919 г., староста Збигнев Винярский очень изменился. Он оказался неплохим и обязательным работником, чрезвычайно тактичным в отношениях с чиновниками и представителями общественности, готовым к более широкой поддержке общественной инициативы. «Слабой его стороной является то, что он ищет контакта с населением для более широкой поддержки, из этих убеждений планирует создание неофициального поветового совета», – указывается в документе [3, с. 326]. «Злым духом» поветового правления являлся заместитель старосты Ледуховский. Он сформировал о себе мнение как о человеке беспринципном, аферисте с темным прошлым, взяточнике. В частности, он был главным организатором захвата складов Американской миссии (гуманитарной организации).

Согласно рапорту инспектора Стражи кресовой Вацлава Форбродт-Бротовского от 1 июня 1920 г., старостой Пружанского повета на тот момент по-прежнему являлся Збигнев Винярский – «человек полон благих намерений, но совершенно не в состоянии справиться с этой должностью», как отмечено в документе. После увольнения Ледуховского обязанности заместителя старосты выполнял Зенкевич, переехавший из Слонима и, очевидно, хорошо себя зарекомендовавший [3, с. 140].

В рапортах инструкторов Стражи кресовой резко отрицательные оценки даются полевой жандармерии, которая «действовала без какого-либо контроля и сдерживания». Имели место факты реквизиции, принудительного изымания инвентаря и издевательств над населением [3, с. 317].

Жители скептически относились к действиям своего поветового руководства. Этому способствовали сбои в функционировании административного аппарата. Население было плохо информировано о распоряжениях властей, из-за чего возникали сложности и неясности: разрешено ли передвижение ночью по городу или в сельской местности; какие пропуски

требуются для передвижения и провоза товаров; не было четкого определения, что подлежит реквизиции со стороны гражданских властей, а что со стороны военных [3, с. 313]. Чтобы ликвидировать эту проблему, были приняты следующие решения: комиссариат обязан был разослать перечень всех выданных до этого правил, циркуляров и распоряжений, так как были случаи, когда первоначальные распоряжения не доходили, а последующие многократно меняли изначальное содержание; вводились штрафы за раскрытие распоряжений до того, как они были объявлены во всеуслышание [3, с. 312].

Из рапорта инструктора Стражи кресовой Владислава Касторы от 2 декабря 1919 г. следует, что население было недовольно сложившимися обстоятельствами. К тому времени вернулось много беженцев, которые, оказавшись в крайне тяжёлых условиях, ностальгировали о «тех хороших временах не только до революции, но и до войны, когда правил царь». В рапорте такие настроения объяснялись не только довоенным величием государства, спокойной жизнью, но более глубокой связью. «Российский чиновник, хоть иногда был и взяточником, и мог нагайкой по спине пройти, но был своим, говорил на понятном, русском языке. А польский чиновник – белоручка, на панском деликатном языке изъясняется, и не сразу поймешь, чего он хочет. А Польша при себе богатство держит, хлебом и солью делиться не спешит», – объяснялось в рапорте [3, с. 321].

К январю 1921 г. настроение среди местного населения к польским властям ухудшилось. Причина тому – постоянные злоупотребления, прежде всего со стороны полиции и армии. Были частыми случаи избиения местных жителей, выселение из собственных жилищ целыми семьями, реквизиции (особенно по отношению к евреям) [3, с. 349]. Были случаи эксплуатации местных жителей во время сельскохозяйственных работ.

В рапортах описывается напряженная ситуация с продовольствием. Чтобы хоть как-то решить эту проблему, местной администрации было позволено задерживать вагоны с солью и зерном и выкупать продукты у местных торговцев по государственной цене с последующим распределением среди беднейшей части населения [3, с. 333]. В повате действовало 12 независимых кооперативов, насчитывавших в среднем 250–600 членов [3, с. 318].

По причине нехватки тягловой силы, инвентаря (до войны было 120 000, после – 8039 лошадей) и запасов семян значительная часть полей (80 %) весной 1920 г. была не обработана [3, с. 338]. Большинство землевладельцев к августу 1919 г. еще не вернулись. Как отмечалось в документе, польские землевладельцы были настроены на присоединение к Польше, критиковали при этом политику Гражданского управления Восточных земель, опасались земельной реформы, мотивируя это опасностью ослабления польского элемента. Они были заняты восстановлением своего хозяйства. Некоторые из них занимали должности в администрации [3, с. 314].

Восстановление разрушенных зданий проходило очень медленно по причине нехватки строительных материалов. Это касалось как жилищного фонда, так и общественного, в том числе школ. По данным на октябрь 1919 г. в

повете насчитывалось 10 новых построенных школ и 35 укомплектованных. 25 школ не могли начать работу по причине отсутствия мебели и строительных материалов на их ремонт [3, с. 319]. Несмотря на многочисленные обращения жителей повета, преподавание в школах на русском языке не было разрешено, так как «этот язык являлся иностранным». Предложение администрации ввести в школах белорусский язык население не поддержало [3, с. 319].

К декабрю 1919 г. в повете была налажена работа 11 санитарных пунктов, 1 больницы на 100 койко-мест. Но в этой больнице находилось только 20 пациентов, несмотря на массовое заболевание тифом, вызванное возвращением беженцев. В мае 1920 г. 40 % населения страдало от малярии, больших масштабов достигло распространение туберкулеза [3, с. 339]. Но вместе с тем санитарная акция столкнулась с непониманием и недоверием со стороны местного населения [3, с. 338].

Список использованной литературы

1. Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
2. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол. : А. А. Каваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
3. O niepodległą i granicę: Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziem Północno-Wschodnich opisanie / Wstęp, wybór i oprac. J. Gierowska-Kałużaur. – Warszawa – Pułtusk : ASPRA-JR, 2011. – 1173 s.
4. Towarzystwo Straży Kresowej // Encyklopedia Historii Drugiej Rzeczypospolitej. – S. 461.
5. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich // Encyklopedia Historii Drugiej Rzeczypospolitej. – S. 516.

УДК 94+908(476)

А. А. Щерба (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – А. А. Савич, канд. ист. наук, доцент

ГЕНЕЗИС И РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕТОВЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ В 1920–1930 ГГ. XX В.

В статье автор концентрирует внимание на перманентном структурном реформировании государственных органов первой инстанции, выделении полномочий каждого из отделов. Изучаются также и местные органы самоуправления. Автор показывает роль этих органов в региональной политике воеводской администрации и как следствие специфику выборов в поветовые сеймики.

Для укрепления системы управления в поветах создавались органы местного управления первой инстанции. Фактически они были созданы и функционировали на основании нормативно-правовых актов, изданных еще до

создания гражданской администрации. Уже 28 августа 1919 г. было издано постановление Совета Министров «О временной организации поветовых административных властей первой инстанции на территории бывшей российской оккупации». Согласно этому постановлению поветовая администрация называлась староством. Во главе ее стоял староста, который являлся представителем государственной власти в повете. Староста и его заместитель назначались министром внутренних дел Польши. Управление на подведомственной ему территории староста осуществлял при помощи служащих, назначенных соответствующими министрами. К компетенции старосты относились все дела государственной администрации, за исключением дел, переданных военной, судебной, финансовой, школьной, железнодорожной, почтово-телеграфной администрациям, а также воеводского управления. Полесское воеводство, созданное 1 марта 1921 г., изначально насчитывало 9 поветов: Брестский, Дрогичинский, Камень-Каширский, Кобринский, Косовский, Лунинецкий, Пинский, Пружанский и Сарненский [3, с. 21]. Однако в воеводстве шел процесс административно-территориального переустройства, что изменяло количество и границы поветов. В 1922 г. из Лунинецкого был выделен Столинский повет. В результате административных преобразований в 1930 г. от воеводства был отторгнут Сарненский повет.

Поветовое староство состояло из 14 отделов: персонального; счетно-хозяйственного; общей организации и администрации; общественной безопасности; военного; учета населения и гражданства; вероисповеданий; административно-уголовного; промышленного; санитарного; хозяйственного; ветеринарного; труда и социальной защиты; общественных работ. Эволюция поветовых органов управления в отличие от воеводских включала не столько создание новых отделов, либо упразднение старых, сколько перераспределения полномочий между отделами. Из архивных документов следует, что некоторые отделы, обладали слишком широкими полномочиями и зачастую занимались не свойственными им по природе функциями. Таким был, к примеру, отдел общественной безопасности, который умудрялся сочетать функции обеспечения всех видов безопасности с осуществлением и контролем торговли с некоторыми государствами [9, с. 18–21].

Однако, административно-территориальное реформирование, проходившее в условиях социального кризиса, по-видимому, требовало вспомогательных мер, и в дополнение к поветовой администрации создавался институт начальников районов. Каждый повет делился на районы численностью от 3 до 6. Каждый из районов охватывал от 3 до 5 гмин. В компетенцию начальника района входили: надзор за деятельностью районной администрации; своевременное и надлежащее информирование местного населения о распоряжениях вышестоящих властей; обеспечение совместно со службой охраны порядка, спокойствия, государственной безопасности; надзор за исполнением местным населением земских повинностей (квартирование, содержание дорог и др.); охрана государственного имущества согласно полученными от старосты инструкциями; надзор за правильным и справедливым распределением государственной помощи; дела соци-

альной опеки: регистрация нищих, бездомных, инвалидов, безработных и т. д.; составление предложений по улучшению положения вышеперечисленных категорий населения; собрание при помощи гминных правлений и подчиненных им государственных служащих материалов и статистических данных, таких как списки населения, инвентаря; сельскохозяйственной, промысловой, санитарной статистики, прием заявлений и жалоб, сбор по ним материалов и передача их старосте. Начальник района не обладал никакими судебными полномочиями. Руководство районами начальники осуществляли при помощи своих заместителей и служащих. Районы должны были быть упразднены к 1 января 1922 г., однако становление административной системы затягивалось, и воевода продлил существование этого института «до полного установления властей первой и инстанции и гминных правлений» [5, с. 10].

С 9 по 12 апреля 1921 г. состоялся первый съезд старост Полесского воеводства. Этот съезд ознаменовал формальное начало работы поветовых органов управления [6, с. 15]. По словам воеводы: «Поветовые старосты должны были стать не просто чиновниками, а опекунами населения» [2, с. 16]. Предполагалось что старосты будут первым серьезным звеном в выполнении задачи по созданию привлекательного образа польских властей в глазах местных жителей. Органами самоуправления на уровне поветов должны были стать временные поветовые рады, которые преобразовались бы в постоянные после вступления в силу соответствующего нормативно-правового акта.

По данным на 31 октября 1921 г. старостами в Полесском воеводстве являлись: Брестский повет – Франтишек Форис; Пинский повет – Станислав Томашевич; Лунинецкий повет – Михаил Кучинский; Сарненский повет – Станислав Рутковский; Кобринский повет – Флорентин Андрацкий; Пружанский повет – Люциан Павловский; Дрогичинский повет – Станислав Заремба; Косовский повет – Казимир Сулистровский; Камень-Каширский повет – Казимир Оброцкий [4, с. 27].

Большинство чиновников староств имели XI служебный ранг и исполняли обязанности клерков. Чуть меньшую долю составляли чиновники VIII ранга – помощники референтов. Наименьшую долю составили чиновники IX ранга – секретари. Структурной единицей староства являлся реферат (отдел), который возглавлял начальник реферата. Каждый реферат курировал определенный круг вопросов. Руководствуясь высшими законодательными актами, воевода путем издания соответствующих распоряжений и циркуляров определял сферу деятельности, структуру поветовых староств, функции, права и обязанности, ответственность старосты, начальников рефератов применительно к местным условиям.

Система самоуправления на момент открытия воеводства в 1921 г. находилась в весьма удручающем состоянии. Об этом свидетельствует публикация политического еженедельника «Wschod Polski», которая основана на данных Полесского воеводского управления. В частности, «Wschod Polski» отмечает: «Гминные правления и поветовые рады заняты людьми, которые были назначены и работой самоуправления не интересовались вовсе. Основная

причина бед в самоуправлении – это отсутствие в составе рад интеллектуального фактора, который бы направлял их по пути интенсивной работы.

С 1 марта и до настоящего момента проведены выборы в рады. Организованы временные поветовые рады, члены которых имеют высокий социально-культурный уровень и знакомы с местными условиями» [12]. Также в статье отмечалась проблема привлечения инвестиций для развития городов и поветов. На заседании воеводской рады, в свою очередь, было отмечено, что поветовые рады образованы и работают во всех поветах, за исключением Лунинецкого, где выборы лишь только состоятся. Однако органы поветового самоуправления, имея представление о проблемах, не могут приступить к их решению из-за отсутствия полномочий и соответствующего закона [6, с. 13–16]. Пресса, а в особенности Полесский воеводский дневник, уделяла большое внимание избирательному процессу в поветовых сеймиках. В частности, в одной из статей 1923 г. о поветовом самоуправлении приведены данные о первых выборах в сеймики: «В 5 поветах – Пружанском, Брестском, Кобринском, Пинском и Сарненском – по результатам выборов в сеймики вошло 178 делегатов. По национальности избрано: 89 поляков, или 50 %, 76 полешуков, или 42,7 %, 2 белоруса и 3 украинца, или 2,7 %, 8 евреев, или 4,5 %. Поляки образуют большинство среди общего количества всех избранных делегатов и присутствуют во всех сеймиках. По уровню образования были избраны соответственно: с высшим образованием 7,9 %, со средним образованием 9,2 %, 4–6 класс 11,8 %, с элементарным образованием 71 %. Если признать всех избранных с высшим и средним образованием, а также тех, кто окончил 4–6-е классы группой интеллигенции, то в общем их количество составит 28,95 %. Абсолютное большинство делегатов происходят из крестьян. Их доля насчитывает 92 %, из них крупные земельные собственники составляют 18 %. По партийной принадлежности 90 % составляют беспартийные» [7, с. 13–14]. Открытие сеймиков сопровождалось праздничными богослужениями и воззваниями к народу. Первые заседания проходили в зданиях староств, где в присутствии поветовых и воеводских властей избирались члены комиссий сеймика и поветовых отделов. Значительным оказалось число избранных поляков, которые доминировали в поветовых отделах и комиссиях.

Выборы в поветовые сеймики пользовались вниманием у властей, и в случае неудовлетворительного исхода не редко проводились дополнительные выборы. Большое внимание уделялось избирательному процессу и открытию сеймиков в связи с тем, что они являлись одним из условно «низовых» звеньев административной структуры, обеспечивающей своего рода «обратную связь» между властью и населением. Это, однако, не говорит об абсолютной чистоте избирательного процесса, а скорее о важности этих структур для легитимизации власти «в народе» и «на местах».

Однако, несмотря на планы государственной администрации, сложившаяся после выборов ситуация не устраивала местных жителей и вызывала активное недовольство. Не имея подавляющего влияния в органах самоуправления, люди не могли решать важнейшие для себя вопросы. Серьезнейшей проблемой

оставалась и финансовая состоятельность органов местного самоуправления, что признавали и сами власти. «Трудно скрывать, что самоуправление слабое, поскольку было образовано недавно и развивается в период инфляции. Отношение населения к самоуправлению критическое, поводом для чего служит общий налоговый гнет... Также не поддерживается тесный контакт с жителями, самоуправление недостаточно реагирует на плачевные условия, в которых живет население, недостаточно бьет тревогу по этому поводу...», – утверждал полесский воевода К. Млодзяновский на съезде представителей поветового самоуправления Полесского воеводства в 1924 г. [1, с. 120].

Одной из мер по выходу из ситуации стало предложение органам самоуправления стать акционерами создающегося Эмиссионного банка Польского. Это могло бы дать органам самоуправления возможность стабильного заработка. В покупке акций обязался помочь Банк Польский [8, с. 2]. Меры экономического реформирования стали давать результат. Косвенным свидетельством этого может служить прирост населения в поветах, о котором рапортовал «Полесский воеводский дневник» в октябре 1924 г. В статье и статистической таблице показан прирост населения на 21 %. Очевидно, что основным подходом к решению проблем самоуправления комиссия посчитала оптимизацию расходов и вместе с тем привлечение частных инвестиций. В хозяйственно-экономической области конец 1920-х гг. отмечен большим количеством циркуляров воеводы к старостам с настоятельными рекомендациями об открытии новых ярмарок, а также инструкций и распоряжений о предпринимательстве в сфере промышленности. Очевидно желание властей оживить экономическую жизнь в поветах. Тем не менее экономический кризис 1929–1933 гг. оказал фатальное влияние на экономику воеводства и поветов. В середине 1930-х гг. наблюдается подъем ставок сборов и налогов на различные виды деятельности. В прессе появляются сообщения о задолженностях органов самоуправления. В отношении этих органов стали возбуждаться долговые производства [10].

Во второй половине 1930-х гг. в архивных документах финансово-хозяйственного характера и в прессе внимание уделялось ликвидации поветовых крестьянских союзов из-за задолженностей, большинство которых было ликвидировано в 1938 г. Ликвидация происходила в Кобрине, Камень-Каширске, Лунинце, Пружанах [11]. Все это свидетельствует о катастрофическом финансовом положении многих организаций в поветах и отсутствии эффекта от деятельности местной администрации после мирового экономического кризиса.

Таким образом, реформирование староств и поветовых сеймиков носило не столько административно-структурный характер, сколько финансовый и правовой, но не оказало желаемого эффекта в связи с затянувшимся экономическим кризисом и отсутствием последовательности в мерах правового и политического контроля избирательного процесса. Польские власти так и не смогли получить достаточной легитимности в среде местного населения, что и обрекало реформы на неудачу.

Список использованной литературы

1. Даркович, А. Л. Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. Л. Даркович. – М., 2016. – 310 л.
2. Dziennik Urzędowy Województwa Poleskiego (DzUWP). – Brześć, 1921. – № 1. – 16 s.
3. DzUWP. – Brześć, 1921. – № 2. – 22 s.
4. DzUWP. – Brześć, 1921. – № 8–9. – 41 s.
5. DzUWP. – Brześć, 1921. – № 10. – 22 s.
6. DzUWP. – Brześć, 1922. – № 3. – 28 s.
7. DzUWP. – Brześć, 1923. – № 6–7. – 24 s.
8. DzUWP. – Brześć, 1923. – № 11. – 8 s.
9. Dz.UWP. – Brześć, 1925. – № 1. – 40 s.
10. PDz.W. – Brześć, 1938. – № 3. – S. 61–91.
11. PDz.W. – Brześć, 1938. – № 4. – S. 67–93.
12. Wschód Polski. Dwutygodnik polityczny. Warszawa; Nowy Swiat [Электронный ресурс]. – 1921. – № 10–12. – Режим доступа: <http://pbc.biaman.pl/publication/12055>. – Дата доступа: 20.03.2019.

УДК 352.071(476.7)«1918/41»

И. И. Юзвук (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. И. Пашкович, канд. ист. наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ДОМАЧЕВСКОЙ ГМИНЫ БРЕСТСКОГО ПОВЕТА ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В данной статье рассматривается административно-территориальное устройство в Польше на примере Домачевской гмины Брестского повета Полесского воеводства. Особое внимание уделяется изменению полномочий и обязанностей местного самоуправления в результате принятия новых конституций в государстве. Также в статье содержится информация о составе громад, входивших в Домачевское гминное правление.

26 сентября 1919 г. Генеральным комиссаром Восточных земель было издано распоряжение об организации и задачах распорядительных и контролирующих органов гминного самоуправления – гминных рад, исполнительными органами которых являлись гминные правления.

Домачевское гминное правление было образовано в 1919 г. Гмина – это наименьшая территориально-административная единица в Польше, которая подчиняется повету, а последний, в свою очередь, воеводству. Решения, касающиеся органов местного самоуправления, которые были приняты в начальный период существования Польской Республики, были прописаны в Конституции 1921 года, а также в последующем изменены и дополнены в апрельской Конституции 1935 года.

Конституционный закон являлся основным актом институционального функционирования территориального самоуправления. Принят Законодательным сеймом 21 марта 1921 г. (упоминается в мартовской Конституции). Уже в главе II (Законодательная власть) в ст. 3 было сформулировано положение, которое гласило, что Республика Польша, основывая свой режим на принципе широкого территориального самоуправления, предоставит представителям этого самоуправления надлежащий объем законодательства, в частности в области управления, культуры, который будет более точно определен законами воеводства [5].

Важным элементом Конституции был так называемый принцип широкого территориального самоуправления, что на практике разрешало местному самоуправлению принимать правовые акты, которые касались области управления, культуры и сельского хозяйства.

Таким образом, принцип децентрализации был принят в системе государственного управления в качестве противовеса правительственной администрации, которая управляла централизованно.

В главе III (Исполнительная власть) Конституции было принято решение об административном делении страны «на воеводства, поветы, сельские и городские гмины, которые также будут территориальными единицами самоуправления» (ст. 65). Они смогут объединяться, на основе отдельных актов для выполнения задач, попадающих в сферу деятельности местного самоуправления. В свою очередь, в ст. 67 прописано, что «Закон о постановке вопросов, связанных с деятельностью самоуправления, имеет право на выборные советы» [8; 5].

С принятием нового Конституционного закона от 23 апреля 1935 г., который назвали Апрельской конституцией, значение территориального самоуправления было ограничено в роли, которую оно играло, а также в положении, которое оно занимало в органах государственного управления.

Первое упоминание о местном самоуправлении содержится в главе I (Республика Польша). В параграфе 4 ст. 3 говорится о предназначении местного самоуправления – «для участия в выполнении коллективных жизненных задач». Таким образом, территориальное самоуправление должно было работать согласно задачам в рамках всей деятельности, осуществляемой государственной администрацией. Это означало лишь ограничение автономии единиц самоуправления, объема их задач и компетенций, что, в свою очередь, соответствовало программе законодательства об однородности государственной власти [6].

Проблема местного самоуправления четко описана в главе X (Государственное управление). Основной закон государства определил компетенцию местного самоуправления: «Органы местного самоуправления имеют право в рамках статутного закона издавать нормы, действительные для их области, при условии утверждения этих стандартов специальным назначенным надзорным органом» (п. 2 ст. 75). В Конституции также четко подчеркивается,

что надзор за деятельностью органов самоуправления будет опираться на государственные органы или органы самоуправления высшей инстанции [8; 6].

В гминную администрацию входили войт и гминное правление, которое, в свою очередь, состояло из заместителя войта и 2–3 заседателей. В состав гминной рады входило 10–15 членов, которых выбирали заседатели. Гминную раду выбирали делегаты гминного собрания, который состоял из 100–150 представителей местных населенных пунктов – громад. Гмины состояли из громад, которые могли соединять несколько хуторов или небольших деревень, но иногда одна крупная деревня могла составлять громаду. Органами громады являлись солтыс и громадская рада (громадское собрание). Во главе громады стоял солтыс, который являлся исполнительным органом и выбирался на громадском собрании (громадской радой). Рада выбиралась в громадах с населением больше 200 жителей, а также могла быть созвана по предложению громадского собрания, поветового отдела с разрешения воеводы и воеводского правления в громадах с меньшим количеством жителей. На все государственные должности в воеводствах, поветах и гминах Западной Беларуси назначали только поляки и, как правило, уроженцы Польши, выходцы с богатых слоев населения [1].

Гмина Домачево входила в состав Брестского повета Полесского воеводства. По результатам всеобщей переписи населения 1921 г. в домачевской гмине насчитывался 21 населенный пункт, где проживало 6366 человек. Домачево обладало статусом местечка и насчитывало 1504 жителей, большинство из которых являлись евреями/иудеями (1337 человек). Среди деревень наиболее крупными по численности населения и количеству домов были следующие: Леплевка (79 домов, 418 человек), Харсы (71 дом, 316 человек); Черск (64 дома, 311 человек); Дубица (53 дома, 265 человек); Кобелка (46 домов, 257 человек). Абсолютное большинство жителей деревень составляли православные (белорусы, украинцы или «русины») [7]. Евреи проживали в Дубице и Леплевке, а также в колониях Нейбров и Нейдорф. Последние являлись крупными населенными пунктами, в каждом насчитывалось более 200 домов и свыше тысячи жителей (Нейбров – 1381 человек, Нейдорф – 1252 человек), большинство которых были лютеранами [7]. Хотя согласно переписи, они причислялись к полякам, но скорее всего это были потомки немецкоязычных поселенцев – «голендеров» (преимущественно из Прусского княжества), прибывших сюда во второй половине XVI в. [3]. В 1928 г. (или в 1930 г.) колонии Нейбров и Нейдорф были переименованы в Мошнице-Гурне и в Мошнице-Дольне соответственно. А обосновывалось это якобы необходимостью придания польских названий всем населенным пунктам Польши [4]. В 1928 г. территория, подчиненная Домачевскому гминному правлению, была увеличена за счет ликвидированной гмины Приборово [2, л. 1].

Список использованной литературы

1. Борка, А. І. Мясовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А. І. Борка. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 139 с.
2. Государственный архив Брестской области. – Ф. Р-13. Оп. 2. Д. 5.
3. Пачкаев, Н. Нейдорфский лютеранский приход [Электронный ресурс] / Н. Пачкаев. – Режим доступа: <http://www.neubrow.domachevo.com/ru.htm>. – Дата доступа: 26.03.2019.
4. Розенблат, Е. С. К истории голландских поселений на Брестчине [Электронный ресурс] / Е. С. Розенблат, Р. Войтишко. – Режим доступа: <http://www.neubrow.domachevo.com/historu-golendry-ru.htm> – Дата доступа: 26.03.2019.
5. Konstytucja marcowa z 1921 roku [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infor.pl/prawo/konstytucja/teksty-polskich-konstytucji/76621>. – Дата доступа: 26.03.2019.
6. Konstytucja kwietniowa z 1935 roku [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infor.pl/prawo/konstytucja/teksty-polskich-konstytucji/76606>. – Дата доступа: 26.03.2019.
7. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Poleskie: nakładem głównego urzędu statystycznego. – Warszawa, 1924. – Т. 8.– 84 s.
8. Stawicki, R. Samorząd terytorialny w II Rzeczypospolitej : zarys prawno-historyczny / R. Stawicki. – Warszawa : Kancelaria Senatu, 2015.

Раздел 3

МАЛАЯ РОДИНА: ИСТОРИЯ, ЛИЧНОСТИ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(476.4)

Р. Д. Галынскі (Беларусь, Магілёў, МДУ імя А. А. Куляшова)

Навуковы кіраўнік – **І. А. Марзалюк**, доктар гіст. навук, прафесар

УЗНІКНЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ГОРАДА БЫХАВА Ў XIV–XVIII СТСТ.

Горад Быхаў з’яўляецца адным з менш даследаваных у гістарычным плане гарадоў Магілёўскага Падняпроўя, нягледзячы на тое, што горад адыгрываў важную ролю ў ваенна-палітычным жыцці Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XIV–XVIII стст. Разам з тым гісторыя ўзнікнення дадзенага населенага пункта і яго эвалюцыя дагэтуль застаюцца практычна невядомымі.

Горад Быхаў адыгрываў значную ролю ў вайсковых падзеях, што адбываліся на тэрыторыі сучасных беларускіх земляў, сярэдзіны XVII – пачатку XVIII ст. Між іншым больш ранняя гісторыя горада мае значную колькасць пытанняў, асабліва яго ўзнікнення і першага стагоддзі яго існавання. З гэтай прычыны ў артыкуле будуць прааналізаваны першыя згадкі горада Быхава ў пісьмовых крыніцах і прасочана эвалюцыя населенага пункта ў часе на падставе пісьмовых і часткова археалагічных крыніц.

Першая згадка пра Быхаў змяшчаецца ў “Спісе гарадоў далніх і бліжніх” і дэманструе яго ўмацаваным паселішчам (пад тэрмінам “паселішча” мы разумеем звычайны населены пункт як гарадскога, так і вясковага тыпу – збіральны тэрмін) са складу Кіеўскіх гарадоў [16; 13, с. 88–89]. Тэрмінам “горад” ці “град” у XIV ст. называлі ўмацаваныя аб’екты, якія мелі розныя ўмацаванні, нават і цэлыя абарончыя сістэмы (сцены, агароджы, валы і інш.) [9; 23]. На думку Л. В. Аляксеева, у XIV ст. Быхаў разам з Рагачовам і Магілёвам уваходзіў у склад Друцкага княства [2, с. 224–225; 3, с. 48]. Напрыканцы XIV ст. Быхаў, як і ўсё ўзбярэжжа Дняпра ад Шклова да Быхава, мог належаць князям Талочкавічам-Буйніцкім, ад якіх перайшоў да Кіева-Пячэрскага манастыра і князёў Крошынскіх [13, с. 87]. М. М. Ціхаміраў называе першым уладаром згаданых тэрыторый кіеўскага князя Скіргайлу Альгердавіча [16, с. 214–259; 13, с. 88–89]. Але ўжо ў 1444 ці 1459 г. князь Дзмітрый Сямёнавіч Зубравіцкі (1400? – пасля 1444 гг.) [13, с. 87] з роду князёў Друцкіх запісаў сваёй жонцы Зоф’і ўсю сваю маёмасць, у склад якой уваходзіў “двор Быхово” [7, с. 169; 10, с. 93]. Не ясна, што тут мелася на ўвазе, – двор як гаспадарка, паўнаўладарны комплекс пабудовы з чэлядзю і землямі ці горад цалкам. З гэтай прычыны падаецца верагодным, што ў XIV ст. Быхаў з’яўляўся ўмацаванай сядзібай пры невялікім сельскім паселішчы, але не горадам. Так, А. А. Трусаў звязвае паселішчы з назвай “двор” з паселішчамі феадалаў – сядзібамі [18, с. 34]. Дачка Дзмітрыя Сямёнавіча Зубравіцкага Марына Гальшанская-Трабская падаравала Быхаў свайму ўнуку Альбрэхту Гаштольду ў 1496 г. [13, с. 93]. М. А. Волкаў адзначае, што Быхаў у крыніцах гэтага часу згадваўся і як “дворац” [7, с. 169],

што пацвярджае нашу думку аб першапачатковым існаванні Быхава як умацаванай рэзідэнцыі-сядзібы. Пасля смерці Станіслава Гаштольда (сын Альбрэхта Гаштольда) Быхаў як “вымарачны” маёнтак адышоў ва ўласнасць вялікага князя, які закладаў паселішча арандатарам.

М. А. Волкаў адзначае таксама, што Быхаўская воласць была падзелена паміж некалькімі ўладальнікамі, сярод якіх, акрамя Гаштольдаў, быў Іван Хадкевіч. Ад яго маёнтак перайшоў яго сыну Аляксандру [7, с. 169]. Вынікае, што акрамя воласці магло быць падзелена і паселішча Быхаў.

Адміністрацыйна ў XVI ст. Быхаў уваходзіў у склад Аршанскага павета Віцебскага ваяводства. Так, да Віленскага сойма 1565–1566 гг. было складзена апісанне межаў Аршанскага павета, дзе Быхаўскія землі выступаюць у якасці памежных па рацэ Бярэзіне [10, с. 90].

На стратэгічнае значэнне Быхава звярнуў увагу Конрад Бабятынскі. Ём адзначана, што Быхаў знаходзіўся ў гэтак званай Смаленскай браме – адным з трох асноўных вайскова-стратэгічных маршрутаў паміж Вялікім княствам Літоўскім і Маскоўскім Царствам (дарога са Смаленска на Слуцк) [4, с. 291–292]. Гэтая акалічнасць адыграла значную ролю ў яго далейшым існаванні.

М. К. Любаўскі і А. П. Грыцкевіч адзначылі, што Быхаў з’яўляўся прыватнаўласніцкім паселішчам з катэгорыі “важнейшие княжеские и панские дворы при местах и селах”. М. К. Любаўскі таксама выказаў думку, што шэраг мястэчак у XVI–XVII стст. пераўтварыліся ў гарады, а вёскі – у мястэчкі, што было звычайнай з’явай згаданай эпохі [8, с. 33; 11, с. 116].

А. П. Грыцкевіч выказаў думку, што Быхаў узнік на месцы рамеснага паселішча ці слабады, што ляжалі блізка да ўмацаванага гаспадарскага двара. Больш за тое, ён адносіць Быхаў да старажытнарускіх гарадоў [8, с. 45]. Але гэтае сцвярджэнне памылковае нават пры наяўнасці ў межах горада гарадзішча, бо няма дакладных згадак у пісьмовых крыніцах, да якой катэгорыі паселішчаў адносіўся Быхаў у старажытнарускі час.

У сваю чаргу, В. М. Ляўко звярнула ўвагу на тое, што шэраг гарадзішчаў VIII–X стст. пераўтварыліся ў гарады, замкі, крэпасці і феадальныя двары. Кожная са згаданых катэгорый паселішчаў мае свае ўласныя прыкметы, але незаўжды гэтыя прыкметы выразныя. Больш за тое, у розныя часы паселішча магло адносіцца да розных катэгорый, і Быхаў не выключэнне [10, с. 75].

Ю. М. Бохан у сваіх даследаваннях выказваўся, што шэраг гарадоў з’яўляліся ў пісьмовых крыніцах са спазненнем. Акрамя таго, застаецца адкрытым пытанне: ці былі згаданыя ў пісьмовых крыніцах XV ст. паселішчы гарадамі? Гэтае пытанне, на яго думку, больш за ўсё тычыцца Быхава і Рэчыцы. Першыя населены пункт быў “дваром”-сядзібай і “местам”, а горадам у поўным сэнсе слова стаў толькі ў XVI ст. Другі – горадам стаў звацца толькі ў 1520-я гг. пасля разбудовы гарадской пляцоўкі [5, с. 199; 6, с. 7]. Так ці інакш, час першых згадак пра Быхаў у пісьмовых крыніцах канца XIV–XV стст. Ю. М. Бохан характарызуе хуткім павелічэннем паселішчаў гарадскога тыпу на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Звязвае ён гэты працэс з інтэнсіфікацыяй эканамічнага

развіцця ВКЛ, уключэннем у грашовы абарот сялянскіх мас (выплаты грашовых рэнт) [5, с. 199; 6, с. 7].

На нашу думку, XIV ст. – гэта перыяд значных катаклізмаў: эпідэмія чумы “Чорная смерць” і татарскія набегі на тэрыторыю сучаснай Украіны. З аднаго боку, гэта прывяло да абязлюдзення старажытнарускіх гарадскіх цэнтраў. З другога – людскія масы, каб пазбегнуць татарскага палону, прасоўваліся на поўнач і пераходзілі пад уладу гаспадароў, якія надзялялі іх зямлёй. Акрамя таго, у гэты час ішла феадалізацыя тэрыторыі: феадалы “асядалі на зямлю” – перасяленне ва ўласныя маёнткі падораныя сеньёрам, так званае “абаярванне” дружыны. З гэтай прычыны частка насельніцтва гарадоў пераходзіла ў феадальныя сядзібы, каб забяспечваць іх уладальнікаў рамеснай прадукцыяй [5, с. 199, 262; 6, с. 7]. Усе гэтыя фактары ўплывалі на павелічэнне колькасці саміх “сядзіб”-двароў і іх насельніцтва, што прыводзіла да іх трансфармацыі ў мястэчкі і “месцы” і ў той жа час да скарачэння насельніцтва гарадоў.

На падставе адзначанага вынікае, што ў канцы XIV–XV стст. Быхаў не мог з’яўляцца паўнаважным горадам. Быхаў з’яўляўся сельскім паселішчам з умацаванай рэзідэнцыяй (“дваром”-сядзібай). Па сутнасці, гэта быў протазамак. Як ён дакладна выглядаў, нам невядома.

У першай палове XVI ст. быхаўчане атрымалі права на знешні гандаль – гэта юрыдычнае замацоўванне Быхава як “места” (горада) [7, с. 169]. Тэрмін “места” як назва горада вядомы з XIII ст., ён азначаў паселішча гарадскога тыпу, адрознае ад замка. Месца магло быць умацаванае (звычайна з драўляна-землянымі ўмацаваннямі) або неўмацаванае. Другасныя кварталы, якія не былі ахоплены гарадскімі ўмацаваннямі або адзелены ад іх прыроднымі перашкодамі, называліся прадмесцямі. Невялікія гарадкі звалі мястэчкамі [12, с. 302]. Месцам таксама называлі вакольны горад [20, с. 256–257]. Зыходзячы з гэтага, да першай паловы XVI ст. Быхаў з’яўляўся мястэчкам. Мясцічкі вельмі часта разбудоўваліся вакол феадальных сядзіб, якія выконвалі ролю гаспадарчага і адміністрацыйнага цэнтра воласці. Гэтая катэгорыя паселішчаў мела дзве асаблівасці: значная роля гандлю і дамінаванне сельскай гаспадаркі над рамяством. Так, мястэчкі вялі гандаль на невялікай адлегласці, тады як гарады распаўсюджвалі сваю прадукцыю і тавары ў замежжа [10, с. 91]. Між тым Быхаў яшчэ не згадваецца як горад.

Цяжкасці ў вызначэнні адмежавання горада ад мястэчка кансалідуюцца ў сістэме размеркавання гарадоў у першакрыніцах. Так, горад (*civitas*) і мястэчка (*oppidum*) не мелі прававога вызначэння, градацыя ішла выключна па якасных паказчыках – вялікія і малыя. У падаткаабкладанні выкарыстоўвалі наступныя назвы: найвялікшыя, галоўныя, лепшыя, вялікія, першасныя гарады. Потым ішлі мястэчкі: малыя, меншыя і горшыя гарады. Гэтая сістэма была ўмоўнай і не надта трывалай [8, с. 33–34].

Пры разгляданні эвалюцыі Быхава, на нашу думку, трэба прытрымлівацца ідэі З. Ю. Капыскага і А. П. Грыцкевіча аб апірацці на памеры горада. Даследчыкі звязваюць Быхаў пачатку XVII ст. з сярэднімі па памерам гарадамі (ад 3 да 10 тыс. чалавек). У канцы XVII ст. Быхаў ужо буйны горад (больш за

10 тыс. жыхароў), а ў XVIII ст. – зноў сярэдні [8, с. 38–39]. Да сярэдніх гарадоў адносіць Быхаў і Ю. М. Бохан [5, с. 204; 6, с. 13]. Але мы не ведаем дакладнай колькасці насельніцтва Быхава ў згаданыя перыяды і зыходзячы з якіх крыніц гісторыкі рабілі падлікі. Таму выпадае арыентавацца толькі на згадкі ў пісьмовых крыніцах і асноўныя функцыі, якія магло выконваць паселішча ў розныя часы яго існавання.

У 1540-х гг. Станіслаў Гаштольд і Аляксандр Хадкевіч мелі сваіх асобных ураднікаў у Быхаве [7, с. 170]. Зыходзячы з гэтага, тут магло існаваць і два асобных “двара”, а значыць, і два замкі. У 1556 г. Рыгор Хадкевіч атрымаў ад Жыгімонта II Аўгуста шэраг зямельных уладанняў, сярод якіх і “двор” Быхаў з вёскамі. Па назіраннях М. А. Волкава, гэта трэцяя частка Быхаўскай воласці, і пазней яна звалася “Новы Быхаў” [7, с. 170]. Раней гэтыя тэрыторыі належалі Івану Васільевічу Саламарэцкаму. У 1560 г. Марыя Янава Гарнастай прадала сваю застаўную частку Быхава Гераніму Хадкевічу. Так, вакол Быхава ўтварылася вялікая зямельная латыфундыя ў руках аднаго магнацкага роду – Гераніма і Рыгора Хадкевічаў, потым усё перайшло да сына Гераніма – Яна [7, с. 171].

У 1560 г. ад вялікага князя Рыгорам Хадкевічам быў атрыманы прывілей на будаўніцтва горада і замка [7, с. 171]. Так, мы бачым, што казаць пра Быхаў як горад можна з сярэдзіны XVI ст. Але мы не ведаем, пра які канкрэтна населены пункт ішла гаворка ў прывілеі. Так, на той момант ужо існавалі ў нязначнай адлегласці адзін ад аднаго два Быхавы, і ў другой палове XVI ст. абодва мелі драўляна-земляныя замкі. На думку М. А. Волкава, будаўніцтва драўляна-землянога замка і правільнай геаметрычнай гарадской забудовы было распачата на месцы будучага мястэчка Новы Быхаў [7, с. 171]. Але найбольш верагодна горад быў проста перанесены на некалькі сот метраў на поўнач. Гэта было звязана, на нашу думку, з поўным зборам у руках аднаго роду ўсіх быхаўскіх зямель. Ускосна гэта пацвярджае і той факт, што ў 1560–1570 гг. Ян Хадкевіч праводзіў лакацыю – заклаў новы горад з рэгулярнай планіроўкай і гандлёвай плошчай. А, як вядома, з часоў Старажытнай Русі гарады разрасталіся веерна ці радыяльна ад дзядзінца. Такую ролю ў Быхаве адыгрывала паўднёвае гарадзішча. Больш за тое, калі тэрмін “дзядзінец” атаясамліваецца з тэрмінам “сядзіба” і “двор”, падаецца верагодным першапачатковае месцазнаходжанне “старажытнага” Быхава на тэрыторыі паўднёвага гарадзішча.

Перанос замка і “места” перажыў і Шклоў. Калі правесці аналогію паміж Шкловам і Быхавам, выяўляюцца пэўныя падабенствы. “Места Шклоўскае” было закладзена на аддаленасці 4 км ад феадальнага двара-сядзібы. Быхаў таксама быў перанесены прыкладна на 800 м, а па меркаванні М. А. Волкава, за 20 км ад сучаснага аг. Новы Быхаў да сучаснага г. Быхава [7, с. 171]. Абодва паселішчы (Шклоў і Быхаў) належалі Хадкевічам. Абодва места ляжалі на гандлёвых шляхах: сухапутным Віцебск – Гомель і рачным – Днепр. В. М. Ляўко бачыць галоўнай прычынай павелічэння сеткі гарадскіх паселішчаў у Падняпроўі ў будаўніцтве канала паміж рэкамі Заходняя Дзвіна і Днепр у ваколіцах Оршы ў другой палове XVI ст. Больш за тое, у XVI – пачатку XVII ст.

кіраўніцтва дзяржавы ўсяляк падтрымлівала шляхту ў разбудове гандлёвых паселішчаў уздоўж Дняпра [10, с. 107].

У 1560–1570 гг. Ян Хадкевіч разам з бацькам Геранімам Хадкевічам пабудаваў новы драўляна-земляны замак. Але такія ўмацаванні не адпавядалі рэаліям баявых дзеянняў канца XVI ст., што прывяло да новых змен.

Важна адзначыць, што вядзенне баявых дзеянняў на Магілёўшчыне падчас Інфлянцкай вайны (1558–1583) прывяло да таго, што Быхаў быў захоплены маскоўскімі войскамі, з яго вывозяць артылерыю [14, с. 224]. Але ў верасні 1568 г. з Быхава і Магілёва на будаўнічыя работы ў Улу Хадкевічы накіравалі 300 чалавек [22, с. 114]. Быхаў тут – прыватны горад, тады як Магілёў накіроўваў людзей пад уплывам адміністрацыйна-вайсковага рэсурсу Хадкевічаў. Гэта дэманструе нам горад, які развіваецца, бо будаўнічыя работы на новым замку патрабавалі дастатковай колькасці працоўных, тады як факт адпраўкі людзей у Улу дэманструе ўжо сфарміраваны горад з пэўнай колькасцю свабодных ад пастаяннай працы людзей. Але, магчыма, гэта была чэлядзь альбо прыгонныя, якія раней працавалі на будаўнічых работах. У 1568 г. Быхаў разам са Шкловам, Слуцкам і Мышшу былі ўключаны ў тытулатуру Яна Караля Хадкевіча як графскія землі [10, с. 95].

У 1590 г. замак моцна пацярпеў ад нападу атрада “нізавых казакоў” данскога гетмана Мацюшы Федаровіча, якія, “наехавшы гвалтовне..., шкоды немалыя... почінілі”. У варотах брамы і ў драўляных сценах засталіся “есьмо куль і стрел немало” [17, с. 81]. Зімой 1595 г. пасля разгрому Магілёва праз Быхаў на Рэчыцу праходзіў атрад Севярына Налівайкі. Гэтыя падзеі сталі прычынай перабудовы замка. Дарэчы, Ян Караль толькі ў 1601 г. стаў адзіным уладаром Быхава. У 1611 г. ён пачаў узводзіць быстыённыя ўмацаванні. Вядома, што Ян Станіслаў Сапега (зяць Яна Караля Хадкевіча) дабудоўваў каменную рэзідэнцыю.

А. П. Грыцкевіч звязвае будаўніцтва Быхаўскага замка з Янам Каралем Хадкевічам і датуе яго 1590–1610 гг. Адзначае ён таксама і падабенства Быхаўскіх будаўнічых работ па фарміраванні фартыфікацыйных комплексаў са Шклоўскімі [8, с. 46].

Найбольш аб’ектыўна прычыны разбудовы менавіта Быхаўскай латыфундыі абгрунтаваў М. А. Волкаў. Верагодна, гэта тлумачыцца рознымі функцыямі і ролямі асноўных сядзіб Яна Караля Хадкевіча (Ляхавічы і Быхаў). Магутны бастыённы замак у Ляхавічах уяўляў сабой рэзідэнцыю новага тыпу, якая акрамя забеспячэння надзейнай абароны, з’яўлялася таксама новай формай рэпрэзентацыі палітычнага і сацыяльнага статусу яго ўласніка. Выбар Ляхавічаў для ўзвядзення сядзібы такога кшталту тлумачыцца блізкасцю паселішча да палітычных цэнтраў дзяржавы. У сваю чаргу, Быхаў знаходзіўся на ўсходняй мяжы дзяржавы, і магчымасці яго выкарыстання для рэпрэзентацыі ў палітычнай дзейнасці былі абмежаваныя. Аднак гэтае паселішча было цэнтрам найбольшай зямельнай латыфундыі Я. К. Хадкевіча, а яго жыхары атрымлівалі значныя прыбыткі ад гандлю па Дняпры. Таму асноўныя высілкі былі скіраваны на ўзвядзенне абарончых умацаванняў вакол самога паселішча. Пераўтварэнне Быхава ў горад-фартэцыю давала магчымасць забяспечыць абарону мяшчанам, а

разам з тым дэмаграфічны і эканамічны патэнцыял усёй латыфундыі. Між тым будаўнічыя работы на замку вяліся яшчэ ў 1630-я гг. Так, у 1637 г. вырабляліся замкі, завесы і іншыя слесарскія работы дзеля паўнаўартаснага забеспячэння функцыянавання замка. Але абарончы патэнцыял замка ў Быхаве пасля яго перабудовы Я. К. Хадкевічам і яго наступнікам Я. С. Сапегам знізіўся. Новазбудаваная мураваная рэзідэнцыя выконвала найперш рэпрэзентацыйныя і адміністрацыйныя функцыі [7, с. 167–194; 19, с. 81]. Асноўная стаўка ў абароне горада ўскладалася на сістэму бастыёнаў і правільную гарадскую забудову з каменнымі будынкамі ў ёй. Так, Ляхавічы выконвалі ролю апоры ў палітычным жыцці Хадкевічаў і Сапегі, а Быхаў дэманстраваў вайсковую моц, бо з’яўляўся ўжо горадам-крэпасцю.

Трэба адзначыць, што вонкавы выгляд забудовы горада, яго ўмацаванняў і замка ўвогуле паступова змяняўся. Замак і горад моцна пацярпелі ад Трынаццацігадовай вайны (неаднаразовыя аблогі як польскіх, так і расійскіх і казацкіх войск). Так, асобна на аднаўленне замка і гарадскіх умацаванняў у 1669 г. кароль выдаткаваў прывілеі быхаўскім мяшчанам, якімі скасоўваў выплаты падаткаў [1, с. 46–48, 177–182]. Увогуле ў гады Хмяльніччыны (1648–1649), Трынаццацігадовай (1654–1667), Хатняй (1696–1702) і Паўночнай (1700–1721) войнаў Быхаў быў шэсць разоў у шматмесячных аблогах, у горадзе былі разбурэнні і пажары, якія закранулі і замкавы комплекс. Найбольшыя разбурэнні замак пацярпеў падчас асады 1702 г. Падчас бамбардзіровак горада былі пашкоджаны цэйхгаўз і паўночная глухая сцяна замкавага комплекса. У 1716 г. гарадскія брамы ўвогуле былі ўзарваны, а частка вонкавых умацаванняў зрыта адыходзячым расійскім гарнізонам. Паступова Сапегі здолелі аднавіць сістэму ўмацаванняў і адбудаваць брамы.

Пасля ўваходжання Усходняй Беларусі ў склад Расійскай імперыі (1772) Стары Быхаў некаторы час быў аб’ектам пільнай увагі з боку расійскіх ваенных, бо новая мяжа паміж Расіяй і Рэччу Паспалітай прайшла па тэрыторыі цяперашняга Быхаўскага раёна – па р. Друць. Для вывучэння на месцы абарончых магчымасцяў крэпасцяў у Беларусь быў накіраваны ваенны інжынер Ф. В. Баўр. У сваім дакладзе 1782 г. ён прапанаваў на заходніх межах Расійскай імперыі заснаваць дзве галоўныя крэпасці – новую каля «места» Будзілава і рэканструяваную ў Старым Быхаве. Пры апошняй на выгоднай гары каля Рагачова планавалася “пабудаваць цытадэль ці невялікае ўмацаванне, якое магло прыкрываць перавоз па Дняпры і Друці”. У прамежках паміж галоўнымі крэпасцямі патрабавалася размясціць меншыя крэпасці ў Талочыне, Дрысе і Дынабургу [15, с. 72]. Аднак далейшыя падзелы Рэчы Паспалітай зрабілі гэтыя планы немэтазгоднымі, бо мяжа Расійскай імперыі адсунулася далёка на захад. Таму Быхаў страціў сваё стратэгічнае значэнне горада-крэпасці, а яго ўмацаванні паступова прыйшлі ў заняпад, былі разбураны і ў значнай долі разабраны. У першай палове XIX ст. мясцовыя жыхары разрылі бастыёны і курціны, а ў другой разабралі на цэглу ўязныя брамы.

Такім чынам, можна зрабіць наступныя высновы:

- Не выпадае казаць пра дакладны час узнікнення паселішча пад назвай “Быхаў”.

- Першыя згадкі пра Быхаў дэманструюць яго як умацаваную сядзібу, якая з цягам часу разрасталася. У залежнасці ад прыналежнасці тым ці іншым уласнікам (у пэўны час некалькім адначасова) паселішча мела ў сваім складзе і некалькі сядзіб.

- Паўнаўтварасным горадам з правамі мяшчан на вядзенне гандлю Быхаў дакладна стаў у 1530-я гг. (больш раннія згадкі не высветлены). Далейшаму развіццю горада спрыяла “збіранне” паселішча ў адных прыватных руках (спачатку Хадкевічы, потым Сапегі). Будаўніцтва паўнаўтвараснага замка і правільнай гарадской забудовы прыпадае на 1560-я гг. з далейшым будаўніцтвам каменнага замка, які канчаткова быў дабудаваны не раней за 1637 г. Разбудова бастыённых умацаванняў праходзіла ў пачатку XVII ст.

- На працягу ўсіх вайсковых канфліктаў XVII–XVIII стст. быхаўскі каменны замак паступова перабудоўваўся, а гарадская забудова з вонкавымі ўмацаваннямі аднаўлялася і мадэрнізавалася.

- З пачатку XVI ст. выпадае казаць пра падзел Быхава на замак і месца. Так, і ў Хадкевічаў, і ў Гаштольдаў у пісьмовых крыніцах згадваюцца быхаўскія мяшчане і ў пераліку маёмасці трапляецца назва “месца Быхаў”. Улічваючы тое, што адсутнічаюць згадкі прадмесцяў, вынікае, што месца мела пэўную сістэму абарончых умацаванняў (паркан, плот, магчыма вал, альбо роў).

- Пры Хадкевічах адбылося як мінімум два пераносы замка (пры будаўніцтве драўляна-землянога ў 1560-я і каменнага – у 1611–1637-я гг.) і адзін перанос горада (разбудова новага горада з правільнай вулічна-паквартальнай сеткай).

- Быхаў, як і асноўная колькасць прыватнаўласніцкіх гарадоў, узводзіўся на аснове праектных планаў, распрацаваных на падставе тэарэтычных і практычных дасягненняў горадабудаўніцтва Рэчы Паспалітай і Еўропы, але з улікам мясцовых асаблівасцяў (парэшткі папярэдняга паселішча і этнасацыяльная структура насельніцтва).

- Выпадае казаць пра наступныя стадыі эвалюцыі Быхава як паселішча: сельскае паселішча (?), феадальная сядзіба (двор), умацаваны двор-замак, месца з дваром-замкам, цэнтр латыфундыі з замкам, горад з замкам – сталіца графства, горад-крэпасць з палацам-замкам – сталіца графства.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна : Тип. Губерн. правления, 1865–1915. – Т. 4 : Акты Брестского городского суда. – 1870. – 687 с.

2. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля / Л. В. Алексеев // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М. : Наука, 1975. – 296 с.

3. Алексеев, Л. В. Смоленская земля в X–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 1980. – 262 с.

4. Бабятыньскі, К. Падняпроўскія крэпасці ў сістэме абароны ўсходняй мяжы Вялікага княства Літоўскага XVI – палова XVII стагоддзя / К. Бабятыньскі // ARCHE. – 2014. – № 12. – С. 290–304.

5. Бохан, Ю. М. Мясцэчкі і працэсы ўрбанізацыі на землях Беларусі ў XV–XVIII стст. / Ю. М. Бохан ; уклад. М. А. Волкаў. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 292 с.
6. Бохан, Ю. Н. Урбанистические процессы в Великом княжестве Литовском в 14–18 вв. / Ю. Н. Бохан // Города, местечки и замки Великого княжества Литовского : энциклопедия / ред. совет: Т. В. Белова (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – 312 с.
7. Волкаў, М. А. Быхаў у першай палове XVII ст. / М. А. Волкаў // Сапегі: асобы, кар’еры, маёнты : зб. навук. арт. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – С. 167–194.
8. Грицкевич, А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. / А. П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 248 с.
9. Дедук, А. В. “Список русских городов дальних и ближних”: история изучения / А. В. Дедук. – М. : Пашков дом, 2015. – С. 129–141.
10. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие / О. Н. Левко. – Минск : Беларус. навука, 2004. – 280 с.
11. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / подгот. к печати Д. В. Карев ; авт. вступ. ст. Д. В. Карев ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 400 с.
12. Места // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. – Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2007. – 792 с.
13. Насевіч, В. Л. Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV–XVI стст.) / В. Л. Насевіч // Старонкі гісторыі Беларусі / М. М. Крывальцэвіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – С. 83–104.
16. Рубцов, Н. Н. История литейного производства в СССР. – Ч. 1. / Н. Н. Рубцов. – 2-е изд. – М., 1962. – 302 с.
17. Слюнькова, И. Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. / И. Н. Слюнькова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
18. Тихомиров, Н. М. Список русских городов дальних и ближних / Н. М. Тихомиров // Исторические записки. – Т. 40. – М., 1952. – С. 214–259.
19. Ткачоў, М. А. Замкі і людзі / М. А. Ткачоў ; пад рэд. Г. В. Штыхава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 184 с.
20. Трусаў, А. А. Кароткая гісторыя архітэктуры Беларусі / А. А. Трусаў. – Мінск : Харвест, 2015. – 464 с.
21. Шкапляроў, Ю. П. Ідэальны горад-крэпасць. Ваенная гісторыя Старога Быхава ў XVII стагоддзі : манаграфія / Ю. П. Шкапляроў, М. А. Волкаў, Р. Дз. Галынскі ; пад навук. рэд. І. А. Марзалюка ; М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь. – Магілёў : Магілёўскі ін-т МУС, 2018. – 140 с.
22. Штыхаў, Г. В. Горад / Г. В. Штыхаў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1 : А–К. – 496 с.
23. Янин, В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков / В. Л. Янин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 216 с.
24. Янушкевич, А. Н. Ливонская война 1558–1570 гг. и Великое княжество Литовское / А. Н. Янушкевич. – Минск : Медисонт, 2013. – 362 с.

УДК 94(476)

А. С. Зелинский (Беларусь, Вороцевичи, музей Н. Орды)
Научный руководитель – Т. М. Милач, канд. ист. наук, доцент

МОРТИРОЛОГ ПОМЕЩИЧЬИХ УСАДЕБ ИВАНОВЩИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Полесье – край с богатой историей. Ивановская земля – часть полесского региона. Для неё присущи свои культурные особенности. Значительную роль в определении специфических черт сыграли помещики, во владении которых находились земли Ивановщины: Орды, Скирмунты, Пусловские, Крашевские, Лях-Ширмы, Куженецкие и мн. др.

XIX в. – это наиболее продуктивный период в истории региона. Одна часть Ивановского района в современных его границах с 1801 г., согласно административно-территориальному делению, принятому Александром I, входила в состав Кобринского уезда Гродненской губернии, другая часть его входила в состав Минской губернии [1, с. 754]. На протяжении XIX в. землями Ивановщины владели семьи Орд, Скирмунтов, Пусловских, Куженецких, Лях-Ширм, Ожешко, Крашевских [1, с. 5]. Согласно источникам эти семьи находились в кровном родстве. Владениями многие из них обзавелись не только на территории современного Ивановского района, но и на территории других районов Брестской области и других регионов Беларуси и за ее пределами (современная Польша, Украина, Литва) [1, с. 5].

Прошлое Ивановщины тесным образом связано личностью Н. Орды (1807–1883), художника и композитора, родившегося в имении Красный Двор (д. Вороцевичи). В семье родителей Наполеона Орды было пятеро детей, включая его самого. Отец Михаил Орда умер рано в 1809 г., и детей воспитывала мать Юзефина Орда (Бутримович). У Н. Орды было четыре сестры: Юзефина, Эмилия, Каролина (Анеля) и Гортензия. Юзефина дважды состояла в браке: в первый раз за Владимиром Павловичем Долгоруким (1794–1836), вторым ее мужем был Херубин Плотницкий – депутат Волынской губернии [5, с. 82]. Эмилия стала супругой Юзефа Куженецкого [5, с. 83]. Ее внучкой была Мария Родзевич, детство которой прошло в д. Замошье (Ивановский район) – имении деда Юзефа Куженецкого. В поздние годы жила в усадьбе в д. Грушево (Кобринский район) [3, с. 355–360]. Каролина (Анеля) и Гортензия в замужестве были Скирмунты. Семья Орд породнилась с Куженецкими, Скирмунтами, на недолгое время с Долгорукими и Плотницкими.

Орды владели землей в д. Вороцевичи, имели наделы на территории Достоевского сельского совета (Достоево, Вулька-Достоевская, Зарудье, Застружье и т. д.). К ним прибавились территории Скирмунтов (Молодово, Бусса, Овзичи, Бродница, Полкотичи, Каролин) [1], Куженецких (Замошье, Пешково, Сухое, Рыловичи, Красиевка (Смердячая до 1960 г.), Осовница, Иваново) [1] (таблица 1).

Юг нынешнего Ивановского района делили между собой такие помещичьи семьи, как Андрейковичи, Толубеевы и Пусловские. Пусловским принадлежали д. Завышье, Конотоп, Переруб, Кужеличин, Франополь, Якша [1] (таблица 1). Согласно источникам, в Ивановском районе жили Пусловские, которые владели Коссовским замком в Ивацевичском районе. Из этой семьи был знаком с Н. Ордой Титус Пусловский: они вместе принимали участие в восстании 1830–1831 гг., затем предположительно за именем Тита Полонского скрывался Титус Пусловский, именно он помог Наполеону Орде выехать за границу и остаться жить во Франции после поражения восстания 1830–1831 гг. Андрейковичи управляли д. Баландичи, Одрижин, Мохро, Вулька-Мохровская и Смольники [1].

Заметный след в истории Ивановского района оставила представительница этой семьи – Мария Ярославовна Андрейкович – художница [1]. Известен Михаил Бутовт-Андрейкович, состоявший в родстве с Херубином Плотницким [2].

Таблица 1 – Земельные владения Ивановщины

Принадлежность	Имена
Госимущество	Березляны, Бошня, Гневчицы, Дружиловичи, Зарудье (Крытышинский с/с), Калилы, Крытышин, Куляки, Потаповичи, Псыщево, Пешково, Радогощь, Рудковка, Сочивки, Трилиски, Щекотск
Принадлежность не установлена	Вилы (1909), Вартыцк (1835), Вивнево (1924), Верхустье (1866), Горовата (1870), Евлаши (1774), Загута (1920-е гг.), Залядынье (XIX в.), Колено (1930-е гг.), Хомичево, Корсынъ (1921). Красное (1870), Кривица (1905), Лучки (1905), Новинка (XX в.), Новые Клёнки (н. XX в.), Опадыще (1921), Подыще (1924), Песчанка (1957). Стронец (1905), Сычево (1866), Тулятичи (1866), Упирово (1866)
Орды	Вороцевичи, Боровая, Теребунь, Вулька Достоевская, Горбаха, Достоево, Зарудье (Достоевский с/с). Ляховичи, Новолучки, Застружье
Крашевские	Вороцевичи, Боровая, Крестиново (Дрогичинский р-н)
Скирмунты	Бродница, Бусса, Молодово, Овзичи, Полкотичи, Каролин
Ожешки	Иваново, Людвиновичи, Пешково, Овзичи

В связи с необходимостью восстановления картины землевладений на территории Ивановского района, появилась необходимость создания карты помещичьих владений с целью визуализации информации (таблица 2).

Таблица 2 – Владельцы имений

Именья	Владельцы
Красный Двор (Орда) [1, с. 16, 39; 3, с. 261]	Н. Орда (до 1831 г., 1856–1864 – на правах аренды) Алексей Христианович Бушен Евстафий Крашевский [3, с. 261] Адольфина Ромуальдовна Новицкая (1876 г.) [3, с. 242] Иван Богданский Иван Палеолог (1885 г.) Николай Иванович Палеолог (1890 г.)
Юзефполь [1, с. 39]	Андрей Сулковский (1800 г.) Евстафий Крашевский Иван Богданский Иосиф Богданский (1932 г.)
Дубровка (Домбровка) [1, с. 16, 39]	Бобинский Онихимовские Иосафат и Эмилия (1876 г.) [3, с. 261] Дылевский Константин Иванович [1, с. 39] Леванович Ежи [1, с. 17]
Климентиново [1, с. 219]	Зенон Ожешко (1816 г.) Павел Онихимовский (1845–1848) Помещица Онихимовская (1866 г.) Онихимовский Александр Генрих (начало XX в. – 1912 г.) [3, с. 301]
Крестиново [1, с. 39]	Евстафий Крашевский
Стрельно, Старые Клёнки [2, с. 45]	Андрей Сулковский (1800 г.) Александр Андреевич Сулковский (в 1865 г. конфисковано) Апполинарий (1920-е гг.)
Островок [1, с. 33]	Иван Палеолог Николай Иванович Палеолог Сергей Николаевич Палеолог Борис Николаевич Палеолог (1930-е гг.)
Накло (г. Иваново)	1816 г. – Анна Ожешко, [2, с. 25] помещик И. И. Дмоховский, помещик Курженецкий [2, с. 43]
Богданское Поросля [1, с. 18]	помещики Богданские Иван и Иосиф [1, с. 15]
Купленное [1, с. 18]	Неизвестный владелец
Молодово	имение Скимунтов Священник молодовской церкви Иван Викентьевич Дылевский
Михалин [1, с. 15, 44–47]	Частник Варшавский – владелец кирпичного завода, мельницы в имении Могильно

Список использованной литературы

1. Города и районы Брестчины: история и современность. Ивановский район / Е. Г. Калечиц, А. А. Горбацкий, Т. М. Тохиян [и др.] ; под общ. ред. А. А. Горбацкого. – Брест : Брест. тип., 2017. – 840 с.

2. Памяць : гіст-дак. хроніка Іванаўскага р-на. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 592 с.
3. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук ; под ред. Т. Г. Мартыненко. – Минск : БелЭн, 2004. – 576 с.
4. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны Х–XX стагоддзяў (гісторыя, стан, перспектывы) / Л. М. Несцярчук. – Мінск : БЕЛТА, 2002. – 336 с.
5. Ильин, А. Л. Очерки истории культуры Пинщины (IX – начало XX вв.) : монография / А. Л. Ильин, Е. А. Игнатюк. – Пинск : ПолесГУ, 2013. – 220 с.

УДК 93/94(476)''18'':2-523.4(476.6)

Ю. В. Кейко (Беларусь, Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

Научный руководитель – В. А. Белозорович, канд. ист. наук, доцент

ПРАВОСЛАВНОЕ ХРАМОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В 60–70-Е ГГ. XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ЦЕРКВИ В Д. ВОРОЦЕВИЧИ КОБРИНСКОГО УЕЗДА)

Строительство православного храма в д. Вороцевичи Кобринского уезда является типичным и в то же время уникальным примером, позволяющим проследить функционирование государственной системы по реализации программы церковно-строительного дела в Северо-Западном крае Российской империи. В статье показан подготовительный этап возведения храма (подготовка проектно-сметной документации, поиск места под возведение церковного здания, подготовка строительного материала), способы его строительства, источники финансирования.

Строительством православных храмов в государственных селениях западных губерний Российской империи с 1845 г. занималось Министерство государственных имуществ (МГИ). В губернских центрах под руководством генерал-губернаторов были учреждены местные палаты МГИ. Имение Вороцевичи Кобринского уезда Гродненской губернии во второй половине XIX в. находилось в ведении Гродненской палаты государственных имуществ, которая осуществляла возведение православных храмов по всей губернии. Составлял проектно-сметную документацию по церковным постройкам гражданский инженер Кржижановский. С 1867 г. все церковно-строительное дело из ведомства МГИ было передано в Министерство внутренних дел [2, л. 156]. Далее возведением храмов в губернии занималось Гродненское губернское церковно-строительное присутствие [3, л. 1–2].

В 1840-е гг. в д. Вороцевичи православная деревянная церковь находилась в ветхом состоянии. Проект и смета на строительство нового деревянного храма были разработаны и утверждены технической комиссией при Министерстве государственных имуществ в 1846 г. Стоимость работ была оценена в 3476 руб. 5 коп. [1, л. 50]. Деньги на строительство храма с крестьян собрала помещица Юзефа Орда, мать Наполеона Орды. По плану Министерства государственных имуществ (1858 г.) строительство Вороцевичского храма было запланировано на 1862 г. подрядным способом. Подряд на возведение храма палата государственных имуществ выставила на торги, однако из-за низкой стоимости

строительства объекта (контрактная цена) подрядчик не нашли, а деньги, собранные на возведение храма, крестьянам возвращены не были.

Новые изменения по этому делу произошли в мае 1864 г. В адрес гродненского губернатора И. Н. Скворцова 26 мая 1864 г. поступило письмо от виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева: «До сведения моего дошло, что в селах Гутове и Вороцевичах Кобринского уезда по случаю совершенного обветшания существующих там православных церквей, хотя и предположено построить новые, но предположение это не осуществилось, потому что назначавшиеся торги на отдачу построек с подряда не состоялись. Сообщая о сем Вашему Превосходительству, я прошу Вас доставить мне в скорейшем времени ближайшие по сему предмету сведения». Как видим, до мая 1864 г. никаких попыток по производству строительных работ в с. Вороцевичи не предпринималось, так как публичные торги не состоялись, поэтому М. Н. Муравьев попросил гродненского губернатора разобраться в данном вопросе.

Управляющий Гродненской палатой государственных имуществ Е. Н. Курлов в своем донесении И. Н. Скворцову от 31 июня 1864 г. сложившуюся ситуацию трактовал следующим образом: «... проекты и сметы на постройку церквей в Гутове и Вороцевичах, утверждены Министерством в 1862 г.; но возведение оных приостановилось, по случаю возбужденного вопроса о постройке вместо деревянных, 19 каменных церквей, и во что обойдется сооружение их, Палата представила соображения свои...». Отсюда следует, что задержка на начальной стадии возведения храма связана с изменениями, возникшими в государственной программе строительства храмов: по распоряжению М. Н. Муравьева новые православные храмы должны проектироваться каменными (из кирпича или булыжного камня) [5, л. 7]. В связи с этим возникла необходимость в разработке новой проектно-сметной документации, поскольку старые проекты и сметы стали неактуальными.

Возведение нового храма из булыжного камня в сентябре 1864 г. было запланировано по проекту № 2 по расчетам инженера Гродненской палаты государственных имуществ на сумму 8000 рублей. Соответственно, из имеющихся 3476 руб. 5 коп. не доставало 4523 руб. 95 коп. [1, л. 50]. Эти деньги выделил министр государственных имуществ А. А. Зеленый в июне 1865 г. [1, л. 92].

26 апреля 1865 г. управляющий Гродненской палатой государственных имуществ предоставил на утверждение гродненского губернатора новый проект и смету на возведение нового православного храма [1, л. 75]. И. Н. Скворцов одобрил данную проектно-сметную документацию.

В сентябре 1865 г. И. Н. Скворцов поручил Кобринскому уездному комитету по сооружению и ремонту православных храмов сделать распоряжение, чтобы благочинный и приходской священники нашли участок земли под строительство храма и избрали в состав членов церковного совета старшин из числа прихожан. После образования церковного совета (органа местного самоуправления, сформированного из прихожан под председательством приходского священника) следовало заняться сбором строительного материала [4, л. 34]. Наблюдателем за выполнением всех строительных работ

гродненский губернатор назначил гражданского инженера палаты государственных имуществ Кржижановского [1, л. 96].

Земельный участок под храм члены уездного комитета определили в июне 1866 г. в деревне, около дороги. В конце месяца качество грунта на выбранном участке земли для закладки фундамента проверил Кржижановский. В выкопанные пробные ямы на глубине 2½ аршина проступила вода, поэтому инженер принял решение для фундамента положить лежни. Кржижановский обратил внимание на отсутствие булыжного камня в окрестностях населенного пункта и в своем отчете в Гродненскую палату государственных имуществ отметил, что храм нужно строить из кирпича [1, л. 118].

Аналогичное решение о строительстве храма из кирпича приняли на своем сходе 30 апреля 1866 г. прихожане Вороцевичской церкви [1, л. 192]. Крестьяне изъявили желание в «урочище Юрково» построить собственными силами кирпичный завод для производства кирпича [1, л. 143]. Однако участок под строительство завода губернская администрация не выделила, поскольку часть земли в урочище представляла собой крестьянские наделы, а другая часть – «особняковый участок некоего Снарского» [1, л. 192].

23 мая 1868 г. на заседании Гродненского губернского церковно-строительного присутствия вопрос о возведении храма в д. Вороцевичи был поставлен епископом Игнатием Брестским [1, л. 143]. По его итогам члены присутствия постановили построить новый храм на 300 человек напротив старой церкви по проекту № 2. Подготовка строительного материала, найм рабочих и ведение документации по расходованию денежных средств возлагались на Вороцевичское приходское попечительство (хозяйственный способ строительства) [1, л. 148]. Наблюдение в техническом отношении за строительными работами было поручено младшему инженеру Чекмасову [1, л. 150].

На протяжении всего летне-весеннего периода 1868 г. крестьяне под руководством приходского попечительства занимались поиском и подготовкой стройматериалов. В августе члены попечительства, собравшиеся на очередной приходской сход, постановили: «просить Гродненское Губернское Церковно-Строительное Присутствие ассигновать 1000 рублей серебром для начала постройки Вороцевичской церкви», т. е. данную сумму для приобретения строительных материалов попечительство просило выделить губернское церковно-строительное присутствие [1, л. 154]. Отдельно члены попечительства обратились с прошением в губернское присутствие о выделении древесины из «Рагодацкой Казенной дачи Кобринского уезда» для строительства кирпичного завода и 25 сажней дров для выжигания кирпича [1, л. 153]. В конце осени крестьяне произвели копку глины для обжига кирпича. По 3–4 воза (примерно 500 возов) булыжного камня с каждого двора (всего 150 дворов) крестьяне свезли в Вороцевичи для укладки фундамента.

13 декабря 1868 г. Вороцевичское приходское попечительство пригласило подрядчиков из посада Злынки Новозыбковского уезда Черниговской губернии И. С. Титова с сыновьями Кузьмой и Иваном, чтобы они построили кирпичный завод, а также изготовили кирпич и возвели православный храм за сметную

сумму 6602 руб. 39 коп. По условиям контракта крестьяне должны были собственными силами доставить к месту строительства булыжный камень, древесину и известковый раствор, при этом предоставить в распоряжение подрядчика по одному рабочему с каждого крестьянского двора для копки глины (хозяйственный способ строительства), а также дополнительно пожертвовать 1500 руб. В конце декабря место для возведения храма, где находилась корчма, было расчищено [1, л. 192].

С весны до начала лета 1869 г. на построенном кирпичном заводе подрядчик изготовил 25 000 штук кирпича и подготовил к обжигу еще 20 000 штук. Для кирпичной кладки приходское попечительство закупило 38 бочек извести, которые крестьяне доставили к месту строительства храма. Закладка фундамента по распоряжению брестского архитектора Барташевского, назначенного новым руководителем работ по строительству храма в Вороцевичах, началась 4 июня 1869 г. [1, л. 240]. К ноябрю 1869 г. стены церковного здания были возведены до карнизов, но появились затруднения с перекрытием здания. Для кровельного перекрытия приходское попечительство подготовило гонт с деревянной связью (стропилами), предназначенный для покрытия крыши листовым железом, что напрямую противоречило правилам «Об устройстве православных церквей в 9 губерниях Западного края» (1867 г.), так как каменные и кирпичные храмы должны быть покрыты железом. На приобретение листового железа требовались дополнительные денежные средства, о чем обратилось приходское попечительство в губернское церковно-строительное присутствие 5 ноября 1869 г. [1, л. 285].

Однако оперативно предоставить приходскому попечительству недостающие 1000 руб. губернское церковно-строительное присутствие не смогло. Деньги (35 798 руб. 69 коп.), выделенные МГИ для строительства храмов, утвержденных по смете 1865 г., в январе 1866 г. были переданы в Гродненское губернское казначейство. В 1869 г. выявился недостаток этих средств, в связи с чем крестьянам Вороцевичского прихода было поручено дособрать недостающие средства (с каждого крестьянского двора по 3 руб.), чтобы не затягивать строительство храма [1, л. 310]. По архивным материалам проследить движение денежных средств невозможно из-за отсутствия документов.

В июле 1870 г. на депозит губернского церковно-строительного присутствия из Гродненской казенной палаты по распоряжению министра финансов поступило 1072 руб. 55½ коп., пожертвованных прихожанам Вороцевичского православного прихода [1, л. 320].

Строительство храма было завершено в июле 1872 г. Временная комиссия, учрежденная губернским церковно-строительным присутствием для осмотра и передачи церковного здания в Вороцевичах, 28 августа 1872 г. осмотрела здание нового храма. По итогам осмотра члены комиссии постановили: «... все части здания с его принадлежностями отстроены согласно нормальному проекту № 2 и утвержденной Строительным Отделением 17 июля 1870 г. смете правильно, прочно ... и из материалов хорошего качества» [1, л. 364], т. е. новый храм был

построен в соответствии с утвержденной проектно-сметной документацией по проекту № 2.

Таким образом, Вороцевичская православная церковь была построена в 1864–1872 гг. по типовому проекту № 2 из кирпича хозяйственным и подрядным способами на средства правительства и прихожан. Строительство православного храма в государственном селении Вороцевичи Кобринского уезда в 60–70-е гг. XIX в. происходило в период формирования системы реализации государственной программы церковного строительства в Северо-Западном крае Российской империи. В 1864–1867 гг. возведение православных храмов в государственных землях осуществляла Гродненская палата государственных имуществ (МГИ) при содействии временных уездных комитетов под руководством гродненского губернатора. С 1867 по 1868 г. производство церковных построек на территории государственных земель было передано из ведения Министерства государственных имуществ в Министерство внутренних дел. С января 1868 г. строительством православных храмов во всех видах землевладения занималось Гродненское губернское церковно-строительное присутствие.

Список использованной литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 97. Оп. 1. Д. 16.
2. НИАБ в Гродно. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 28.
3. НИАБ в Гродно. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 198.
4. НИАБ в Гродно. – Ф. 844. Оп. 1. Д. 4.
5. НИАБ в Гродно. – Ф. 849. Оп. 1. Д. 30.

УДК [355.48(47+57+673)+94(476)]“1975/1992”(093.3)

А. В. Кузнецова-Тимонова (Беларусь, Минск, Ин-т истории НАН Беларуси)

ВETERАНЫ «СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЫ»: БРЕСТЧАНЕ-УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ В АНГОЛЕ (1975–1992)

Статья посвящена исследованию участия советских военных специалистов в гражданской войне в Анголе в 1975–1992 гг. На примере военнослужащих, принимавших участие в этом вооруженном конфликте в качестве военных советников, специалистов и переводчиков португальского языка, которые проживают в настоящее время в Бресте, автор прослеживает особенности поисковой работы по выявлению персоналий, сбора информации об особенностях войны в Анголе и участия в ней представителей нашей республики, влияние этой войны на их дальнейшую судьбу.

История любого города, и Бреста в том числе, складывается из сотен тысяч личных историй судеб его граждан и различных внешне- и внутривнутриполитических событий, крепко связывающих историю и судьбу города с историей и судьбой страны и мира.

В работе над темой участия наших соотечественников в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX в. на территории других стран и континентов главной проблемой становится огромный дефицит информации. Командирование советских военнослужащих во все воюющие страны (за исключением Афганистана) осуществлялось в режиме строгой секретности: формально СССР в этих войнах не участвовал, и военные специалисты – советники, консультанты, переводчики – направлялись туда в большинстве случаев как гражданские специалисты.

Сведения, которые мы находим в открытой печати, как правило, скудны и противоречивы, поскольку редко базируются на документах или свидетельствах очевидцев, а чаще на слухах и домыслах. Научных публикаций мало, и сведения, которые можно почерпнуть оттуда, отрывочны и фрагментарны.

Гражданская война в Анголе заслуживает внимания по многим причинам: 1) это один из самых долгих и затяжных военных конфликтов XX в., боевые действия в котором продолжались более 40 лет; 2) период участия советских военнослужащих в этой войне составляет 17 лет – с 1975 по 1992 г. – дольше, чем в какой-либо иной; 3) война эта с самого начала, гражданская по определению, фактически вылилась в масштабный международный конфликт; 4) необходимость написания правдивой истории участия в этой войне советских военнослужащих, в том числе современных граждан Бреста; 5) важность восстановления справедливости для тех, кто в результате «засекреченности» командирования в Анголу советских военнослужащих и халатности кадровой службы не имеет не только боевых наград, но и собственно статуса ветерана боевых действий.

Предметом нашего исследования являются судьбы брестчан – ветеранов войны в Анголе, находившихся там на разных этапах развития вооруженного конфликта в 1975–1992 гг.

Советский Союз и Республика Куба оказывали помощь правительству Народной Республики Ангола МПЛА – в том числе в завоевании и удержании власти – которой руководили сначала первый президент Анголы Антонио Аугуштиньо Нето (1975–1979), позже – его преемник Жозе Эдуардо душ Сантуш (с 1979 г.). В первый период гражданской войны правительственным войскам ФАПЛА противостоял оппозиционный альянс партий ФНЛА под предводительством Роберто Олдена (Холдена Роберто – оплачиваемого агента ЦРУ, предположительно завербованного в конце 1950-х гг.) и УНИТА под руководством Жонаса Савимби, которого активно поддерживали США и ЮАР. Влияние ФНЛА постепенно слабело, и к началу 1980-х гг. УНИТА остался единственным соперником МПЛА. На стороне УНИТА воевали регулярные части армии ЮАР и подразделения наемников.

Уточняем, что регулярные советские войска в Анголу никогда не направлялись. Единственным исключением мы можем назвать корабли советского ВМФ, которые несли у берегов Анголы боевую вахту и экипажи, которые находились в состоянии боевой готовности на протяжении всего срока пребывания там. Вступить в бой им ни разу за 17-летний период не пришлось.

Солдаты-срочники направлялись в Анголу крайне редко и по персональным направлениям, не в составе воинских частей. Офицеры и младшие командиры командировались в Анголу в качестве военных советников, военных специалистов, военных переводчиков. Общим для всех в условиях соблюдения режима секретности было одно: форма ангольских вооруженных сил без знаков различия и отсутствие документов, кроме, возможно, ангольских водительских прав при необходимости пользоваться автомобилем.

Обозначим основные этапы поисковой работы.

1. Обработка документов Брестского областного военного комиссариата. Согласно полученным сведениям, в Бресте проживает 10 участников войны в Анголе, направлявшихся туда в разные периоды и регионы:

а) Барабаш Валерий Иосифович – подполковник в отставке, военный советник начальника артиллерии 1-й мотопехотной бригады (6 ВО Менонге), служил в Анголе в феврале 1983 – октябре 1984 г.

б) Бондаренко Петр Павлович – подполковник в отставке, военный советник начальника артиллерии 13-й десантно-штурмовой бригады (6 ВО Менонге), служил в Анголе в декабре 1985 – ноябре 1987 г. Награжден орденом Красной Звезды.

в) Буряк Анатолий Алексеевич – полковник в отставке, военный специалист, служил в Анголе в марте 1982 – мае 1984 г.

г) Давыдовский Анатолий Павлович – полковник в отставке, военный советник начальника политотдела 36-й десантно-штурмовой бригады (6 ВО Менонге), служил в Анголе в ноябре 1987 – октябре 1989 г. Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Куито-Куанавале» (Республика Куба).

д) Зайцев Александр Иванович – подполковник в отставке, старший преподаватель Военной академии ФАПЛА (Луанда), служил в Анголе в июле 1985 – мае 1988 г.

е) Маслов Александр Григорьевич – подполковник в отставке, специалист по боевому применению танков, служил в Анголе в апреле 1976 – феврале 1978 г.

ж) Мицкевич Станислав Чеславович – старший прапорщик в отставке, военный специалист, служил в Анголе в июне 1987 – ноябре 1990 г.

з) Сачков Евгений Дмитриевич – полковник в отставке, военный советник, служил в Анголе в апреле 1987 – октябре 1989 г.

и) Стасюкевич Валентин Николаевич – подполковник в отставке, военный специалист – инструктор вертолетов Ми-8, Ми-8МТ, Ми-24 (1 ВО Негаже), служил в Анголе в сентябре 1987 – августе 1989 г. Награжден орденом «За службу Родине» III степени.

к) Шаповалов Василий Всеволодович – капитан (?), военный специалист, служил в Анголе в августе 1985 – мае 1987 г.

Обозначим: военкоматы часто обладают неточной информацией. Причины просты: люди переезжают, меняют места жительства и номера телефонов, умирают, и эта информация не всегда вовремя доходит до военно-учетной системы.

2. Обработка научной и краеведческой литературы и уточнение деталей биографий упомянутых в них воинов-интернационалистов. Именно так было выяснено, что в Бресте проживает семья еще одного участника войны в Анголе, к сожалению, не вернувшегося оттуда. В сентябре 1985 г. из Бреста в 6 ВО Менонге прибыл в качестве советника начальника тыла 11-й пехотной бригады подполковник Михаил Михайлович Жерносек. 25 ноября 1985 г. самолет Ан-12 бортовой номер 11747, на котором М. М. Жерносек летел в качестве пассажира, был сбит одной из групп *casadores* («охотников») под командованием капитана войск специального назначения армии ЮАР Андре Дидерикса. Все члены экипажа и пассажиры погибли [1]. Имя М. М. Жерносека упомянуто в книге «Памяць. Брэст» [2, с. 669] и «Памяць. Лепельскі раён» [3].

3. Поиск через социальные сети и сайты ветеранских организаций, а также с помощью личных рекомендаций. На этом этапе особенно результативным оказалось общение с ветеранами на сайте российского «Союза ветеранов Анголы» [4], изучение разделов этого сайта «Гостевая» и «Вспомнить все» и личное общение с участниками событий в Анголе. Так был найден еще один ветеран: Ковалевич Игорь Лаврентьевич, выпускник переводческого факультета МГЛУ (МГПИИЯ), который служил в Анголе в качестве военного переводчика в 1985–1987 гг. в военном училище в Уамбо (4 ВО Уамбо) и 2-й мотопехотной бригаде 7 ВО. В настоящее время проживает в Бресте.

Поисковая работа предполагала сбор воспоминаний. На данный момент это самый доступный вариант получения информации об участии наших соотечественников в военном конфликте в Анголе. Всем были предложены одинаковые вопросники, на основании которых им предлагалось устно или письменно сформулировать развернутые ответы. Воспоминаниями в той или иной форме поделились шесть человек: В. И. Барабаш, В. Н. Стасюкевич, А. И. Зайцев прислали письма с краткими ответами на вопросы; П. П. Бондаренко и А. П. Давыдовский дали автору подробные интервью; И. Л. Ковалевич частично ответил на вопросы устно и частично поделился воспоминаниями на гостевой площадке сайта Союза ветеранов Анголы [5]. Воспоминания П. П. Бондаренко и А. П. Давыдовского в развернутом виде опубликованы в разделе «Человек на войне» монографии «Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе (1975–1992)» [6; с. 219–238, 251–295].

При обработке воспоминаний перед нами стояли следующие задачи: 1) изучить максимум информации о каждом этапе войны в Анголе, на который пришелся срок службы того или иного респондента; 2) выделить общие для воспоминаний всех участников исследования обстоятельства и таким образом установить общие для судеб всех воинов-интернационалистов закономерности; 3) путем сопоставления воспоминания выявить (если таковые имеются) особенности, общие для воспоминаний ветеранов, занимавших в Анголе сходное положение или имевшие похожие черты характера и обстоятельства жизни.

Период участия советских военнослужащих в гражданской войне в Анголе – 1975–1992 гг. условно делится на несколько этапов, которые

отличались по интенсивности происходивших событий, условиям международной обстановки, количеству советских военнослужащих в Анголе и событиям в Советском Союзе:

1) 1975–1979 гг. – от начала официального советско-ангольского сотрудничества до смерти первого президента Анголы А. Нетто. В этот период в Анголе находился подполковник А. Г. Маслов;

2) 1979–1981 гг. – включая проведение войсками ЮАР совместно с УНИТА одного из крупнейших военных вторжений на территорию Анголы – операции «Протеа» в августе 1981 г.;

3) 1981–1986 гг. – период позиционной, партизанской войны, отмеченные периодическими локальными наступлениями войск ЮАР. Именно на этот срок пришлись командировки в Анголе В. И. Барабаша, А. А. Буряка, И. Л. Ковалевича;

4) 1986–1989 гг. – самый тяжелый период: затяжные бои за город Куито-Куанавале, прозванный за интенсивность боев и их значение для истории как самой Анголы, так и всего юга Африки «ангольским Сталинградом», которые завершились полной победой правительственных войск при поддержке кубинского армейского корпуса и советских военнослужащих; в эти годы в Анголу были командированы П. П. Бондаренко, А. П. Давыдовский, В. Н. Стасюкевич, Е. Д. Сачков, В. В. Шаповалов, А. И. Зайцев; П. П. Бондаренко и А. П. Давыдовский именно за участие в боях за Куито-Куанавале были представлены к боевым наградам;

5) 1988–1992 гг. – заключительный этап советско-ангольского сотрудничества, вывод из Анголы кубинских и южно-африканских войск, постепенное сокращение и полная ликвидация советской военной миссии, связанные с перемирием между воюющими сторонами и распадом СССР; в этот период в Анголу был командирован С. Ч. Мицкевич.

Территория Анголы разделена на 17 провинций. Во главе каждой из них находился провинциальный комиссар. В свою очередь, во время гражданской войны провинции входили в состав того или иного военного округа. Основных округов было шесть: 1-й – Негаже, 2-й – Кабинда (оба – север страны), 3-й – Луэна (восток), 4-й – Уамбо (центр), 5-й – Лубанго, 6-й – Менонге (оба – юг). В зависимости от интенсивности боевых действий округа также делились на две категории – боевые и небоевые. Боевыми на протяжении всей гражданской войны были 3-й и 6-й округа. В разные периоды боевыми считались также 1-й, 4-й и 5-й. Каждый советский военнослужащий, который попадал в служебную командировку, должен был минимум год (из обязательных двух лет без семьи или трех с семьей) провести в боевом округе. Но получалось по-разному: одним вообще не доводилось попадать в боевой округ иначе чем в краткосрочной поездке, а у других весь срок командировки проходил в зоне непосредственных боевых действий.

Так получилось, что самые подробные ответы мы получили от участников сражения за Куито-Куанавале. Таким образом, в рамках данного исследования мы не имеем возможности провести подробный сравнительный анализ положения советских военных специалистов в разных военных округах. Относительно

отличалась от всех остальных командировка в Анголу подполковника А. И. Зайцева: он был командирован в Луанду – столицу Анголы – в качестве преподавателя школы младших специалистов службы горючего, однако на заключительном этапе вынужден был решать и традиционные советнические задачи, поскольку успел выучить португальский язык. От знания языка зависело успешное решение задач советников и специалистов.

О том, что в боевых действиях в Анголе принимали участие, получали ранения и даже гибли советские советники, специалисты, переводчики, никто не говорил и не писал. Наоборот, советское правительство официально заявляло, что наши военнослужащие не принимают участие в военных конфликтах за пределами СССР. Но они там были. И первыми подтвердили и отметили их мужественность и героизм соратники, братья по духу и оружию – кубинцы. В 1988 г. на Кубе была учреждена специальная награда в честь одного из главных сражений этой войны – медаль «За оборону Куито-Куанавале». Из проживающих ныне в Бресте ветеранов Анголы этой медалью награжден А. П. Давыдовский.

Все отмечают сложности налаживания коммуникации с ангольской стороной при нехватке переводчиков и необходимость самостоятельного изучения языка, хотя бы на начальном уровне. Однако только А. И. Зайцев, согласно его воспоминаниям, смог освоить язык в достаточной мере, чтобы проводить учебные занятия без помощи переводчика.

И. Л. Ковалевич является единственным представителем категории военных переводчиков в нашей подборке. Его пример подтверждает основные закономерности положения советских военных переводчиков, которые были выпускниками гражданских вузов, в частности МГПИИЯ: 1) большинство из них являлись специалистами по испанскому языку, которых направляли в Анголу именно потому, что испанский и португальский – языки родственные (как русский и белорусский), и выучить португальский на основе испанского не очень сложно; таким образом, изучали португальский язык они прямо в «бою», уже на месте; 2) далеко не все из них получили статус воина-интернационалиста: командировка многих из них в воюющую страну не была документально подтверждена в военкоматах.

Общей для троих военных советников, командированных в Анголу из Бреста в 1983–1986 гг. – В. И. Барабаша, П. П. Бондаренко, А. П. Давыдовского, стала командировка в Чернобыльскую зону.

Практически каждый командированный в Анголу военнослужащий в период командировки перенес местные тяжелые заболевания: малярию, гепатит, «африканский грипп», от которых не всегда спасали сделанные в Советском Союзе прививки.

Впечатления военнослужащих от возвращения в Советский Союз зависели как от характера и эмоционального состояния каждого, так и от обстоятельств, последовавших в их жизни после возвращения. Для одних командировка завершилась без печальных последствий для здоровья и увенчалась получением звания воина-интернационалиста и боевых наград. Другим она принесла опыт и финансовое благополучие, однако подорвала здоровье. Те, кому довелось

принимать участие в боях или просто находиться на опасных участках фронта, отмечали, что стали иначе смотреть на жизнь и по иным критериям выделять главное и второстепенное.

При соответствующем критическом подходе воспоминания военнослужащих, принимавших участие в войне в Анголе, в том числе граждан Бреста, становятся ценным историческим источником, который нуждается в максимально полном воссоздании, пока эти люди еще живы и хорошо помнят обстоятельства, происходившие с ними в период командировки в Анголу. Они содержат не только сухой пересказ, но и эмоциональные переживания человека на войне и человека, вернувшегося с войны к мирной жизни: «Конкретно, за что награждён орденом, я не знаю. Представление не читал. А в приказе сказано: “За выполнение интернационального долга”. Может быть, за подбитый вертолёт “Алуэт”, который мы на внешней подвеске забрали и вывезли с района боевых действий. Может быть, еще за что-то. Было много всего, уже и не помню. Работа просто такая» [6, с. 269]. Эти люди не особо афишировали свои заслуги и не всегда пользовались почетом и славой в сравнении с ветеранами Великой Отечественной войны, однако зачастую совершали не меньшие подвиги и проявляли не меньшее хладнокровие и выдержку и, следовательно, достойны не меньшей благодарности.

Список использованной литературы

1. Коломнин, С. А. Смертельный укус «Цербера» [Электронный ресурс] / С. А. Коломнин // Союз ветеранов Анголы : офиц. сайт. – Режим доступа: www.veteranangola.ru/main/publikacii/bratishka/cerber. – Дата доступа: 25.01.2011.
2. Памяць : гіст.-дак. хроніка Брэста : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – Кн. 2. 687 с.
3. Памяць: Лепельскі раён : гіст.-дак. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: В. Я. Ланікіна [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1999. – 640 с.
4. Союз ветеранов Анголы [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.veteranangola.ru>. – Дата доступа: 13.03.2019.
5. Ковалевич, И. Второй день рождения [Электронный ресурс] / И. Ковалевич // Союз ветеранов Анголы : офиц. сайт / И. Ковалевич, С. Шкариненко. – Режим доступа: http://www.veteranangola.ru/main/Proekt1/second_birthday/kovalevich_shkarinenko. – Дата доступа: 24.03.2019.
6. Кузнецова-Тимонова, А. В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе (1975–1992) / А. В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 354 с.

УДК 908

О. В. Медведь (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – А. А. Башков, канд. ист. наук, доцент

МУЗЕЙ-УСАДЬБА «ПРУЖАНСКИ ПАЛАЦЫК»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье описан процесс музеефикации усадьбы Швейковских в г. Пружаны, а также проанализирована деятельность музея с момента создания до 2018 г. Дана оценка роли музея в культурной жизни Пружанского района.

Со второй половины 90-х гг. XX в. начался процесс музеефикации шляхетских усадеб. Некоторые из них существуют уже более 15 лет. Однако до сих пор тема музеефикации усадеб и функционирование созданных на их базе музеев в белорусской науке не рассматривалась. При подготовке статьи были использованы документы из фондов Брестского областного краеведческого музея.

Одной из главных достопримечательностей Пружан следует считать усадьбу-резиденцию Швейковских. Данная резиденция была построена Валентием Петровичем Швейковским на месте старого дома в середине XIX в. по проекту знаменитого архитектора Франтишка Мария Ланци, приглашенного из Варшавы, в стиле модерн.

Валентий Швейковский (1817–1900) – знаковая личность для Пружан. Образование получил в Дерптском университете, женился на Герминии Выжинской в 1841 г. и обосновался на постоянное жительство в Пружанах. Был известен как человек весьма образованный и культурный, высоких моральных качеств. С 1854 г. – предводитель дворянства Пружанского уезда. Также Валентий Швейковский был известен своей активной общественной деятельностью: занимался организацией в городе общественной библиотеки, почты; заботился об открытии в д. Добучин школы для обучения крестьянских детей, открытии костела. После событий 1863 г. имение было конфисковано, а Валентий Швейковский эмигрировал в Бельгию, где работал садовником. Будучи в изгнании, вел переписку с Юзефом Крашевским, с которым был в родственных и дружественных отношениях. Вернуть имение Валентию Швейковскому удалось в 1867 г., после чего он продолжил свою активную общественную деятельность. На склоне лет в 1895 г. продал имение графине В. Клейнмихель, а сам переехал в Варшаву, где прожил до 1900 г. Похоронен на пружанском католическом кладбище рядом с женой, которая скончалась в 1888 г. [1, с. 438–439].

После Великой Отечественной войны в здании усадебного дома располагался детский сад, затем стоматологическая поликлиника, благодаря чему усадьба сравнительно неплохо сохранилась [2, с. 296].

В середине 90-х г. XX в. возникла идея музеефикации усадьбы Швейковских. Говоря о музеефикации, мы имеем в виду комплексное исследование памятника архитектуры, его консервацию и реставрацию, создание на его базе музея в 1998 г. [3, с. 44]. Первым директором музея стал Ю. В. Ковшило, в 2001 г. его сменил Ю. С. Зелевич.

В 1998 г. Т. А. Слесарук и И. Н. Торима разработали концепцию для музея «Пружанскі палацык». Под термином «концепция музея» сегодня принято понимать официальный документ, в котором отражена культурная миссия музея [1, с. 17–18]. Согласно данному документу задачи музея «Пружанскі палацык» – показать усадьбу Швейковских как памятник архитектуры, а через экспозицию раскрыть историю Пружанского края [6].

Первые документальные сведения общего характера о деятельности пружанского музея встречаются с 1996 г. Согласно им за год музей посетило 1390 человек, было организовано 2 выставки, в основном фонде музея хранилось 192 музейных предмета [7].

В отчете за 1997 г. отмечается, что здание музея подлежит капитальному ремонту. Также из этого отчета уже можно почерпнуть информацию о штате сотрудников музея, который первоначально состоял из двух человек, о количестве проведенных экскурсий, прочитанных лекций, организованных выставок. Однако сказать что-либо о тематике лекций и выставок невозможно, потому как отсутствует текстовый отчет о деятельности музея.

В 1998 г. научно-реставрационным объединением «Белреставрация» была разработана документация на реставрацию здания усадьбы Швейковских. Научная справка была подготовлена В. Первышиным. Следует отметить, что в 1992 г. В. Первышин издал историко-архитектурный очерк «Пружанскі палацык», основанный на источниках документального характера. В данной работе автор часто резиденцию Швейковских ласково называет «пружанскім палацыкам». Именно такое название согласно концепции 1998 г. решили дать музею, потому как «Название усадьбы “Пружанскі палацык” наиболее емкое, красочное и запоминающиеся» [6, с. 5]. В связи с реставрационными работами в 1998 г. деятельность музея ограничилась пополнением основного фонда музейных предметов.

В 1999 г. музей возобновляет свою активную деятельность. Численность научных сотрудников увеличилась до четырех человек, которые подготовили тематическую экспозицию в зале «Быт и этнография», вели работу над выставкой «Знаменитые люди Пружан». За год в музее прошло четыре выставки, прочитано четыре лекции. Первый текстовый отчет о деятельности музея встречается среди документов в 1999 г. В этих документах содержится информация о тематике лекций и выставок, о научной и популяризаторской деятельности музея.

В этом же году музей начал сотрудничать с представителями средств массовой информации. Были опубликованы три статьи, подготовленные научными сотрудниками музея в газетах: «Раённыя будні», «Культура», «Заря». Всего с 1999 по 2018 г. была опубликована 591 статья в таких печатных изданиях, как «Раённыя будні», «Культура», «Заря», «Брестский курьер», «Літаратура і мастацтва», «Краязнаўчая газета», «Наша ніва», «Духовный вестник», «Вечерний Брест», «Газета для вас» и др., единичные статьи были опубликованы в иностранных изданиях «Консул» (Россия), «Echa Polesia» (Польша), «Ніва» (ежедневник белорусов Польши), а также в глобальной сети Интернет. С 1999 по 2003 г. в среднем публиковалось 10 статей в год, с 2004 по 2010 г. – 17, с 2011 по

2018 г. – 53. 51,8 % статей от общего количества опубликовано в районной газете «Раённыя будні». По содержанию подавляющее число являются краеведческими.

С 1996 по 2018 г. музеем «Пружанскі палацык» организовано 298 выставок. С 1996 по 2003 г. в среднем музеем было организовано 7 выставок в год, с 2004 по 2010 г. – 10 выставок в год, а с 2011 по 2018 г. – 21 выставка в год. С 1999 по 2018 г. музей организовал 269 выставок из них 38 % художественные, на которых были представлены работы местных художников, художников из других районов и областей, иностранных художников, а также работы воспитанников пружанского Центра творчества детей и молодежи. В значительно меньшем количестве музеем организовывались выставки декоративно-прикладного искусства, этнографические, исторические и др.

Лекционную деятельность пружанский музей начал в 1997 г., в этот год было прочитано 5 лекций. Всего с 1997 по 2018 г. было прочитано 296 лекций. С 1997 по 2003 г. в среднем сотрудники музея читали по 4 лекции в год, с 2004 по 2010 г. в среднем по 6 лекции в год, с 2011 по 2018 г. по 29 лекций в среднем в год. Большинство лекций были посвящены истории Пружанщины, истории пружанской усадьбы Швейковских, знаменитым людям Пружанщины.

Что касается других мероприятий, то с 2004 по 2018 г. музеем их было организовано 484. С 2004 по 2010 г. в среднем организовывалось по 9 мероприятий в год, с 2011 по 2018 по 52 мероприятия в среднем в год. Это в первую очередь открытие выставок, презентация книг, театральные постановки, творческие вечера.

Музей «Пружанскі палацык» с 1996 по 2018 г. посетило 109 150 человек. С 1996 по 2003 г. в среднем музей посетило 3656 человек в год, с 2004 по 2010 г. – 5145 человек, с 2011 по 2018 г. – 5944 человека. 4004 – количество экскурсий, проведенных научными сотрудниками музея с 1997 по 2018 г. В среднем с 1997 по 2003 г. проводилось по 41 экскурсии в год, с 2004 по 2010 г. – 199, с 2011 по 2018 г. – 296.

Научно-исследовательская деятельность сотрудников музея проявлялась в исследовании тем, разработке тематических экскурсий, в подготовке научных паспортов на объекты историко-культурного наследия Пружанского района, записи воспоминаний о периоде 1921–1939 гг., изучении наиболее интересных музейных предметов, участии в научных конференциях. Важно подчеркнуть, что с 2012 г. музей «Пружанскі палацык» ежегодно проводит научно-практическую конференцию, по итогам публикуется сборник докладов. Конференции посвящены проблемам истории западного региона и непосредственно Пружанского района.

Необходимо подчеркнуть, что в 2008 г. музей «Пружанскі палацык» заключил договор о сотрудничестве с музеем Ю. И. Крашевского в Романуве (Польша). В этом же году сотрудники музея приняли участие в международной научной конференции «Ю. И. Крашевский – великий сын земли надбужской» в городе Карошчыне (Польша), в презентации фильма «Великий и неизвестный. Разговор про Ю. И. Крашевского», которая прошла в музее Ю. И. Крашевского в Романуве, в семинаре «Использование памятников истории и культуры в

развитии агротуризма» на территории Гайнавского повета (Польша). В 2009 г. сотрудники музея в рамках программы трансграничного сотрудничества «Польша – Беларусь – Украина: Европейское партнерство 2007–2013 гг.» разработали проект «Создание трансграничной ассоциации белорусско-польских музеев-усадоб». Однако данный проект реализован не был.

На конец 1996 г. основной музейный фонд состоял из 192 музейных предметов, к концу 2018 г. он увеличился до 8630 музейных предметов. С 1996 по 2003 г. в основной фонд музея в среднем поступало по 279 предметов, с 2004 по 2010 г. – 288, с 2011 по 2018 г. – 540. Следует отметить, что категории музейных предметов довольно разнообразны: живопись, декоративно-прикладное искусство, нумизматика, археология, предметы этнографии и быта, оружие, мебель, фотографии. Однако о процентном соотношении категорий на сегодняшний день что-либо сказать довольно сложно, потому как данная информация с 2005 г. в годовом отчете не отражается. Следует подчеркнуть, что в основном фонде музея находится только два аутентичных предмета.

Что касается путей пополнения основного фонда музея, то следует отметить, что данную информацию можно почерпнуть лишь из некоторых годовых отчетов. Так, в отчете за 2003 г. говорится, что музеем было куплено 50 предметов, передано в дар 767. В отчете за 2005 г. говорится, что из 111 поступивших предметов куплено 14. В 2006 г. музеем приобретен всего 1 предмет из 121 поступивших. В отчете за 2007 г. сообщается, что музейные предметы не закупались. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в перечисленных отчетах не говорится о затраченных суммах на покупку музейных предметов.

О покупке музейных предметов с 2012 по 2015 г. мы можем говорить достаточно подробно. В данный период по программе «Культура Беларуси» музей приобрел мебель и предметы интерьера середины XIX – начала XX в. на сумму 23 млн 435 тыс. бел. руб. (все суммы даны в неденоминированных рублях). Так, например, в 2012 г. был приобретен западноевропейский гарнитур начала XX в. стоимостью 11 млн 435 тыс. бел. руб. по программе «Культура Беларуси». За счет средств районного бюджета в 2013 г. и в 2014 г. были куплены мебель и предметы интерьера середины XIX – начала XX в., а также 6 картин члена Белорусского союза художников Л. М. Рацько на сумму 69 млн 400 тыс., а в 2015 г. за счет средств, выделяемых по программе «Культура Беларуси» и за счет музейных средств приобрели гипсовый барельеф с изображением Ю. И. Крашевского у художника И. Я. Миско.

Опираясь на все выше сказанное, можно сделать вывод, что музеефикация усадьбы Швейковских произошла по следующим причинам: усадьба Швейковских, бесспорно, – уникальный памятник архитектуры второй половины XIX в., а Валентий Швейковский – один из лучших представителей интеллигенции края, много сделавший для развития Пружан и региона. На начало 90-х гг. XX в. в Пружанском районе отсутствовал какой-либо музей. Данный памятник архитектуры в силу сложившихся обстоятельств к середине 90-х гг. XX в. сравнительно неплохо сохранился, а следовательно, на его

реставрацию и консервацию требовалось затратить значительно меньше финансов.

Отметим, что фонды музея до 2012 г. в основном формировались путем передачи вещевых материалов частными лицами, так как в годовых отчетах информации о покупке предметов мало.

На момент создания музея в здании усадьбы Швейковских аутентичные предметы отсутствовали, а покупка предметов, заменяющих их, не представлялась возможной. Поэтому на базе усадьбы была реализована концепция краеведческого музея. Музейные работники активно занимаются изучением и сохранением истории и культуры региона, организуют различные культурные мероприятия, выставки, тематические лекции, научные конференции.

Таким образом, музей «Пружанскі палацык» за период своего существования стал значимым образовательным, культурным, научным центром города Пружаны и Пружанского района.

Список использованной литературы

1. Матт, Г. Искусство управлять музеем / Г. Матт. – М. : Эксмо, 2019. – 144 с.
2. Несцярчук, Л. М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны Х–ХХ стагоддзяў (гісторыя, стан, перспектыва) / Л. М. Несцярчук. – Мінск : Белта, 2002. – 336 с.
3. Новицкая, А. В. К вопросу о музеефикации дворцово-парковых комплексов Республики Беларусь (1991–2013) / А. В. Новицкая // Вест. БДУ. – 2014. – № 3. – С. 41–45.
4. Пярвышын, У. М. Пружанскі палацык: гісторыка-архітэктурныя нарысы / У. М. Пярвышын. – Мінск : Польша, 1992 г. – 79 с.
5. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук ; под ред. Т. Г. Мартыненко. – 2-е изд. – Минск : Беларус. энцыкл., 2006. – 576 с.
6. Концепция музея «Пружанскі палацык» // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 3.
7. Планы и отчеты за 1996 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 40–41.
8. Планы и отчеты за 1997 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 106–108.
9. Планы и отчеты за 1998 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 113–115.
10. Планы и отчеты за 1999 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 118–120.
11. Планы и отчеты за 2000 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 127–131.
12. Планы и отчеты за 2001 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 121–124.
13. Планы и отчеты за 2002 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 129–133.
14. Планы и отчеты за 2003 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 123–127.
15. Планы и отчеты за 2004 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 147–151.

16. Планы и отчеты за 2005 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 149–155.
17. Планы и отчеты за 2006 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 134–140.
18. Планы и отчеты за 2007 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 177–180.
19. Планы и отчеты за 2008 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 236–239.
20. Планы и отчеты за 2009 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 234–238.
21. Планы и отчеты за 2010 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 229–233.
22. Планы и отчеты за 2011 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 251–260.
23. Планы и отчеты за 2012 г. // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 259–269.
24. Планы и отчеты за 2013 г. – Т. 2 // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 56–71.
25. Планы и отчеты за 2014 г. – Т. 2 // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 175–184.
26. Планы и отчеты за 2015 г. – Т. 2 // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 165–173.
27. Планы и отчеты за 2016 г. – Т. 2 // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 149–161
28. Планы и отчеты за 2017 г. – Т. 2 // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 163–175.
29. Планы и отчеты за 2018 г. – Т. 2 // Фонды УК «Брестский областной краеведческий музей». – С. 171.

УДК 930.85:323.311(4-76.5)

Н. А. Мізярска (Беларусь, Віцебск, ВДУ імя П. М. Машэрава)

Навуковы кіраўнік – У. А. Лобач, доктар гіст. навук, дацэнт

РЭЛІГІЯ Ў ШТОДЗЁННЫМ ЖЫЦЦІ ВЫШЭЙШАГА САСЛОЎЯ ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ Ў XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

У артыкуле разглядаецца ўплыў рэлігіі на штодзённае жыццё прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя Віцебскай губерні ў XIX – пачатку XX ст.

Штодзённае жыццё вышэйшага саслоўя ў дарэвалюцыйны перыяд было непарыўна звязана з рэлігіяй, якая істотна ўплывала на светапогляд дваранства. Роля каталіцкага святарства ў фарміраванні нацыянальнай і саслоўнай шляхецкай ідэалогіі была вельмі істотнай [6, с. 128]. Грасільда Маліноўская, дваранка з Лепельскага павета Віцебскай губерні, выразна апісала ролю касцёла ў сваім жыцці: “Мая маці марыла аб тым, каб я стала манашкай, нават, вучыцца паслала мяне ў полацкі кляштар. З дзяцінства я сабе пастанавіла паводле заповедзяў рабіць толькі добрыя ўчынкi на працягу ўсяго свайго жыцця”

[7, с. 11]. Святары выконвалі ролю дарадцаў у сем'ях магнатаў і былі правадырамі паўстанцкіх партый, узбуджалі самасвядомасць, нацыянальную годнасць [6, с. 128]. Так, напярэдадні паўстання 1863–1864 гг. сям'я Маліноўскіх разам з іншымі прадстаўнікамі вышэйшага саслоўя наведвалі касцёл у Кублічах, дзе ксёндз Стацкевіч дазваляў ім рыхтавацца да паўстання – шыць вопратку для паўстанцаў і нарыхтоўваць правіянт [7, с. 29–32].

Прадстаўнікі вышэйшага саслоўя ахвяравалі грошы на будаўніцтва храмаў, займаліся дабрачыннасцю. Так, у 1908 г., калі ва Ушачах вернікам удалася дабіцца дазволу на пабудову новага касцёла, але не хапала грошай, знайшліся людзі з мясцовай шляхты, якія дапамаглі. Гэта былі пан Рэўт, які ахвяраваў увесь свой капітал 14 000 руб., і вядомая філантропка пані Леантына Івашэўская. Вядома, што сям'я Лісоўскіх з маёнтка Варонічы Лепельскага павета была каталіцкай і фундавала грошы на патрэбы касцёла ў Заскарках [3, с. 20].

Пасля разгрому паўстання 1863–1864 гг. царызм пачаў праводзіць палітыку на змяншэнне каталіцкага ўплыву на Беларусі, умацаванне праваслаўнай царквы і рускага чыноўніцтва [4, с. 203]. Уладальнік маёнтка Арэхаўна Мікалай-Юзаф Грабніцкі (1789–1867), маршалак шляхты Лепельскага павета, а пазней Віцебскай губерні, быў фундатарам царквы Параскевы Пятніцы ў Арэхаўне ў 1819 г., якая спачатку была ўніяцкай, а пасля стала праваслаўнай. У 1867 г. ён быў пахаваны каля царквы [8, с. 104]. Дваранства ўзводзіла капліцы-пахавальні для памерлых сваякоў, якія рэпрэзэнтавалі асобу памерлых, захоўвалі памяць пра яго, мелі спецыяльныя малітоўныя залы [1, с. 564]. У маёнтку Быкаўшчына ў 1900 г. на магіле Альфонса Фаміча Козел-Паклеўскага сваякі пабудавалі каменны касцёл-капліцу, дзе праводзіліся памінальныя набажэнствы, што праваслаўнаму духавенству не падабалася. У далейшым царскімі жандарамі было забаронена наведванне капліцы [5, с. 12–13]. У Бяздзедавічах Лепельскага павета, непадалёку ад сядзібы гаспадароў, была пабудавана царква-капліца Рымскіх-Корсакавых – помнік архітэктуры псеўдарускага стылю [3, с. 19].

Калі ў 1840 г. згарэла праваслаўная царква ў Чашніках і касцёл Езуса Хрыста хацелі перадаць праваслаўнаму прыходу, Ігнат Валадковіч – прадстаўнік шляхецкага саслоўя з Лепельскага павета – у 1843 г. на свае грошы пабудаваў у Чашніках мураваную Праабражэнскую царкву [2, с. 24].

У 1884 г. уладальнікі мястэчка Ула, браты Хвастовы, былі фундатарамі Свята-Троіцкай царквы, якая згарэла ў выніку вялікага пажару ў 1882 г. Пасля сваёй смерці браты Хвастовы былі пахаваныя на тэрыторыі гэтай царквы. Уладальнік мястэчка Бешанковічы – граф Канстанцін Храптовіч-Буцянёў – у пачатку XX ст. удзельнічаў у адраджэнні Лаўрышаўскага мужчынскага кляштара. Яго намаганнямі быў збудаваны драўляны храм у гонар святога Елісея, брацкі корпус і хата для паломнікаў. Альфонс Козел-Паклеўскі з маёнтка Быкаўшчына пабудаваў касцёлы ў Екацярынбургу і Омску. За сваю дабрачыннасць Альфонс Фаміч атрымаў ад Папы Рымскага ордэн Святога Яна Ерусалімскага, а ўладамі Расіі адзначаны ордэнам Святога Станіслава першай ступені. На сродкі А. А. Рымскага-Корсакава, уладальніка маёнтка Бяздзедавічы, былі пабудаваны царква і школа ў вёсцы Дубраўка [3, с. 20].

Такім чынам, жыццё шляхты Лепельскага павеата непарыўна было звязана з рэлігіяй, якая істотна ўплывала на іх светапогляд. Каталіцкія святары падрымлівалі вышэйшае саслоўе ў паўстанні 1863–1864 гг., на пропаведзях саромелі сялян, які адмаўляліся падпарадкоўвацца свайму пану. Рэлігійнасць садзейнічала ўзвядзенню капліц-пахаванняў у прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя (капліца-пахавальня Козел-Паклеўскіх ў Быкаўшчыне, царква-капліца Рымскага-Корсакава ў Бядзедавічах). Шляхта ахвяравала вяліка грошы на фундацыю храмаў. Гэта Мікалай Грабніцкі, Івашэўская, Рэўт, Альфонс Козел-Паклеўскі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Грунтоў, С. У. Мемарыяльныя помнікі / С. У. Грунтоў // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 1. Культура сацыяльнай эліты XIV – пачатку XX ст. / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – С. 557–571.
2. Грыбко, В. В. Іванск і ваколцы : гіст.-краязн. нарыс / В. В. Грыбко. – Мінск : Медысонт, 2011. – 124 с.
3. Карасёў, В. Р. Па гістарычных мясцінах Полацкай зямлі / В. Р. Карасёў. – Мінск : Пачатк. шк., 2011. – 72 с.
4. Парашкоў, С. А. Гісторыя культуры Беларусі / С. А. Парашкоў. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 444 с.
5. Платонова, Р. М. Историческая усадьба Поклевских-Козелл / Р. М. Платонова, М. З. Соловьёва, М. А. Платонова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Ф, Строительство. Приклад. науки. – 2013. – № 8. – С. 10–14.
6. Шыдлоўскі, С. А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. / С. А. Шыдлоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 168 с.
7. Malinowska, G. Pamiętnik kresowej nauczycielki z lat 1833–1921 / G. Malinowska. – Bydgoszcz : Tow-wo Miłośników Wilna i Ziemi Wileńskiej, 1995 – 107 s.
8. Miziarska, N. Majątek Hrebničkih w Orzechownie / N. Miziarska // Znad Wilii. Kwartalnik. Wilno. – 2017. – № 1 (69). – S. 103–107

УДК 94(474.5)«15»(092)

Я. О. Сахарук (Україна, Луцк, СОШ № 24)

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ КИШКА – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ВКЛ

Данное исследование посвящено недостаточно изученному деятелю в истории Великого княжества Литовского – Станиславу Петровичу Кишке. Проанализирована деятельность Станислава Кишки как литовского стольника, лидского и смоленского наместника, гродненского старосты, литовского маршалка, великого гетмана литовского. Особое внимание в работе сосредоточено на деятельности Станислава Петровича как дипломата Великого княжества Литовского. На основе исторических источников подробно исследованы цели и задачи, содержание посольств, в которых принимал участие Станислав Кишка. Также представлен анализ военной деятельности великого гетмана Литовского.

Станислав Петрович Кишка (около 1452–1513 гг.) – представитель магнатского рода герба «Дуброва», литовский стольник, лидский и смоленский наместник, гродненский староста, литовский маршалок, великий гетман, литовский дипломат ВКЛ [4]. Он происходил из подляшского благородного рода, основной вотчиной которого был г. Цехановец. Его отец Петр (Петрашко) Струмило был магнатом. В 1464–1474 гг. Станислав Кишка был дорогочинским наместником. Из исторических источников узнаем, что как дорогочинский наместник участвовал в определении границ литовско-мазовецкой границы. В 1474–1477 гг. он работал кухмистром (стольником) королевы Елизаветы Габсбургской, жены Казимира IV Ягеллончика. С 1483–1486 гг. фигурирует в источниках как лидский наместник. Известно, что в 1484 г. Станислав Кишка представляет как дипломат литовскую делегацию на переговорах с Тевтонским Орденом. В 1486 г. он занимал должность хозяйственного наместника. В 1486 г. Петр Струмило как дипломат был в составе посольства ВКЛ в Крымском ханстве, где попал в плен и умер. Петр Струмило был дважды женат. О первой жене, имя которой неизвестно, матери Станислава Кишки, сведения не встречаются. Лишь известно, что в этом браке родились сын Станислав и дочь Анна, которая дважды выходила замуж: первый раз за Яна Свирского, а второй – за Каспара Герминовича. Второй женой Петра Струмило была Екатерина, дочь магната Яна Немировича. В этом браке родилось четверо детей: сын Николай, дочери – Ядвига, Барбара, Петранелия, последняя вышла замуж за Михаила Глинского.

Впервые упоминание о Станиславе Кишке встречается в Литовской метрике в 1486 г. Он упоминается как сборщик налогов с Новгородской и Лидской земель по поручению короля Казимира IV Ягеллончика [2, с. 27]. Станислав Кишка был дважды женат. О первой жене сведений нет, но известно, что имел дочь Барбару (жена князя Юрия Радзивилла). Во второй раз он был женат на Софии, дочери троцкого воеводы Петра Яновича Монтигердовича. В этом браке родились сын Петр и дочь Анна (которая была женой Яна Радзивилла «Бородатого», второй раз была замужем за С. Кесгайлом) [7, с. 101].

В 1488 г. Станислав Кишка был назначен стольником литовским, в 1488–1499 гг. – исполняющим обязанности лидского наместника [5, с. 51]. В Литовской метрике есть сведения о том, что Станислав Кишка в 1492 г. был отправлен в Королевство Польское в качестве посла. Целью дипломатической миссии было решение вопросов, касающихся земли Мазовецкой. Участие Станислава Кишки в посольстве свидетельствует о его значимости как дипломата ВКЛ [3 с. 177–179].

Еще одним доказательством активной дипломатической деятельности является встреча, которая состоялась в 1495 г. между Станиславом Кишкой и Борисом Кутузовым, послом князя Ивана III. Речь шла о молдавском государе Стефане IV, который нанес немало вреда ВКЛ. Была озвучена просьба, чтобы обеспечить свободное передвижение московского посла Б. Кутузова в Молдавию и его возвращение на родину [5, с. 208–209].

В 1495 г. Станислав Кишка возглавил посольство ВКЛ к польскому королю Иоанну I Альбрехту. Целью дипломатической поездки было обсуждение

угрозы нападения со стороны крымского хана. Было предложено объединиться ВКЛ и Королевству Польскому в борьбе против Крымского ханства [5, с. 211].

В 1496 г. Станислав Кишка как дипломат ездил к польскому королевичу Сигизмунду [5, с. 219]. С 1496 г. он занимал должность маршалка литовского ВКЛ. В 1496 г. Станислав Кишка участвовал в походе польского короля Иоанна I Альбрехта (Белого) на земли молдавского правителя Стефана IV.

Известно, что в 1496 г. великий князь Александр Ягелончик, король Иоанн I Альбрехт и их брат Сигизмунд встретились для тайных переговоров. [16, с. 107]. Польский король Иоанн I Альбрехт вместе с братом Владиславом, чешским и венгерским королем, братом Александром, великим князем литовским готовились к войне с турками. Однако все были убеждены, что король Иоанн I Альбрехт пытается таким образом завладеть молдавской землей для своего брата Сигизмунда, обмануть правителя Молдавии Стефана IV под предлогом продвижения через молдавские земли против турок [14, с. 273].

В 1497 г. король Иоанн I Альбрехт и его брат Сигизмунд собрали польское войско, которое остановились в г. Перемышле. Между тем князь Александр Ягелончик осуществлял поход в Молдавию через Брацлав на Сороки. Когда войска великого князя Литовского оказались у р. Буг, литовские магнаты начали проявлять недовольство тем, что князь не сообщил и не посоветовался с ними о направлении и цели их похода. Они поняли, что идут на молдавского правителя Стефана IV [13, с. 809]. Литовские магнаты не захотели продолжать поход вместе с Александром Ягелончиком. Не имея возможности выполнить условия договора, который он заключил с Иоанном I Альбрехтом, он отправил на помощь королю своего предводителя [13, с. 810].

Станислав Кишка и отряд, которым он командовал, не смогли вовремя оказать помощь королю Иоанну I Альбрехту на Буковине, поскольку во время переправы через р. Днестр их встретило валашское войско, с которым литовцы вели бой и полностью их разгромили [13, с. 814]. Возвращаясь в Брацлав, отряд во главе со Станиславом Кишкой в 12 км под Брацлавом разгромили отряд татар, а затем вернулись в Литву [1, с. 99].

Уже с 1500 г. Станислав Кишка в источниках встречается как смоленский наместник [3, с. 147]. Великий князь Литовский для улучшения отношений с Московским государством в 1500 г. отправляет посольство во главе со Станиславом Кишкой в Москву. Станислав Кишка передал московскому царю требования Александра Ягелончика, который был женат на дочери Ивана III, Елене Московской. Согласно условиям брачного договора, литовский князь требовал не принимать князей с их волостями из Литвы, не оказывать на границах схваток с ними, возвратить князей-предателей в ВКЛ (князей-перебежчиков). При этом, пытаясь угодить тестю, он даже назвал его в своем письме «государем всей Руси» [15, с. 159]. Но уладить отношения ВКЛ и Московского царства не удалось. Ивану III было мало тех земель, которые он получил по договору 1494 г. Он желал больше. Царь отправил зятю ответ, в котором заявил, что объявляет войну «за принуждение Елены Московской и всех литовских единоверцев к латинству» [15, с. 159].

Великий князь Литовский был вынужден собирать войско. Командующим войска Александр Ягелончик назначил Константина Острожского. Сначала Константин Острожский прибыл в Смоленск, где к нему присоединился отряд под командованием Станислава Кишка [15, с. 159]. Решающая битва между войсками ВКЛ и Московского царства состоялась 14 июля 1500 г. в Ведроше.

Битва на р. Ведрошь – сражение русско-литовской войны 1500–1503 гг., имевшее очень значительные стратегические и территориальные последствия в противостоянии за наследие Древнерусского государства. Произошла она 14 июля 1500 г. под Дорогобужем между войсками Русского государства под руководством воеводы Даниила Щеня и объединенной армией Великого княжества Литовского и Королевства Польского под командованием великого гетмана Литовского Константина Острожского. Автор «Хроники Быховца» отмечает, что литовское войско было более трех с половиной тысяч человек на конях, кроме пеших воинов, а московское войско – сорок тысяч человек хорошо вооруженных на конях, кроме пеших [16, с. 113]. Битва окончилась разгромным поражением литовско-польского войска, пленением Константина Острожского и переходом около одной трети территории ВКЛ под власть великого князя Ивана III.

В 1502 г. Иван III решил, что пришло время вернуть Смоленск, который был в составе ВКЛ. В конце 1502 г. на Смоленск напали московские войска. В обороне Смоленска участвовал и Станислав Кишка. Хорошо укрепленный город захватить московским войскам не удалось [6, с. 290–291].

С 1503–1507 гг. Станислав Кишка имел титул великого гетмана Литовского. В 1507 г. он уступил этот титул Константину Острожскому, который вернулся из плена.

В источниках приведены сведения, о сложных отношениях между Станиславом Кишкой и любимцем Великого князя Литовского Михаилом Глинским. В хронике Мацея Стрыйковского описано, что в 1505 г. Александр Ягелончик собрал в Брест-Литовске сейм. На нем решался вопрос о выборе старосты Лиды. Станислав Кишка поддержал литовских магнатов в выборе на должность старосты Иллинича. Но Михаил Глинский выступил против этого решения. Произошел конфликт, и великий князь Александр Ягелончик поддержал Михаила Глинского, который хотел, чтобы старостой Лиды был избран его человек [13, с. 835].

В августе 1506 г. Станислав Кишка участвовал в Клецкой битве. Около четырех тысяч крымских татар во главе с сыновьями Менгли-Герая – Фетихом и Бурнашем, вторглись на территорию ВКЛ [6, с. 296]. Узнав о нападении татар, Александр Ягелончик вынужден быстро возвращаться из Лиды в Вильнюс. Станислав Кишка, командовавший литовским войском, вскоре заболел и вынужден был передать командование Михаилу Глинскому [8, с. 167].

Главной задачей литовцев было не дать возможности отступить татарам. После разгрома основных сил соперника были уничтожены его разрозненные отряды, которые пытались вернуться в лагерь. Победа под Клецком была впечатляющей. Она показала, что с татарами можно бороться и побеждать, и добавила уверенности литовским воинам [8, с. 295–296].

С 1508 г. Станислав Кишка был гродненским старостой. В 1508–1511 гг. участвовал в комиссии по уточнению границ литовско-польской границы в Мазовии. Итак, Станислав Петрович Кишка – выдающийся государственный и военный деятель ВКЛ, а также активный деятель международной политики ВКЛ.

Список использованной литературы

1. Herbarz polski. Powiększony dodatkami z poniejszych autorów rękopismów, dowodów, urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza by Niesiecki, Kasper, 1684–1744; Bobrowicz, Jan Nepomucew, 1809–1892. – Lipsk : Breitkopf i Haertel, 1839. – 492 p.
2. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Метрыка Литевска. Knyga Nr. 4: (1479–1491); Užrašymų knyga 4 / Lietuvos istorijos institutas ; [parengė Lina Anužytė]. – Vilnius : Žara, 2004 (Kaunas : Spindulys). – 286 p.
3. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Knyga № 5: (1427–1506); Užrašymų knyga 5 / Lietuvos istorijos institutas; [parengė Egidijus Banionis]. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. – 403 p.
4. Wielka genealogia Minakowskiego. Sieć rodzinna polskiej inteligencji: od X do XXI w. Stanisław «Strumiłło Kiszczyc Kiszka» Kiszka z Ciechanowca h. Dąbrowa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sejm-wielki.pl/b/10.169.20>. – Дата доступа: 25.03.2019.
5. Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795 / J. Wolff. – Kraków, 1885.
6. Бодрихин, Н. Г. 400 сражений Руси. Великие битвы русского народа / Н. Г. Бодрихин. – М. : Яуза : Эксмо, 2009. – 432 с.
7. Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч 792 с.
8. Гудавичюс, Э. История Литвы / Э. Гудавичюс ; науч. ред. Е. Л. Назарова ; пер. Г. И. Ефремова. – М. : Фонд им. И. Д. Сытина Valtrus, 2005. – Т. I : С древнейших времен до 1569 года. – 670 с.
9. Лятоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: склад – структура – улад / Р. Пятраўскас. – 2-е выд. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 385 с.
10. Полное собрание русских летописей. – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – М. : Наука, 1980. – 306 с.
11. Пресняков, А. Е. Литовско-Русское государство в XIII–XVI вв. / А. Е. Пресняков. – Минск : Харвест, 2012. – 296 с.
12. Речкалов, А. П. Русь: путь к Украине. Украинские земли в составе Польши и Литвы / А. П. Речкалов. – Киев : ФОРМ О. М. Стебеляк, 2016. – 976 с.
13. Стрийковський, М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси / М. Стрийковський. – Львів, 2011. – 1075 с.
14. Стрийковский, М. О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда ни кем не исследованная и не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному / М. Стрийковский. – М. : Берлин : Директ-Медиа, 2015. – Ч. I. – 448 с.
15. Тарас, А. Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. / А. Е. Тарас. – Минск : Харвест, 2008. – 800 с.
16. Хроника Быховца / отв. ред. М. Н. Тихомиров ; предисл., коммент. и пер. Н. Н. Улащика. – М. : Наука, 1966. – 155 с.

УДК 94 (476)

П. А. Шкляр (Беларусь, Полоцк, ПГУ)

Научный руководитель – Е. В. Сумко, канд. ист. наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕСПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БИГОСОВО (1945–1970)

В статье изучается деятельность техникумов в Бигосово во второй половине 1940-х – 1970-е гг., которые оказали влияние на развитие железнодорожной станции. Большое значение имело то, что техникумы готовили специалистов по широкому кругу специальностей, что позволяло развивать индустрию края. Статья написана на основе архивных документов и материалов устной истории.

Данное исследование относится к направлению микроистории, когда внимание уделяется изучению небольших населенных пунктов, взаимосвязям среди населения, а также влияние незначительных, на первый взгляд, событий на всеобщую историю. Впервые в научный оборот введены документы фондов Зонального государственного архива г. Полоцка, Государственного областного архива г. Витебска, Национального архива Республики Беларусь, материалы устной истории.

Несмотря на то что Бигосово являлось небольшим населенным пунктом, после окончания войны оно имело определенные преимущества. Бигосово уцелело после войны, здесь не было активных боевых действий, кроме освобождения станции 16–17 июля 1944 г. Наличие железнодорожной станции на линии Полоцк – Даугавпилс обеспечивало возможность перебазировки сюда тех учебных заведений, функционирование которых было затруднено в условиях разрушенных городов.

Первым среднеспециальным учреждением образования в Бигосово был переведенный из Полоцка техникум сельскохозяйственного строительства, который возобновил свою деятельность уже в марте 1945 г.: *«в связи с тем, что в г. Полоцке учебный корпус и здания общежитий, разрушены не менее, чем на половину и в 1945 г. восстановить невозможно, а так же руководствуясь Постановлением Совета Народных Комиссаров БССР от 8 февраля 1945 г. за № 127 до восстановления зданий, принадлежащих техникуму в г. Полоцке для организации занятий в 1945/1946 учебном году разместить техникум на территории Белорусской опытной станции животноводства в рабочем поселке Бигосово»* [7, л. 1, об. 2]. Техникум готовил техников-строителей со средним специальным образованием для сельскохозяйственного строительства. Для того чтобы поступить в учебное заведение, необходимо было получить направление сельсовета или правления колхоза.

В августе 1946 г. была создана приемная комиссия для проведения вступительных экзаменов. Для поступления необходимо было сдать Конституцию СССР, русский язык и математику. Все классы и общежитие готовились для приёма учащихся, которые приезжали на вступительные экзамены. Учитывая тот факт, что поступающие были из разных регионов, руководством

техникума было принято решение о встречи иногородних абитуриентов. Например, в архивных документах есть сведения о том, что на период вступительных экзаменов выделяли отдельного студента-куратора, в обязанность которого входило не только встречать абитуриентов на вокзале, а также в процессе вступительных испытаний находиться рядом «с целью оказания им необходимой помощи и совета» [5, л. 15, об. 2].

В техникуме изучались как общеобразовательные, так и специальные дисциплины: «строительное черчение», «водоснабжение и канализация», «мосты и дороги», «машиноведение и механизация строительных работ», «инженерные конструкции», «сельскохозяйственная и гражданская архитектура», «отопление и вентиляция», «строительная механика», «строение моторной машины», «физика», «математика», «геометрия», «химия», «военно-допризывная подготовка», «геодезия», «история СССР», «русский язык и литература», «белорусский язык».

В свободное от учебы время учащиеся техникума были задействованы в региональных восстановительных и уборочных работах. Так, студенты первого и второго курса помогали колхозу «1-е Мая» убирать урожай, а также участвовали в строительстве жилья для тех колхозников, которые ютились в землянках: *«на строительстве в Асвейском р-не работали студенты I и II курсов. Основная масса студентов отнеслись к выполнению столь важного решения правительства по переселению колхозников из землянок в жилые дома. В результате хорошей работы силами студентов проделано следующее: 1. Сделано срубов для 7 домов. 2. Заготовлено щепы 218 коп. 3. Покрыто щепой 12 домов. 4. Построили новых печей – 2. 5. Подвезено материала – 72 рейса на автомашинах»* [6, л.19, об.1–2, л. 20].

Необходимо отметить, что сам техникум был размещён в трех зданиях бывшего имения пана Витольда Нитославского, которые были практически не оборудованы для проведения занятий. Однако, несмотря на трудности послевоенного времени, учебный процесс был организован. Почти все учащиеся техникума получали стипендию. Например, с 1 января по 1 сентября 1948 г. стипендию получало 85 первокурсников (из 94) в размере 140 руб., на втором курсе – 54 (из 60) в размере 160 руб., на 3 курсе – 22 (из 24) в размере 180 руб. [7, л. 5]. С 1 сентября по 31 декабря 1948 г. все первокурсники были обеспечены стипендиями. Техникум был укомплектован квалифицированными кадрами, почти все преподаватели имели высшее образование. Например, Гузман Меер Иосифович, директор Полоцкого техникума, имел высшее образование и его стаж педагогической деятельности на 1948 г. составлял 11 лет, преподавал «Историю СССР». В 1948 г. в техникуме работало 10 преподавателей и один военный руководитель.

На протяжении учебного года руководство техникума проводило воспитательную работу. Для первого и второго курсов назначали кураторов из числа преподавателей. Вопрос дисциплины был очень актуальным. Уже в начале 1946/47 учебного года некоторые студенты начали пропускать занятия. Директор техникума выдал следующее распоряжение от 16 сентября 1946 г.:

«Отпуск с занятий производить по моему разрешению и заведующего учебной частью, при моём отсутствии. Категорически запретить уход с занятий студентов и студенток или опаздывать на занятия. Впредь по субботам занятия начинать на час раньше в 8 часов с тем, чтобы дать возможность студентам и студенткам пообедать и успеть к дневному поезду для поездки на выходной день домой (у которых родители находятся не далеко). Одновременно обязать студентов после выходного дня без опоздания являться на занятия» [5, л. 17–18].

В октябре 1949 г. техникум был переведен в г. п. Друю Миорского района, где с 1 ноября 1949 г. начались занятия. За небольшой период, с 1945 по 1949 г., учебное заведение повлияло на развитие Бигосово. Благодаря наличию учащихся, которые приезжали из других районов, увеличивалось количество населения, развивалась инфраструктура населенного пункта, создавались рабочие места.

После окончания Великой Отечественной войны одним из главных вопросов был вопрос восстановления народного хозяйства страны, для чего необходимы были квалифицированные кадры. Поэтому по республике был открыт ряд одногодичных сельскохозяйственных школ и средних сельскохозяйственных учебных заведений. В октябре 1951 г. одно из таких учреждений было перебазировано из Глубокого на станцию Бигосово – средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов (срок обучения – 3 г.) с присвоением квалификации «младший агроном». На каждом курсе было несколько групп, в состав которых входило в среднем от 10 до 25 человек. С 1 ноября 1951 г. при школе были организованы одногодичные курсы по переподготовке председателей колхозов. В 1953/1954 учебном году в школе было 310 учащихся, из которых 95 человек были членами партии (коммунисты от общего числа учащихся составляли 31 %), кандидатами в члены КПСС – 8 человек. В 1954/1955 учебном году в школе обучалось 314 человек, среди которых 106 являлись членами партии (34 % от общего числа учащихся). Выпускники школы направлялись в местные колхозы, а также в колхозы других районов.

Обеспечение необходимой материально-технической базы учебного заведения входила в обязанности исполкома Бигосовского сельского совета. Однако в связи с тяжелым экономическим положением – следствием войны, найти подходящее здание для школы, а также обеспечить ее всем необходимым для учебного процесса исполкому было трудно. Тяжелым было материально-бытовое положение школы. Не хватало самого необходимого. Мало было наглядных пособий для обучения, не было учебного инвентаря, здание требовало ремонта. На территории сельсовета не была решена жилищная проблема, многие семьи жили в бараках и землянках, поэтому средств для постройки здания под сельскохозяйственную школу не было. Архивные документы фиксируют, что такая ситуация сохранялась и в начале 1953 г. Руководство Бигосовского сельсовета поручило решить проблему с наполнением групп и материальным обеспечением вплоть до закупки учебников и тетрадей для учебного заведения председателям колхозов [8, л. 50]. Только к

1954 г., когда был осуществлён первый выпуск учащихся, материально-техническое положение школы улучшилось: классы были оформлены соответствующим образом, отремонтирован клуб силами самих учащихся, в общежитии был проведен ремонт. Однако школа не имела учебного хозяйства для прохождения учебной практики, не достаточно было лабораторий. Особенно остро стояла проблема нехватки преподавательских кадров [4, л. 69–70].

Информативной является делопроизводственная документация партийной организации школы, которая держала под контролем учебный и воспитательный процессы. Все вопросы, касающиеся поведения учащихся, обсуждались на собраниях партбюро. Наиболее частыми были проблемы с неуспеваемостью и дисциплиной (пропуски занятий, самовольный выезд, пьянки и драки среди студентов). Секретарь первичной парторганизации А. М. Перова отмечала: *«А ведь вы-то, товарищи, будущие руководители колхозов, а надо прямо сказать, что не все из вас могут держать себя в руках. ... Да возьмите, к примеру, выборы, тоже большой праздник, все были навеселе, и не было ни одного коммуниста.... Могут наши коммунисты вести и держать себя так, чтобы по ночам директора не беспокоить? Могут»* [4, л. 71]. Однако меры, принимаемые в отношении тех, кто нарушал дисциплину, не были эффективными. Судя по отчетам собраний парторганизации вопрос соблюдения дисциплины был одним из самых проблемных [4, л. 16]. Учитывая возраст и материальные трудности, ученики не посещали занятия, так как были заняты на работе.

Несмотря на тяжелые условия, школа продолжала работать на станции Бигосово до 1955 г. В октябре 1955 г. учреждение начало переезд со станции Бигосово в Полоцк. Последний документ на станции Бигосово датируется 24 ноября 1955 г. Сельскохозяйственная школа стала основой для создания Полоцкого аграрно-экономического колледжа.

С 1957 по 1970 г. на территории Бигосово находился зооветеринарный техникум, который перевели из Витебска на место бывшей областной сельскохозяйственной опытной станции [3, с. 120]. Это было вызвано необходимостью сближения учебного процесса с практикой на сельскохозяйственном производстве. В г. Витебске техникум находился в зависимости от ветеринарного института. Пользуясь учебно-наглядным материалом института, техникум ежегодно перечислял за это институту деньги. После переезда в Бигосово пришлось вести работу по приобретению и оформлению наглядных пособий, оборудования [10, л. 206].

Согласно Постановлению Совета Министров БССР от 2 июля 1960 г. № 389 «О сети сельскохозяйственных техникумов республики» Витебский ветеринарный техникум был переименован в Бигосовский зооветеринарный техникум, однако в документах вплоть до 13 октября 1960 г. сохранялось старое название. Техникум осуществлял набор студентов по трем специальностям: ветеринария, зоотехния и совмещенная специальность ветеринария-зоотехния, формы обучения: очная и заочная. За период своего нахождения в поселке Бигосово зооветеринарный техникум осуществлял подготовку квалифицированных специалистов в области сельского хозяйства, которые затем направ-

лялись на работу не только в район, но и в другие области БССР и всего СССР. Преимущественно выпускников распределяли по колхозам. *«... А распределение можно было по желанию, куда ты хочешь, в какой район ты хочешь – пожалуйста. Так попросись туда и езжай. Если там требовались специалисты. Если нет, тогда там уже бери что-нибудь другое»* [2]. За весь период деятельности в Бигосовском зооветеринарном техникуме в среднем прошло обучение 550 человек.

Здание техникума, учебное хозяйство и общежития для студентов были расположены в 1,5 км северо-западнее станции Бигосово. Материальная база, оставленная опытной станцией, во многом не отвечала элементарным потребностям среднего специального учебного заведения, особенно в первый 1957/1958 учебный год [9, л. 154]. Однако наличие учебного хозяйства, расположенного на территории техникума, и подшефных колхозов позволяло учащимся отрабатывать навыки и на практике применять полученные теоретические знания.

Для размещения студентов техникум имел два общежития на 180 мест (в 1961/1962 учебном году). Мужское общежитие находилось в двухэтажном деревянном доме на втором этаже, женское общежитие на 50 мест – в новом двухэтажном здании на втором этаже, в котором на первом этаже размещались столовая на 100 мест, лаборатория молочного дела и зооанализа, бухгалтерия, второе женское общежитие – на первом этаже бывшей панской усадьбы (до 1959 г. – учебный корпус). Здесь также на втором этаже размещалась библиотека, читальный зал, ленкомната и архив. В связи с тем что мест в общежитии было недостаточно, оно предоставлялось только на первом курсе. Большое количество учащихся вынуждены были жить в частных домах в деревне или в квартирах в Бигосово. Преподавательский состав был размещен в частном секторе. Некоторые преподаватели жили в одной небольшой комнате без удобств.

По свидетельству бывших учащихся учиться было трудно, особенно тяжелым было материальное положение. Стипендия составляла примерно 20 рублей: *«Стипендия была 22 рубля и сколько-то копеек... Ну, конечно, маловато. Если помощи из дома нет, учиться совсем. Дороги там никакие были. Мы там по грязи. У нас там еще был учебный корпус. У нас там были коровы, свиньи, овцы. Там у нас были и корпуса практических занятий. Там у нас было акушерство, искусственное осеменение, хирургия и терапия. Мы там все проходили практически... Удобств никаких. У нас так в общаге туалет был на улице. Так вечером мы всегда бегали кучей вместе, как боялись девчонки. Все такие свои были, молодые. Мы вместе все. У нас был и умывальник железный, где там можно было стирнуть бель для себя. А так зимой было очень холодно»* [2]. По воспоминаниям интервьюеров, иногда ездили в Ригу или Краславу за одеждой, продуктами, конфетами.

Ежегодно осуществлялся набор на заочное отделение. Так, на 10 июля 1970 г. на заочном отделении было 365 учащихся, из них на зоотехническом отделении 316 учащихся, на ветеринарном – 49 учащихся. С 1 сентября 1969 г.

по 10 июля 1970 г. из числа заочников выбыло 148 человек, из них: 102 человека окончили техникум, 36 человек были отчислены за невыполнение учебного плана, 3 человека выбыли в связи с уходом в Советскую армию, один учащийся был переведен в другой техникум, 6 человек оставили учебу по семейным обстоятельствам [11, л. 28].

Помимо учебного процесса руководство техникума старалось организовать и культурно-массовые мероприятия. Для этого устраивались концерты и вечера самодеятельности. По воспоминаниям бывших студентов, самым интересным был просмотр кинокартин. В 1960/1961 учебном году техникум приобрел киноустановку «Украина», что позволило ежедневно демонстрировать фильмы в клубе для учащихся техникума. Вот что об этом вспоминает выпускница техникума Аржановская Людмила Францевна: *«Там кладка такая была, и дом этот стаяў, там фільмы былі, паказвалі, можа, пяць капееку то время. Так і ў Бигосаве пяць капеек быў. Я помню, у калхозе заработала, як у калхозе робіла, помню, капалі, і далі мне білетаў за першае места. Так я ж іх і не іспользовала. Можа 30 білетаў. Так што, каждый день хадзіць? Фільмы каждый день паказвалі, вечарам, да. Ну, а што, ім жа надо было деньгі. Круцілі. І то радаваліся, хадзілі, особенно кагда індзійскія. Так было інтэресно, хацелася глядзець. Ай, тады пра любоў»* [1].

Однако в связи с тем, что не были выполнены все просьбы руководства техникума по улучшению материально-технической базы и обеспечения техникума всем необходимым, он был переведен в Лужесно. Необходимо отметить, что перевод техникума отрицательно сказался на статусе и положении Бигосово и округи. Уменьшилось количество рабочих мест, что повлекло за собой отток населения в другие регионы.

Таким образом, на протяжении второй половины 1940-х – 1960-х гг. в Бигосово размещались учебные заведения, которые осуществляли подготовку для сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства, благодаря чему Бигосово развивался как населенный пункт. Контингент учащихся был представлен в основном выходцами из Витебской области. После окончания учебы выпускники направлялись на работу в разные регионы страны. Учреждения укрепляли связи района с другими административными центрами. Благодаря большому количеству учащихся, которые приезжали из других районов, увеличивалось количество населения, развивалась инфраструктура населенного пункта, создавались рабочие места. Учащиеся принимали активное участие в восстановлении населенного пункта и района в целом. Материалы устной истории дополняют архивные документы и позволяют более детально изучить не только особенности учебного процесса в рассматриваемый период, но и реконструировать повседневную жизнь студентов и преподавателей.

Список использованной литературы

1. Записано со слов Аржановской Людмилы Францевны, 1939 г. р., проживающей в аг. Бигосово, 2019 г.
2. Записано со слов Юхневич Марины Мартыновны, 1947 г. р., проживающей в аг. Бигосово, 2018 г.

3. Зональный государственный архив в г. Витебске (ЗГА в г. Витебске). – Ф. 124-п. Оп. 3.
4. ЗГА в г. Витебске. – Ф. 124-п. Оп. 3. Д. 352.
5. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 1066. Оп. 1. Д. 5.
6. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1066. Оп. 1. Д. 7.
7. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1066. Оп. 1. Д. 11.
8. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 154. Оп. 2. Д. 77.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 48. Оп. 9. Д. 3834.
10. НАРБ. – Ф. 48. Оп. 9. Д. 4788.
11. НАРБ. – Ф. 48. Оп. 9. Д. 8875.

УДК 94(438)«16»

R. Borowiec (Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie)

Научный руководитель – dr. hab. Roman Wysocki

SZLACHTA ZIEMI CHEŁMSKIEJ WOBEC RELACJI POLSKI Z TURCJĄ I TATARAMI ZA PANOWANIA ZYGMUNTA III WAZY

Celem niniejszej pracy, jest przybliżenie stosunku szlachty Ziemi Chełmskiej do polityki Zygmunta III Wazy wobec Turcji i Tatarów głównie poprzez pryzmat funkcjonowania lokalnego sejmiku. Chełmianie w ramach ruchu egzekucyjnego, posiadali silny głos w Rzeczypospolitej, jednakże w okresie nas interesującym głos ten dość wyraźnie osłabł. Niemniej z racji swojego położenia na pograniczu dwóch kultur polskiej – ruskiej z pewnością zasługują na szersze opracowanie. Ta mozaika kulturowa odbijała się na poglądach i postulatach Chełmian, którzy byli tolerancyjni oraz otwarci. Szlachta chełmska brała czynny udział z życia politycznym Rzeczypospolitej na ogół przychylnie ustosunkowując się do polityki króla.

Szlachta Ziemi Chełmskiej oraz jej znaczenie w pierwszej połowie XVII w.

Ziemia Chełmska z racji położenia na pograniczu polsko-ruskim bywa często nazywana pomostem pomiędzy tymi terenami [7, s. 85]. W skład Korony Królestwa Polskiego weszła po 1387 r. za panowania Władysława Jagiełły. Administracyjnie dzieliła się na dwa powiaty, chełmski z takimi miastami jak Hrubieszów, Luboml, Ratno czy Zamość oraz krasnostawski, ze stolicą w Krasnymstawie. Pod koniec XV lub na początku XVI w. [6, s.16] Ziemia Chełmska weszła w skład województwa ruskiego, ale jako enklawa, dookoła była otoczona przez inne województwa. Od północy graniczyła z brzesko-kujawskim, od wschodu z wołyńskim, od południa z bełzkim a od zachodu z lubelskim. Stan ten utrzymał się do I rozbioru Polski w 1772 r.

Chełmianie pod względem politycznym podporządkowani byli województwu ruskiemu, jednakże już A. Prochaska zauważa, że szlachta chełmska jest bardziej powiązana z Małopolską (tj, województwem lubelskim, sandomierskim czy krakowskim) niż z ruskim [14, s. 35–36]. J. Ternes pisze wprost, że poza nazwą i brakiem wojewody niewiele się różniła od województwa [15, s. 23]. Kasztelan chełmski oraz biskup chełmski rzymskokatolicki, byli senatorami koronnymi. W

interesującym nas okresie, wyżej wymienieni urzędnicy w porównaniu z innymi senatorami przeważnie dość sumiennie wywiązywali się ze swoich obowiązków, regularnie stawiając się na sejmach [17, s. 104, 176–177].

Za A. Jabłonowskim należy przytoczyć dotyczące liczebności miast i wsi oraz strukturę własności ziemskiej. W połowie XVI wieku, na terenie Ziemi Chełmskiej znajdowało się 401 wsi oraz 20 miast [10, s. 64, 70]. Duchowieństwo posiadało 3 % własności ziemskiej, największym posiadaczem był biskup chełmski, który władał 3 miastami i 11 wsiami [15, s. 20]. W rękach szlachty znajdowało się 72% ziemi. A. Prochaska przyznał, że najwięcej drobnej szlachty w całym województwie ruskim znajduje się właśnie w ziemi chełmskiej [14, s. 43]. Kwestia dokonania klasyfikacji szlachty ze względu na stan posiadania jest dyskutowana od bardzo dawna. J. Ternes w swojej monografii sejmiku chełmskiego, za W. Urbanem, W. Śladkowskim czy Z. Trawicką przyjmuje pięciostopniowy podział na: magnaterię, posiadającą ponad 10 wsi; szlachtę zamożną posiadającą 5–10 wsi, szlachtę średnią od 1 do 4 wsi oraz zagrodową, nie posiadającą poddanych [15, s. 21]. Jak sam badacz przyznaje, przedstawione rozróżnienie nie sprawdza się w przypadku Ziemi Chełmskiej. Przytoczone przykłady pozwalałyby niesłusznie zaliczyć rody Orzechowskich czy Uhrowieckich do magnaterii, co byłoby niewątpliwym błędem. Wydaje się nam, że właściwszym będzie tutaj stanowisko W. Czaplńskiego oraz J. Długosza, którzy podają, że w XVII wieku, za magnata w Koronie można uznać osobę posiadającą ponad 20 wsi [5, s. 9–10] oraz posiadającą w rodzie trzy osoby w piastujące urzędy senatorskie jednocześnie, bądź w następujących po sobie pokoleniach. Przy tym kryterium do najwyższej szlachty kwalifikują się tylko ród Zamoyskich. Pozostała część ziemi na Chełmszczyźnie tj. 25 % stanowiły królewsczyzny, obiekt starań wielu rodów, między innymi, Sobieskich, Potockich, Żółkiewskich, Koniępcolskich.

Chełmianie odgrywali szczególnie ważną rolę w ruchu egzekucyjnym oraz w trakcie pierwszego bezkrólewia. Tak jak pisaliśmy wyżej w Ziemi Chełmskiej, dominowała średnia szlachta, która występowała na forum lokalnym oraz ogólnopanstwowym jako grupa zdecydowanie antymagnacka. Działalność Jan Zamoyskiego, Mikołaja Reja, Pawła Orzechowskiego oraz przede wszystkim Mikołaja Siennickiego zwanego zarówno przez współczesnych mu oraz historyków – polskim Demostenesem [9, s. 92–95] – miała ogromne zasługi w realizacji unii polsko-litewskiej, reform skarbowych czy stworzeniu Trybunału Koronnego.

Bezpomna śmierć Zygmunta Augusta w 1572 r. stwarzała wiele wyzwań wobec Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Z jednej strony należało stworzyć pewne ramy ustrojowe w nowych warunkach, a z drugiej zadbać o bezpieczeństwo mieszkańców zagrożone grasowaniem licznych band zbrojnych. W sprawie elekcji jeszcze król Zygmunt Stary zapewniał, że po śmierci jego syna, to szlachta wybierze nowego króla *viritem* [9, s. 54]. Należy też pamiętać, że wybór króla przez szlachtę nie było nowym, nieznanym procesem. W całym okresie panowania Jagiellonów mamy do czynienia z elekcją w łonie dynastii.

Także szlachta chełmska już 10 dni po zgonie króla, samorzutnie, bez inicjatywy ze strony magnaterii czy wojewody, zebrała się na zjeździe w Krasnymstawie. Wobec braku możliwości funkcjonowania sądownictwa bez króla,

powołała sądy kapturowe. Ten precedens był wzorem dla innych województw oraz ziem, które zaczęły powoływać podobne organy. Dyskusja, jaka towarzyszyła tym procesom, była istotnym czynnikiem wpływającym na reformę wymiaru sprawiedliwości i powstawania Trybunału Koronnego za panowania Stefana Batorego [8, s. 55]. W zakresie wyboru nowego króla, Chełmianie byli egalitarystami, postulowali za jak najszerszym udziale szlachty w wyborze nowego władcy mając nadzieję, że dzięki temu uda się przeciwstawić dominacji magnaterii oraz sukcesji na rzecz Habsburga.

Geneza i funkcjonowanie sejmiku chełmskiego

Początki sejmiku chełmskiego należy wiązać z procesem unifikacji Ziemi Chełmskiej z Koroną, co skutkowało, między innymi przyjęciem praw i modelu ustrojowego polskiego [12, s. 38]. Na tle parlamentaryzmu Rzeczypospolitej posiadał on wyjątkowy status, ponieważ był całkowicie niezależny od generałuwiszeńskiego [15, s. 24]. Szlachta zbierająca się na ogół w Chełmie posiadała prawo do wyboru dwu posłów na sejm oraz początkowo (tj. do 1611 r.) wraz z ziemią halicką na zasadzie *alternaty* miała prawo do wyboru jednego deputata do Trybunału Koronnego. Ziemia chełmska z racji bycia wyżej w hierarchii województwa ruskiego (będąc kolejno za ziemią lwowską, przemyską, sanocką a przed wspomnianą halicką [15, s. 25]) posiadała przywilej jako pierwsza wybrać swojego przedstawiciela do Trybunału, którego jednak się zrzekła na rzecz Halicza. Od 1611 r. obydwie ziemie posiadają prawo do obioru jednego przedstawiciela do Trybunału.

Sejmik chełmski funkcjonował podobnie jak inne w Rzeczypospolitej. Zbierał się na obrady jednodniowe, trwające od świtu do zmierzchu [2, s. 105]. Tradycyjnie rozpoczynał się mszą świętą, następnie najwyższy rangą urzędnik przedstawiał cel zebrania oraz organizował wybory marszałka. Na podstawie zachowanych danych, w latach 1609–1632 nie możemy wskazać dominującego rodu lub osoby na tym stanowisku [15, s. 160–164], dwukrotnie tę funkcję sprawował Jan Skaszewski, podkomorzy chełmski. Najczęściej, pięciokrotnie na funkcję poselską był wybierany Jan Mikołaj Daniłowicz. W 1611 r., sejmik chełmski przyjął zasadę obierania posłów oraz deputatów większością głosów [15, s. 40]. Ze względu na cel obrad możemy podzielić sejmiki na: przedsejmowe mające na celu wybór posłów na sejm, relacyjne, na którym wybrani posłowie zdawali relację z przebiegu obrad, elekcyjne zajmujące się wyborem kandydatów na urzędników ziemskich, kapturowe działające w okresie bezkrólewia oraz deputackie wybierające deputatów do Trybunału Koronnego. Oczywiście na sejmikach były poruszane różne sprawy, nie tylko bezpośrednio związane z jego tytułem. Monarcha szczególnie często kierował swoje prośby, sprawy, postulaty na sejmiki deputackie, korzystając z ich cykliczności w kalendarzu szlachty.

Obrady sejmiku chełmskiego przebiegały na ogół spokojnie. Jeden z poważniejszy sporów, który był bardzo ważny dla funkcjonowania Trybunału Koronnego, wystąpił na sejmiku deputackim w 1623 r. Zgodnie z prawem deputat nie mógł być wybrany na kolejną kadencję przed upływem czterech lat. Dyskusyjną kwestią było to, czy należy liczyć owe cztery lata od momentu wybrania czy zakończenia kadencji. W 1623 r. najwięcej głosów (76) zdobył Jan Skaszewski, następny kandydat Erazm Wierzbicki zdobył ich 34. Część szlachta na czele z

Wacławem Zamoyskim oraz Pawełem i Stanisławem Wierzbickimi złożyła protestacje wskazując, że Jan Skaszewski był deputatem w 1619 r. W reprotestacji, szlachta optująca za Skaszewskim wskazywała, że podczas elekcji deputackiej nie było głosów podnoszących tę kwestię, a czteroletni okres karencji już minął, tym samym uznając podkomorzego chełmskiego za właściwie obranego [1, s. 141–143]. Poza szlachtą, w sejmiku jako interesanci uczestniczyli przedstawiciele skonfederowanego wojska, plenipotenci miast oraz przedstawiciele Akademii Zamoyskiej. Wymienione osoby oraz podmioty mogły wywierać wpływ na przebieg obrad i treść uchwał. Bazyli Rudomicz, jako przedstawiciel Akademii Zamoyskiej oraz zaufany Jana „Sobiepana” Zamoyskiego, starał się o poparcie sejmiku chełmskiego w staraniach Zamościa w sprawie zmniejszenia opłat za składowanie towaru we Lwowie [11, s. 162–163]. Działo się to w 1661 r., a więc już poza okresem nas interesującym, aczkolwiek możemy przyjąć, że podobne przypadki zachodziły w trakcie panowania Zygmunta III Wazy. Niewątpliwie największy wpływ na miejscową szlachtę miał ród Zamoyskich, rody Orzechowskich, Uhrowieckich były stronnikami kolejnych ordynatów. Ogólnie frekwencja na sejmikach szlacheckich wynosiła około 20–25 % uprawnionych [12, s. 50]. Szczególnie wysoką frekwencją cieszył się sejmik deputacki, który był zwoływany z mocy prawa w stałym terminie czyli w poniedziałek po 8 września. Bardzo ważne święto dla miejscowej szlachty – Narodzenia Najświętszej Marii Panny, sprawiało, że Chełmianie jeszcze chętniej przybywali na tej sejmik [12, s. 51].

Ziemia Chełmska posiadała wyjątkowy status w strukturze administracyjnej Rzeczypospolitej. Pomimo formalnej przynależności do województwa ruskiego, sejmik chełmski był w pełni niezależny, zaś dla miejscowej szlachty bliższe były województwa wchodzące w skład zachodniej Małopolski czyli lubelskie, sandomierskie czy krakowskie. Warto zwrócić na uwagę na tolerancję religijną panującą wśród Chełmian, wszystkie wyznania mogły żyć tutaj w zgodzie i spokoju, typowym dla tego okresu w Rzeczypospolitej.

Szlachta Chełmska wobec relacji Polski z Tatarami i Turcją.

W zakresie polityki zagranicznej, Chełmian zdecydowanie najbardziej interesowały stosunki z Tatarami oraz Turcją. Kolejność jest tutaj nieprzypadkowa, ponieważ to liczne najazdy tatarskie były zagrożeniem dla majątków miejscowej szlachty. Lata 1612–1620 są ściśle związane z prywatną działalnością magnaterii na terenie Mołdawii i Wołoszczyzny. Gospodar Jeremi Mołyła osadzony na tronie przez Jana Zamoyskiego miał cztery córki, wszystkie wydane za Polaków – Michała Wiśniowieckiego, Samuela Koreckiego, Stefana Potockiego oraz Maksymiliana Przerębskiego. W 1612 roku na czele prywatnych pocztów magnackich oraz za cichą zgodą króla, części kwarcianych (za wiedzą i zgodą króla), [4, s. 300–301] Stefan Potocki wkroczył do Mołdawii w celu obrony praw syna Jeremiego, Konstantego. Klęska poniesiona przez wojska polskie pod Sasowym Rogiem spowodowała odwetowe najazdy tatarskie na Podole.

Szlachta chełmska na sejmiku przedsejmowym w marcu 1616 r. niechętnie przyglądała się tym działaniom. Krytykowała interwencję w pobocznych państwach, zalecała, żeby wojsko kwarciane *zwykłym sposobem* miało służyć pod wodzą hetmana a stosunki z Turcją i Tatarami ułożyć wedle starych sposobów za sprawą upominków

sfinansowanych z pogłównego żydowskiego [1, s. 120–121]. Jednocześnie zalecała, żeby poselstwo do Wysokiej Porty zabiegało o usunięcie hospodara wołoskiego Tomasza, jako niewiernego sojusznika Rzeczypospolitej.

Niewątpliwym ekspertem od spraw turecko-tatarskich był Tomasz Zamoyski. Jego ojciec zadbał, żeby w edukacji syn nie zbrakła nauki języka arabskiego, tatarskiego i tureckiego. Znajomość pism w tym języku, posiadanie szpiegów w Bakczysaraju [19, s. 181] sprawiała, że za panowania Zygmunta III Wazy był jednym z najlepiej zorientowanych ludzi w całym kraju w tych sprawach [24, s. 181–182]. Latami 1612–1613 uczestniczył w walkach z Tatarami pod komendą hetmana koronnego oraz był przedstawicielem Polski w negocjacjach. Potępiał interwencję magnatów, traktując je jako prywatne awantury.

Skutkiem tej polityki była wojna polsko-turecko. Tomasz Zamoyski w 1620 r. otrzymał list przypowiedni nakazujący wojewodzie sformułowanie oddziału liczącego tysiąc rajtarii oraz pięciuset husarzy. Nie było to łatwe zadanie, Zamoyski posiadał u siebie zaledwie dwustu husarzy. W celu sformułowania pułku rozesłał swoich oficerów do Inflant oraz na Śląsk. Starania te zakończyły się porażką, nie udało się skompletować pułku na czas. Podczas oblężenia Chocimia, Zamoyski przebywał w swojej twierdzy pomimo wezwań królewicza Władysława. Wobec tego, król powierzył mu zadanie przyprowadzenia pospolitego ruszenia województwa ruskiego, braclawskiego, kijowskiego, bełskiego i podolskiego. Również tym razem Zamoyski nie zdążył wykazać się na polu walki, ponieważ w międzyczasie został zawarty rozejm pomiędzy Polską a Turcją.

Częstotliwość najazdów tatarskich w województwie ruskim była wręcz stała. W latach 1607–1632 ogólna liczba najazdów wynosiła 24. Z racji położenia w najgorszej sytuacji była ziemia halicka. Chełmian bezpośrednio tylko raz dosięgli Tatarzy w 1623 r., wojska tatarskie wtedy dotarły do Szczepieszyna. Wobec tego w pełni zrozumiane jest zainteresowanie szlachty obroną od agresji ze strony południowych sąsiadów. Na sejmikach przedsejmowych z lat 1624 i 1625, pierwszym punktem postulatem jest zapewnienie solidnej obrony przed cesarzem tureckim oraz Tatarami, tym samym traktując je przed sprawami ze Szwecją [1, s. 152]. Na kolejnym sejmiku w czerwcu 1628 roku, również Chełmianie zabiegali o zabezpieczenie Ukrainy przed poganami, wskazując jednocześnie że to nieprzyjaciele Korony mogą inspirować te najazdy [1, s. 154].

Zagadnienia związane z polityką zagraniczną Rzeczypospolitej były na sejmiku chełmskim omawiane w znacznie mniejszym zakresie, niż sprawy wewnętrzne [15, s. 139]. Stałą i konsekwentną politykę, możemy tylko dostrzec wobec właśnie Chanatu Krymskiego oraz Turcji. Chełmianie przede wszystkim chcieli pokojowo rozwiązać te sprawy, głównie za pomocą tradycyjnych podarków. Wojnę traktowali jako ostateczny sposób rozstrzygnięcia sporów.

Список использованной литературы

1. Akta sejmikowe Ziemi Chełmskiej 1572–1668 / opr. W. Bondyra, H. Gmiterek, J. Ternes. – Lublin, 2013.
2. Augustyniak, U. Historia Polski 1572–1795 / U. Augustyniak. – Warszawa, 2008.

3. Bardach, J. Historia ustroju i państwa Polskiego / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. – Warszawa, 2009.
4. Besala, J. Stanisław Żółkiewski / J. Besala. – Warszawa, 1988.
5. Czapliński, W. Życie codzienne magnaterii polskiej w XVII wieku / W. Czapliński, J. Długosz. – Warszawa, 1982.
6. Ćwik, W. Rozwój administracyjno-terytorialny Ziemi Chełmskiej / W. Ćwik, J. Reder // Ziemia Chełmska (materiały z sesji naukowej historyków odbytej w Chełmie 21 czerwca 1959 r.). – Lublin, 1961.
7. Gmiterek, H. W czasach Rzeczypospolitej szlacheckiej / H. Gmiterek // Chełm i Chełmskie w dziejach ; red. R. Szczygieł. – Chełm, 1996.
8. Gruszecki, S. Inicjatywa polityczna szlachty chełmskiej / S. Gruszecki // Rocznik Lubelski. – T. XIII, 1970.
9. Grzybowski, S. Mikołaj Siennicki – Demostenes Sejmów Polskich / S. Grzybowski // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – T. II, 1957.
10. Jabłonowski, A. Polska w XVI wieku pod względem geograficzno-historycznym / A. Jabłonowski // T. VII, cz. II : Ziemie ruskie. Ruś czerwona (Źródła dziejowe, t. XVIII, cz. II). – Warszawa 1903.
11. Klementowski, M. L. Sejmiki chełmskie w diariuszu prywatnym Bazylego Rudomicza (1656–1672) / M. L. Klementowski // Studia z historii państwa, prawa i idei, prace dedykowane profesorowi Janowi Malarczycowi ; red. A. Korobowicz, H. Olszewski. – Lublin 1997.
12. Kozyrski, R. Sejmik szlachecki Ziemi Chełmskiej 1648–1717 / R. Kozyrski. – Lublin, 2006.
13. Majewski, A. A. Moskwa 1617–1618 / A. A. Majewski. – Warszawa, 2006.
14. Prochaska, A. Z dziejów samorządu ziemi chełmskiej / A. Prochaska // Przegląd Historyczny. – T. VI. – 1908.
15. Ternes, J. Sejmik chełmski za Wazów (1587–1668) / J. Ternes. – Lublin, 2004.
16. Tworek, S. Udział szlachty Ziemi Chełmskiej w wydarzeniach politycznych i reformackich w Polsce na przełomie XVI i XVII wieku / S. Tworek // Ziemia Chełmska : materiały z sesji naukowej historyków odbytej w Chełmie 21 czerwca 1959 r. – Lublin, 1961.
17. Wierzbicki, L. A. Senatorowie koronni na sejmach Rzeczypospolitej w XVII wieku / L. A. Wierzbicki. – Warszawa, 2017.
18. Wisner, H. Zygmunt III Waza / H. Wisner. – Wrocław, 2006.
19. Witusik, A. Tomasz Zamoyski a świat turecko-tatarski / A. Witusik // Polska w Europie : studia historyczne ; red. H. Zins. – Lublin, 1968.

Раздел 4

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ: ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 332.135:339.986-035.57(470+571+476)

П. А. Бондаренко (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: «МОЛОЧНЫЕ ВОЙНЫ» РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Союзное государство России и Беларуси предоставило множество направлений для интегративных процессов с ведущей ролью экономики. Однако одно и то же явление не может равносильно сказываться на интересах союзников. В таких условиях, то, что благоприятно сказывается относительно одной стороны, наносит ущерб другой, вынуждая последнюю принимать ряд мер, ограничивающих влияние первой. Эта проблема широко представлена в серии конфликтов, называемых «молочными войнами», направленных на защиту внутренних рынков и предотвращения экономической интеграции.

Экономическая интеграция России и Беларуси – сложный и разноплановый процесс, происходящий в рамках такого образования, как Союзное государство, предоставляющий возможность интегрирования на разных уровнях и направлениях. Любой союз предполагает вступление на равных условиях и защиту сугубо своих интересов. Следовательно, можно говорить о наличии положительных и отрицательных аспектов, работающих в ту или иную сторону. Таким разносторонним аспектом можно считать экономическое интегрирование в сфере торговли. Этому способствовали череда соглашений и договоров, направленных на упрощение и увеличение доходов в процессе взаимодействия. Одно из таких соглашений было подписано в 1992 г., предполагавшее образование зоны свободной торговли, включавшее осуществление в согласованный срок полной отмены ограничений на взаимное передвижение промышленных товаров при сохранении национального внешнеторгового режима в отношении третьих стран. Следующим важным шагом было подписание Таможенного союза в 1996 г. Таможенная политика направлена на тесное взаимодействие двух государств в отношении использования инструментов таможенного контроля и регулирования товарообмена на территории Таможенного союза, участие в решении торгово-политических задач по защите Таможенного союза, стимулирование национальных экономик, обеспечение равных условий производителям продукции, создание единого механизма организационно-правового экономического сотрудничества в рамках Таможенного союза.

Все это способствовало продвижению товаров белорусского производства на российские рынки. На белорусскую экономику такая ситуация влияла благоприятно, но не на российскую. В таких условиях начала стремительно расти конкуренция белорусских и российских товаров на российском рынке, что вызвало череду причин для принятия должных мер. В данном случае Россия вынуждена была провести мероприятия по защите своего внутреннего рынка.

Рассмотреть проблему такого типа позволяет противостояние в сфере мясомолочной продукции. «Молочные войны» (молочные конфликты) – серия обострений отношений в сфере экономики между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в связи с поставкой молочных продуктов белорусского производства на российский рынок. С точки зрения геополитики, «молочная война» – это информационная война как одно из направлений применения политики «мягкой» силы. Она осуществляется путем внедрения ложных сведений с целью достижения информационного превосходства одной стороны и сокращения влияний другой.

Основные причины, препятствовавшие ввозу молочной продукции белорусского производства на российские рынки: 1) несоответствие в оформлении документов по российскому техническому регламенту от 2008 г.; 2) качество и наличие надлежащих санитарных норм; 3) проблема цен на поставку молока (белорусское молоко поставлялось в Россию по слишком низким ценам. Таким образом, покупатели предпочитали именно белорусскую продукцию, а отечественная не пользовалась спросом.

Выделяют несколько молочных конфликтов. Началом первой «молочной войны» считается дата 6 июня 2009 г., когда главой Роспотребнадзора было объявлено о запрете поставок более 500 видов белорусской молочной продукции. Белорусские производители объясняют это тем, что Россия, неспособная обеспечить свой рынок молоком высокого качества, в качестве защиты собственных производителей время от времени проводит санкционированную политику в отношении импортированных товаров [4].

Безусловно, такие меры отрицательно сказывались как на белорусской экономике, так и на российской: не последует ли за этим рост цен на молоко для российских потребителей? Ведь был дан зеленый свет белорусской молочной продукции Правительством России более года назад в попытке сдержать цены на социально значимые товары [4].

Официальный Минск считал, что запретительные меры – «чисто технический момент», так как на переговорах в Москве было объявлено, что белорусская продукция, поставляемая на российский рынок, практически вся прошла перерегистрацию [4]. На заседании Правительства Российской Федерации заявили, что с Минском найдены новые точки соприкосновения. Как следствие этого, Республика Беларусь отказалась от поставок молочной продукции на территорию Российской Федерации на два квартала, предоставив возможность российским производителям по приемлемым ценам поставлять свою продукцию на российский рынок.

Следующая «молочная война» приходится на 2016–2017 гг. Россельхознадзор с 26 февраля 2016 г. ввел ограничения на поставки в Россию белорусского молока и сливок (пастеризованных, сухих, консервированных и сгущенных), плюс молочной сыворотки в разных видах. Решение было принято по итогам совещания о необходимости принятия мер в связи с продолжающимся поступлением небезопасной молочной продукции из Республики Беларусь на российский рынок. Конкретных причин ведомство не называет. Обе стороны

готовы к консультациям [3]. Особенно острая проблема сложилась по сухому молоку. Белорусские товары стали доминировать на российском рынке сухого молока благодаря низким ценам. По заявлению Айрата Хайруллина, заместителя руководителя аграрного думского комитета, Беларусь поставляет сухое молоко с доставкой по 100 руб. за кг, в пересчете на молоко – 11 руб. за л. Таких цен нет нигде в мире. В России же, по его словам, полностью все затраты на производство молока с учетом обслуживания кредитов составляют 24–28 руб. за л молока: 11–13 руб. – расходы на корм, электричество, зарплату, плюс еще 12–13 руб. – расходы на покупку коров, строительство ферм, кредиты. По данным ЦИМР, доля в поставках на российский рынок сухого обезжиренного молока (СОМ), сухого цельного молока (СЦМ) и сухой сыворотки в последние два года составляет более 80 % [3].

Благодаря государственной поддержке в 2016–2017 гг. российская молочная отрасль впервые за 12–13 лет стала привлекательной для вложения инвестиций: в производство молока стали вкладывать деньги, строить комплексы, закупать стада, что и увеличило себестоимость производства.

Снижение поставок белорусского сухого молока в 2017 г., способствовало увеличению производства сухого молока российскими производителями. В итоге на рынке образовались излишки, а исчезновение конкуренции со стороны белорусских товаров поможет снять излишки молока с рынка. Следовательно, это должно привести к росту цены на сырое молоко, от чего выиграют и российские производители, и российские переработчики. В 2017 г. в России произведено 31,1 млн т сырого молока, что на 1,2 % больше, чем годом ранее. По итогам 2017 г. экспорт белорусской молочной продукции в Россию составил 3,86 млрд долларов. В стоимостном выражении на нее приходится около 15 % всего объема белорусского экспорта в Российскую Федерацию. Зависимость России от импорта молочной продукции из Беларуси не является критической. В течение 2–3 лет российские производители вполне способны не только полностью обеспечить внутренние потребности, но и выйти с излишками на экспорт, как это уже случилось с другими видами сельхозпродукции, которые Россия ранее импортировала [1].

В очередной раз отношения на молочном фронте обострились в начале 2018 г. Москва заявила о намерении ограничить ввоз отдельных видов молочной продукции с 26 февраля. Однако сначала этот срок перенесли, а затем от введения ограничений отказались вовсе [2].

Интеграционная экономическая политика благоприятно сказывалась для белорусской стороны, позволявшая беспрепятственное проникновение товаров белорусского производства на российские рынки. Это, в свою очередь, негативно отразилось на экономике России. Набирающая рост конкуренция товаров из Беларуси вынудила Россию принять ряд протекционистских мер, чтобы поддержать национального производителя, время от времени вводя продовольственное эмбарго, тем самым препятствуя расширению экономической экспансии белорусских товаров на российских рынках.

Список использованной литературы

1. Болкунец, Д. Как прекратить российско-белорусские молочные войны [Электронный ресурс] / Д. Болкунец. – Режим доступа: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/03/13/kak-prekratit-rossiysko-belorusskie-molochnye-voynu>. – Дата доступа: 22.03.2019.
2. Лойко, О. Молочная война закончена, до мира далеко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/596800.html?crnd=15266>. – Дата доступа: 22.03.2019.
3. Мартынович, А. Кто стоит за очередной молочной войной между Москвой и Минском? [Электронный ресурс] / А. Мартынович. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20180302/1519969636>. – Дата доступа: 22.03.2019.
4. «Молочная» война России и Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trade.ecoaccord.org/news/eecsa/2009/0605.htm>. – Дата доступа: 22.03.2019.

УДК 316.723-053.81(520+519.5):316.728-053.81(476)

А. Л. Веремеюк (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. Ю. Занько, старший преподаватель

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ НА СОВРЕМЕННУЮ МОЛОДЕЖЬ БЕЛАРУСИ

Используя методы эмпирического исследования, в статье описываются наиболее значимые события и мероприятия, повлиявшие на развитие влияния японской и южнокорейской массовой культуры на граждан Республики Беларусь и молодежь в частности. Особое внимание уделяется анализу анкетирования, проводимого в свободном доступе в Сети. Результаты исследования отражены в работе.

Влияние южнокорейской и японской массовой культуры как вместе, так и по отдельности на современное общество Беларуси (и молодежь в частности) на научном исследовательском уровне не имеет на сегодняшний день развернутых исследований. Возник вопрос о сборе эмпирических данных, в результате чего в 2017 г. было проведено онлайн-анкетирование среди белорусской молодежи. Результаты данного исследования были отражены в сборнике материалов научно-практической конференции «Беларусь и славянский мир в интеллектуальном контексте времени» 15 марта 2018 г. Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие результаты исследования (в исследовании приняло участие 417 человек):

1. Влияние южнокорейской и японской культур на белорусское общество (и молодежь в частности) весьма обширно. Исходя из опроса, проведенного в сети Интернет, можно сделать вывод о преобладании в значительной степени влияния японской массовой культуры. Южнокорейская массовая культура в основном оказалась более ориентирована на музыку, в частности на жанр k-pop – жанр, возникший в Южной Корее и вобравший в себя элементы западного «электропопа», «хип-хопа», танцевальной музыки и современного «ритм-н-блюза».

2. Город, в силу большого скопления населения, имеет более выраженное влияние массовой культуры. В городах преобладают крупные молодежные объединения по интересам, а в крупных областных центрах и столице проходят различные фестивали, посвященные восточноазиатской культуре. Например, фестивали «Хиган» и «Аматэрасу», которые сумели объединить всех поклонников направления современной восточноазиатской культуры, ежегодно проходят в Минске [8]. В других городах республики проходят собрания молодежных объединений по интересам. Например, в 2012–2013 гг. в Бресте существовало молодежное неформальное объединение «АниБклуб».

3. На формирование влияния японской массовой культуры на молодежь Беларуси также сказалась трансляция аниме (японской анимации) по телеканалам «2x2», «Jetix» и др. [4]. 4 % респондентов отдали свой голос за просмотр аниме по телевидению. Другая часть опрошенных в количестве 5,5 % в варианте «другое» ответила, что они смотрели аниме по телевизору, а с закрытием телеканала «Jetix» и появлением сети Интернет начала смотреть его уже в Сети.

Кинотеатры Республики Беларусь не демонстрируют аниме, исключение составил в 2015 г. полнометражный аниме-фильм «Наруто: Последний фильм», снятый по одноименному аниме. Минские кинотеатры проводят сеансы аниме-фильмов, как правило, по заказу организаторов фестивалей восточноазиатской культуры [5].

4. Под воздействием японской массовой культуры и аниме, в частности, у молодежи возникает интерес к культуре Японии, а также к японскому языку. 53 % респондентов указали, что они интересуются языком Южной Кореи и/или Японии, 12 % опрошенных выбрали вариант «другое», вписав туда архитектуру, боевые искусства, мифологию, национальную кухню и др. Все вышперечисленное является неотъемлемой частью среднестатистического аниме, так как данные понятия входят в повседневную и культурную жизнь японцев, по сюжетам которых снимается японская анимация.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Японская массовая культура имеет более значимое влияние на современную молодежь Республики Беларусь, чем южнокорейская массовая культура.

2. Массовая культура Южной Кореи держит свои позиции влияния в музыкальных жанрах (к-поп), а также сериалах корейского производства – дорамах.

3. Влияние Японской массовой культуры распространяется в основном через аниме и мангу, которые оказали значительное воздействие в организации фестивалей и сообществ по интересам в различных городах Беларуси.

4. У любителей аниме-культуры можно выявить стремление к саморазвитию, путем изучения японского языка и японской культуры. Аналогичная ситуация с южнокорейским жанром (к-поп), вызывающим интерес к изучению корейского языка.

В 2019 г. получены новые результаты исследования. Было произведено онлайн-анкетирование среди молодежи Республики Беларусь, в котором приняло участие 709 человек (по состоянию на 21.03.2019 г.).

Исходя из анализа, необходимо отметить, что преобладающее большинство опрошенных – это представители женского пола в возрасте от 19 до 20 лет, которые проживают в городах и обучаются в вузах республики. Также высокие показатели набрали ответы с вариантами «17–18 лет» и «21–23 года». Из 100 % опрошенных 88,9 % респондентов составляют представители женского пола.

Таким образом, необходимо отметить наличие гендерно-психологического фактора:

1. Женщины более отзывчивы и чаще откликаются на опросы подобного рода в сети Интернет.

2. Женщин больше затрагивает исследуемая тема, чем мужчин, даже если они не являются поклонниками азиатской массовой культуры.

3. Онлайн анкетирование было размещено именно на тех ресурсах сети Интернет, которые более популярны у женщин, чем у мужчин.

Вышеперечисленное может свидетельствовать о том, что женщинам более интересна культура Южной Кореи и Японии. Эти выводы можно проверить только путем повторного опроса, что в данный момент не представляется возможным.

Как уже отмечалось, 89 % опрошенных респондентов проживают в городах. В отличие от поселков городского типа и сельских населенных пунктов, города подвергаются более выраженному влиянию массовых культур.

Исходя из исследования 2019 г., можно привести ряд нововыявленных факторов влияния массовой культуры Южной Кореи и Японии на современную молодежь Беларуси, среди которых особое место занимают аниме-фестивали – общее название для события, заключающегося в сборе людей, объединенных любовью к японской культуре с упором на увлечение мангой и аниме.

Фестиваль «Хиган» берет свое начало в 2008 г. За 11 лет своего существования ежегодный белорусский фестиваль любителей аниме и современной восточноазиатской культуры стал серьезным массовым мероприятием, которое требует от организаторов ответственного подхода и глубоких профессиональных знаний [8]. В переводе с японского «Хиган» означает «равноденствие», астрономическую смену двух сезонов (лета и осени), а аллегорически – смену традиционной и современной культур.

Концепция фестиваля – дать молодежи возможность реализовать себя, развить свой творческий потенциал. В рамках фестиваля проходят мероприятия, направленные на более глубокое знакомство зрителя с современной (популярной) культурой Японии.

Фестиваль «Аматэрасу» начал свою деятельность в 2011 г. и занимает лидирующие позиции среди фестивалей в Беларуси [7]. На этом фестивале проходят тематические дефиле (демонстрация тематических костюмов маннекенчиками в процессе их движения по подиуму) по аниме и компьютерным играм, танцевальные постановки, караоке, фотокосплей (фото в тематических

костюмах) и косплей-сценки (короткое театральное представление в костюмах по мотивам определенного сюжета аниме, комиксов, игры и т. д.) [1].

Рассмотрим более подробно одно из молодежных объединений по интересам на примере города Бреста и деятельности неформального молодежного объединения «АниБклуб». Официальное сообщество клуба в социальной сети «ВКонтакте» насчитывало более 300 человек, при том что данная группа была закрыта от посторонних пользователей.

Исходя из интервью с одной из бывших руководителей-кураторов этого сообщества Ольгой Калитой, можно выделить основные направления влияния на жизнедеятельность и мировоззрение современной молодежи. Как и у любой субкультуры, целью этого сообщества было собрать вместе людей определенного круга интересов. В первую очередь это Япония и ее культура, аниме, манга, косплей и др. Целевыми приоритетами были знакомство и общение людей, совместное времяпрепровождение. «Мы собирались вместе, играли в игры, пели песни, читали стихи, рисовали. Иногда организовывали совместные праздники, такие как Хэллоуин. Одним словом – у нас было очень весело», – отмечает Ольга. Было проведено несколько массовых мероприятий, посвященных косплею (так называемые в этом кругу косплей-сходки). Организовывались совместные поездки в Минск с целью выступления на фестивалях, посвященных японской культуре и анимации, таких как «Хиган» и «Аматэрасу». Так, например, третья косплей-сходка была самой масштабной в истории клуба и прошла она в августе 2012 г. На нее собралось около сотни молодых людей из Бреста и даже из других городов Беларуси.

Что касается занятости, то 46 % респондентов онлайн анкетирования ответили, что они обучаются в вузе. Как правило, в высших и средних специальных учебных заведениях легче находить людей по интересам, чем в школах, где существует возрастной барьер в общении учащихся разных классов, при условии, что ровесников значительно меньше, чем в вузах и ссузах. К тому же делиться и пропагандировать свои интересы среди ровесников значительно легче, чем среди людей других возрастов.

Также стоит упомянуть и о сети Интернет, где каждый персонально для себя может находить нужную информацию, а также вступать в различные сообщества по интересам в социальных сетях.

В одной только социальной сети «ВКонтакте» по запросу «аниме» в разделе «сообщества» в топ-10 входят группы, содержащие в среднем 200 000 участников каждая.

Было взято интервью у администратора одного из самых первых тематических аниме-сообществ, появившихся в сети «ВКонтакте», – «Кампай – Анимешники Беларуси» Антона Ульянова, 1983 г. р. и проживающим в г. Минске. Исходя из записей участников, самая первая деятельность именно аниме-движения данного сообщества начиналась еще в 2003 г., однако в то время официального объединения еще не существовало. Со слов администратора по деятельности сообщества: «Сообщество «Кампай – Анимешники Беларуси» по данной тематике у меня единственное. Касательно нашей

деятельности в сети Интернет, то оно создавалось в 2008 г. как площадка для общения в сети «ВКонтакте», так как форумная активность медленно, но верно «умирала». Со временем я начал добавлять других администраторов для расширения возможностей и реализации идеи. Самая большая проблема сообщества – это минимальная активность подписчиков. Члены сообщества не привыкли создавать что-то новое или стремиться к общению, а скорее наоборот – привыкли потреблять. Даже на различные розыгрыши активность была низкая, учитывая большое количество подписчиков. Считаю, что это печально, особенно сравнивая с другими тематическими сообществами».

Администратор другого сообщества в той же сети «ВКонтакте» Сергей Заворошкин занимается сбором новостей и событий о взаимоотношениях Республики Беларусь и Японии. Из интервью с Сергеем: «Проживаю в Минске, 1986 года рождения. В настоящее время администрирую группу в «ВКонтакте» «Япония и Беларусь. Новости и мероприятия». В апреле 2019 г. группе исполнится три года. Группа создавалась и поддерживается в одиночку. Однажды я обратил внимание на то, что существует много каналов, связанных с японской субкультурой, но совершенно упускающих другой, более глубокий пласт отношений, а именно – взаимоотношения самих стран – Японии и Беларуси. Информация была разбросана по многочисленным порталам, и часто я узнавал об интересных мероприятиях только постфактум, т. е. когда они уже прошли. Создавая портал, я надеялся собрать людей, которым также интересна эта тема. Сейчас у группы в основном информационный характер. В будущем я надеюсь на активизацию сообщества, обсуждение прошедших и предстоящих мероприятий. Возможно, само сообщество сможет когда-нибудь не только отражать события, но и создавать их. В будущем хотелось бы развить тему основной группы и добавить сюда подписчиков из других стран, как например Корея и Китай, отразив тем самым вовлеченность нашей страны в глобальные процессы».

Также удалось взять интервью у директора студии дополнительного образования «LILA'S STUDIO», находящейся в г. Гомеле, Лилии Паремской, 1986 г. р. Лилия причисляет себя к аниме-культуре, посещает мероприятия, связанные с культурой Японии и Южной Кореи, а также считает, что данные увлечения помогли ей определиться с целью в жизни: «К проявлению Южнокорейской и Японской массовых культур на телевидении, в сети Интернет и в окружающей жизни я отношусь хорошо. Мне нравится, как это все преподносят. Я считаю, что это очень увлекательный вид современного искусства, который нужно развивать в нашей стране. В моей студии год назад открылась школа обучения рисованию манги и аниме. В октябре 2018 г. была организована выставка графических работ молодых художников г. Гомеля – «ANIME STYLE»».

Одной из участниц данной выставки стала Дарья Маркелова, 1997 г. р., проживающая в г. Гомель. Дарья не только увлекается рисованием в стилистике аниме, но и решила связать с этим свое будущее: «Пригласила меня поучаствовать в выставке моя подруга, которая там работает, она преподает курс рисования аниме и манги. Сама Лилия большой фанат этого направления,

и основной ее целью было показать, что в нашем городе есть люди, которые не просто увлекаются аниме, но еще и приобрели здесь навыки рисования. Выставка была небольшой, но очень уютной. Была проделана большая работа с реквизитом: моя подруга принесла с собой различный мерчендайз – мангу, артбуки, официальные материалы по созданию аниме, японские журналы по тематике. Был составлен плейлист с AMV (любительские музыкальные видеоклипы), которые показали всю красоту японской анимации на большом экране. Приятно удивило меня то, что эту выставку посетили не только дети с их родителями, но и также на нее организовано пришли группы старшеклассников. Для меня это стало приятным сюрпризом, потому что в мои школьные годы афишировать, что ты смотришь аниме, было для некоторых постыдно. Я рада, что это неприятие стирается и это вселяет надежду на лучшее для тех детей, которые любят мир аниме и манги так же, как полюбила его я. На подобном мероприятии я участвовала впервые. Я подрабатываю, рисуя на заказ, и собираюсь связать свою жизнь с переводом манги с японского, который активно изучаю».

Также в процессе исследования была выявлена весомая доля влияния и распространения современной восточной музыки, творчества корейских исполнителей на молодежь через музыкальные каналы, ведущие свое вещание на территории Беларуси. Наиболее значимым является музыкальный телеканал «Bridge TV» в своем блоке «K-pop Time». Несколько раз в неделю транслирует корейские клипы в отдельной рубрике с двумя ведущими, которые комментируют происходящее и пытаются разобраться в столь сильной популярности жанра k-pop. Ведущие рубрики неоднократно выделяют южнокорейскую группу «BTS» как лидирующую в музыкальных хит-парадах. А 25 января 2019 г. состоялась премьера фильма-концерта группы «BTS» – «Love Yourself Tour In Seoul» (запись концерта из мирового турне южнокорейской группы, который состоялся летом 2018 г. в Сеуле). Концерт транслировался по всему миру и в некоторых городах Беларуси, например в Бресте, на базе кинотеатра «Беларусь» [6]. Николай Дядюк, студент исторического факультета БрГУ имени А. С. Пушкина, поделился своими впечатлениями о прошедшем мероприятии: «Узнал о концерте от сестры. До этого я слабо увлекался прослушиванием корейских исполнителей, иногда смотрел блок «K-pop Time» на музыкальном канале «Bridge TV», но обратил внимание на этот концерт, впервые транслирующийся в нашем городе. Билеты достать удалось с трудом, так как почти все были сразу же раскуплены, а с рук цена была в два раза дороже обычного. Придя на концерт, я обратил внимание, что практически абсолютное большинство зрителей составляли девушки от юного подросткового возраста – до тридцати. Запись концерта транслировалась параллельно в Минске, Москве и Санкт-Петербурге. Как только погасили свет в зале, фанаты начали выкрикивать кричалку на корейском, хотя на экране ничего еще не показывали. Затем был продемонстрирован небольшой промо-ролик, где представляли каждого из участников группы. После чего начался сам концерт. Исполнялись разнообразные песни, от типичных «попсовых» композиций и до лиричных мелодий. Помимо совместных композиций, каждый из участников выступал

соло со своей песней и номером. Это были самые яркие моменты шоу, так как при совместном выступлении невозможно было различить участников по внешности и голосу, а тут можно было спокойно присмотреться к каждому из них. Все номера были красочными: светопредставления, огромное количество пиротехники, танцы, отточенные до идеала, множество различных механизмов и море реквизита. Выглядело все дорого. Когда концерт закончился, многие девушки начали обниматься друг с другом, поздравлять, будто теперь их объединяет нечто большее, чем просто любовь к творчеству «BTS». Потом фанатки решили сделать совместное фото на улице возле кинотеатра. Надеюсь, после такого фурора, подобные фильмы-концерты (не обязательно корейских групп) будут в нашем городе транслироваться чаще».

Таким образом, явно следует, что в последнее время виртуальных и не виртуальных сообществ по интересам, связанных с японской и южно-корейской массовой культурой в Республике Беларусь становится все больше, что может свидетельствовать об усилении культурного влияния этих стран на молодое поколение Беларуси. В крупных городах проходят фестивали и дни кино, что активно пользуется спросом, судя по ажиотажу среди граждан и скорости раскупленных билетов. Увлечение массовой культурой Японии и Южной Кореи все больше входит в жизнь современной молодежи стран СНГ и Беларуси в частности.

Проблематика, поднятая в статье, освещена далеко не полностью и требует дальнейшего всестороннего изучения. Требуется ее более углубленное изучение путем дальнейшего расширенного использования методов эмпирического характера, а также привлечения новых смежных предметов исследования для получения наиболее достоверных результатов.

Список использованной литературы

1. Амаэрасу [Электронный ресурс] // Фестивали Беларуси. – 2016. – Режим доступа: <http://festival.dvizhenie.by/fest/amaterasu>. – Дата доступа: 05.02.2018.
2. Дни Корейского кино [Электронный ресурс] // Кино-Брест. – 2017. – Режим доступа: <http://kinobrest.by/index.php?newsid=1066>. – Дата доступа: 04.03.2018.
3. Дни корейского кино пройдут в Бресте [Электронный ресурс] // БрестСИТИ. Новости. – 2017. – Режим доступа: <http://brestcity.com/blog/dni-korejskogo-kino-vpervye-projdut-v-breste-kinoteatr-belarus>. – Дата доступа: 04.03.2018.
4. Иванов, Б. А. Введение в японскую анимацию / Б. А. Иванов. – М., 2001. – 83 с.
5. Кино. Наруто: Последний фильм [Электронный ресурс] // Relax.by. – 2015. – Режим доступа: <https://afisha.relax.by/kino/10475783-naruto-poslednij-filym/brest>. – Дата доступа: 05.03.2018.
6. Концерт группы BTS в кинотеатрах посмотрели 1,5 тысячи человек [Электронный ресурс] // SPUTNIK. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://higan.org/about-us>. – Дата доступа: 22.03.2019.
7. Лолиты, Локи из Marvel и световой меч: как прошел фестиваль «Амаэрасу» [Электронный ресурс] // bycard.by. – 2015. – Режим доступа: http://www.bycard.by/news/893/festival_amaterasu. – Дата доступа: 05.03.2018.
8. О фестивале «Хиган» [Электронный ресурс] // Higan. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://higan.org/about-us>. – Дата доступа: 05.03.2018.

УДК 004.928:791(476)

Н. О. Дядюк (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – А. Н. Вабищевич, доктор ист. наук, профессор

БЕЛОРУССКАЯ МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО АНИМАЦИОННОГО КИНО

В статье описываются значимые события и тенденции в истории анимационного кино Беларуси, Японии и Соединенных Штатов Америки. Дается характеристика культурных факторов, которые влияли на развитие мультипликации в этих странах. Определяется степень влияния анимационного кино Японии и Соединенных Штатов Америки на отечественную и мировую мультипликацию. Выявляются тенденции и художественные особенности современного белорусского анимационного кино.

Анимационное кино – искусство, являющееся одновременно массовым и элитарным. Оно многоадресное, у него развитая жанровая система. Это искусство влияет на различные типы аудиторий и на все общество. В государствах с наиболее развитым кинопроизводством анимационное кино развивается под влиянием специфических политических, экономических и культурных факторов, и потому культурные традиции этих стран определяют особые средства художественной выразительности, характерные для определенного культурного пространства. К XXI в. бесспорными лидерами в мировой мультипликации стали США и Япония. 80 % всей созданной анимационной продукции приходится именно на эти страны. США и Япония, перед тем как стать монополистами на рынке мультипликации, прошли долгий путь развития длиной в столетие.

Мультипликация США развивалась параллельно с американским игровым кино. В начале XX в. немые короткометражные мультфильмы создавались небольшими командами мультипликаторов-энтузиастов. Однако уже в межвоенный период начала формироваться голливудская студийная система, и крупные студии начали вытеснять более мелкие анимационные объединения мультипликаторов. Одной из таких крупных студий стала компания Уолта Диснея, созданная в 1923 г. Созданные на студии анимационные фильмы сформировали основные тенденции для всей мультипликации США первой половины XX в. Тенденции были следующими:

1. Ведущая роль звука. Вокальные партии и музыкальные номера в мультфильмах привлекали к экранам все больше зрителей. Мюзиклы стали самым популярным жанром не только в мультипликации, но и в кино.

2. Разнообразные техники анимации и спецэффекты. «Дисней» приложила много средств и усилий для создания новых технологий и методов создания анимации. Так, в 1930–1940-е гг. широко использовалась техника ротоскопирования и кукольные спецэффекты для голливудских фильмов.

3. Коммерциализация мультипликации. Параллельно с мультфильмами выходило много дополнительной продукции, например мягкие игрушки с персонажами мультфильма, которые приносили студиям колоссальные деньги. Также в 1955 г. был открыт первый «Диснейленд».

4. Ориентированность на все возрастные группы. Мультфильмы создавались не только для детей, но и для взрослых. Зачастую мультфильмы содержали в себе, помимо гэгов и веселых персонажей, глубокую мораль, философский подтекст и черный юмор, понятный только взрослой аудитории.

Мятежные 1960–1970-е гг. – время глобального изменения в сознании миллионов граждан США понятий «искусство» и «общество», эпоха хиппи и битников нашли свое отражение и в эстетике анимации. Эксперименты Энди Уорхолла, искусство поп-арта; контркультурное течение (представителем которого был скандальный аниматор Ральф Бакши), поднявшее с низов социальной лестницы маргиналов и люмпенов, сексуальные меньшинства и прочее коренным образом повлияло на эстетическое развитие американского искусства на протяжении следующих десятилетий. В анимации это связано прежде всего с пересмотром глобального вопроса о целевой аудитории этого вида кинематографа [2]. Появляются мультфильмы исключительно для взрослой аудитории. Данный период в истории анимации называют «Темный век анимации», и характеризуется он следующими признаками: плохо прорисованная анимация; скудность сюжетов; конвейерное производство; уделяется внимание рейтингу картины, а не ее качеству; популярность взрослых мультфильмов. Ситуация коренным образом изменилась только в 1980-е гг.

В 80–90-е гг. XX в. происходит так называемый «Ренессанс анимации». Мультипликаторы вновь начинают обращаться к классическим сюжетам, сказкам, мифам и легендам. Особо отличилась в эти годы «Дисней», мультфильмы которой стали мировыми хитами («Русалочка», «Аладдин», «Геркулес»). Также на новый, более качественный уровень вышли мультфильмы для взрослой аудитории. Культовыми мультфильмами стали сатирические ситкомы «Симпсоны» и «Южный парк».

Соединенные Штаты с 80-х гг. XX в. захватили кинорынок в области создания мультфильмов и игровых фильмов. Их спецэффекты технически не имеют себе равных. Однако с точки зрения наследования культурных традиций практически вся современная американская анимация основывается преимущественно на смеховой культуре, гэгах, шутках и комиксах. В каждом мультфильме звучит сленг, четко ощутима приверженность к определенному модному стилю в одежде и поведении. Если ранее, в 30-е гг. XX ст., во времена Уолта Диснея, в анимации больше всего уделялось внимание действию, происходящему на экране, а речь героев, их диалоги, реплики должны были цениться на вес золота, то в современной ситуации все изменилось: большой объем монологов и диалогов постепенно вытесняет зрелищность. Современная американская анимация в основном рассчитана на массовую зрительскую аудиторию и носит в целом развлекательный характер.

Что касается Японии, то история японской мультипликации («аниме») тесно связана с историей японских комиксов («манга»), которые корнями уходят в изобразительное искусство Японии.

Мультипликация в Японии начала активно разрабатываться в 20-е гг. XX в. Это были немые мультфильмы, созданные в домашних студиях одним

человеком (реже командой художников). Немые мультфильмы того времени показывали в сопровождении бэнси, ораторов, поясняющих события, которые происходили на экране, т. е. повествование лишь частично содержалось внутри самой пленки. Другими словами, при отсутствии какой-либо другой контекстной информации не всегда можно было понять историю только через показанные на экране визуальные образы [7].

Стилистически японские анимационные фильмы походили на диснеевские мультфильмы 1930-х гг. Однако во время Второй мировой войны и в первые послевоенные десятилетия заметен отход от западной стилистики.

1958 г. считается отправной точкой аниме как самостоятельного направления в мультипликации. Было видно, что японская анимация движется по иному пути. Сказывались совершенно иные культурные традиции, графика, сюжеты. В отличие от американской анимации, в аниме не чувствовалось сильное влияние мюзиклов, фильмы были существенно серьезнее, а сюжеты – драматичнее [3, с. 35]. В конце 1960-х гг. было сформировано большинство жанров аниме. Появилось четкое разделение аниме по половому, а позже и возрастному признаку. Многие классики японской мультипликации начали свою карьеру именно в этот период.

Аниме 1970-х гг. было технически и эстетически совершеннее, чем аниме 1960-х гг. [3, с. 64]. Значительно расширились жанровые рамки, создавая дополнительное пространство для проявления творческих возможностей создателей аниме. Уже к началу 1990-х гг. становилось понятно, что ничего аналогичного по масштабности и разнообразию жанров в истории анимации не было. Буддийские и философские притчи, социальные драмы и хорроры спокойно уживались с развлекательными мультфильмами про девочек-волшебниц и боевых роботов.

Анимация Японии вышла за пределы анимационного искусства. Она стала одной из главных сфер японской культуры. Анимационные образы сегодня насыщают телевизионную рекламу. Персонажи из аниме материализуются в игрушках и другом мерчандайзинге, продолжают свою жизнь в комиксах и литературе, в играх как традиционных, так и компьютерных.

Японская мультипликация – одна из самых быстрорастущих отраслей мировой анимации. В связи с процессами глобализации, аниме, рассчитанное не только на детей, но и на взрослых, имеет на данный момент высокую популярность во всем мире.

В свою очередь, белорусское анимационное кино не могло развиваться обособленно от мирового кинопроцесса, и каждая из двух вышеназванных стран, а также советская и российская мультипликации, так или иначе оказывала и оказывает воздействие на развитие белорусской национальной мультипликации. Так, влияние России, близкого соседа нашей страны, исторически связанного с Беларусью славянскими корнями, ощутимо при выборе отечественными художниками-аниматорами тематики своих произведений. При создании сюжетов и облика персонажей мультипликационных картин художники вдохновляются народными сказками, фольклором, славянской мифологией рассказами и повестями

белорусских и русских писателей. Влияние США проявляется в использовании авторами белорусских анимационных лент передовых технологий для создания необычных и оригинальных художественных образов. Япония, страна с тысячелетними национальными традициями, религией и укладом жизни, который, так или иначе, присутствует во всех японских аниме, оказывает влияние на философию авторской белорусской анимации, обуславливая создание в ней поэтического образа родной земли, стимулируя обращение художников-аниматоров к собственным национальным традициям, религии или мифологии. Вместе с тем белорусская анимация имеет и свои неповторимые художественные особенности. Они проявляются при экранизации произведений национального фольклора и славянских мифов с их колоритными народными персонажами [1]. Ощущается внимание авторов отечественных анимационных фильмов к менталитету белорусского народа и выявлению психологического склада национального характера, в глубоком уважении авторов мультипликационных фильмов к национальному культурному наследию, памятникам истории и архитектуры, а также в трепетном отношении к родной природе. Примерами современных белорусских мультфильмов, обращающихся к истории, культуре и религии нашей страны, можно назвать «Марк Шагал. Начало» Елены Петкевич, о жизни великого художника Марка Шагала в Витебске до переезда в Петербург; сериал «Аповесць мінулых гадоў», про возникновение гербов белорусских городов [5]; «Беларускія прымаўкі» Михаила Трумеля, о белорусских поговорках; «Старинная повесть о жизни и смерти и любви и прочих чудесах» Ирины Кодюковой, о житии православных святых Петра и Февронии [6]. Авторское белорусское анимационное кино известно не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами.

Собственно, международные фестивали – единственный способ для аниматоров популяризировать белорусскую мультипликацию и наладить творческие контакты с зарубежными кинопроизводителями. В отличие от США, где бюджет одного мультфильма может достигать 200 млн долларов, а затраты на рекламу почти идентичны бюджетам, белорусские мультфильмы создаются небольшими коллективами за небольшие деньги и показываются в кино или на телевидении крайне редко. В Японии находятся десятки анимационных студий, выпускающих сотни произведений в год. В Беларуси же единственной крупной студией, выпускающей мультфильмы, является «Беларусьфильм». В таких условиях нашей стране сложно конкурировать с американскими и японскими анимационными работами.

Белорусское национальное анимационное кино – многожанровое, рассчитанное и на детскую, и на взрослую зрительскую аудиторию, способное удовлетворить вкусы как элитарной, так и массовой публики. Белорусская анимация обладает высоким художественным потенциалом благодаря традиционно существующему в нашей стране авторскому подходу к созданию мультипликационных лент [4]. Именно в авторском кино у белорусских мультфильмов наибольшие шансы проявить себя. Практически каждый именитый отечественный режиссер-аниматор завоевывал многочисленные дипломы, награды и призы на международных и республиканских фестивалях и конкурсах.

Список использованной литературы

1. Васильева, С. Белорусская анимация: достучаться до проката [Электронный ресурс] / С. Васильева // Газета «Витебский Курьер». – Режим доступа: <https://vkurier.by/76170>. – Дата доступа: 20.03.2019.
2. Гаврилов, А. Ральф Бакши как представитель контркультуры в анимации США [Электронный ресурс] / А. Гаврилов // ProfiCinema. – Режим доступа: <http://www.proficinema.ru/questions-problems/articles/detail.php?ID=69960>. – Дата доступа: 24.03.2019.
3. Иванов, Б. А. Введение в японскую анимацию / Б. А. Иванов. – 2-е изд. – М. : Фонд развития кинематографии ; РОФ «Эйзенштейн. центр исслед. кинокультуры», 2001. – 396 с.
4. Кулягин, С. Белорусская анимация занимает высокие позиции в мировом рейтинге – Волчек [Электронный ресурс] / С. Кулягин // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://belta.by/culture/view>. – Дата доступа: 19.03.2019.
5. Саруханова, О. Маша, Ежик и Смешарики – суперхиты с мировой славой [Электронный ресурс] / О. Саруханова // Союзное Вече. – Режим доступа: <https://www.souzveche.ru/articles/culture/34499/>. – Дата доступа: 22.03.2019.
6. «Старинная повесть о жизни, любви и прочих чудесах», режиссер Ирина Кодюкова [Электронный ресурс] / Кинофестиваль Покров // YouTube: видеохостинг. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WxwK8-FgKIo>. – Дата доступа: 21.03.2019.
7. Pioneers of Japanese Animation at PIFan – Part 1[Electronic resource] / by Jasper Sharp // Midnight Eye: Visions of Japanese cinema. – Mode of access: <http://www.midnighteye.com/features/pioneers-of-japanese-animation-at-pifan-part-1/>. – Date of access: 20.03.2019.

УДК 371

С. А. Жук (Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. И. Пашкович, канд. ист. наук, доцент

РАБОТА С ОДАРЕННЫМИ УЧАЩИМИСЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАБр)

В статье рассматриваются институциональные трансформации организации работы с интеллектуально одаренными учащимися, произошедшие в условиях становления национального суверенитета и оформления национальной школы работы с одаренными учащимися. Разработана модель организации работы с интеллектуально одаренными учащимися, включающая четыре структурные элемента: теоретический блок, аналитико-управленческий блок, прогностический блок, управленческий блок. На основе архивных источников выявлены три модели институционализации работы с одаренными учащимися: создание системы уровневой дифференциации, индивидуальная работа с одаренными учащимися, создание специализированных учебных заведений.

Современные процессы, имеющие как геополитическую природу, так и процессы, происходящие в системе образования, характеризуются все более увеличивающейся интенсивностью и конкурентностью, что, в свою очередь, требует максимально эффективного управления, не является и исключением работа с одаренными учащимися. Поэтому важным является изучение и осмысление становления системы работы с одаренными учащимися в Республике Беларусь. Изучение периода ее формирования, когда в большинстве случаев методом проб и ошибок определялись оптимальные пути развития творческого потенциала одаренных учащихся, дает нам возможность на современном этапе не только учитывать ошибки прошлого, но и определять «зоны уязвимости» и «зоны стабильности». Таким образом, представляется правильным определить хронологические рамки исследования конца 1980-х – середины 1990-х гг.

Нами была разработана периодизация организации работы с интеллектуально одаренными учащимися. С учетом рассмотрения проблемы в «геополитическом разрезе» представляется необходимым выделять два периода: начало – середина 1990-х гг., с середины 1990-х гг. А в случае, если предметом исследования выступает система образования или специфика образовательного пространства, то представляется необходимым определить три периода: конец 1980-х – середина 1990-х гг., середина 1990-х гг. – начало 2010-х гг., начало 2010-х гг.

При изучении образовательного пространства невозможно использовать только лишь критерий государственной принадлежности, поэтому нижняя граница изучаемого периода может быть перенесена с начала 1990-х гг. на конец 1980-х гг. Во-первых, в системе образования на рубеже 1980–1990-х гг. произошли значительные изменения, однако не было кардинальной смены педагогических кадров. Архивные данные, например, свидетельствует о том, что педагогический состав большинства школ на протяжении этих лет изменялся незначительно: 1990 г. – на 5 %, 1991 г. – на 8 %, 1992 г. – на 9 %, 1993 – на 6 %. [1, л. 2–15, 18, 47; 2, л. 3, 5, 102; 3, л. 47, 49, 52, 63; 4, л. 106, 108, 131]. Причем изменения в педагогическом составе обусловлены двумя причинами: выходом на пенсию педагогических работников, оттоком из системы образования учителей иностранного языка. [5, л. 7–9, 12]. Данная проблема оказывала также значительное влияние на качество работы с одаренными учащимися в области иностранного языка. Например, в первой половине 1990-х гг. команда Брестской области по иностранным языкам привозила с Республиканской олимпиады не более 5–6 дипломов [5, л. 15]. Во-вторых, в СССР во второй половине 1980-х гг. активизировалась работа с интеллектуально одаренными учащимися. Ключевым в данном контексте является заседание коллегии Госкомитета СССР по народному образованию, посвященное «первоочередным мерам по выявлению и воспитанию особо одаренных учащихся» (7 апреля 1989 г.). Как показывают документы Государственного архива Брестской области (ГАБр), именно на основании решения Коллегии от 7 апреля 1989 г. начинает создаваться система работы с интеллектуально одаренными учащимися. Советская система работы с данной категорией учащихся была очень развита в центральных городах СССР

(создание системы физматшкол, чтение спецкурсов в школах преподавателями вузов), но потенциал «советской провинции» практически не использовался. Однако масштабную программу преобразований на местах, как свидетельствуют документы ГАБр, реализовать не удалось в силу как объективных, так и субъективных причин.

Таким образом, формирование системы работы с одаренными учащимися хронологически совпало с процессом формирования национальной системы образования, поэтому целесообразно относить начало становления национальной системы работы с интеллектуально одаренными учащимися к концу 1980-х гг. Рассмотрим основные направления формирования системы работы с одаренными учащимися. Рассмотрение документов предыдущего периода (начало – середина 1980-х гг.) позволяет сделать вывод о том, что работа с интеллектуально одаренными учащимися велась эпизодически, мероприятия по их выявлению не проводились (не был достигнут такой уровень развития педагогического сообщества, который бы соответствовал уровню развития педагогической и психологической науки). Проблемы организации работы с интеллектуально одаренными учащимися постоянно обсуждались на августовских педагогических конференциях, заседаниях Советов РОНО (с 1993 г. – РОО), коллегии УОБОИСК. К началу 1990-х гг. начала формироваться структура модели организации работы с интеллектуально одаренными учащимися, которая может быть представлена в виде следующей модели (рисунок).

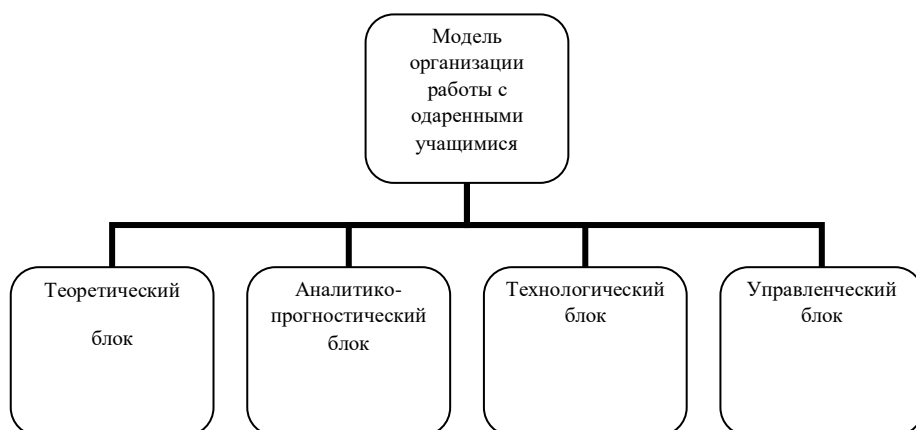

Рисунок – Модель работы с одаренными учащимися

Теоретический блок модели включает теоретические сведения, необходимые для организации работы с одаренными учащимися, в рамках данного блока определяются цели и задачи системы работы, а также определяются ее принципы. Аналитико-прогностический блок включает диагностику и анализ работы с одаренными учащимися, планирование и прогнозирование работы, анализ результатов и их последующая коррекция. Технологический блок говорит о необходимости учета природных задатков, интересов личности одаренного ребенка, педагогических возможностей системы образования, выбор оптимальных видов содержания деятельности, адекватного

потребностям одаренных учащихся. И, наконец, управленческий блок, требующий интеграции всех блоков в систему. И только согласованная работа всех этих направлений модели работы с одаренными учащимися позволяет говорить об эффективности самой модели. Вместе с тем даже если один из элементов системы будет работать несогласованно с другими или находится на более низкой точке роста, то уровень энтропии в системе будет возрастать.

В первой половине 1990-х гг. формированию системы препятствовали следующие факторы: недостаточность вкладываемых в систему материальных ресурсов, неподготовленность педагогических работников к работе с интеллектуально одаренными учащимися. Например, многие учителя высказывали сомнения в необходимости ведения специальной работы с одаренными учащимися (по их мнению, обычной урочной и внеклассной работы с ними было бы достаточно) [6, л. 14, 15, 18], ставили под вопрос феномен одаренности [7, л. 64], отдельные учителя вообще считали, что одаренность не следует выявлять и работать с одаренными учащимися, так как «они не такие как все» [7, л. 65]. *Отсутствует широкий опыт организации работы с интеллектуально одаренными учащимися, слабость административно-управленческих кадров*, которые продолжали принимать решения, руководствуясь принципами, принятыми в рамках советской парадигмы. Например, в ряде районов саботировалась программа перевода делопроизводства на белорусский язык [8, л. 36, 39].

Однако, несмотря на сложности, в первой половине 1990-х гг. системой образования начала формироваться национальная система работы с интеллектуально одаренными учащимися. Это был путь, по которому шли методом проб и ошибок, конечной целью которого является создание эффективной модели подготовки и рекрутирования в национальную элиту. Можно выделить три основные модели организации работы с одаренными учащимися, которые с начала 1990-х гг. сформировались в Республике Беларусь: 1) *Создание системы уровневой дифференциации*: базовый уровень → повышенный уровень → углубленный уровень; создание сети факультативов и объединений по интересам в рамках школы. 2) *Создание специализированных учебных заведений*, т. н. «учебных заведений нового типа» (данный термин в документах делопроизводства конца 1980-х – начала 2000-х гг. обозначает гимназические и лицейские классы, лицеи и гимназии). 3) *Индивидуальная работа с одаренными учащимися* через внеклассную и внешкольную деятельность, индивидуальное консультирование в рамках стимулирующих занятий и во внеучебное время. Формирование индивидуальной траектории развития интеллектуально одаренного учащегося с учетом его склонностей.

Первая модель – создание системы уровневой дифференциации – предполагает выбор оптимального для учащегося уровня изучения того или иного предмета. В контексте работы с интеллектуально одаренными учащимися данный подход оптимален в случае наличия не только одаренных учащихся к какой-либо области, но и учащихся, которым эта проблематика интересна. В Республике Беларусь апробация данного методологического принципа к организации

образовательного процесса относится к 1989/1990 гг. в Первоймайском районе г. Минска, а с 1990/1991 г. в рамках республиканского эксперимента в Брестском районе (впервые в сельской местности) [9, л. 41, 43, 89]. Таким образом, определенная база для совершенствования работы с одаренными учащимися все же имелась, учитывая, что основная цель работы с интеллектуально одаренными учащимися – «научить учиться». Причем представляется возможным ее осуществлять в рамках восхождения от простых к сложным моделям восприятия учебного материала: знаниевая (в фокусе познавательной деятельности объективные знания, которые являются целью обучения) → деятельностная (соответственно способы деятельности) → проблемно-творческая (соответственно некоторые проблемы, которые необходимо решить через призму учебного творчества) → личностно-смысловая (соответственно личностные смыслы) [10, с. 26–32]. Таким образом, путь организации работы с одаренными учащимися через дифференциацию в условиях средней школы как в городе, так и в сельской местности является возможным. Основным критерием успешности этого пути являются конкретные результаты: успехи в различных мероприятиях, посвященных выявлению и реализации потенциала одаренных учащихся: олимпиады, научно-исследовательские мероприятия и т. д. Приведем в качестве примера результаты (количество дипломов) участия ряда школьных команд Брестской области в областных олимпиадах (таблица 1) [11, л. 85].

Таблица 1 – Результаты участия команд Брестской области в областных олимпиадах

Район	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	Всего
Барановичский	1	2	–	–	1	2	1	7
Березовский	2	3	3	2	2	1	5	18
Брестский	2	2	3	4	5	4	5	25
Ганцевичский	–	1	2	1	–	1	–	5
Ленинский район г. Бреста	5	19	24	24	24	22	25	143
Московский район г. Бреста	6	15	15	35	24	24	26	145
г. Барановичи	9	12	21	16	16	20	20	114
г. Кобрин	4	5	2	2	3	2	2	20
г. Пинск	13	13	10	13	10	10	10	79

Таким образом, система дифференциации в Брестском районе позволила несколько улучшить результаты участия в областных олимпиадах. Показательны результаты команд городов и районов Брестской области, которые завоевывали дипломов в несколько раз больше остальных команд. Такая ситуация закономерна в силу ряда причин, которые во второй половине 1990-х – конце 2010-х гг. будут только усиливаться, несмотря на государственную поддержку в сохранении и возрождении села и может быть выражена в категориях социальной философии окончанием формирования в Беларуси *industrial society* в рамках парадигмы *soviet modernity* и деформации общества под воздействием модернизационных и вестернизационных процессов, конечной целью которых является формирование

information society. Выражаясь иными категориями, формирование *urban civilization*, в которой ведущая роль принадлежит *super city*, на материально-техническом и идейном уровне практически неизбежно приводит к деградации элементов *traditional society*. В сфере образования данные тенденции проявляются в неукоснительном уменьшении качественного и количественного состава сельского населения, нежелании педагогических работников работать в сельской местности и др. Вместе с тем ряд данных позволяет говорить, что за последние 10–15 лет возникает интересный феномен усиления эффективности работы в учреждениях образования, находящихся недалеко от крупных административных центров.

Второй моделью организации работы с интеллектуально одаренными учащимися является создание «учебных заведений нового типа»: лицеев и гимназий, лицейских и гимназических классов. Создание последних являлось логическим завершением дифференциации в учреждениях образования в сельской местности или небольших городах, когда создание гимназии или лицея нецелесообразно. Вторым вариантом является создание гимназических классов как основы формирующегося «учебного заведения нового типа». В 1989 г. в Бресте с целью расширения путей индивидуализации обучения, развития творческих способностей учащихся через дифференцированное обучение СШ № 14 г. Бреста была преобразована в экспериментальную площадку по постепенному переходу средней школы в школу-гимназию [13, л. 45, 52]. С 02.08.1989 были открыты три профильных класса: физико-математический, психолого-педагогический, класс гуманитарных наук [14, л. 232–233]. Позднее СШ № 14 была преобразована в гимназию № 2 [15, л. 8].

Изучение процесса создания «учебных заведений нового типа» целесообразно провести на примере лицея № 1 г. Бреста. Лицей был создан в 1991 г. как учебное заведение нового типа, обеспечивающее повышенный уровень общего среднего образования в сочетании с профильной подготовкой учащихся по направлениям и специальностям высшей школы [16, л. 1]. Как свидетельствуют документы, выпускные экзамены в лицее совмещались с вступительными испытаниями в учреждения высшего образования. К 1992 г. действовали следующие профили: физико-математический, химико-биологический, историко-филологический [17, л. 8]. В структуре физико-математического профиля (отделения) был открыт класс менеджеров, профподготовку в котором осуществляли преподаватели кафедры экономики БрИСИ [18, л. 9]. Вместе с тем на историко-филологическом направлении дифференциация интересов учащихся к гуманитарным дисциплинам все более конкретизируется. Работают классы с углубленным изучением истории и русского языка, истории Беларуси и белорусского языка, белорусского и иностранных языков. Уже со второго года существования лицея детально разрабатывается система приема в учебное заведение. В лицей принимались на конкурсной основе учащиеся школ города и области (ежегодно не менее 10–15 человек поступали из учебных заведений области) [19, л. 54], сдавшие вступительный экзамен по профориентации и прошедшие психологическое тестирование через ЭВМ. Хотелось бы отметить, что для учащихся 8-х классов действовали межшкольные факульт-

тативы по 9 профилирующим предметам, которые были подготовительными курсами для поступающих в лицей [16, л. 51]. В 1990-е – середине 2000-х гг. в лицее преподавание велось на 4 уровнях сложности: интегрированный, базовый, повышенный, углубленный. Таким образом, реализовывалось вертикальное дифференцирование. Кроме того, существовали профильные курсы и спецкурсы, которые читались по специализации. В таблице 2 приводим данные по количеству профильных курсов и спецкурсов, читаемых в лицее в 1991–1999 гг. [19, л. 85; 20, л. 4, 8; 21, л. 14].

Таблица 2 – Профильные курсы и спецкурсы в лицее № 1 г. Бреста в 1991–1999 гг.

Год	Читаемые профильные курс и спецкурсы	
	Преподавателями лицея	Преподавателями высших учебных заведений
1991	2	12
1992	2	25
1993	4	24
1994	3	25
1995	3	25
1996	6	28
1997	8	21
1998	12	14
1999	14	25

Особый интерес вызывали курсы истории религии, истории культуры и др. Вместе с курсами учащиеся лицея обязательно изучали два иностранных языка. Интересно был организован школьный компонент, который в почасовом сравнении был в 2,5–3 раза больше этого компонента в средней школе, например преподавался новый предмет «Основы искусств». Практическими результатами работы с интеллектуально одаренными учащимися в лицее является участие в предметных олимпиадах и научно-исследовательская работа учащихся. Учащиеся лицея активно принимали участие в районных, областных и республиканских олимпиадах, а также отбирались на международные олимпиады. В таблице 3 приведем результаты участия в олимпиадах в 1991–1998 гг. [21, л. 14].

Таблица 3 – Результаты учащихся лицея № 1 г. Бреста в предметных олимпиадах в 1991–1998 гг.

Год	Районные		Областные		Республиканские	
	участники	победители, призеры	участники	победители, призеры	участники	победители, призеры
1991/1992	113	72 + 25 п.	50	15+16 п.	11	5
1992/1993	96	83	50	14+16 п.	13	6
1993/1994	91	75	54	16+15 п.	22	2+4 п.
1994/1995	128	63 победы 45 призеров	33	13 побед 20 призеров	19	5 побед 7 призеров
1995/1996	147	78 (53+25)	26	24 (17+7)	26	4 призера
1996/1997	120	51	37	12 побед	13	–
1997/1998	128	47	30	15	16	4

Таким образом, лицей являлся одним из важнейших заведений Брестской области, в котором готовились олимпиадники. Необходимо отметить, что значительные колебания количества дипломов на районных олимпиадах связано с постоянными изменениями в общем количестве участников олимпиад и изменениями в положении о районной олимпиаде. В таблице 4 приведем результаты учащихся лицея № 1 г. Бреста в районных предметных олимпиадах в 1996–1998 гг. (указано количество дипломов, завоеванных на олимпиадах) [22, л. 17, 19, 43, 59].

Таблица 4 – Результаты учащихся лицея № 1 г. Бреста в предметных олимпиадах в 1996–1999-е гг.

Предмет	1996/1997			1997/1998			1998/1999			Всего
	Места									
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	
История	–	–	–	1	1	0	1	1	0	4
Химия	2	2	2	2	2	1	2	2	2	17
География	2	2	2	3	2	0	2	1	0	14
Биология	2	1	2	3	0	1	1	1	0	11
Математика	4	3	3	5	4	3	4	5	1	32
Физика	3	2	2	1	1	1	3	2	2	17
ИВТ	1	0	1	2	0	1	1	0	1	7
Астрономия	1	0	0	0	0	0	1	0	1	3
Русский язык	0	0	0	1	0	1	1	1	1	5
Белорусский язык	3	1	0	2	2	1	2	1	0	12
Английский язык	1	1	2	0	0	2	0	1	1	8
Немецкий язык	2	1	1	1	1	2	1	0	1	10
Всего	21	13	15	21	13	13	19	15	10	140
Всего призовых мест за все места	49			47			44			

Таким образом, в лицее наиболее продуктивно осуществляется подготовка к олимпиадам по физике и математике. Отметим, что и на современном этапе наиболее успешно лицеисты выступают именно по предметам физико-математического профиля. Также в лицее, как и в других учебных заведениях «нового типа», с начала 1990-х гг. начали внедряться методики поддержки одаренных учащихся и их учителей. Наибольшее распространение приобрели методы диагностики с помощью количественных измерений. Приведем пример результатов проведенного исследования (1996 г.) «Уровень склонности учителя к работе с одаренными детьми» (таблица 5) [23, л. 42]. Его результаты позволяют сделать вывод, что состав педагогических кадров лицея позволял эффективно работать с интеллектуально одаренными учащимися.

Таблица 5 – Уровень склонности учителей лицея № 1 г. Бреста к работе с одаренными детьми

Результаты	% от общего количества учителей
Невысокие результаты	10,5
Умеренная склонность	50,4
Высокая склонность к работе с одаренными детьми	39,1

Вторая модель организации работы с одаренными учащимися предполагает значительные материальные ресурсы, значительное количество инвестиций, подготовленный педагогический коллектив, создание эффективных управленческих структур и механизмов, функционирующих в парадигме *new public management*.

И, наконец, *третья модель*, которая заключается в организации индивидуальной работы с интеллектуально одаренными учащимися. Она создается для эффективной работы с одаренными учащимися, которые получают образование в учебном заведении в условиях, когда невозможно развивать дифференциацию. В этой модели есть как плюсы: значительное педагогическое внимание к каждому учащемуся, возможности корректировки образовательного пространства в интересах ребенка, так и минусы: высока вероятность отсутствия педагогических работников, имеющих достаточную квалификацию для работы с одаренными учащимися. Анализируя результаты различных республиканских олимпиад по учебным предметам, можно прийти к выводу, что 10–15% победителей учатся в учебных заведениях, которые не имеют традиций подготовки к олимпиадам соответствующего профиля. Их победы на олимпиадах – результат эффективного взаимодействия учителя и ученика в условиях помощи администрации школы.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. были заложены основы национальной модели работы с интеллектуально одаренными учащимися: определены их место и роль в системе образования, созданы условия для развития личностей и творческих способностей одаренных учащихся, начинают внедряться формы работы с ними. На основе архивных источников выявлены 3 модели институционализации работы с одаренными учащимися: создание системы уровневой дифференциации, индивидуальная работа с одаренными учащимися, создание специализированных учебных заведений.

Список использованной литературы

1. Приказы начальника отдела по основной деятельности за 1990 г. Т. 1 // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 337. Оп. 1. Д. 38.
2. Статистические отчеты о деятельности дневных общеобразовательных учреждений района (ф. СШ-1) на начало 1991/1992 г. // ГАБр. – Ф. 337. Оп. 1. Д. 51.
3. Приказы начальника отдела по основной деятельности за 1992 г. Т. 1 // ГАБр. – Ф. 337. Оп. 1. Д. 56.

4. Приказы начальника отдела по основной деятельности за 1993 г. Т. 2 // ГАБр. – Ф. 337. Оп. 1. Д. 67.
5. Протокол № 2 заседания коллегии управления от 4 марта 1993 г. // ГАБр. – Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1109.
6. Протоколы заседаний совета РОНО за 1990 г. // ГАБр. – Ф. 336. Оп. 1. Д. 95.
7. Приказы начальника отдела по основной деятельности за 1989 г. Т. 2. // ГАБр. – Ф. 337. Оп. 1. Д. 31.
8. Приказы заведующего отделом по основной деятельности и документы к ним, 1990 г. // ГАБр. – Ф. 1091. Оп. 1. Д. 265.
9. Приказы заведующего отделом по основной деятельности и документы к ним, 1993 г. // ГАБр. – Ф. 1091. Оп. 1. Д. 294.
10. Жук, С. А. Становление и развитие олимпиады по истории в Республике Беларусь / С. А. Жук // Актуальные вопросы преподавания общественных дисциплин в школе и вузе : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф., Благовещенск, 6 апр. 2017 г. – Вып. 2 / отв. ред. Д. В. Буяров. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2017. – С. 26–32.
11. Приказы начальника отдела по основной деятельности за 1991 г. // ГАБр. – Ф. 1134. Оп. 1. Д. 631.
12. Приказы начальника управления по основной деятельности и документы к ним. Т. 1, 1995 г. // ГАБр. – Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1134.
13. Приказы начальника отдела по основной деятельности за 1989 г. Т. 1 // ГАБр. – Ф. 337. Оп. 1. Д. 29.
14. План работы отдела народного образования на 1989/1990 учебный год. // ГАБр. – Ф. 337. Оп. 1. Д. 30.
15. Протоколы заседаний педагогического совета лицея 1994–1996 гг. // ГАБр. – Ф. 503. Оп. 1. Д. 7.
16. Планы учебно-воспитательной работы на 1995/1996 г. // ГАБр. – Ф. 503. Оп. 1. Д. 9.
17. ГАБр. – Ф. 503. – Оп. 1. – Д. 15 // Протоколы заседаний НМС 1997–2001.
18. ГАБр. – Ф. 337. – Оп. 1. – Д. 38 // Приказы начальника отдела по основной деятельности за 1990 г. – Т. 1.
19. ГАБр. – Ф. 503. – Оп. 1. – Д. 9. // Планы учебно-воспитательной работы на 1995/1996 г.
20. ГАБр. – Ф. 503. – Оп. 1. – Д. 19. // Планы учебно-воспитательной работы лицея на 1997/1998 гг.
21. ГАБр. – Ф. 503. – Оп. 1. – Д. 29. // Планы учебно-воспитательной работы на 1999/2000 г.
22. ГАБр. – Ф. 503. – Оп. 1. – Д. 25. // Планы учебно-воспитательной работы на 1998/1999 г.
23. ГАБр. – Ф. 503. – Оп. 1. – Д. 34. // Планы учебно-воспитательной работы на 2000/2001 г.

УДК 379.85

П. С. Лисовская (Беларусь, Брест, БрГТУ)

Научный руководитель – Т. В. Лисовская, канд. ист. наук, доцент

ЭКСКУРСИЯ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

В статье систематизированы и представлены основные аспекты применения экскурсий в процессе обучения, цели и задачи применения данного метода учебной работы, задачи применения экскурсий в учебном процессе. В статье раскрывается образовательный потенциал экскурсий с точки зрения формирования компетенций студентов.

В условиях реформирования системы образования при переходе к лично-ориентированной парадигме современного образования в ходе изучения гуманитарных дисциплин, в особенности исторической и культурологической направленности, возникает потребность в разумной вариативности обучения, совершенствовании традиционных методов обучения, направленных на развитие у студентов познавательных и созидательных способностей, самостоятельной инициативы.

Образовательный потенциал экскурсии давно известен педагогам, опирающимся на принцип наглядности в обучении. Экскурсия как форма организации учебного процесса опирается на знания и навыки, приобретенные на аудиторных занятиях, объединяет учебный процесс с жизнью, знакомит с разнообразными историческими и современными объектами в их целостности, во взаимосвязях с другими явлениями мира, с трудовыми и технологическими процессами.

Экскурсии как формы организации учебного процесса, интегрируют три взаимозависимых компонента:

- когнитивный – знания об истории своей страны и ее регионов;
- эмоционально-побудительный – развитое чувство уважения к истории, культуре и традициям Беларуси;
- деятельностный – реализация эмоционально прочувствованных и осознанных знаний через бережное отношение к историко-культурным памятникам и семейным реликвиям, проявление заботы о ветеранах, оказание помощи взрослым и т. п. [4, с. 73].

Применение экскурсий в учебной деятельности способствует накоплению студентами научных и исторических фактов, они обогащают зрительными образами содержание учебно-воспитательного процесса; обучают умению замечать, видеть детали и подробности; развивают основы эмпирического мышления; воспитывают в молодых людях любознательность, внимательность, визуальную культуру, нравственно-эстетическое отношение к действительности. В ходе экскурсии образовательная деятельность студентов и учащихся реализуется в качественно иных условиях, чем в учебных аудиториях, во время непосредственного восприятия студентами предметов-подлинников, диапазон которых очень широк – от природных памятников (Борисов камень, Воротишкин крест) до произведения зодчества (Сынковичская церковь, Гольшанский замок)

и искусства (икона Матерь Божья Умиление). Они обладают большим познавательным потенциалом, являясь отражением процессов развития природы и цивилизации, конкретной эпохи, судьбы автора или целого народа [3, с. 128].

Основными задачами, которые ставятся перед экскурсиями в рамках учебного процесса, являются:

– обучение: закрепление, углубление и контроль знаний, полученных студентами во время аудиторных занятий, обучение анализу объективных исторических данных, формирование когнитивных компетенций;

– личностное развитие: формирование гармонично и всесторонне развитой личности, способной сохранять и приумножать историко-культурные ценности общества и духовно-нравственные идеалы белорусского народа;

– воспитание: приобщение студентов и учащихся к богатому, исторически обусловленному социальному опыту белорусского народа, воспитание уважения к прошлому страны, формирование мультикультурной грамотности и толерантности на основе изучения этноконфессиональной истории, становление активной гражданской позиции современной молодежи.

Результатом использования экскурсий в образовательном процессе при изучении исторических и культурологических дисциплин является создание условий, способствующих формированию у студентов и учащихся когнитивных, личностных и социальных компетенций [1, с. 53]. К примеру, при проведении экскурсии «Маршрутами истории: путешествие сквозь века» в качестве результатов можно выделить следующие:

1. Знаниевые результаты, формирующие когнитивные компетенции:

– овладение знаниями о политических, религиозных и культурных процессах, проходивших на белорусских землях в XIII–XVII вв.;

– развитие умений анализировать, сопоставлять информацию из различных источников (письменных, нарративных, материальных), в том числе и хранящихся в музеях, об истории белорусских земель в XIII–XVII вв.

2. Личностные и социальные результаты, формирующие социально-личностные компетенции:

– формирование мотивации и интереса к изучению исторического прошлого Беларуси и малой родины, стимулирующих саморазвитие и самообразование студентов;

– воспитание уважения к истории Беларуси и ценностного отношения к историческому прошлому, культурным традициям Беларуси;

– формирование коммуникативной компетентности в общении со сверстниками, взрослыми, учеными в ходе экскурсии;

– формирование мультикультурной грамотности и толерантности в процессе рассмотрения поликонфессиональной структуры белорусских земель при посещении объектов сакрального зодчества.

Как мы видим, в ходе экскурсий сообщаются новые знания по общей и региональной истории, закрепляются и конкретизируются имеющиеся у студентов знания, развиваются индивидуальные познавательные интересы учащихся и студентов.

Формы экскурсий, применяемых в учебном процессе, могут быть различными: по способу передвижения – пешие, велосипедные, автобусные; по содержанию – краеведческие, производственные (особенно актуальны в технических вузах), культурно-просветительские и т. д. Однако продолжают доминировать традиционные монологичные экскурсии, в которых основная роль отводится экскурсоводу. Это ведет к недостаточной степени использования учебного потенциала экскурсии, особенно как формы учебной деятельности. Эффективность использования экскурсии в изучении исторических и других гуманитарных дисциплин можно существенно повысить, сделав их частью самостоятельной работы студентов (разработка экскурсионных маршрутов как форма проектной деятельности в процессе обучения). Кроме того, при некотором дополнении и преобразовании форм экскурсий (виртуальные экскурсии, интерактивные, анимационные экскурсии), а также при использовании информационных технологий большой потенциал такой формы учебной деятельности как экскурсия может быть существенно расширен.

Сегодня распространяются такие формы экскурсий, как интерактивные экскурсии или экскурсии-квесты. Интерактивные экскурсии очень разные по содержанию, но каждая отличается оригинальной формой подачи информации и уходом от классических экскурсионных канонов – помимо осмотра достопримечательностей и посещения знаковых мест, они включают в себя или театрализованное представление, тематически увязанное с основной линией экскурсии. В ходе экскурсии студенты и учащиеся не просто получают информацию об исторических событиях и фактах, но становятся соучастниками этих событий, получают опыт живого восприятия культурных ценностей, обретают ощущение сопричастности с историко-культурными традициями [2, с. 376].

На сегодняшний день в учебном процессе используются современные информационные технологии, которые позволяют проводить виртуальные экскурсии на занятиях по истории в отсутствие возможности посещения исторических объектов в рамках реальной экскурсии. Использование виртуальных экскурсий позволяет вносить разнообразие в учебный процесс, способствует развитию исторического кругозора, наполняет учебные занятия особой эмоциональностью и позитивным настроением, гуманизирует подход студентов к подбору информации в Интернете.

Таким образом, экскурсии как формы учебной деятельности являются действенным способом активизации познавательной деятельности и формирования личностных когнитивных компетенций. Они способствуют развитию мышления и воображения учащихся, активизируют и обогащают познавательную деятельность, возбуждают и развивают интерес к историческому прошлому страны, стимулируют процесс самообразования. Кроме того, применение экскурсий в разных формах в образовательном процессе способствует формированию личностных качеств и социальных компетенций, которые содействуют воспитанию ценностного отношения к историческому прошлому, формируют мировоззрение, повышают уровень индивидуальной культуры социальных коммуникаций и способствуют формированию мультикультурной грамотности.

Список использованной литературы

1. Бехтенова, Е. Ф. Организация историко-познавательной деятельности школьников при изучении региональной истории / Е. Ф. Бехтенова // Сиб. пед. журн. – 2015. – № 5. – С. 50–55.
2. Руднин, А. Э. Экспозиционер и художник (размышления об опыте создания выставки) / А. Э. Руднин, Ю. В. Решетников // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI вв. : тр. ГИМ. – М., 2001. – Вып. 127. – С. 376–397.
3. Столяров, Б. А. Музейная педагогика: История, теория, практика : учеб. пособие / Б. А. Столяров. – М. : Высш. шк., 2004. – 216 с.
4. Суркова, Л. И. Уроки-экскурсии как одно из направлений совершенствования исторического образования студентов педагогического вуза / Л. И. Суркова // Поволж. пед. вестн. – 2014. – № 4 (5). – С. 72–76.

УДК 94(476)

А. С. Козлов (Беларусь, Полоцк, ПГУ)

Научный руководитель – Е. В. Глазырин, магистр ист. наук

ХII ОТЧЕТНО-ВЫБОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НОВОПОЛОЦКОГО ГОРКОМА ЛКСМБ: ИТОГИ И УРОКИ

Статья посвящена анализу деятельности Новополоцкого городского комитета комсомола за период с 1986 по 1989 г. Выявлены успехи и проблемы комсомольской организации Новополоцка, охарактеризованы попытки горкома выйти из кризисного состояния в молодежной организации, связанного с падением ее авторитета. Основным источником для написания статьи стали материалы ХII отчетно-выборной конференции Новополоцкого горкома ЛКСМБ.

В 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Пленумом Центрального комитета избран М. С. Горбачев. В 1986 г. на XXVII съезде КПСС им была объявлена политика перестройки – масштабная политика социально-экономических и общественно-политических реформ как средств обеспечения динамичного развития советского общества, сокращения отставания от стран Запада. Новые установки в основу своей деятельности положил и ВЛКСМ: началось развитие движения научно-технического творчества молодежи и сети центров НТТМ, строительство молодежных жилищных комплексов, организация новых культурно-массовых мероприятий, внедрение методов критики и самокритики на собраниях. От того, насколько активно молодежь откликнется на инициативу партии по обновлению общества, зависел успех перестройки общества в целом.

Аналогичные процессы можно проследить и в г. Новополоцке, где с июня 1987 г. пост первого секретаря горкома занимал один из прогрессивных комсомольских лидеров И. Ю. Луговцов [4, л. 31]. При нем активизировалась работа по внедрению новых форм экономической и хозяйственной деятельности, организации молодежного досуга, по развитию критики и самокритики в работе. Именно при его руководстве Новополоцкий горком ЛКСМБ провел в

республике один из первых рок-фестивалей «Новополоцк-88» и далее благоприятствовал этому движению [3].

XII городская отчетно-выборная комсомольская конференция, на которую было избрано 580 делегатов, состоялась 23 ноября 1989 г. [8, л. 1]. Отчетный период состоял с декабря 1986 по ноябрь 1989 г, так как XI отчетно-выборная конференция состоялась 13 декабря 1986 г. [7, л. 1]. Эта конференция отличалась от предыдущей повышенным эмоциональным тоном комсомольцев, размахом критики и самокритики, широкой демонстрацией достижений Новополоцкого горкома комсомола в сфере участия в процессах демократизации, так как в 1989 г. процессы гласности затронули все слои советского общества, тогда как в 1986 г. кардинальных реформ не предвиделось.

На конференции присутствовали от вышестоящих организаций пять человек: первый секретарь Новополоцкого горкома Компартии Белоруссии В. В. Панталев, председатель Новополоцкого горисполкома Г. Г. Голуб, первый секретарь Витебского обкома ЛКСМБ В. Н. Дубровский, завсектором культуры ЦК ЛКСМБ Г. И. Суравнев и командир областного штаба студенческих отрядов С. П. Блажей.

Первым на конференции выступил первый секретарь Новополоцкого горкома ЛКСМБ И. Ю. Луговцов [2, л. 10–18]. В своем докладе он высказался о том, что проблемы молодежи и комсомола имеют связь с происходящими в стране событиями. Вместе с тем постановление предыдущей XI отчетно-выборной конференции на 80 % состояло из т. н. «комсомольской воды»: не содержало характерные для комсомола направления в работе, не затрагивало интересы комсомольцев и молодежи во многих сферах деятельности. Именно поэтому постановление не легло в дальнейшем в основу работы городского комитета, изменившего стиль своей деятельности. На пленумах и заседаниях бюро были определены директивные направления в работе, такие как реальное участие комитетов комсомола города в становлении новых форм экономических отношений на предприятиях и в учреждениях, создание собственной материально-технической базы для работы с комсомолом и молодежью, совершенствование идеологической работы в духе перемен, а также посильное решение социальных проблем с развитием работы по месту жительства [2, л. 10].

Ряд первичных организаций получили юридическую, а с 1990 г. получили бы и финансовую самостоятельность, так как в городе уже был опыт по созданию хозрасчетных структур. Луговцов дал пример деятельности центра НТТМ: за полтора года работы общий объем выполненных договорных работ составил около 1,5 млн. рублей, на договорной основе работало 1,5 тыс. человек в творческих коллективах, при этом штатная численность центра составила шесть человек. Центр НТТМ также был создан при Новополоцком политехническом институте, при заводе «Измеритель» начало работу молодежное творческое объединение «Время». Объем выполненных договорных работ в городском молодежном центре за 1989 г. превысил 100 тыс. руб. Однако существовали проблемы с развитием комсомольской экономики – излишнее внимание на технических деталях вместо внимания на вопросы непосред-

ственной работы. Кроме того, отсутствовали целевые программы для хозяйственных организаций, и городской комитет намеревался запросить денежную помощь, так как проект бюджета был с дефицитом [2, л. 11].

Кроме того, звучала критика от партийных и хозяйственных органов, отсутствовала поддержка комитетам комсомола в организации хозяйственной деятельности. При этом сами же предприятия и учреждения развивали кооперативы и прочие формы собственности. На производственном объединении «Новополоцкнефтеоргсинтез» заводоуправление плохо работало с комитетом комсомола в данном направлении и посылало комсомольцев на мелкие хозяйственные работы. Луговцов по этому поводу высказался: «От обещаний всего и вся в конкретных делах скатываемся до призыва к комсомолу на заводе – разломать забор, собрать новый. Владимир Григорьевич (*Тетерук, генеральный директор ПО «Новополоцкнефтеоргсинтез» – прим.*), почему парткому такие идеи не подбрасываете?» [2, л. 12]. Было дано обращение к руководству объединения: отработка нормативной базы и налаживание хозяйственной структуры помогло бы «Новополоцкнефтеоргсинтезу» экономить десятки тысяч рублей через комсомольские хозяйственные структуры. Кроме того, назрела необходимость проведения лекций на партхозактивах, а также усиления работы за контролем хозяйственных структур – льготные условия даже в сравнении с кооперативами, могли привлечь спекулянтов и людей, желавших обеспечить свое состояние за счет коллег из коллективов или прочих лиц [2, л. 12].

Новые веяния были привнесены и в развитие молодежных жилищных комплексов. Первопроходцами в нем считались комитеты комсомола завода «Измеритель», треста № 16 «Нефтестрой» и автопарка № 6, причем в последнем случае состоялся конфликт секретаря комитета комсомола и администрации автопарка совместно с партийным комитетом, что названо первым секретарем в докладе как «драматическая судьба». Вместе с тем, несмотря на реальные шаги по строительству, программа со стороны горкома по развитию МЖК отсутствовала, в связи с этим был поднят вопрос о создании Совета МЖК за счет сокращения аппарата горкома комсомола и с предоставлением права использовать полные ставки в штатном расписании для организации своей работы и реальной помощи первичным организациям [2, л. 12]. Новые веяния отмечены и в традиционных формах хозяйствования. Так, в городском соцсоревновании комсомольско-молодежных коллективов были введены значительные материальные призы для победителей: телевизоры, стереосистемы, магнитофоны и т. п. Цитата: «И чего здесь излишне стесняться? Сегодня на соцсоревнования, приуроченные к «красным» датам, уже никого не поднимешь» [2, л. 12]. Интернациональным стало соцсоревнование на производственном объединении «Полимир», так как партнерами стали молодежные организации химических предприятий Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии [2, л. 12].

В системе политпросвещения был введен принцип добровольности работы. Это сразу дало о себе знать. Если в 1987 г. работало 72 школы, то уже в 1989 г. только 31, и они уже де-факто не могли работать. Слова Луговцова по этому поводу: «... однако, оставшиеся 31 школа скорее напоминают издыхающего

исполина, влекущего свои последние дни исключительно на допинге, получаемом от партийных и комсомольских работников...». Остались только несколько коммунистов, которые искренне работали с молодежью, которых Луговцов искренне благодарил. Им была высказана также мысль о том, что никто из комсомольцев города не сможет открыть новый законопроект по выборам народных депутатов, принятый Верховным Советом Белорусской ССР, если горком комсомола или Полоцкая рада Белорусского Народного Фронта не привлекут его к непосредственному участию в готовящейся выборной кампании. Так как все готовились к выборам в Верховный Совет и в местные Советы народных депутатов, горком комсомола был обязан бороться за места в парламенте и в горсовете, потому что от этого могла зависеть практическая и политическая значимость комсомола в городе, будущее работы организации [2, л. 13].

Была высказана критика в адрес Новополоцкого горисполкома. Так, аппарат исполкома не дал добро на создание подросткового клуба, так как в помещениях, вводимых для работы по месту жительства, переезжали проектные фирмы из промышленной зоны. Луговцов это охарактеризовал как «тихий саботаж», а вместо того, чтобы понять и направить молодежь, их пытались разгонять [2, л. 14]. Такой же была работа с воинами-афганцами. Горвоенкомат и горисполком недостаточно уделяли внимание вернувшимся из Афганистана солдатам, а защищал афганцев горком комсомола. Был дан пример солдата, получившего контузию, но не получившего положенную ему квартиру [2, л. 15].

Началась перестройка и досуговой деятельности молодежи, организации культурно-массовых мероприятий. По этому вопросу Луговцов высказался так: «Работать с городским отделом культуры по принципу “Организуйте, привлекайте – но не учите жить” становилось все сложнее и безрезультативнее. Поэтому мы начали работу по созданию собственной комсомольской базы. Так родился городской молодежный центр досуга, родился в муках и, наверное, один из первых в республике...». Он отличался сильной технической оснащенностью и крупной материальной базой три молодежных кафе (указано, что два из них было отобрано юридическим путем), фотоателье, швейный хозрасчетный коллектив, два компьютерных зала, профессиональный ВИА и т. д. [2, л. 15].

Были высказаны соображения по дальнейшей работе комсомола [2, л. 18]:

- Создавать объединения на принципах добровольности комсомольских организаций, небольших по численности, при этом финансирование освобожденных ставок производить за счет сокращения аппарата горкома.

- Создавать первичные комсомольские организации по общественным интересам. Именно через эти структуры в городской комсомольской организации должны возникать первичные организации, члены которых принимают участие в различных общественных движениях, не противоречащих Конституции СССР.

- Бюджет организации формировать только снизу, оставляя право окончательного распределения взносов за первичной комсомольской организацией. Именно таким образом сформирован бюджет на 1990 г.

- Комплектование горкома произвести исключительно по рабочим группам, осуществляющим свою работу сообща по конкретным направлениям,

собственной сметой в пределах возможностей. Исключить почетное представительство ГК ЛКСМБ.

- Выдвигать конкретные предложения по возможности изменения данного перечня предложений и по персональному составу.

- Выборы первого секретаря горкома производить прямым тайным голосованием на альтернативной основе вместе с выборами горкома ЛКСМБ по отдельному бюллетеню, ибо право на общественно-политическую работу с молодежью имеют лишь получившие истинный мандат доверия большинство представителей комсомола.

После доклада Луговцова вместо председателя ревизионной комиссии городского комитета А. Иванущенко выступила заместитель председателя ревкомиссии Г. Родина [1, л. 18–23]. Ею было сказано, что с июня 1988 г. взносы остаются в городском комитете. За 6 месяцев 1988 г. при плане в 228,5 тыс. руб. на год было собрано 134, 8 тыс. руб., привлечено 17,7 тыс. руб. За 10 месяцев 1989 г. при годовом плане в 213 тыс. руб. поступления составили 188,5 тыс. руб., привлечено от хозяйственных организаций горкома 35,8 тыс. руб. Комитеты комсомола Новополоцкого завода белково-витаминных концентратов, треста №16 «Нефтестрой», Новополоцкого политехнического института открыли свои банковские счета, при этом в крупных комитетах комсомола – ПО «Полимир» и ПО «Новополоцк-нефтеоргсинтез» – такая работа не проводилась [1, л. 20]. Основная часть комсомольского бюджета шла на содержание аппарата горкома и штата комсомольских работников. За первые 10 месяцев 1989 г. израсходовано 50,3 тыс. руб. В ряде комсомольских организаций существовали крупные различия в статьях доходов и расходов. Например, в Новополоцком нефтяном техникуме это различие составило 3800 руб., а в Новополоцком политехническом институте – 9550 руб. Все еще была недостаточной работа по контролю уплаты членских взносов. 15 комсомольских организаций перешли на безналичный расчет с подачей ведомостей в бухгалтерию, но секретарь комитета комсомола станции «Новополоцк» не подала ведомости и не отчиталась на бюро горкома. Отказались платить взносы члены ВЛКСМ в организациях тепло-электроцентрали и ремонтно-монтажно-наладочного управления. Численность комсомола сократилась на 3 тыс. человек, а набор уменьшился. Отсутствие штатной должности председателя ревизионной комиссии плохо сказывается на контроле финансово-хозяйственной деятельности горкома, потому были высказаны соображения по введению данной должности [1, л. 21].

На 1990 г. основные показатели бюджеты были таковы [6, л. 36]:

Доходы

- 1) Поступления от взносов первичных организаций – 190 тыс. руб.
- 2) Поступления от хозрасчетных предприятий горкома – 30 тыс. руб.

Расходы

- 1) Расходы на содержание аппарата горкома комсомола – 52 тыс. руб.
- 2) Расходы на мероприятия и агитационно-пропагандистскую работу, работу групп горкома – 20 тыс. руб.

3) Дотационный фонд для оказания финансовой помощи комсомольским организациям – 11 тыс. руб.

4) Фонд первичных комсомольских организаций – 141 тыс. руб.

5) Отчисления в Центральный и Витебский областной комитеты ЛКСМБ – 18 тыс. руб.

При доходе в 220 тыс. руб. расходы составили по плану 242 тыс. руб., дефицит составил 22 тыс. руб. Следствием этого может являться эмоциональный тон выступлений комсомольских функционеров, которые были одними из проводников новых форм экономической деятельности, способной снизить влияние от партийных структур и зависимость от дотаций. Кроме того, прозвучавшие в докладе ревизионной комиссии доводы о недостаточной организации работы по уплате членских взносов и падении численности организации не были беспочвенными. Так, на 58-м заседании бюро 5 января 1989 г. был утвержден годовой статистический отчет о составе комсомольских организаций города, где говорилось о том, что численный состав организации снизился на 1305 человек, принято при этом 648 человек [5, л. 3]. С падением численного состава падали и членские взносы, которые вместе с недостаточной работой секретарей комитетов комсомола в этой сфере выливались в крупные убытки, влиявшие на работу комсомола. Попытки комсомола поддерживать свою материальную базу вызвали логичное неудовлетворение у партийных функционеров, что позднее вылилось в разногласия по совместной работе.

Таким образом, на XII отчетно-выборной конференции были высказаны основные претензии комсомольцев к партийным и советским органам, показаны основные успехи в организации т. н. «комсомольской экономики» и новых форм хозяйственной деятельности, решении социальных проблем молодежи и проблем организации досуга. Вместе с тем подчеркивались недостаточная работа первичных организаций, явное противодействие партийных структур, проблемы в организации работы горкома, расхождения по дальнейшему видению процессов демократизации. Это в дальнейшем привело к обострению отношений комсомола и партии, а также постепенному отхождению ВЛКСМ и ЛКСМБ от КПСС и КПБ соответственно.

Для того чтобы преодолеть кризисные явления в жизни самой крупной молодежной организации в городе и повысить ее авторитет, возникала необходимость усиления внутрисоюзной дисциплины, в т. ч. среди секретарей комитетов комсомола, а также, как было сказано в докладе, проводить совместные семинары с партийными работниками для обобщения опыта работы хозрасчетных структур горкома комсомола и последующим внедрением их в экономическую систему города, оставлять возможность формирования комсомольского бюджета снизу с формированием фондов первичных организаций. Это позволило бы в дальнейшем помочь в развитии городского комитета комсомола, избавиться от упреков партийных функционеров, развить достигнутые успехи в социально-экономической деятельности. Однако в 1990 г. произошла эскалация экономического и политического кризиса, что привело к падению престижа КПСС и ВЛКСМ.

Список использованной литературы

1. Доклад заместителя председателя ревизионной комиссии Новополоцкой городской комсомольской организации Г. Родиной на XII городской отчетно-выборной комсомольской конференции // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 9709-П. Оп. 41. Д. 1.
2. Доклад первого секретаря Новополоцкого городского комитета ЛКСМБ И. Ю. Луговцова на XII городской отчетно-выборной комсомольской конференции // ГАВО. – Ф. 9709-П. Оп. 41. Д. 1.
3. Луговцов Игорь Юрьевич [Электронный ресурс] // Проза.ру. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2018/12/25/1709>. – Дата доступа: 11.04.2019.
4. Постановление III Пленума Новополоцкого городского комитета ЛКСМБ от 17.07.1987 г. «О тов. Луговцове И. Ю.» // ГАВО. – Ф. 9709-П. Оп. 39. Д. 1.
5. Постановление бюро Новополоцкого городского комитета ЛКСМБ от 5.01.1989 г. «Об утверждении квартального и годового статистического отчета о составе комсомольских организаций» // ГАВО. – Ф. 9709-П. Оп. 41. Д. 3.
6. Проект бюджета Новополоцкого городского комитета ЛКСМБ на 1990 год // ГАВО. – Ф. 9709-П. Оп. 41. Д. 1.
7. Титульный лист протокола XI отчетно-выборной комсомольской конференции Новополоцкого городского комитета ЛКСМ Белоруссии от 13.12.1986 г. // ГАВО. – Ф. 9709-П. Оп. 38. Д. 16.
8. Титульный лист протокола XII отчетно-выборной комсомольской конференции Новополоцкого городского комитета ЛКСМ Белоруссии от 23.11.1989 г. // ГАВО. – Ф. 9709-П. Оп. 41. Д. 1.

УДК 395:341.71

Н. Н. Корольчук (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. Ю. Занько, старший преподаватель

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЭТИКЕТ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Современный этикет – это правила поведения, помогающие производить приятное впечатление и строить эффективное общение. Они включают в себя опрятность, культуру речи, вежливость и умение держаться в различных ситуациях (за столом, в транспорте, в театре). Умение правильно одеваться, участвовать в дипломатических приемах, принимать гостей, вести светскую беседу и даже правильно сидеть в кресле – неотъемлемый навык преуспевающего современного политика. Поэтому в практике международного общения особое значение играет дипломатический этикет. Сегодня все важные политические события освещаются средствами массовой информации, любой неверный шаг и самый невинный жест политического лидера не может остаться незамеченным и вызывает отклик в прессе.

Современный дипломатический этикет – совокупность правил, поведение дипломатов и других официальных лиц в ходе различных официальных мероприятий (переговоры, визиты, приемы). Он включает в себя нормы и обычаи, связанные с культурой поведения, культурой быта, общения. В современном виде и значении слово «этикет» было впервые употреблено при дворе короля Франции Людовика XIV, когда гостям были розданы карточки

(этикетки) с изложением того, как они должны держаться [7]. Базовый принцип дипломатического протокола – принцип международной вежливости, который включает в себя набор общепризнанных правил этикета, уважения и почтительности, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел, официальными лицами в международном общении.

В соответствии с правилами дипломатического протокола определяется поведение дипломатов в стране пребывания, их одежда в официальных случаях и т. д. По своему назначению протокол является международной категорией – его основные положения должны соблюдаться более или менее одинаково всеми государствами. В настоящее время регулирует многие вопросы дипломатической практики, в том числе и протокола, Венская конвенция о дипломатических сношениях, подписанная 18 апреля 1961 г. [5, с. 19–20]. Нередко отклонение от норм делового протокола может повлечь за собой недопонимание или даже обиду со стороны партнера, и ошибки, пусть даже невольные, в дипломатическом протоколе могут быть расценены как умышленное оскорбление, чреватые подчас серьезнейшими осложнениями в межгосударственных отношениях. Практике известно немало случаев, когда из-за нигилизма в отношении протокольных норм создавались конфликтные, подчас трудноразрешимые ситуации.

Так, например, президент США Джордж Буш на переговорах зачастую нарушал нормы делового этикета: сидя в кресле, широко расставлял ноги; стоя рядом с собеседником, снисходительно похлопывал его по плечу. Во время встречи «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 г. Джордж Буш, подходя к столу, позволил себе помассировать плечи Ангелы Меркель, которая разговаривала в тот момент с премьер-министром Италии Романо Проди. Поскольку в 2006 г. А. Меркель была единственной женщиной среди лидеров «восьмерки», она пользовалась особым вниманием своих коллег. Неформальное поведение президента Франции Николя Саркози стало причиной обращения канцлера Германии в немецкое посольство в Париже. В результате Николя Саркози был вынужден избавиться от привычки похлопывать Ангелу Меркель по спине, брать за руку или приветствовать поцелуем. В данном случае речь идет не о личной неприязни, а о разных культурных традициях – прикосновение не является частью немецкой культуры [6, с. 73].

Сама Ангела Меркель не допускает серьезных ошибок, хотя ее манера сидеть во время переговоров закинув ногу на ногу также является грубым нарушением протокола. По общепринятым правилам этикета сидеть следует прямо и свободно, держа колени вместе, ступни по возможности одна возле другой, можно одну ногу немного выставить вперед или слегка скрестить ноги в лодыжках. Женщина может сидеть положив ногу на ногу, только если она не общается с человеком старше себя. Если прежде сидеть в подобной позе считалось крайне неприемлемым, то с течением времени и демократизацией общества наблюдаются попытки анализировать и оправдать данную позу, ссылаясь на европейскую ментальность. Психологи считают, что такая поза

отражает характер А. Меркель, которая отличается авторитарностью, жесткостью и конкретностью [6, с. 73].

Жевать жвачку считается неприличным не только на встречах высшего уровня, но даже на рядовых деловых встречах, о чем современный деловой человек знает даже без изучения специальной литературы. Однако президент США Барак Обама изредка пренебрегал данным правилом. Так, он был замечен жующим жвачку на саммите АТЭС в 2015 г., пока направлялся от своего лимузина в здание Пекинского национального плавательного комплекса, во время исполнения национального гимна Франции, в ходе официальной церемонии в честь 70-й годовщины высадки войск союзников в Нормандии, в День Республики на военном параде в Индии. Однако, по наблюдениям журналистов, Б. Обама боролся с никотиновой зависимостью, и есть вероятность, что в обозначенных случаях жвачка была никотиновая [4].

Одним из важнейших качеств государственного служащего, делового человека является пунктуальность как отличительный признак человека с хорошими манерами. Пунктуальность является настолько важным принципом делового общения, что иногда становится делом государственной важности. «Точность – это вежливость королей и долг всех добрых людей», фраза, приписываемая французскому королю Людовику XVIII, как нельзя лучше это подтверждает. Как неоднократно отмечали СМИ, президент России Владимир Путин известен своей манерой опаздывать на встречи с лидерами разных стран. Примером может стать его опоздание в 2003 г. в Букингемский дворец на встречу с королевой Елизаветой на 14 минут. На следующую встречу с Путиным королева пришла ровно на 14 минут позже назначенного времени. На встречу с испанским королем Хуаном Карлосом II в 2006 г. Владимир Путин опоздал на 40 минут (король потом ответил ему тем же), а президента Украины Виктора Януковича он однажды заставил ждать около трех часов. Украинские чиновники после назвали это «политическим хамством», хотя сам В. Янукович никак на это не отреагировал [4].

Специфика государственной службы предъявляет весьма серьезные требования к внешнему виду современных чиновников. Этикет предписывает носить однобортный или двубортный деловой костюм или костюм-тройку универсальных цветов: темно-серый, угольно-серый, темно-синий, гладкий или в очень тонкую, едва заметную полоску. Исключены коричневые, болотно-зеленые, бордовые оттенки. Черный цвет мужского костюма обязателен для вечерних деловых приемов или же траурных церемоний. В большой мере дипломаты нарушают именно это правило, зачастую появляясь на официальных мероприятиях в костюмах черного цвета [9, с. 140–141].

Примером может послужить появление в августе 2014 г. президента США Барака Обамы перед телевизионными камерами в светло-бежевом костюме. Костюм идеально подходил владельцу, тем не менее этот эпизод спровоцировал негативную реакцию в американском обществе, вызвал язвительные замечания. Общество посчитала новый наряд президента «неуместным» и «нескромным» для политика столь высокого ранга [4].

В зависимости от страны, где происходит дипломатический прием, этика взаимоотношений мужчины и женщины меняется и подстраивается под менталитет и традиции ее граждан. Так, например, в Китае нетактичным считается делать комплименты женщинам, особенно незнакомым, связанные с их внешностью, особенно лица и фигуры. Что же касается прикосновений, так на этот род выражения чувств и вовсе накладывается табу. На вышеупомянутом саммите АТЭС 2015 г. в центре небольшого скандала оказался президент России Владимир Путин. Будучи в Китае, российский лидер накиннул на плечи супруги председателя КНР Си Цзиньпина Пэн Лиюань во время ужина плед, что было расценено китайскими цензорами как нарушение правил вежливости. Впрочем пользователями социальных сетей его поведение охарактеризовали как «неподдельное и искреннее дружелюбие» [4].

Приводя пример пренебрежения особенностями делового общения с иностранными партнерами, нельзя не вспомнить визит в Саудовскую Аравию президента США Барака Обамы с супругой Мишель в январе 2015 г. на похороны короля Саудовской Аравии Абдаллы. Первая леди США, как посчитали СМИ и общественность, грубо нарушила правила исламского этикета своим поведением и нарядом. Мишель появилась на встрече без головного убора и в платье синего цвета (в Саудовской Аравии женщинам в общественных местах предписывается носить одежду черного цвета и головной убор). При этом пользователи социальных сетей вспомнили, что, будучи с визитом в Индонезии, Мишель Обама головной убор все-таки надела. Кроме того, Мишель Обама при встрече пожала руку королю Саудовской Аравии, местным принцам и чиновникам, а ислам строго запрещает мужчинам прикасаться к посторонним женщинам [4].

Любое прикосновение к любому из членов королевской семьи расценивается как грубое нарушение этикета: прикасаться к ним можно, только если они сами того пожелают [1]. Однако Мишель Обама нарушила дипломатический этикет в 2009 г., будучи с визитом в Великобритании, позволив себе обнять королеву Елизавету II. Впрочем, тогда королева не растерялась и слегка обняла Мишель в ответ [4].

Небольшой скандал произошел во время встречи канадского генерал-губернатора Дэвида Джонстона и Елизаветы II в Лондоне. Иностраный политик и королева спустились по лестнице, и Д. Джонстон взял свою спутницу под локоть, чтобы та не упала, как предписывают правила этикета. СМИ осудили поведение политика, однако он оказался в крайне спорной ситуации и своего рода «заложником» правил этикета [12].

Знание и соблюдение правил дипломатического протокола и этикета – обязательное требование, которому жена дипломата должна следовать. Это относится как к манере поведения и общения, так и к нарядам, которые она надевает по различным поводам. Модные ошибки совершают не только простые смертные, но и знаменитые женщины из политического круга. Однако первой леди это непростительно. В современной истории дипломатии известен случай, когда в 2002 г. МИД Швейцарии был вынужден отстранить своего дипломата,

работавшего в Германии, по причине, как сообщалось в прессе, «чрезмерной экстравагантности нарядов» его американской супруги.

Одежда женщины-политика, женщины-дипломата, супруги дипломата, деловой женщины воспринимается по шести наиболее значимым элементам: цена, цвет, силуэт, соответствие моде, степень оригинальности, соответствие определенному стереотипу. Повседневный деловой костюм для женщины – пиджак английского кроя или без воротника, юбка до середины колена или чуть выше. Допускается наличие брючного костюма [2, с. 42–50; 9, с. 163–164].

Ценовой критерий – один из самых обсуждаемых общественностью и требующий тщательной подборки. Так, встреча с избирателями кандидата в президенты США 2016 г. от демократов Хиллари Клинтон, которая пришла в твидовом пальто от известного бренда «Armani» стоимостью 12 500 долларов, чуть не лишила ее поддержки. Резонанс ситуации был вызван тем, что Х. Клинтон, облаченная в дорогой наряд от итальянского кутюрье, рассуждала на темы социального неравенства и безработицы. Журналисты и общество усомнились в том, что кандидат в президенты США знает что-либо о бедности. Однако ситуация оказалась еще более парадоксальной. В качестве стилиста Хиллари наняла главного редактора американского журнала «Vogue» Анну Винтур – персону номер один в мире моды. А стилист Пэтси Сиснерос рассказала газете «The New York Post», что на обновление своего гардероба Клинтон потратила как минимум 200 тыс. долларов. Теперь в предвыборном гардеробе Х. Клинтон сплошь вещи американских дизайнеров с доступными для среднего класса ценниками [10].

Еще один немаловажный критерий – цвет. Протокол предписывает выбирать сдержанные, неяркие, элегантные тона. Для официальных мероприятий лучше подходят строгие темные цвета, например: серый, коричневый, синий, бордо. Прекрасно смотрится женский деловой костюм черного цвета, но этим цветом злоупотреблять не следует. Не стоит также отказываться от светлых тонов: голубого, бежевого, кофе с молоком, пастельных и других мягких и натуральных цветов. В большей степени выбор цвета делового костюма зависит от личных предпочтений, характера мероприятия, ее возраста и внешности, а также сезона, погоды и времени суток. Нельзя допускать ярких, кричащих, кислотных тонов. Именно этот пункт женщины-дипломаты часто нарушают [2, с. 42–43; 3; 6, с. 239–246; 8, с. 290–295].

Эталон стиля женщины во власти – сенатор США Хиллари Клинтон, как уже отмечалось, совершала исключительные ошибки в выборе одежды. На Национальный съезд Демократической партии в Денвере Х. Клинтон появилась в кричащем оранжевом костюме – яркий пример беспрецедентного нарушения делового этикета. Новый премьер-министр Великобритании в плане яркости нарядов вполне может конкурировать с канцлером Германии. В отличие от достаточно консервативной по части фасонов Ангелы Меркель, Тереза Мэй любит вещи экстравагантные и даже вызывающие. Например, на встречу королевы Великобритании с президентом Мексики Энрике Пеннья Ньето Тереза пришла в пальто с алым принтом и в лаковых ботфортах. А на саммите G20

в Китае появилась в красном костюме с декольте и в туфлях с цветным узором [10]. Главное пристрастие премьер-министра Великобритании – туфли с «хищным» принтом, которых у нее в гардеробе больше десятка. Кроме нарушения цветовой гаммы делового дресс-кода, Тереза Мэй нарушила предписание, касающееся обуви деловой женщины для дипломатических приемов. В соответствии с этикетом рекомендуемая обувь для женщины – классические «лодочки» черного, темно-синего, коричневого, светло-серого, бежевого цветов из кожи, но не из кожи крокодила, змеи, не из замши или велюра, без пряжек и других украшений. Босоножки и сандалии не допускаются [8, с. 294].

В разных странах конкретные цвета могут иметь разное значение, и это стоит учитывать при выборе одежды на официальный визит. Первая леди США Мишель Обама всегда славилась утонченным вкусом, однако несколько раз подбирала неполиткорректные наряды. На официальном обеде с президентом Китая Мишель появилась в эффектном ярко-красном платье без рукавов знаменитого европейского дизайнера. Если в качестве коктейльного платья оно бы подходило по этикету, то для встречи, на которой речь шла о развитии американо-китайских торговых отношений, было крайне неуместным. На официальном визите в Японию цветастый желтый наряд Мишель Обамы был слишком несерьезный и праздничный [11].

Бывшая первая леди Франции тоже не учла особенностей восточных стран. В июне 2009 г. Карла Бруни нарядилась в платье с открытыми плечами по случаю ужина в Елисейском дворце с правителем Катара и его женой. Шейх Хамад бин Халиф аль Тани был потрясен степенью обнаженности супруги Николя Саркози, к тому же Карла появилась с непокрытой головой, что противоречит правилам исламского государства [10].

Крупный международный скандал вызвал визит голландской королевы в соседнюю Германию. Вместе с супругом Виллемом-Александром 44-летняя Максима посетила медицинский центр в Нюрнберге. Королева нарядилась в модное дизайнерское пальто, расшитое крупными бусинами, металлической фурнитурой и стразами. Однако в затейливой крестообразной вышивке многие увидели свастику, что вызвало ряд вопросов и непрерывный поток критики. За Максиму поспешило вступить издание «Rheinische Post», пояснившее, что у буддистов свастика означает вечное движение шагающего солнца. Журналисты связались и с дизайнером – датчанином Классом Иверсенем, который заверил, что единственное, к чему он стремился, – создать оригинальный геометрический узор [10].

Доскональное знание протокола необходимо не только дипломатам, но и каждому государственному служащему, занимающемуся вопросами международно-экономического сотрудничества. Грамотное владение правилами и нормами современного дипломатического и делового протокола создает благоприятный климат общения, повышает престиж не только дипломатического или экономического ведомства, но и государства в целом.

В настоящее время политики стали упрощать протокольные требования, возможно, с целью показать обществу, что они обычные люди. На повестке дня

стоит вопрос о смягчении протокольных норм, придании им деловитости, т. е. черт, свойственных современной эпохе.

Таким образом, проблема упрощения протокольных норм не является простой, ибо дипломатический протокол является международным. Изменение основных норм – довольно сложный процесс. Упрощение протокольных норм касается суверенных государств, которые могут воспринять изменения отрицательно, отказаться от них или даже квалифицировать новые нормы как свою дискриминацию. Очевидно, что решение этой проблемы возможно лишь на основе международного соглашения, а поскольку такого соглашения нет, нормы международной протокольной практики необходимо соблюдать.

Список использованной литературы

1. Британцам разрешили отворачиваться от своей королевы [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – Режим доступа: <https://ria.ru/20090811/180513467.html>. – Дата доступа: 16.03.2019.
2. Ботавина, Р. Н. Этика деловых отношений : учеб. пособие / Р. Н. Ботавина. – М. : Финансы и статистика, 2002. – 208 с.
3. Вся правда о моде и политике [Электронный ресурс] // FB. – Режим доступа: <http://fb.ru/post/clothing/2017/7/7/14372>. – Дата доступа: 16.03.2019.
4. Дементьева, К. Кто из современных политиков чаще всего нарушает дипломатический этикет? [Электронный ресурс] // RUSBASE. – Режим доступа: <https://rb.ru/article/>. – Дата доступа: 17.03.2019.
5. Егоров, В. П. Дипломатический протокол и этикет : учеб. пособие / В. П. Егоров. – М. : Юрид. ин-т МИИТа, 2013. – 200 с.
6. Зарайченко, В. Е. Этикет государственного служащего : учеб. пособие / В. Е. Зарайченко. – изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2013. – 445 с.
7. История этикета: основные этапы развития [Электронный ресурс] // Wlooks. – Режим доступа: <http://wlooks.ru/etiket/istoriya/>. – Дата доступа: 22.03.2019.
8. Кибанов, А. Я. Этика деловых отношений / А. Я. Кибанов, Д. К. Захаров, В. Г. Коновалова. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 368 с.
9. Самойленко, В. В. Профессиональные секреты дипломата / В. В. Самойленко. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 272 с.
10. Тубольцева, Н. Они так носят: 11 политиков, проколовшихся из-за нарядов [Электронный ресурс] // Комсомол. правда. – Режим доступа: <https://www.kp.by/daily/26583.7/3598692/>. – Дата доступа: 20.03.2019.
11. 8 женщин-политиков, которые попадали в «модный просак» [Электронный ресурс] // Счастливая женщина. – Режим доступа: <https://happywoman.cc/zvyozdy-i-shou-biz/8-zhenshhin-politikov-kotorye-popadali-v-modnyj-prosak>. – Дата доступа: 16.03.2019.
12. 10 случаев, когда мировые лидеры наплевали на формальности и протокол [Электронный ресурс] // ADME. – Режим доступа: <https://www.adme.ru/svoboda-kultura>. – Дата доступа: 20.03.2019.

УДК 327.7

А. Н. Курадовец (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – Э. Н. Северин, канд. полит. наук

ЕАЭС: ОТ ИДЕИ СОЗДАНИЯ ДО РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена истории становления Евразийского экономического союза от распада СССР до непосредственного вступления в силу Договора о ЕАЭС 1 января 2015 г. Автор раскрывает поэтапный процесс создания ЕАЭС, использует выдержки из основных документов, выявляет преимущественные направления сотрудничества в рамках данного интеграционного процесса на постсоветском пространстве.

8 декабря 1991 г. «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил свое существование». В связи с распадом Союза Советских Социалистических республик бывшие страны-участницы интеграционного объединения стали перед выбором дальнейшего пути политического и экономического развития. Первой международной организацией бывших стран-участниц СССР стало Содружество Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Украиной было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Ст. 4 Соглашения гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, содействовать широкому информационному обмену, добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства» [12]. Таким образом, было положено начало первому интеграционному объединению на постсоветском пространстве.

21 декабря 1991 г. к вышеназванной организации в ходе встречи путем подписания Алма-Атинской декларации присоединились Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан. Декларация закрепила ст. 4 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, подтвердив «приверженность сотрудничеству в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков» [1].

Следующим шагом к углублению интеграции на постсоветском пространстве стал визит 29 марта 1994 г. Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева в Российскую Федерацию, в ходе которого он впервые озвучил идею формирования Евразийского Союза Государств [9]. Уже в июне того же года был разработан проект Евразийского Союза, в котором Глава Республики Казахстан акцентировал внимание на глубоком кризисе стран-участниц СНГ. Говоря о неисчерпаемости потенциала СНГ, Нурсултан Назарбаев отмечал, что «структура СНГ не позволяет реализовать имеющийся интеграционный потенциал в полном объеме». Решение данной проблемы политик

видел в углублении интеграции, а также в «сочетании процесса национально-государственного строительства с сохранением и развитием на этой основе межгосударственных интеграционных процессов». В качестве инструмента решения многочисленных проблем Президент Казахстана предложил создать Евразийский Союз (ЕАС) «с целью укрепления стабильности и безопасности, социально-экономической модернизации на постсоветском пространстве». План подробно описывал будущие направления и средства работы, определял организационную структуру будущего интеграционного объединения. В завершении Нурсултан Назарбаев писал: «История дает нам шанс войти в XXI век цивилизованным путем. Одним из способов является, на наш взгляд, реализация интеграционного потенциала инициативы по созданию Евразийского Союза, отражающей объективную логику развития постсоветского пространства и волю народов бывшего СССР к интеграции» [10, с. 38–50].

20 января 1995 г. Правительством Республики Беларусь, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан было подписано Соглашение о Таможенном Союзе, основой которого стало Соглашение о Таможенном Союзе Республики Беларусь и Российской Федерации от 6 января 1995 г. Таким образом, было сформировано интеграционное ядро – базис дальнейших проектов [9, с. 13].

29 марта 1996 г. ознаменовалось подписанием в Москве Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан и Российской Федерацией. Договор предусматривал создание в перспективе сообщества интегрированных государств, для чего было принято решение «направить совместные усилия на поэтапное углубление интеграции участников настоящего Договора в экономике, науке, образовании, культуре, социальной сфере и иных областях при соблюдении суверенитета Сторон, принципов равноправия и взаимной выгоды, нерушимости существующих между ними государственных границ, невмешательства во внутренние дела друг друга.» По прошествии двух лет, в 1998 г. к Договору присоединилась Республика Таджикистан [4, с. 9].

Таким образом, вышеназванные договоры стали первым шагом к реализации интеграционных перспектив на постсоветском пространстве, охватив не только экономическую, но и гуманитарную сферу, а в частности – сотрудничество в социальной и культурной областях.

Формирование Таможенного Союза набирало обороты, поэтому главы государств-участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях 26 февраля 1999 г. подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Определение Единого экономического пространство было дано в официальном документе: «Единое экономическое пространство – пространство, состоящее из территорий Сторон, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая,

денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающая свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы». Процесс создания Единого экономического пространства, согласно Договору, включал два этапа: 1) завершение формирования Таможенного союза и таможенной территории, 2) создание Единого экономического пространства (ЕЭП). Продолжительность этапов определялась Межгосударственным советом [7].

Для содействия завершению формирования Таможенного союза и созданию на его основе Единого экономического пространства в рамках заседания Межгосударственного совета в Минске 23 мая 2000 г. было принято решение о разработке проекта нового интеграционного объединения Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан. Итогом стало утверждение 10 октября 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Договор об учреждении ЕврАзЭС подтвердил намерения сторон выполнять вышеперечисленные договоры. Необходимо отметить, что документ не ограничивал функционирование сообщества определенным промежутком времени, а был заключен на неопределенный срок, т. е. до окончательного формирования Единого экономического пространства [5; 9].

«С целью создания условий для стабильного и эффективного развития экономик Сторон и повышения уровня жизни населения Стороны приступают к процессу формирования ЕЭП», – так говорилось в Соглашении о формировании Единого экономического пространства от 19 сентября 2003 г., подписанном в Ялте Президентами Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Украины. Таким образом, было положено начало по формированию правовой базы интеграционного объединения для обеспечения реализации идеи «четырех свобод»: свободы перемещения товаров, капитала, услуг и рабочей силы [9, с. 14].

По инициативе Президентов России и Казахстана в январе 2006 г. был основан Евразийский банк развития (ЕАБР) – «международная финансовая организация, призванная содействовать экономическому росту государств-участников, расширению торгово-экономических связей между ними и развитию интеграционных процессов на евразийском пространстве путем осуществления инвестиционной деятельности». Впоследствии к Российской Федерации и Республике Казахстан присоединились Республика Армения и Республика Таджикистан (2009), Республика Беларусь (2010), Кыргызская Республика (2011) [11].

Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 г., утвердившее интеграционное ядро Беларусь – Казахстан – Россия, нашло продолжение в августе 2006 г. на неформальном саммите государств ЕврАзЭС в Сочи, где президенты стран ядра договорились об активизации работы по формированию Таможенного союза с присоединением к нему Республики Таджикистан и Кыргызской Республики в перспективе.

Для реализации на практике одной из «четырех свобод» – свободы перемещения товаров на основе Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г., 6 октября 2007 г. на саммите

ЕврАзЭС в Душанбе был подписан Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Документ содержал в себе следующее определение Таможенного союза: «Таможенный союз – форма торгово-экономической интеграции Сторон, предусматривающая единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами, происходящими с единой таможенной территории, а также происходящими из третьих стран и выпущенными в свободное обращение на этой таможенной территории, не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. При этом Стороны применяют единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами». Таким образом, данный Договор стал логическим продолжением Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, отображая первый этап становления ЕЭП [6; 9].

2010 г. стал знаковым на пути формирования Единого экономического пространства. Многочисленные встречи первых лиц государств, подписание международных договоров и соглашений дали результат: с января начал функционировать Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Завершился первый этап формирования ЕЭП, обозначенный Договором о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. Был введен Единый таможенный тариф, реализована одна из «четырёх свобод» – свобода перемещения товаров. Для начала деятельности ЕЭП необходимо было создать базу международных договоров, в течение 2010 г. было подписано 17 новых соглашений, необходимых для дальнейшего становления Единого экономического пространства. 9 декабря 2010 г. на заседании Межгоссовета ЕврАзЭС – высшего органа Таможенного союза – Президентами интеграционного ядра была подписана Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Декларация устанавливала сроки окончательного формирования и начала функционирования ЕЭП – 1 января 2012 г. «Главы Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации отмечают, что начало функционирования Единого экономического пространства придаст новый импульс развитию более тесной интеграции, сближению экономик государств-участников в целях ускорения социально-экономического прогресса наших стран, роста благосостояния наших народов» [3; 9].

С 2011 г. было положено начало переговорам по вступлению Республики Кыргызстан в Таможенный союз. Декларация о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г. заявила о «переходе к следующему этапу интеграционного строительства – Единому экономическому пространству. Основным содержанием дальнейшей интеграции будет полная реализация потенциала Таможенного союза и Единого экономического пространства, совершенствование и дальнейшее развитие договорно-правовой базы,

институтов и практического взаимодействия». Также был подписан договор о Евразийской экономической комиссии [2]. Уже в декабре 2011 г. Высший Евразийский экономический совет в лице Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева и Президента Российской Федерации Д. А. Медведева принял решение о вступлении в силу международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации с 1 января 2012 г.

Таким образом, двадцатилетний процесс дипломатической работы на постсоветском пространстве вылился в новое интеграционное объединение, начавшее свою работу с 1 января 2012 г. – Единое экономическое пространство, которое гарантировало реализацию одну из четырех свобод – свободное перемещение товаров. Был завершен двухэтапный процесс создания ЕЭП [9].

Реализовав намеченную программу сотрудничества на постсоветском пространстве, интеграционное трио Беларуси, Казахстана и России подошло к переходу на более глубокий уровень интеграции. 29 мая 2014 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией. Документ провозглашает обеспечение свободы передвижения товаров, капитала, услуг и рабочей силы – «общий (единый) рынок», а также вводит новое понятие «единая политика» – «политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий» [5]. 10 октября 2014 г. и 23 декабря 2014 г. к Евразийскому экономическому союзу присоединились Республика Армения и Республика Кыргызстан соответственно [9]. 1 января 2015 г. Договор вступил в силу, что означало завершение более чем двадцатилетнего периода первичной интеграции, переход на новый ее уровень.

Таким образом, история Евразийского экономического союза берет начало еще со времен распада Союза Советских Социалистических Республик. Впервые идею о создании Евразийского союза (ЕАС) озвучил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев еще в 1994 г. В течение последующих 20 лет было заключено 11 основных договоров и соглашений, способствовавших дальнейшему развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве. При этом ведущую роль в поэтапном формировании ЕАЭС сыграло так называемое «трио»: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация. ЕАЭС можно представить в виде интеграции интеграций: Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза и Единого экономического пространства. Создание ЕАЭС ознаменовало переход к новому, более глубокому уровню интеграции, который в перспективе окончательно оформит «четыре свободы»: свободу перемещения товаров, капитала, услуг и рабочей силы.

Список использованной литературы

1. Алма-Атинская Декларация (г. Алма-Ата, 21 декабря 1991 года) [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=178>. – Дата доступа: 10.03.2019.
2. Декларация о Евразийской экономической интеграции [Электронный ресурс] // Евразийская Экономическая Комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents. – Дата доступа: 10.03.2019.
3. Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации [Электронный ресурс] // Евразийская Экономическая Комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents. – Дата доступа: 10.03.2019.
4. Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901125>. – Дата доступа: 10.03.2019.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/today/internationalcooperation/eeu/>. – Дата доступа: 10.03.2019.
6. Договор о создании единой таможенной территории, формировании Таможенного союза [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902200992>. – Дата доступа: 10.03.2019.
7. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/nontariff/Pages/Dogovo>. – Дата доступа: 10.03.2019.
8. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3402>. – Дата доступа: 10.03.2019.
9. Евразийский экономический союз. Хронология развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/#about-history>. – Дата доступа: 10.03.2019.
10. Назарбаев, Н. А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы 1994–1997 [Электронный ресурс] / Н. А. Назарбаев // Москва: фонд содействия развитию социальных и политических наук. – 1997. – Режим доступа: <http://personal.akorda.kz/ru/category/knigi/evraziiskii-soyuz-idei-praktika-perspektivy>. – Дата доступа: 10.03.2019.
11. О банке [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. – Режим доступа: <https://eabr.org/about/>. – Дата доступа: 10.03.2019.
12. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (г. Минск, 8 декабря 1991 года) [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=176>. – Дата доступа: 10.03.2019.

13. Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 года [Электронный ресурс] // Евразийская Экономическая Комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>. – Дата доступа: 10.03.2019.

14. Соглашение о формировании Единого экономического пространства сообщества [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1715>. – Дата доступа: 10.03.2019.

15. Соглашение об учреждении Евразийского банка развития сообщества [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. – Режим доступа: <https://eabr.org/upload/iblock/b6d/soglashenie-ob-uchrejdении-banka.pdf>. – Дата доступа: 10.03.2019.

УДК 327.7

В. Н. Невар (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. В. Харичкова, канд. ист. наук, доцент

ЕАЭС КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК: ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются политические отношения между основными акторами ЕАЭС в рамках теории политических рынков. Определены основные проблемы взаимодействия, а также позиции ключевых участников рынка. Охарактеризовано положение Республики Беларусь.

Сегодня региональная интеграция является значительным фактором международных отношений. Большинство исследований данного феномена проведено в рамках экономики, и это кажется логичным, ведь отношения в рамках региональных интеграционных объединений (РИО) носят прежде всего экономический характер. Однако даже если мы оставим тот факт, что создание и развитие РИО есть результат политических решений, то нельзя не заметить, что все чаще при рассмотрении уровней интеграции выделяют ее шестой уровень (наравне с пятью классическими формами Б. Балашша) – политический союз. Таким образом, очевиден вывод: исследование такого «многогранного» феномена как РИО нуждается в такой же методологии и методах, т. е. междисциплинарных направлениях. Одним из таких направлений является изучение политических отношений в рамках РИО посредством использования подходов и методов экономической науки.

Развитие идеи политики как обмена (введена К. Викселем в конце XIX в.) привело к появлению большого количества теорий, построенных на перенесении характера экономических отношений на отношения политические. Одной из таких теорий является теория политических рынков. Однако данное направление достаточно противоречиво, первоочередной причиной чего являются расхождения в дефиниции «политического рынка». Причины генезиса понятия «политический рынок» можно увидеть в капитализации политики [1, с. 32], консьюмеризации политических отношений [2, с. 103]. Мы видим основную причину в «методологической экспансии» экономической науки в политологию. Это обусловлено тем, что объектом теории политических рынков является

широкий круг проблем, традиционно относившихся к ведению политологии (партии и партийные системы, выборы, принятие политических решений и т. д.), однако исследование проводится путем применения инструментов экономического анализа [3, с. 76]. Таким образом, далее исследование политических отношений в рамках интеграционного объединения (ЕАЭС) будет проведено в рамках методологии экономической науки (теории политических рынков и институциональной теории).

Р. Коуз, основатель неоинституциональной экономики, определил «рынки» как институты, существующие для облегчения обмена, т. е. для сокращения издержек по операциям обмена [4, с. 13]. В свою очередь, под «политическим рынком» мы будем понимать совокупность институтов, используемых в целях регулирования (в первую очередь для сокращения издержек) политических отношений (отношений обмена в политике). Заметим одно важное отличие между двумя вышеприведенными определениями. Р. Коуз пишет, что институты «существуют для облегчения обмена». На наш взгляд, в политике институты, во-первых, «используются», во-вторых, «в целях регулирования». Из этого следует два вывода: 1) существующие институты в политических отношениях могут, как использоваться, так и игнорироваться (как с применением санкций к нарушителю, так и без); 2) использоваться может любой институт (не обязательно политический), если он дает возможности регулирования политических отношений.

ЕАЭС – это политический рынок регионального уровня, функционирующий в экономическом, политическом, социальном и культурном пространствах и находящийся в постоянном взаимодействии с ними. Для дальнейшего рассмотрения ЕАЭС как политического рынка предлагаем использовать следующую упрощенную модель действующих, а также потенциальных акторов:

Акторы политического рынка-ЕАЭС (классы акторов): органы ЕАЭС (в первую очередь ЕЭК), государства-члены ЕАЭС, организации (от международных организаций до фирм и общественных объединений), индивиды.

Свойства акторов, действующих на политическом рынке-ЕАЭС: ограниченно рациональны, действуют в условиях ограниченной информации; склонны к оппортунистическому поведению, действуют с целью максимизации собственной полезности (однако мы, учитывая вышеприведенные свойства акторов политического рынка-ЕАЭС, не утверждаем, что они максимизируют свою полезность, они лишь действуют с этой целью).

Стратегии взаимодействия акторов политического рынка-ЕАЭС: рынок, борьба, игра [5, с. 41].

Обратимся непосредственно к политическому рынку-ЕАЭС. Как и любой другой политический рынок, он существует в условиях высокого уровня неопределенности (структурной неопределенности), что характерно в целом для политических обменов и связано с непредсказуемостью поведения того или иного актора. Средством уменьшения неопределенности является заключение соглашений, т. е. создание институтов. Ключевым соглашением политического рынка-ЕАЭС является Договор о ЕАЭС, принадлежащий к слою

конституционных правил. Договор определяет формальную иерархическую структуру органов управления политического рынка-ЕАЭС, фундаментальную структуру принятия решений в его рамках, а также наиболее важные характеристики контроля за политическими процедурами. При этом изменить Договор достаточно трудно, а связанные с этим издержки еще более затрудняют изменения [6, с. 68]. Политическими правилами, относящимися к слою конституционных, являются и конституции государств-участников ЕАЭС, при этом соотношение данных правил (Договора и конституций) четко не определено и различается у государств, входящих в ЕАЭС.

Договор о ЕАЭС регламентирует проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики [7], однако политические отношения в рамках политического рынка-ЕАЭС Договор не регулирует. В данных условиях степень неопределенности еще более возрастает, что, в свою очередь, значительно повышает уровень издержек и делает обмен невозможным (невыгодным), результатом являются хаотичные политические отношения, а также повышение неопределенности и недоверия между акторами. Следствием отсутствия правил политических отношений являются трудности при заключении любых контрактов, что препятствует развитию не только политических, но и экономических отношений. Во избежание данного результата действующие акторы вынуждены использовать экономические институты в целях регулирования политических отношений, что негативно отражается на функционировании экономических институтов. Экономические институты, функционально не предназначенные для регулирования политических отношений, создают дополнительные возможности для оппортунистического поведения акторов политического рынка-ЕАЭС, а высокоспецифичность активов повышает риск оппортунистического поведения. В свою очередь, разрыв отношений с нарушителем также невыгоден, так как связан с запредельно высокими издержками, а доказательство ответственности нарушителя практически невозможно, поскольку институт использовался вне своего функционального назначения. Таким образом, действующие акторы (а говорили мы в первую очередь о государствах политического рынка-ЕАЭС) попадают в ловушку, наиболее оптимальным выходом из которой кажется создание политических институтов. Рассмотрим, так ли это.

Первоначально необходимо определить механизм координации, существующий в политическом рынке-ЕАЭС. Употребляемый нами термин «политический рынок-ЕАЭС» говорит лишь об используемой нами теории и не отражает механизм координации, существующий в ЕАЭС как политическом рынке. Рынок как механизм координации – это устройство, предназначенное для осуществления повторяющегося обмена между множеством потенциальных участников рынка [8, с. 343]. При этом стороны обмена равноправны и независимы друг от друга. Исходя из вышеприведенных характеристик рынка, можно сделать вывод, что для политического рынка-ЕАЭС данный механизм координации не характерен: во-первых, возможность выбора контрагента из

множества потенциальных участников рынка отсутствует, количество возможных контрагентов сильно ограничено; во-вторых, в рамках ЕАЭС существует лишь закрепленное формальными институтами равноправие; в-третьих, акторы политического рынка зависимы друг от друга.

Еще одним механизмом координации являются иерархии (фирма Р. Коуза и О. Уильямсона), для которых в первую очередь характерно подчинение в отношениях обмена между акторами. Иерархия имеет большое количество положительных сторон: 1) до минимума сокращаются издержки на проведение переговоров, они заменяются подчинением; 2) снижаются издержки на заключение контрактов, так как заключается один или несколько контрактов, в рамках которых на протяжении длительного времени происходит обмен [4, с. 41]; 3) в рамках иерархии легче противостоять оппортунистическому поведению. Исходя из формальных (конституционных) правил, мы не можем утверждать, что политический рынок-ЕАЭС – это иерархия, так как Договор о ЕАЭС закрепляет равноправие и учет национальных интересов всех государств-участников [7]. Однако иерархия может строиться и на основе неформальных институтов. Среди акторов-государств политического рынка-ЕАЭС центральным агентом стремится быть Россия – государство, склонное к оппортунизму и пытающееся привнести в механизмы координации Союза элементы иерархии. Однако издержки других акторов, действующих в рамках ЕАЭС, в случае построения иерархии значительно превосходят положительные стороны данного механизма координации. Таким образом, иерархия, невыгодная большинству действующих акторов, не осуществима в рамках политического рынка-ЕАЭС как долгосрочный механизм координации. При этом противоречие между формальным равенством и реальным неравенством будет сохраняться и порождать новые разногласия.

Следующим механизмом координации является сеть. Сеть – это долгосрочная кооперация автономных участников, взаимодействие которых происходит на основе переговоров [9, с. 159]. Сеть гораздо пластичнее, чем иерархия, и одновременно более интегрирована, чем рынок [10, с. 14]. Можно говорить о том, что политический рынок-ЕАЭС является долгосрочной кооперацией на основе контракта (Договора), в его рамках действуют автономные (независимые) акторы, взаимодействие которых происходит на основе переговоров или правил. Таким образом, механизмом координации в рамках политического рынка-ЕАЭС является сеть, отдельно взятый участник которой зависит от ресурсов и компетенций, контролируемых другими участниками [9, с. 162]. Построим граф обмена в рамках политического рынка-ЕАЭС (рисунок 1).

Мы можем описать политический рынок-ЕАЭС как сеть следующими параметрами: 1) доступность вершин (связи имеются между любыми двумя заданными вершинами); 2) отсутствие центральной вершины; 3) открытость (доступ в сеть возможен для любого заинтересованного актора) [11, с. 145]. При этом отличительной особенностью графа является одинаковая степень всех его вершин, граф является 3-регулярным.

Рисунок 1 – Граф обмена в рамках политического рынка-ЕАЭС

Однако отметим и некоторые проблемы в существовании политического рынка-ЕАЭС как сети:

1) Невзирая на то что для сетей характерна адаптивность, ЕАЭС данной характеристикой не обладает. Это связано в первую очередь с избранной моделью интеграции – «жесткий регионализм», для которой характерно большое количество наднациональных органов (решения которых обязательны для стран-членов), сложные институциональные структуры и т. д. Эти элементы иерархии значительно снижают адаптивность объединения.

2) Существующая общая цель сетевого взаимодействия непременно вступает в противоречие с индивидуальными целями агентов [9, с. 166], а цели России в ЕАЭС носят скорее политический, чем экономический характер, в отличие от других акторов, приоритетом для которых является экономическое взаимодействие. Сбалансировать эти интересы достаточно сложно, но при помощи переговоров возможно решить каждый конкретный случай. Институты создают систему решения некоторого множества случаев, однако создать пропорциональную систему обменов между политическими и экономическими интересами очень сложно.

Таким образом, издержки при создании и функционировании политических институтов могут значительно превышать выгоды от них, уровень неопределенности запредельно высок. В этих условиях акторы политического рынка-ЕАЭС не пойдут на создание политических институтов, заключение контракта просто невыгодно, а будут далее использовать для разрешения противоречий либо приговоры, либо экономические институты. Однако существует еще один способ уменьшения издержек – взаимодействие в рамках органов управления ЕАЭС.

Обратимся непосредственно к акторам политического рынка-ЕАЭС, действующим в описанных условиях. Построим взвешенный ориентированный граф, каждому из ребер которого присвоим вес в соответствии с существованием правил, которые могут использоваться для регулирования политических

отношений в рамках политического рынка-ЕАЭС, а также с учетом их необходимости, где 1 – существование достаточного количества правил, 3 – удовлетворительного и 5 – недостаточного количества правил.

Индивиды имеют достаточный набор институтов для взаимодействия с государствами-членами ЕАЭС (их отношения регулируются конституциями и законами): удовлетворительный для взаимодействия с организациями (организации, какие бы цели они не преследовали, часто не формируют политических институтов, однако они сформированы в рамках национальных институциональных систем) и недостаточный для взаимодействия с органами ЕАЭС (практически не существует институтов любого функционального назначения, способных регулировать политические отношения индивидов с органами ЕАЭС). Организации имеют удовлетворительный набор институтов для политического взаимодействия с государствами-членами ЕАЭС (сравнительная кратковременность их существования и по этой причине неизмеримость эффективности не позволяют оценить данную систему как достаточную), а также с органами ЕАЭС (правила деятельности организаций в рамках ЕАЭС открывают некоторые возможности для регулирования политических отношений). Государства члены, как было показано выше, находятся в условиях удовлетворительного количества институтов во взаимоотношениях с органами ЕАЭС (таблица 1).

Таблица 1 – Взаимоотношения РИО с органами ЕАЭС

	Индивиды	Организации	Государства-члены	Органы ЕАЭС
Индивиды	–	3	1	5
Организации	3	–	3	3
Государства-члены	1	3	–	3
Органы ЕАЭС	5	3	3	–

Таким образом, на графе (рисунок 2) мы можем видеть, что система институтов политического рынка-ЕАЭС не создает условий для оптимального прямого обмена между всеми акторами. К примеру, наилучший способ взаимодействия между индивидами и органами ЕАЭС осуществляется при посредничестве государств-членов, при этом непосредственное взаимодействие между индивидами и органами ЕАЭС является невыгодным по причине высокой степени неопределенности. Также мы видим, что наиболее оптимальные отношения у всех акторов политического рынка-ЕАЭС с государствами-членами, а наиболее невыгодные – с органами ЕАЭС. Исходя из этого, можно говорить, что органы управления ЕАЭС также не облегчают обмен между участниками политического рынка-ЕАЭС.

2. Пшизова, С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе (I) / С. Н. Пшизова // Полис. – 2009. – № 1. – С. 100–117.
3. Афонцев, С. А. Методологические основы современного экономико-политического анализа / С. А. Афонцев // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – 1998. – Вып. 3. – С. 72–122.
4. Коуз, Р. Фирма, рынок и право : пер. с англ. / Р. Коуз . – М. : Новое изд-во, 2007. – 224 с.
5. Афонцев, С. А. Политические рынки и экономическая политика / С. А. Афонцев. – 2-е изд. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 384 с.
6. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. с англ. А. Н. Нестеренко / Д. Норт. – М. : НАЧАЛА, 1997. – 180 с.
7. Договор о Евразийском экономическом союзе [заключен в г. Астана 29.05.2014 г.] [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. – Режим доступа: http://www.eaeunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf. – Дата доступа: 21.03.2019.
8. Фуруботн, Э. Г. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории / Э. Г. Фуруботн, Р. Рихтер. – СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2005. – XXXIV +, 702 с.
9. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория : учебник / под общ. ред. А. А. Аузана. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2018. – 448 с.
10. Смородинская, Н. В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу / Н. В. Смородинская. – М. : ИЭ РАН, 2015. – 344 с.
11. Олейник, А. Н. Модель сетевого капитализма / А. Н. Олейник // Вопросы экономики. – 2003. – № 8. – С. 132–149.

УДК 9.93.930

Я. В. Проценко (Беларусь, Брест, СШ № 7 г. Бреста)

Научный руководитель – Ж. В. Лещинская, учитель истории

ШКОЛЬНАЯ ФОРМА: ЗА И ПРОТИВ

Представлена история введения школьной формы в учебных заведениях России и Беларуси с середины XVIII в. и до настоящего времени. Проведено анкетирование старших классов, учителей, родителей и студентов с целью выявления отношения к введению школьной формы в учреждениях образования РБ.

Во всем мире есть школьная форма. Она имеет как своих сторонников, так и противников. Некоторые полагают, что форма необходима, другие считают ее преградой в развитии личности. Также бытует мнение, что школьную форму придумала советская власть, но это не так. Она появилась раньше, чем установилась советская власть в нашей стране.

В наши дни традиция ношения школьной формы для учащихся снова становится актуальной. Известные дома мод разрабатывают и шьют школьные формы элитным гимназиям и школам. На сегодняшний день такая форма вновь

становится показателем престижа и избранности. Во многих учебных заведениях предусматривают соблюдение дресс-кода, что является на сегодняшний день негласным школьным кодексом. В одних школах форму покупают централизованно и делают на них нашивки с эмблемой школы, в других просят приобрести форму в определенной цветовой гамме.

Одежда является важным фактором, определяющим степень сосредоточенности школьника на занятиях. В общеобразовательных школах довольно долгое время была позволена свободная форма одежды, и Министерство образования со временем сделало выводы: успеваемость снижается, особенно в старших классах. Современные модели формы позволяют снять на время учебного процесса вопросы обсуждения гардероба, школьники не отвлекаются, а учатся.

Первая девичья школьная форма появилась в 1764 г. в Смольном институте благородных девиц, основанном императрицей Екатериной II. Школьную форму в Российской империи считали делом государственной важности. В 1834 г. была утверждена общая система всех гражданских мундиров в Российской империи. Сначала для мальчиков, а затем и для девочек. Во всех учебных заведениях форма была военного фасона: неизменно фуражки, гимнастерки и шинели, которые отличались только цветом, кантами, пуговицами и эмблемами. Все гимназисты носили ранец.

В 1918 г. был издан декрет, который отменил ношение школьной формы. Причина была в том, что многие родители не могли позволить купить специальную одежду для детей. Ношение школьной формы становится обязательной после Великой Отечественной войны в 1949 г. Девочки обязаны были носить коричневые шерстяные платья с черным передником и черные или коричневые банты в обычные дни, в праздничные дни полагалось носить те же платья с белым передником и белыми гольфами или колготками. Мальчики носили военные гимнастерки с воротничком стоечкой. В послевоенное время атрибутом у учащихся и молодежи стала следующая символика: у пионеров – красный галстук и значок, у комсомольцев и октябрят – значок на груди. В 1962 г. мальчиков переодели в серые шерстяные костюмы, а в 1973 г. – в костюмы из синей полушерстяной ткани, с эмблемой и алюминиевыми пуговицами. В 1976 г. девочки также стали одеваться в новую форму. С той поры они стали ходить в темно-коричневых платьях, а мальчики – в синих костюмах. И только в 1992 г. школьную форму отменили, исключив соответствующую строку из Закона «Об образовании». Коричневые платья и синие костюмы заменили «вареные джинсы», брюки-клеш и девичьи наряды в духе «кто во что горазд».

Понятия «школьная форма» в значении «одинаковая для всех» в Беларуси нет. В то же время в учреждениях общего среднего образования введен деловой стиль одежды для учащихся. Такой комплект должен быть многофункциональным, гигиеничным, удобным и соответствовать тенденциям моды. Для мальчиков в комплект входили пиджак, жилет, брюки, рубашка с короткими и длинными рукавами, галстук; для девочек – жакет, жилет, юбка, брюки, блузка с

короткими и длинными рукавами, сарафан. Зимой допускался трикотажный свитер или жилет.

Ранее единого документа, в котором бы четко прописывалось, какие одежда и обувь соответствуют деловому стилю, не было. Однако, как сообщила начальник управления технического нормирования и стандартизации Госкомитета по стандартизации Оксана Гришкевич, в начале 2018 г. был утвержден госстандарт одежды для учащихся, которым будет руководствоваться «Беллегпром».

В соответствии с письмом Министерства образования Республики Беларусь от 02.07.2013 № 06-19/726/юл «О деловом стиле одежды учащихся учреждений общего среднего образования в 2018/2019 учебном году и в целях обеспечения единых требований к одежде обучающихся вводится обязательная школьная форма.

Данное положение разработано с целью установления единых требований к школьной одежде обучающихся 1–11 классов, создания рабочей атмосферы во время учебного процесса, соблюдения санитарно-гигиенических норм, утвержденных СанПиН, воспитания у обучающихся эстетического вкуса, культуры ношения одежды.

Настоящим Положением устанавливаются единые требования к внешнему виду и одежде обучающихся, определения школьной формы и обязательность ее ношения для обучающихся 1–9 классов.

Меры административного воздействия:

- Данный локальный акт является приложением к Уставу школы и подлежит обязательному исполнению учащимися и другими работниками школы.
- Несоблюдение обучающимися данного Положения является нарушением Устава и Правил внутреннего распорядка школы.
- В случае явки учащихся без школьной формы и нарушения данного Положения родители должны быть поставлены в известность дежурным администратором либо классным руководителем в течение учебного дня.
- За нарушение данного Положения, Устава учащиеся могут быть подвергнуты дисциплинарной ответственности и общественному порицанию.

Нами проанкетировано 194 учащихся, 12 учителей и 20 родителей ГУО «СШ № 7» г. Бреста. Цель анкетирования – выявить взгляды учащихся, учителей и родителей на школьную форму:

– 73 % учащихся отрицательно относятся к введению школьной формы; 68 % считают, что преимуществ во введении школьной формы нет. Однако 81 % учащихся считает, что школьная форма дисциплинирует учащихся.

Сегодня большая часть школьников не носит повседневную одежду на уроках. Важный аргумент против школьной формы, который высказывают учащиеся, заключается в навязывании стиля взрослыми. Ведь каждый ребенок – это личность, желающая выразить себя, а школьная форма не дает такой возможности. Также дети считают, что школьная форма стесняет их движения. К примеру, ношение пиджака может причинить мальчикам неудобства при

ответе у доски, поскольку этот предмет одежды очень легко запачкать мелом, а вот высоко поднять руку, чтобы написать на доске заголовок, будет сложно.

– 100 % учителей положительно относятся к введению школьной формы; 97 % думают, что школьная форма дисциплинирует учащихся; 0 % считают, что ученики становятся похожими друг на друга; 96 % проголосовали за введение аксессуаров с эмблемой школы.

Учителя считают, что школьная форма дисциплинирует, положительно влияет на учебный процесс. Дети, приходящие в школу в костюмах строгого классического стиля, более спокойные, сконцентрированные на учебе и меньше остальных нарушают дисциплину, а также деловой костюм существенно улучшает внешний вид школьников.

– 84 % родителей положительно относятся к введению школьной формы; 54 % думают, что школьная форма дисциплинирует учащихся; 13 % считают, что ученики становятся похожими друг на друга; 89 % считают, что школьная форма позволяет им не следить за тем, что надевает ребенок в школу. Однако только 76 % родителей готовы оплачивать школьную форму. За введение школьной формы 84 % родителей, против – 16 %. В анкетах было отмечено, что после введения школьной формы в школе будет относительное социальное равенство, не будет такого: «Ты богатый, а я бедный, значит ты круче». Строгий стиль одежды создаст в школе деловую атмосферу, необходимую для занятий. Форма дисциплинирует человека.

– 50 % студентов положительно относятся к введению школьной формы; 67 % думают, что школьная форма дисциплинирует учащихся; 46 % считают, что ученики становятся похожими друг на друга; 100 % высказались против введения формы в университете.

Дети в младших классах относятся положительно к школьной форме, так как чувствуют свою принадлежность к чему-то важному, в данном случае это школа. В средней школе у детей негативное отношение к школьной форме, это обусловлено подростковым возрастом и отрицанием всего прежнего. В старшей школе у подростков появляется осознание себя и окружающего мира, и они не так остро воспринимают навязывание каких-либо правил. Студенты против школьной формы. Они считают ее неудобной и ненужной в высших учебных заведениях. Родители и учителя обеими руками за форму, думая, что она прививает дисциплину и делает детей равными.

Школьная форма одним родителям нравится, другим нет. Но все они хотят, чтобы их дети были собранными и внимательными, ответственными и самостоятельными, хорошо учились и по утрам они не стояли перед шкафом в размышлении: а что бы такое сегодня надеть? Именно поэтому школьная форма – это в первую очередь атрибут дисциплины и порядка, эстетичный и аккуратный вид, комфорт и удобство.

Теперь давайте по порядку разберем все достоинства и недостатки школьной формы и начнём, пожалуй, с положительных характеристик.

Достоинства:

- приводит к сплочению коллектива, ученики могут ощутить себя единой общностью, которая преследует одни цели, в данном случае цель – учеба;
- школьная форма сводит к минимуму конкуренцию и стремление выглядеть лучше, чем другие, у школьников это препятствует тому, что дети будут делиться на богатых и бедных;
- одежда будет соответствовать санитарным и гигиеническим нормам;
- не позволяет подросткам одеваться вызывающе;
- форма доступна всем семьям с любым достатком.

Недостатки:

- школьная форма лишает учеников своей индивидуальности и неповторимости;
- ношение формы является обязательным и может рассматриваться как принуждение ребенка;
- форма может быть и не только бюджетной, но и дорогой для малообеспеченных семей;
- не дает ребенку свободы самовыражения.

Анализируя приведенные материалы, можно сделать вывод, что каждый расценивает школьную форму по-своему. Конечно, есть как сторонники, так и противники. Наличие школьной формы напрямую зависит от учреждения, в котором обучается ребенок. Во времена перехода от одного государственного строя к другому школьная форма отменялась полностью. Но всё-таки, исходя из истории формы, из моральных и этических рассуждений, мы делаем вывод, что форма призывает к порядку, дисциплине, осознанию того, где находится ребенок и для чего.

Хоть и большинство учеников были против введения школьной формы, нам кажется, что школьная форма должна быть. Раз во всех странах она есть, то значит, всеми признана целесообразность ее использования: и в целях практичности, и в целях формирования у человека вкуса и понимания делового этикета, поэтому принуждение – это вполне оправданный педагогический прием.

Список использованной литературы

1. Леонтьева, С. Советская школьная форма: канон и повседневность / С. Леонтьева // Теория моды. – 2008. – № 9. – С. 47–79.
2. Балина, М. Размышления о школьной форме (по материалам произведений детской и автобиографической литературы) / М. Балина, Л. Рудова // Теория моды. – 2008. – № 9. – С. 25–46.
3. История школьной формы в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chips-journal.ru/reviews/skol-naa-forma-istoria-dlinoj-v-400-let>. – Дата доступа: 12.03.2019.
4. Положение о единых требованиях к школьной одежде и внешнему виду обучающихся в Государственном учреждении образования «Базовая школа № 5 г. Постава» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://postsh5.schools.by/pages/polozhenie-o-shkolnoj-forme>. – Дата доступа: 12.03.2019.

УДК 001.98:94(45+57)«19»

А. Ю. Соик (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СССР И РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ

Статья посвящена проблеме фальсификации исторического образа Союза Советских Социалистических Республик и России в постсоветской истории Беларуси и Украины. В данной работе будет уделено внимание развитию этого процесса на территории постсоветской Беларуси и Украины. Проведен анализ фальсификации истории и рассмотрены примеры фальсификации исторического образа Советского Союза и России в истории постсоветской Беларуси и Украины. Выявлена эпатность этого процесса, его возможные последствия.

Актуальность темы обусловлена тем, что проблема фальсификации исторического образа Советского Союза и России в постсоветской историографии Беларуси и Украины практически не освещена в исторической науке. Поэтому данная работа направлена на выявление этой проблемы. Отмечены основные примеры фальсификации, определены основные тенденции развития фальсификации исторического образа Союза Советских Социалистических Республик и России в постсоветской истории Беларуси и Украины. Анализ основных идей и тезисов фальсификации исторического образа Советского Союза и России в постсоветской истории Беларуси и Украины проводится на основе изучения статей, публикаций, выступлений, проработки изданных учебных материалов и книг белорусских и украинских историков.

Распад Советского Союза привел к пересмотру исторических и идеологических концепций, созданных для обоснования такой исторической общности, как советский народ. Национализм, расцветавший после распада в странах постсоветского пространства, породил новую идеологию и привел к фальсификации исторического знания. Создание новых учебных пособий по истории после распада союзного государства можно считать составной частью широкого процесса переосмысления места и роли России и Союза Советских Социалистических Республик в историческом прошлом и настоящем стран постсоветского пространства. В связи с этим историческая литература представляет особый интерес как источник, содержащий в себе устоявшиеся примеры фальсификации исторической науки. Учебники и учебные пособия отражают характер той общественно-политической обстановки, которая сложилась в момент их создания.

Можно выделить два характерных этапа развития фальсификации исторического образа Советского Союза и России в постсоветской истории Беларуси и Украины:

1. Первый этап: со времени распада Союза Советских Социалистических Республик в 1991 г. до конца 1990-х гг. В этот период на территории Украины возникли две идейно-политические группировки со своей полярной идеологией

и видением исторического образа Советского Союза и России. На территории Беларуси разворачивалось националистическое движение, направленное на интеграцию с Европейскими странами и представление СССР в качестве «тюрьмы народов». Сформировалась партия «Белорусский Народный Фронт», которая выступала консолидирующим органом националистов, которые также занимались фальсификацией истории. В отличие от Украины на территории Беларуси не было ярко выраженного деления на националистов и их противников. Фальсификация истории преподносилась преимущественно через националистические СМИ как в Беларуси, так и в Украине.

2. Второй этап: конец 1990-х гг. по 2017 г. На территории Украины национализм вышел на лидирующие позиции, в результате чего фальсификация истории перекочевала из СМИ в школьные учебники. История Украины в составе Советского Союза оценивалась крайне негативно, и Россия в целом представлена в качестве угнетателя украинцев и захватчика территории Украины. На территории Беларуси национализм к концу 1990-х гг. переживает кризис и в результате прихода к власти Александра Григорьевича Лукашенко в 1994 г. практически повсеместно утрачивает позиции. Фальсификация исторического образа Союза Советских Социалистических Республик и России приходит в упадок и теряет свою актуальность.

Характеризуя первый и второй этапы фальсификации исторического образа Советского Союза и России в истории Украины, можно выделить определенную закономерность. Она связана с тем, что в среде политологов, политиков, историков и самого населения Украины произошло размежевание взглядов, и в связи с этим можно выделить две группы населения, которые образовались после распада Союза Советских Социалистических Республик. Украинский политолог Дмитрий Владимирович Корнилов в своей книге «Две Украины» выделяет «самостоятельную» группу, которая поддерживает независимость Украины и крайне агрессивно относится к Советскому Союзу и России, и «малороссийскую», приверженцы которой в большинстве адекватно оценивают роль России и Советского Союза в истории их государства. Все это в конечном счете создает противоречие во взглядах двух вышеназванных групп и полное непонимание между ними.

Первый этап фальсификации исторического образа Союза Советских Социалистических Республик и России оставил после себя огромное количество книг и публикаций, закрепляющих сфальсифицированный отрицательный образ двух государств, который отражает настойчивое стремление части политической и интеллектуальной элиты создать новый образ Украины – не только как части Европы, но и в качестве великой европейской державы, которая была унижена непосредственно Россией и затем насильственно включена в Советский Союз.

Большинство украинских историков придерживаются концепции М. Грушевского, по которой украинцы и русские являются не только разными, но и разновекторными народами, с различным этногенезом и исторической государственностью. Так, издававшийся на Украине в 1996 г. журнал «История в школе» открылся статьей его главного редактора Анатолия Фотиевича

Трубайчука «Михаил Грушевский и истоки украинской государственности», решающей чисто идеологические, а не научные задачи. В статье утверждается, что «как в имперской, так и в большевистской и нынешней России до сих пор широко распространена среди тех представителей интеллигенции, что выступают за развитие добрососедских отношений с Украиной, традиционная имперская мысль: «Украина – это часть России, как и часть Российской империи, что рано или поздно этот исторический эпизод независимости дойдет до своего «логичного» конца и Украина следом за лукашенковской Белоруссией вернется в лоно своей старшей сестры. Такова сила инерции, сила исторической реакции на лженаучную великодержавную схему про единство истории и неразрывность интересов трех славянских народов – украинцев, россиян и белорусов» [7, с. 3–6]. Помимо краткого изложения концепции Грушевского автор статьи напоминает учителям не только о «непоправимых утратах» украинского народа в период «черного семидесятилетия тоталитарной диктатуры», но и о том, что, обретя независимость в 1991 г., Украина стала «великой европейской державой»

[7, с. 3–6]. Подобных публикаций на Украине предостаточно.

Исторические образы России и всего постсоветского после распада Советского Союза получили новое прочтение в качестве врага украинской государственности и культуры, и со страниц оппозиционной националистической прессы все это переместилось в школьные учебники, научные журналы и официальные СМИ.

В учебнике для 9 класса по истории Украины В. С. Власова 2017 г., изданного в Киеве, дают своеобразное название ее землям в период нахождения их в составе Российской империи: «Украинские земли, которые с конца XVIII ст. пребывали в составе Российской империи, в исторической литературе называют Восточной, Центральной или Приднепровской Украиной. Правда, последние наименования историки считают не очень удачными, предпочитая название Великая Украина» [2, с. 6]. В противовес тому, что по установленной форме с XVIII в. название «Украина» становится разговорным синонимом официального термина «Малороссия» [5, с. 183–184]. По мере роста национального самосознания значимость понятия «Украина» повысилась, и само слово стало восприниматься не только как географический термин, но отчасти и как название этнического пространства. Особенно заметно это стало к концу XIX в. [5, с. 186]. На рубеже XIX и XX в. термин «Украина» как название всей этнической территории стал полностью самостоятельным и самодостаточным, вытеснив другие самоназвания, которые с тех пор употреблялись только на региональном уровне [5, с. 186]. Термин же «Великая Украина» – ирредентистская политическая концепция в националистической украинской среде. Историческое представление об Украине, Украине-Руси (например, М. Грушевского и др.) в ее территориально больших и политически весомых границах больших, чем современная территория, сформированная на основе Украинской Советской Социалистической Республики, должно охватывать все украинские этнические территории. Участие украинского народа в Великой

Отечественной войне практически не отражено в школьных учебниках, вместо этого старшеклассники основательно изучают личность Степана Бандеры и Украинской Повстанческой Армии [1, с. 3].

В школьных учебниках по истории Украины говорится о полном культурном различии между двумя народами, даже православие, которое существовало на Украинских землях, по мнению Министерства образования Украины и ряда украинских историков, являлось своеобразной и абсолютно иной религией, чем в Российской империи.

Все эти факты свидетельствуют о том, что преднамеренное вычеркивание из истории Украины всего того, что не вписывается в идеологические проекты правительства, создает гипертрофированные негативные исторические образы России и одностороннее прочтение истории российско-украинских отношений.

Проявление искажений исторической науки и непосредственно самой фальсификации имело место и в постсоветской Беларуси. Фальсификация исторического образа России и Союза Советских Социалистических Республик в Беларуси на первом этапе не носила глубокого и широко распространенного среди населения характера. Фальсификация распространялась в основном через националистические СМИ и не охватывала широкую аудиторию среди граждан в силу того, что большинство белорусов испытывало ностальгические настроения по отношению к Советскому Союзу, в их памяти отпечатался положительный образ союзного государства. Так, например, по данным опроса, проведенном специалистами Института стран СНГ в 1998 г., 80 % населения Беларуси настроены крайне положительно ко времени вхождения Беларуси в состав Союза Советских Социалистических Республик, а также к русским [6, с. 7].

Рухнувшим после распада Союза Советских Социалистических Республик идеалам и идее политической интеграции с Россией стали противостоять достаточно сплоченные группы националистической белорусской интеллигенции, пытающейся сдвинуть вектор политической и экономической интеграции в сторону Европы. Во главе белорусских националистов находился Белорусский народный фронт (БНФ), формирующий негативные образы России и всего постсоветского, что было сохранено правительством. «Главным вопросом для Белоруссии, начиная с XIII века, – писал идеолог Белорусского народного фронта Зенон Станиславович Позняк, – является вопрос отношения с Востоком. Возник он с появлением конницы монголов под стенами Белорусских городов, а потом, после отражения монгольского вала, с образованием Золотой Орды, затем Московского государства и Российской империи. Белоруссия, находясь на восточной границе европейской цивилизации, вынуждено вела непрерывные оборонительные войны с агрессивным соседом. В то время, когда наша держава простиралась от Балтийского до Черного моря, образуя восточный пояс Европы, отношения с Россией не имели для Белоруссии фатального результата. Фатальный исход начался тогда, когда Сцилла и Харибда объединили свои усилия. XVIII в. – медовое время российско-немецких династических и геополитических интересов. В начале столетия это привело к разделу ее территории между тремя империями – Российской, Прусской, и

Австрийской» [4, с. 2]. Вариациями подобных установок была переполнена белорусская оппозиционная пресса. Негативное прочтение истории российско-белорусских отношений имело место среди немалого числа белорусских историков 1990-х гг.

Несмотря на растущую активность белорусской националистической интеллигенции (занятой формированием негативного исторического образа России) ее усилия не дали заметного эффекта по причине достаточно глубоких родственных чувств белорусского народа ко всему советскому и русскому.

Второй этап фальсификации исторического образа Советского Союза и России в постсоветской истории Беларуси характеризуется положением, по которому национализм, а вместе с тем и фальсификация исторического образа Союза Советских Социалистических Республик и России, переживает свой кризис уже к концу 1990-х гг. Это напрямую связано с проводимой правительством политикой. В 1994 г. на пост президента Республики Беларусь был избран Александр Григорьевич Лукашенко. Через 10 месяцев после избрания А. Г. Лукашенко провел референдум по вопросам о роли русского языка, государственной символике и об отношении к интеграции с Россией. В последующем Президент распорядился заменить учебники по истории, изданные в предшествующие годы новыми. Их главной отличительной чертой, как в последующем он неоднократно указывал в своих публичных выступлениях, должно было стать отсутствие национализма.

В общем можно отметить, что в Беларуси вполне адекватно отражено влияние России на историческое прошлое Беларуси, а также насколько это возможно, здраво и объективно оценивается история Беларуси в период нахождения в Союзе Советских Социалистических Республик. Роль советского народа в борьбе против фашизма в годы Великой Отечественной войны изучается в 10 классе. Однако в учебниках по истории Беларуси всячески оправдываются действия Советского Союза, в том числе захват территории Польши в 1939 г. В учебнике написано следующее: «Несмотря на мужество польских солдат и офицеров, германские войска стремительно двигались вглубь польской территории. Западная Беларусь и Западная Украина оказались под угрозой захвата фашистами. Руководство Германии, начиная военную кампанию, подталкивало Советский Союз быстрее выступить против Польши. Советский Союз должен был занять те территории, которые входили в сферу его интересов, в том числе часть территории коренной Польши вплоть до Варшавы. Гитлеровцы тем самым старались возложить ответственность за развязывание войны и на Советский Союз. Но советское руководство не поддалось на эту провокацию» [3, с. 116].

В целом в отличие от большинства стран постсоветского пространства белорусские историки придают значительную роль именно мужеству советских солдат, не дробя вклад в победу по национальному признаку. В учебнике по истории Беларуси для 11 класса это описано следующим образом: «Во время Второй мировой войны, развязанной нацистским руководством Германии и ее союзниками, многие народы и государства оказались под угрозой порабощения

и даже полного уничтожения. И только беспримерные мужество, героизм, самопожертвование народов антигитлеровской коалиции и прежде всего братских народов Советского Союза во время Великой Отечественной войны, спасли народы мира от угрозы фашизма» [8, с. 5]. Таким образом, сохранение уважительного отношения к памяти героев Великой Отечественной войны у белорусов носит не только национальный, но и полиэтничный характер.

В обобщение вышесказанного, можно с уверенностью утверждать, что формирование исторического образа Советского Союза и России в бывших республиках Союза Советских Социалистических Республик будет нести печать тех конфликтов и противоречий, которые сейчас существуют на постсоветском пространстве. Преднамеренная фальсификация исторических представлений друг о друге будет оказывать резкое конфронтационное влияние на политические процессы.

Список использованной литературы

1. Амелина Я. Русские в Галиции: [Москва ничего не делает, чтобы облегчить жизнь своих соотечественников на Западной Украине] / Я. Амелина // Независимая газета. – 1997. – 4 апр. – С. 3.
2. Власов В. С. Історія України : підручник / В. С. Власов. – Київ : Літера ЛТД, 2017. – 304 с.
3. Новик, Е. К. История Беларуси, 1917—1945 гг. : учеб. пособие / Е. К. Новик ; автор метод. аппарата В. В. Гинчук ; пер. с белорус. яз. Н. Л. Стрехи. – Минск : Нар. асвета, 2012. – 182 с.
4. Позняк, З. С. Беларусь, Россия, СНГ / З. С. Позняк // Народная газета. – 1993, 14 января. – С. 2
5. Пономарьов, А. П. Етнічність та етнічна історія України : курс лекцій / А. П. Пономарьов. – Київ : Либідь, 1996. – 271 с.
6. Сергеев, Н. Анатомия союза России и Белоруссии / Н. Сергеев, А. Фадеев // Содружество-НГ. – 1998. – № 8. – С. 5.
7. Трубайчук, А. Ф. Михаил Грушевский и истоки украинской государственности / А. Ф. Трубайчук // История в школе. – 1996. – № 1. – С. 3–6.
8. Фомин, В. М. История Беларуси, вторая половина 1940–х гг. – начало XXI в. : учеб. пособие / В. М. Фомин, С. В. Панов, Н. Н. Гауценко ; под ред. В. М. Фомина. – Минск : Нац. Ин-т образования, 2013. – 232 с.

УДК 321.5/8(476)

О. В. Сухаревич (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. В. Харичкова, канд. ист. наук, доцент

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье дана характеристика инструментов «мягкой силы» Республики Беларусь. Описаны история формирования концепции «мягкой силы», ее направления и компоненты, их практическое применение. Дана оценка потенциала и эффективности применения страной механизмов «мягкой силы».

От внешней политики, проводимой тем или иным государством, зависит его положение на международной арене, безопасность, а также его внутреннее устойчивое развитие. На современном этапе для эффективной внешнеполитической деятельности странами все чаще задействуются инструменты «мягкой силы», т. е. ненасильственные методы воздействия. Национальные интересы в этом случае реализуются при помощи культурного и информационного воздействия.

Разработка концепции «мягкой силы» в науке о международных отношениях ведется с начала 1990-х гг., однако ее применение к исследованиям Беларуси ещё ново. Чаще всего концепция «мягкой силы» применяется в качестве одного из инструментов анализа внешней политики крупных международных игроков, таких как США, Евросоюз, Китай или Россия. Однако уже можно говорить о том, что у Беларуси имеется значительный потенциал использования «мягкой силы» в отношении стран-соседей [7].

Внутренние возможности Республики Беларусь ограничены с точки зрения демографических, структурных и ресурсных планов. Ввиду данной проблемы страна пытается избежать участия во внешних конфликтах. Напротив, внешняя политика Беларуси направлена на проведение сбалансированной многовекторной политики, продвижение ее интересов посредством участия в деятельности международных организаций, двусторонних и многосторонних контактов и интеграционных проектов. Беларусь защищает свои национальные интересы, укрепляя международную репутацию и свое влияние на международной арене.

Для этого Беларусь активно применяет дипломатию и вытекающие из нее возможности, как и некоторые механизмы «мягкой силы», которые все больше пронизывают внешнюю политику страны [9]. Однако можно говорить не только о формировании концепции «мягкой силы» Беларуси. Как уже говорилось ранее, инструменты «мягкой силы» требуют больших затрат, а также внутреннего благосостояния. Республика Беларусь пока находится на этапе раскрытия своего потенциала «мягкой силы».

Для определения этапов формирования концепции «мягкой силы» Республики Беларусь должны учитываться внутривнутриполитические условия в стране, внешнеполитическое положение, а также усилия органов государственной власти РБ по созданию и продвижению привлекательного имиджа страны за рубежом.

Первый период – 1991–2006 гг. [3]. На этом этапе механизмам «мягкой силы» не уделяется прямого внимания, однако уже положено начало формированию имиджа страны, налаживаются дипломатические связи.

Второй период – с 2006 г. по настоящее время [3] – характеризуется выходом на новый уровень, когда формирование имиджа страны стало осуществляться целенаправленно, выйдя на первый план во внешнеполитической деятельности государства.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко не единожды указывал в своих выступлениях на важность создания положительного образа страны и

того, какая роль отводится имиджу в формировании устойчивых международных отношений и внутреннего благосостояния. Ряд исследователей отмечают, что имиджевая политика как одно из приоритетных направлений государственной политики начала реализовываться только с 2006 г. На уровне законодательства были предприняты некоторые шаги: был принят ряд программ, направленных на поддержку и развитие туризма, внешнеэкономической деятельности, деятельности МИДа и др. [3].

В воздействии «мягкой силы», которую использует политическое руководство Беларуси, можно выделить несколько направлений:

- 1) повышение авторитета и роли государства в международных делах;
- 2) формирование влиятельных сообществ, лоббирующих и продвигающих интересы Беларуси в других странах;
- 3) создание положительного образа страны (имиджа) и его продвижение в мировом информационном пространстве и информационном пространстве других стран [9].

Первое направление представлено деятельностью Администрации Президента РБ, Министерства иностранных дел, Министерства экономики и др. Главным образом это выражается в декларируемых в международных контактах и на площадке ООН официальными должностными лицами и уполномоченными структурами и принципах внешнеполитической доктрины государства.

Беларусь позиционирует себя как нейтральное, безъядерное государство, твердо придерживающееся принципов дипломатического урегулирования конфликтов на основе принципов международного права. Примером может служить осуществление посреднических миссий в разрешении конфликтов. В частности, организация и участие в переговорах в Минске по конфликту в Украине, где Беларусь выступила в роли инициатора переговоров и обеспечила их дипломатическое и организационное сопровождение, что сделало страну не только более узнаваемой, но и способствовало повышению авторитета, в первую очередь на европейском континенте [9].

Беларусь поддерживает дипломатические отношения со 177 государствами мира и на сегодняшний день представлена заграничными учреждениями в 59 государствах мира. В 2014 г. были открыты посольства РБ в Австралии, Катаре, Монголии, Пакистане, Эквадоре, а также генеральное консульство в Милане (Италия), в 2016 г. – в Грузии и Испании, возобновлена деятельность посольства в Швеции [6].

Второе направление «мягкой силы» – формирование влиятельных сообществ, лоббирующих и продвигающих интересы Беларуси в других странах. Это направление включает в себя налаживание контактов с диаспорами, гражданами и выходцами из Беларуси, постоянно проживающими за границей. Необходимо заметить, что диаспора является важным механизмом защиты и продвижения интересов белорусского государства на международной арене.

Для третьего направления «мягкой силы» – формирования положительного образа страны – характерно использование культурного потенциала страны, образования, спорта, туризма. Успехи и достижения,

привлекательность данных компонентов помогают формировать положительное восприятие страны, ее населения у граждан других стран, что показывает важность данного направления «мягкой силы». От этого во многом зависит успешность развития экономических и политических отношений, а также возможность продвигать свои интересы. Поэтому изучение образа страны и народа представляется необходимым начальным этапом в процессе формирования позитивного имиджа белорусского государства [7].

В целях формирования имиджевой политики государство стало в полной мере использовать возможности средств массовой информации, деятельность Министерства иностранных дел, организацию выставок и форумов, а также издательскую деятельность.

Одним из ведущих компонентов данного направления в Беларуси является спорт. Физической культуре и спорту уделяется много внимания: ведется подготовка выдающихся специалистов и спортсменов, строятся спортивные сооружения мирового класса. Спорт стал визитной карточкой Беларуси на мировой арене. Это подтверждает проведение в стране спортивных состязаний регионального и мирового уровней.

В республике действует законодательство, которое обеспечивает развитие и финансирование физической культуры и спорта, а также способствует строительству спортивных и оздоровительных объектов. Идет успешная подготовка специалистов в области физической культуры и спорта, спортсменов высокого класса.

Одним из наиболее динамично развивающихся направлений спортивной индустрии стала деятельность по привлечению и организации крупнейших международных спортивных соревнований на территории Республики Беларусь. Как отмечает Министерство спорта, в Беларуси в последние годы проводились такие крупные спортивные соревнования, как чемпионаты мира по хоккею, велоспорту на треке, тайскому боксу, пауэрлифтингу, чемпионаты Европы по художественной гимнастике, самбо, боксу, индорхоккею, шахматам и многие другие международные турниры [1].

Стоит подчеркнуть тенденцию увеличения количества международных мероприятий, которые проводятся в стране. Еще в 2015 г. их насчитывалось 30, в 2016 г. – 67 и уже в 2017 г. – более 80. Среди них были и такие крупные события как чемпионат мира по хоккею в 2014 г., юниорский чемпионат мира по биатлону в 2015 г., этапы Кубка мира по фристайлу и художественной гимнастике, чемпионат мира по конькобежному спорту в 2018 г. [10].

В 2019 г. в Беларуси прошло масштабное событие – II Европейские игры. Также в 2019 г. в комплексе «Раубичи» прошел чемпионат мира по летнему биатлону. На 2021 г. Минск совместно с Ригой планируют принять 85-й чемпионат мира по хоккею с шайбой [10].

По большей части именно спорт делает Беларусь узнаваемой, ведь страна постоянно входит в двадцатку сильнейших среди более 200 спортивных держав мира, участвующих в Олимпийских играх [1]. По данным исследования BISS, чемпионат мира по хоккею в 2014 г. и другие спортивные события вызвали

всплеск интереса к Беларуси, что выразилось в росте поисковых запросов стран-соседей в Интернете о ней [7]. Такое же воздействие оказывает спорт и на Запад [4; 5].

Большое внимание РБ уделяет культуре. С 1998 г. существует Фонд президента РБ по поддержке культуры и искусства, который помогает создать подходящие условия для развития национальной культуры, а также способствует расширению творческих связей белорусских культурных деятелей с представителями культуры других стран [11].

Каждый год в Беларуси проходят фестивали, посвященные различным музыкальным стилям и жанрам («Белорусская музыкальная осень», «Минская весна», «Золотой шлягер», «Музы Нясвіжа»). Наиболее узнаваемым фестивалем является международный фестиваль искусств «Славянский базар» в Витебске.

Еще один способ повышения привлекательности Беларуси – многочисленные театральные фестивали, которые собирают актеров и зрителей со всего мира. Это такие престижные фестивали, как международный театральный фестиваль «Белая вежа» (Брест), международный фестиваль театрального искусства «Панорама» (Минск), международный фестиваль студенческих театров «Тэатральны куфар» (Минск), международный молодежный театральный форум «M@art. Контакт» (Могилев), международный форум театрального искусства «ТЕАРТ» (Минск), Белорусский международный фестиваль театров кукол (Минск) [2].

Беларусь не только проводит у себя различные мероприятия, но и активно развивает гастрольную деятельность. В 2017 г. коллективы Белгосфилармонии, которая является ведущей концертной организацией страны, гастролировали в 20 странах мира, труппа Национального академического театра оперы и балета – в 9 странах. В том же году проводилась международная культурная акция Belarus Day, в ходе которой по 9 странам Европы гастролировали хореографический ансамбль «Хорошки» и Государственный академический ансамбль танца Беларуси [11].

С ноября 2017 г. наблюдается рост белорусского кинопроизводства, что стало результатом завершения реконструкции Национальной киностудии «Беларусьфильм». Белорусское творчество высоко ценится в мире. На первом кинофестивале стран Шанхайской организации сотрудничества в Циндао (КНР) в июне 2018 г. жюри присудило специальную награду понравившемуся фильму «Тум-Паби-дум» киностудии «Беларусьфильм» (детская приключенческая драма, 2017, режиссер Б. Никифоров).

Снятая по повести Василя Быкова драма «В тумане» (режиссер Сергей Лозница), над которой трудилась международная группа, удостоилась специального приза жюри Международной федерации кинопрессы FIPRESCI на 65-м Каннском кинофестивале в 2012 г. [2].

В июле 2018 г. проводился XXIX кинофестиваль в Марселе (Франция), где состоялась международная премьера фильма «Завтра» (семейная драма, режиссер Ю. Шатун). Фильм был одновременно представлен на трех конкурсах и получил четыре награды (включая приз за лучший дебютный фильм). Это

была единственная картина, получившая столько наград на кинофестивале в Марселе [11].

Беларусь осуществляет много совместных проектов с зарубежными кинематографистами. На «Беларусьфильме» снимали свои ленты Никита Михалков, Петр и Валерий Тодоровские, Дмитрий Астрахан, Александр Сокуров.

В стране проходят крупные кинофестивали: Минский международный кинофестиваль «Лістапад» и конкурс фильмов для детской и юношеской аудитории «Лістападзік» (Минск), республиканский фестиваль белорусских фильмов (Брест), международный фестиваль анимационных фильмов «Анимаевка» (Могилев), международный католический фестиваль христианских фильмов и телепрограмм «Magnificat» (Глубокое) [2].

Современными брендами национальной традиционной культуры Беларуси являются международные фестивали фольклорного искусства «Берагіня» (Гомельская область), народной музыки «Звіняць цымбалы і гармонік» (Витебская область), народного творчества «Венок дружбы» (Могилевская область), этнокультурных традиций «Кліч Палесся» (Гомельская область), фольклора «Мотальскія прысмакі» (Брестская область) [11].

Еще одной важной составляющей «мягкой силы» является информационное воздействие. В настоящее время выпускаются такие печатные СМИ, как газета «Голас Радзімы» – общенациональная газета, ориентированная на зарубежного и на отечественного читателя, где большое внимание уделяется культуре Беларуси; газета «The Minsk Times», затрагивающая в основном экономическую проблематику, издается в 50 странах на английском языке; журнал «Беларусь. Belarus», освещающий различные аспекты жизни Беларуси на белорусском, английском, французском, испанском, немецком, польском и китайском языках; специализированный финансово-экономический альманах «Horizons. Горизонты» (на английском, русском и белорусском языках) [12].

На зарубежную аудиторию, интересующуюся событиями в нашей стране, рассчитаны передачи радиостанции «Беларусь», вещающей на белорусском, русском, английском, немецком, польском, французском, испанском и китайском языках [2]. Зарубежная аудитория составляет около 1 млн человек. Помимо стран Центральной, Южной и Западной Европы, передачи станции принимаются также на территории Российской Федерации, КНР, Японии, в Северной Африке и на Ближнем Востоке [12].

Первый и единственный международный спутниковый канал Беларуси «Беларусь 24», который осуществляет вещание с 2005 г., круглосуточно открыт для зрителей в 100 странах. Содержание канала основано на новостях и аналитике важных событий в стране и в мире. Кроме того, канал транслирует различные программы, рассказывающие об истории и культуре страны, ее главных достопримечательностях, о туризме в Беларуси, белорусской кухне, знаменитых брендах и людях. Несмотря на широкую аудиторию канала – зрители в странах Европы, Ближнего Востока, Центральной Азии, Африки и Северной Америки – вещание ведётся только на белорусском и русском языках [2].

Подводя итоги, можно сказать, что несмотря на то, что термин «мягкая сила» не закреплён официально во внешнеполитической деятельности РБ, тем не менее его механизмы начинают применяться. Внешняя политика Беларуси предусматривает многовекторность, а значит, рассчитана на обширную аудиторию – страны СНГ, Европы, Америки, Азии и Африки, но пока что наиболее эффективно использовать инструменты «мягкой силы» возможно со странами-соседями.

Как показывают исследования, привлекательный образ Беларуси сложился у населения России и Украины, Запад же настроен более негативно [4; 7]. Чаще всего Беларусь воспринимают односторонне [4; 5; 7]. Исследователи BISS отмечают, что «Беларусь интересует СМИ либо как субъект международной торговли, либо в связи с ее отношениями с Россией или ЕС. События внутри самой Беларуси интересуют слабо. В СМИ соседних стран Беларусь чаще всего представлена одним персонажем – Александром Лукашенко» [7].

Большое внимание в стране уделяется спорту как самому эффективному инструменту «мягкой силы». Благодаря спортивным достижениям и проводимым на территории Беларуси спортивным состязаниям международного уровня повышается узнаваемость страны, ее положительный образ. В свою очередь, данный фактор способствует привлечению туристов в страну. Туризм также является важным инструментом «мягкой силы», так как дает полное представление о Беларуси, ее культуре, природе. Он положительно влияет на экономику страны, так как привлекает инвестиции и повышает товарооборот страны. Для усиления ресурса «мягкой силы» в отношении стран-соседей эксперты рекомендуют белорусским властям увеличить количество экономических и культурных мероприятий, организуемых в этих странах; содействовать притоку туристов из соседних стран-членов ЕС, предоставляя им бесплатные или льготные визы. Уже в 2017 году был подписан указ «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» [8].

Аналитики Белорусского института стратегических исследований считают, что в целом возможности продвижения интересов и имиджа страны власти используют не полностью. В то же время важно подчеркнуть: одна только реклама страны мало что даст без преобразований внутри нее.

Список использованной литературы

1. Беларусь спортивная [Электронный ресурс] // Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.mst.by/ru/sports-belarus-ru/>. – Дата доступа: 15.03.2019.
2. Белорусская культура [Электронный ресурс] // Беларусь, официальный сайт Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/culture>. – Дата доступа: 15.03.2019.
3. Бикетова, Е. А. Государственная политика Республики Беларусь по формированию привлекательного имиджа страны на международной арене / Е. А. Бикетова // Известия Алт. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 28–32.
4. Бикетова, Е. А. Эволюция имиджа Республики Беларусь в СМИ Западной Европы / Е. А. Бикетова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 407. – С. 36–43.

5. Десять событий, заставивших весь мир гуглить «Belarus» [Электронный ресурс] // Tut.by. – Режим доступа: <https://42.tut.by/387517>. – Дата доступа: 15.03.2019.

6. Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/ministry/>. – Дата доступа: 15.03.2019.

7. «Мягкая сила» Беларуси в регионе: оценка потенциала [Электронный ресурс] // Белорусский институт стратегических исследований. – Режим доступа: <https://belinstitute.com/ru/node/3373>. – Дата доступа: 15.03.2019.

8. Официальные документы [Электронный ресурс] // Официальный портал президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-462-ot-26-dekabrja-2017-g-17739/. – Дата доступа: 15.03.2019.

9. Слуцкая, Л. В. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Беларусь на современном этапе / Л. В. Слуцкая, О. Е. Побережная // BelDiplomat. – 2015. – № 6. – С. 41–46.

10. Спорт в Беларуси [Электронный ресурс] // Беларусь, официальный сайт Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/sport>. – Дата доступа: 15.03.2019.

11. Фонды [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.kultura.by/ru/fondy-ru/>. – Дата доступа: 15.03.2019.

12. Фрольцов, В. В. СМИ Республики Беларусь для зарубежной аудитории / В. В. Фрольцов // Весн. БДУ. – 2007. – № 2. – С. 116–123.

УДК 34.08(476)+316.4.062

Р. В. Чуравский (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. И. Пашкович, канд. ист. наук, доцент

ЧИСЛЕННЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ОВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ. КОРРЕЛЯЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ

В статье рассматривается проблема определения численности работников правоохранительных органов Республики Беларусь. Автор поднимает вопрос соотношения количества работников правоохранительных структур к уровню криминализации общества. В статье рассматриваются факторы латентной преступности и количество административных правонарушений.

Обеспечение безопасности общества является одной из ключевых задач государства. Именно с целью поддержания правопорядка и защиты граждан от посягательств криминальных элементов оно создает систему правоохранительных органов. В ведении этого государственного института находится вопрос выявления и предотвращения деструктивных действий со стороны отдельных субъектов или групп. В связи с этим частым вопросом становится выявление механизмов, влияющих на успешность борьбы с криминализацией общества. Их осознание, а также определение факторов, коррелирующих с эффективностью предотвращения преступлений со стороны правоохра-

нительных органов, способствует проведению правильной политики по реформированию и развитию данного социального института. Одним из таких факторов, который улавливается интуитивно, является увеличение численности правоохранительных органов. Данный тезис имеет в своей основе один из законов диалектики – переход количества в качество. Суть его сводится к накоплению достаточных количественных изменений, которые в конечном итоге приводят к качественным преобразованиям [4, с. 47]. Однако верификация данного тезиса возможна только при наличии данных о динамике количественного состава правоохранителей.

Вопрос численности правоохранителей в Республике Беларусь – одно из белых пятен статистики в белорусском обществе на сегодняшний день. Проблема заключается в отсутствие официальных статистических данных по данному показателю. Это порождает массу слухов в первую очередь в СМИ. Наиболее показательным из них является информация о численности правоохранительных органов в 1442 человека на 100 000 [2; 10; 11]. Эта цифра фигурирует сразу в нескольких интернет-изданиях, в первую очередь, оппозиционной направленности. Причем везде она подается как информация, взятая из бюллетеней ООН за 2006 г. Тогда были опубликованы данные десятого исследования тенденций в области преступности и функционирования систем уголовного правосудия за 2005–2006 гг. В них были представлены ответы, полученные из 86 стран в результате проведения опроса руководителей соответствующих органов. Одной из граф в этом опроснике действительно была численность офицеров полиции. Однако не все страны предоставили информацию об этом. Так, к примеру, Беларусь не предоставила данные о численности ОВД, просто поделившись информацией о раскрываемых преступлениях за данный период [20, с. 185]. Больше никаких данных от ООН за период до 2006 г. по Республике Беларусь не поступало. Попытка отыскать источник информации о 1 442 сотрудниках на 100 000 населения ни к чему не приводит. По всей видимости, следует признать данную цифру фиктивной, взятой на вооружение определенной идеологической группой с целью демонстрации эффекта «полицейского государства». Тем более данная цифра выглядит несостоятельной в соотношении со средним показателем по численности правоохранительных структур в разных странах за этот период. Он составлял 341,8 сотрудников на 100 000 [18, с. 136]. Сложно представить, чтобы в европейской стране с почти 10-миллионным населением 1,5 %, а если рассматривать исключительно трудоспособное население, то 3 % [13], было занято в правоохранительной системе. Кроме этого, данный показатель выглядит необычным на фоне соседних стран, где количество правоохранительных органов на душу населения находится на уровне среднего показателя. Для сравнения можно использовать данные за 2015 г. для Украины, где по заявлениям министра внутренних дел А. Б. Авакова на службе в МВД состоит 170 000, что составляет 397 человек на 100 000 населения [6]. Или Литвы, где по данным Евростата за 2009 г. количество сотрудников правоохранительных

органов составляло 10 957 человек или 325 на 100 000 населения [17]. Но как же тогда быть с данными о численности МВД в Беларуси?

Ответить на этот вопрос мы можем лишь приблизительно, так как до сих пор количественная статистика сотрудников ОВД является закрытой информацией. Однако есть три источника, на основании которых можно сделать определенные выводы по данному вопросу.

1. Данные Управления ООН по наркотикам и преступлениям за 2010 г. – это статистический сборник, в котором представлены сведения о количественных показателях по разным видам преступности и соотношению органов охраны правопорядка в 150 странах. При этом количественные данные, которые используются данным документе, датируются первой половиной 2000-х гг. Для Беларуси, например, они взяты за 2004 г. и составляют 325,5 человек на 100 000 [18, с. 135]. Это количество соответствует среднему значению по численности ОВД по странам за этот период от ООН.

2. Заявления руководителей ОВД о количественном состоянии их ведомства. В данном случае интерес для нас представляет заявление министра внутренних дел Республики Беларусь И. А. Шуневича, сделанное во время «Большого интервью» в 2016 г. [1]. Тогда на вопрос о штатной численности органов внутренних дел он ответил, что она составляет 405 человек на 100 000 населения. Стоит отметить, что в это число входят исключительно те, кто задействован в «охране общественного порядка, раскрытии преступлений, профилактике». Т. е. здесь, по всей видимости, не учитываются сотрудники правоохранительных систем, которые не занимаются именно озвученными задачами. Исходя из статьи 11 Закона об ОВД от 23 июня 2008 г., в эту категорию попадают, например, учебные заведения и учреждения здравоохранения, созданные для нужд ОВД [8]. Кроме того, из этого числа можно исключить офисных сотрудников, которые выполняют в первую очередь «бумажную» работу, осуществляя институциональное функционирование структур МВД.

3. Косвенным источником по численности правоохранительных органов может служить внутриведомственная газета «На страже», подписка на которую обязательна для всех сотрудников МВД [3]. Тираж данной газеты составляет 56 470 [7, с. 16], что составляет 564 сотрудника на 100 000. Здесь же мы должны учитывать, что подписчиками данной газеты являются не только сотрудники правоохранительных органов, но в том числе и офисные работники МВД, а также любые граждане, которые решают выписывать данные газеты.

Таким образом, мы имеем три источника данных по численности правоохранительных органов в Республике Беларусь, которые условно можно разделить на прямые и косвенные. Первый и второй относятся к группе прямых, а третий – косвенных. На основании этого можно сделать кое-какие выводы по численности и взять за основу некое усредненное значение. Таковым значением будет приблизительно 500 сотрудников на 100 000. Предположительно, от этого числа следует отнять 50–70, как количество сотрудников, не задействованных в оперативной работе. Установить точно количество бюрократического аппарата в МВД не представляется возможным, поэтому это исключительно

гипотетические цифры. Таким образом, гипотетическое количество сотрудников МВД, осуществляющих функции охраны правопорядка, может составлять 430–450 сотрудников на 100 000. Если взять его за основу, то следует признать, что он является довольно значительным для нашего региона и уступает лишь Российской Федерации, количество сотрудников в которой составляет 623 на 100 000. Рассматривая же это число в целом, можно констатировать, что численность сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, незначительно превышает среднее значение и находится в пределах нормы. Однако насколько важно количество правоохранителей на душу населения в качественном измерении эффективности правоохранительной работы?

Этим вопросом исследователи занялись достаточно давно, и интерес к нему объясним, ведь государственному аппарату выгодно знать истинное положение вещей, дабы не расходовать лишние финансовые средства на поддержание функционирования неэффективной структуры. Исследователей данной проблематики в первую очередь интересовало два момента: во-первых, насколько количество сотрудников коррелирует с качеством охраны правопорядка, во-вторых, какие виды преступлений наиболее чувствительны к количественному показателю. Материалом для исследований стали программы по регуляции численности правоохранительных органов в США, а также данные о росте преступности в регионах, где в тот или иной период наблюдались полицейские забастовки, т. е. происходило резкое падение численности полиции. Сразу же стоит оговориться, что наблюдаемая исследователями закономерность может быть вызвана отнюдь не численными показателями правоохранительной системы, но также и какими-то неучтенными экономическими или социально-политическими факторами. Тем не менее многочисленные исследования показывают, что некая взаимосвязь между количественным и качественным показателем все-таки существует. Так, к примеру, в своей обзорной статье 2011 г. английский исследователь, профессор Института безопасности и криминалистики при Лондонском колледже экономики Бен Бранфорд указывает, что за последние 15 лет появилось большое количество работ, которые имеют удивительную степень согласия в выводах, несмотря на значительный разброс в странах и временных периодах [15]. Все они указывают, что существует определенное влияние количества полицейских на уровень падения некоторых видов преступлений, в первую очередь связанных с имуществом. Что касается других видов преступлений, таких как насильственные действия в отношении граждан, то здесь отмечается отсутствие какой-либо взаимосвязи между двумя показателями. Как отмечает сам автор, еще рано говорить о наличии строгой причинно-следственной связи между двумя показателями, однако существуют довольно-таки веские доказательства, что при условии информирования общественности о большем количестве штата полицейских идет уменьшение числа преступлений определенного характера. К схожему результату приходит и PhD Принстонского университета Стив Мелло, который занялся изучением так называемого «естественного эксперимента».

Суть его сводится к изучению влияния программы по увеличению финансирования некоторых департаментов полиции после указа Б. Обамы от февраля 2009 г. Интерес представляет то, что деньги были распределены Министерством юстиции на основании целого ряда показателей, среди которых главную роль играли уровень текущей преступности и текущий количественный показатель штата сотрудников. Результаты исследования показывают, что увеличение штата полиции на одного сотрудника приводит к сокращению 4,27 насильственных преступлений и 15,39 преступлений против собственности. По подсчетам С. Мелло, один дополнительный офицер предотвращает 11 убийств, 53 изнасилования и 1,98 краж [19, с. 21]. Выводом исследования служит идея точечного регулирования финансирования тех или иных департаментов полиции на основании их финансового положения. Автор отмечает, что сокращение бюджета финансирования правоохранительной системы во времена Великой рецессии (Мировой экономической кризис 2008 г.) привело к уменьшению численности сотрудников, что отрицательно сказалось на бюджете региона. По словам С. Мелло, учитывая средние затраты на годовое содержание одного офицера в 95 000 долларов, правительство экономит 350 000 долларов на ущербе от преступной деятельности [19, с. 29].

Таким образом, можно говорить о том, что финансирование увеличения штаба правоохранительных органов может быть резонным для снижения некоторых видов преступлений. Однако здесь мы сталкиваемся с тем же самым явлением возможного отсутствия объективной статистики по количеству регистрируемых преступлений. Это затрагивает вопрос учета такой категории преступлений, как латентные или скрытые. Их показатель не находит отражение в официальных документах и соотносится, по словам С. М. Храмова, для некоторых видов преступности в Беларуси как 1:3 [12, с. 140]. Причем для ряда преступлений этот разрыв может быть еще шире. Косвенным показателем этого может служить численность погибших по неопределенным намерениям, предоставляемая Министерством здравоохранения [5, с. 790], а также количество административных преступлений [9, с. 125], которые в соответствии с «теорией разбитых окон» американских исследователей Дж. Уилсона и Дж. Келлинга могут быть фактором общего количественного показателя криминализации того или иного общества в целом [16]. К этому также следует добавлять более мягкое законодательство Республики Беларусь в ряде преступлений, например административного наказания за вождение в нетрезвом виде, что в странах Евросоюза имеет тенденцию уголовно преследоваться [5, с. 789]. Вызывает вопрос также и качество подготовки правоохранительных кадров в соответствии с европейскими стандартами [14]. Все это накладывает отпечаток на вопрос увеличения численности правоохранительных органов и выявления оптимального количественного состава для поддержания правильного функционирования системы общественного порядка. Данный вопрос, к сожалению, на сегодняшний день остается неразрешимым для белорусского государства в связи с достаточно незначительным количеством информации о численности правоохранительных органов в официальных

источниках. Это не дает возможности проследить тенденции и выявить динамику соотношения количественного и качественного показателей в деятельности правоохранительных органов. Вероятно, что в будущем, в связи с развитием информатизации общества и все большей и большей его демократизацией, белорусское государство придет к большей гласности в обращении со статистическими данными.

Список использованной литературы

1. Большое интервью Министра внутренних дел Игоря Шуневича в проекте «Крупным планом» [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=373383>. – Дата доступа: 23.03.2019.
2. Володько, А. Официально: милиции в Беларуси стало меньше. Но сколько ее? [Электронный ресурс] / А. Володько // horki.info. – 2018. – Режим доступа: <https://horki.info/navina/9602.html>. – Дата доступа: 23.03.2019.
3. Газета «На страже». МВД Беларуси [Электронный ресурс] // Газеты Беларуси. – Режим доступа: <http://www.tamby.info/smi/gazeta-NS.htm>. – Дата доступа: 23.03.2019.
4. Имянитов, Н. С. Количество, качество и противоположности: вчера, сегодня, завтра / Н. С. Имянитов // *Философия и о-во*. – М. : МГУ, 2009. – № 1. – С. 44–64.
5. Козырицкий, Л. А. Преступность в Республике Беларусь: критический анализ / Л. А. Козырицкий // *Криминолог. журнал Байкал. гос. ун-та экономики и права*. – 2015. – № 4, Т. 9. – С. 786–795.
6. На сегодняшний день в нашей стране насчитывается милиции 170 тыс. человек [Электронный ресурс] // Информационное агентство Униан. – Режим доступа: <https://www.unian.net/society/1095751-do-kontsa-goda-v-ukraine-budet-6-tyisyach-novyih-rolitseyskih-avakov.html>. – Дата доступа: 23.03.2019.
7. На страже / редкол.: Н. С. Гарина (гл. ред.) [и др.]. – Минск : РУП «Объедин. ред. МВД Респ. Беларусь». – 2019. – 3 янв. – 16 с.
8. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : с изм. и доп. от 9 янв. 2019 г. № 169-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263>. – Дата доступа: 23.03.2019.
9. Правонарушения в Республике Беларусь : стат. сб. / И. С. Кангро, Ж. В. Василевская [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 146 с.
10. Сколько милиционеров в Беларуси – секрет [Электронный ресурс] // Брестская газета. – 2017. – Режим доступа: <https://www.b-g.by/society/skolko-milicionerov-v-belarusi-sekret/>. – Дата доступа: 23.03.2019.
11. Спасюк, Е. Почему скрывают количество милиционеров в Беларуси [Электронный ресурс] / Е. Спасюк // *Белорусские новости*. – 2018. – Режим доступа: <https://naviny.by/article>. – Дата доступа: 23.03.2019.
12. Храмов, С. М. Латентная преступность: методология познания и основные направления противодействия / С. М. Храмов. – Брест : Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2010. – 169 с.
13. Численность рабочей силы по полу [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/godovye-dannye>. – Дата доступа: 23.03.2019.

14. Belarus 2016 Crime and Safety Report [Electronic resource] // Overseas Security Advisory Council. – Mode access: <https://www.osac.gov/pages/ContentReportDetails.aspx?cid=20365>. – Date of access: 23.03.2019.
15. Bradford, B. Police numbers and crime rates – a rapid evidence review [Electronic resource] / B. Bradford // Her Majesty's Inspectorate of Constabulary and Fire & Rescue Services. – 2011. – Mode of access: <https://www.justiceinspectors.gov.uk/hmicfrs/media/>. – Date of access: 23.03.2019.
16. Broken Windows [Electronic resource] / J. Q. Wilson, G. L. Kelling // The Atlantic. – 1982. – Mode access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/>. – Date of access: 23.03.2019.
17. Crime and Criminal Justice – Police Officers [Electronic resource] // Eurostat. – Mode access: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=crim_plce&lang=en. – Date of access: 23.03.2019.
18. International Statistics on Crime and Justice / S. Harrendorf. M. Heiskanen, S. Malby [eds.]. – Helsinki : 2010. – 176 p. – (The European Institute for Crime Prevention and Control, affiliated with the United Nations (HEUNI) ; № 64).
19. Mello, S. More COPS, Less Crime [Electronic resource] / S. Mello // Princeton University – Department of Economics. – 2018. – 70 p. – Mode of access: <http://www.princeton.edu/~smello/papers/cops.pdf>. – Date of access: 23.03.2019.
20. Questionnaire for the Tenth United Nations Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems, covering the period 2005 – 2006 [Electronic resource] // United Nations Office on Drugs and Crime. – 2008. – P. 185–214. – Mode access: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/All_countries.pdf. – Date of access: 23.03.2019.

Раздел 5 ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, УСТНОЙ ИСТОРИИ И УРБАНИСТИКИ

УДК 94(476)

А. А. Альгамец (Беларусь, Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)
Навуковы кіраўнік – В. Ю. Піліповіч, старшы выкладчык

АРГАНІЗАЦЫЯ І СТАНАЎЛЕННЕ КАЛГАСА “XVII ПАРТЗ’ЕЗД” У 1940–1980-Я ГГ. У ПАМЯЦІ ВЯСКОЎЦАЎ (НА МАТЭРЫЯЛАХ В. СЯМІГОСЦІЧЫ СТОЛІНСКАГА РАЁНА)

Працэс калектывізацыі быў адным з асноўных накірункаў палітыкі савецкага кіраўніцтва. У кожнай асобнай мясцовасці правядзенне звязаных з ім мерапрыемстваў мела, безумоўна, свае асаблівасці. Як і заўжды, у дзяржаўных органаў ёсць свая статыстыка, якая не заўсёды супадае з меркаваннямі мясцовых жыхароў.

Працэс калектывізацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі пачаўся пасля ўваходжання яе ў склад СССР у верасні 1939 г. Партыйнае кіраўніцтва адразу пачало праводзіць сваю аграрную палітыку на гэтых тэрыторыях. Афіцыйныя паказчыкі тых часоў гавораць пра тое, што людзі добраахвотна і масава стваралі калгасы. Былі гатовыя плённа працаваць і працавалі, устанаўліваючы рэкорд за рэкордам. Высокія лозунгі, спаборніцтвы, пазітыўныя статыстычныя паказчыкі... А што на самай справе даў людзям калгас і якім ён быў у савецкі перыяд гісторыі? Наша даследаванне праводзілася на базе в. Сямігосцічы Столінскага раёна Брэсцкай вобласці. У ходзе палявых работ была здзейснена спроба рэканструявання арганізацыі і станаўлення калгаса ў дадзенай мясцовасці і вызначэння яго ролі ў штодзённым жыцці мясцовых жыхароў. Храналагічныя рамкі (1940–1980-я гг.) абумоўлены развіццём калгаса менавіта ў савецкія часы, з развалам СССР змяніліся падыходы да арганізацыі калгасных спраў і вызначыліся іншыя тэндэнцыі ў развіцці грамадства.

Намі быў распрацаваны паўстандартызаваны апытальнік для свабоднага глыбокага інтэрв’ю, таму пытанні маглі змяняцца ад рэспандэнта да рэспандэнта. Усё залежала ад ступені гатоўнасці яго да гутаркі. Праблем з пошукам інфарматараў не існавала, паколькі мясцовасць для нас была знаёмая. Новых магчымых рэспандэнтаў нам падказвалі папярэднія, такім чынам рэалізоўваўся метада “снежнага кома”. Была магчымасць загадзя дамовіцца з рэспандэнтам аб размове, вызначыць праблемныя пытанні, даць магчымасць людзям падрыхтавацца да інтэрв’ю. Усяго па дадзенай праблеме былі апытаны каля 10 чалавек.

Да 1939 г. мясцовае жыхарства прыстасавалася да ўмоў жыцця, створаных тут польскай уладай у 1921–1939 гг. Раней зямля мела больш значную каштоўнасць, чым цяпер. Яна з’яўлялася паказчыкам заможнасці гаспадара, асноўным карміцелем сям’і. Тыя, хто меў мала зямлі або ўвогуле яе не меў, былі вымушаны апрацоўваць чужыя землі, наймаючыся ў батракі. Як успамінаў адзін

з рэспандэнтаў са свайго дзяцінства, “жыў той добрэ, у кого землі багата было. А як калхоз стаў, усе поменяло” [3].

З прыходам Саветаў улада паспрабавала ўсё змяніць адразу, але зразумела, што гэта немагчыма. У асноўнай сваёй масе вясковыя сем’і былі заможнымі і сярэдняцкімі. Яны адчувалі сваю моц, былі ўпэўнены ў сабе і не пагаджаліся з новымі парадкамі, таму першая спроба стварэння калгаса аказалася няўдалай.

На базе в. Сямігосцічы калгас быў створаны ў 1940 г. пад назвай “XVII партз’езд”. У першую чаргу ў калгас ішлі людзі, якім не было чаго страчваць. Батракі, беднякі і частка сярэднякоў прыхільна паставіліся да стварэння калектыўных гаспадарак. Не было ні тэхнікі, ні патрэбных гаспадарчых будынкаў. Выкарыстоўвалі сялянскі інвентар, сялянскіх коней як цяглавую сілу і сродак транспарту.

У канцы 1939 – пачатку 1940 г. была разгорнута прапагандысцкая кампанія аб перавагах калгаснага жыцця. Фарсіраванае стварэнне калгасаў выклікала супраціў часткі сялян, асабліва заможных. У Давыд-Гарадоцкім раёне ў сярэдзіне чэрвеня 1940 г. пачалі паступаць заявы аб выхадзе з калгасаў, у тым ліку і з калгаса “XVII партз’езд” – 57 заяў [1, с. 184].

Ураджай калгаса «XVII партз’езд» па выніках 1940 г. (за 1 працадзень у кг) быў наступным: бульба – 15; сена – 5; проса – 0,5; жыта, пшаніца, саломы – не вырошчвалі. У рэйтынгу сярод іншых калгасаў ён займаў сёмае месца з васьмі [1, с. 198].

Калгас быў эканамічна слабым, меў нізкую рэнтабельнасць. У вёсцы працягвалі існаваць аднаасобныя сялянскія гаспадаркі. Усе яны былі абавязаны выплачваць адзіны сельскагаспадарчы падатак, які перавышаў нормы, устаноўленыя для калгаса, і выконваць натуральныя дзяржаўныя пастаўкі.

Падчас вайны дзейнасць калгаса “XVII партз’езд” была спынена. Вёска знаходзілася ў зоне нямецкай акупацыі з 1941 па 1944 г.

Ужо пасля вайны ў 1948 г. у в. Сямігосцічы калгас быў паўторна арганізаваны пад той жа назвай – “XVII партз’езд”. Метады партыйнага кіраўніцтва ў параўнанні з пачаткам 1940 г. былі больш жорсткімі. “Не было нічога. Об’явілі, а людзі ж не хоцелі, хаваліся па кустох. То НКВД ловіло да прыводзіло, запісвайся ў колхоз”, – са слоў аднаго рэспандэнта [6].

Ажыццяўлялася прапагандысцкая і ідэалагічная праца. У гэтым партыйнаму кіраўніцтву дапамагала школа, дзейнасць якой была адноўлена пасля вызвалення Саветамі ад нацысцкай акупацыі нашай тэрыторыі ў 1944 г. Настаўнікі ўваходзілі ў склад агітбрыгад, абавязкамі якіх было чытанне лекцый калгаснікам і ўсім астатнім мясцовым жыхарам. Яны ж агітавалі і сачылі за тым, як сяляне выконваюць абавязкі па здачы малака, яек і іншых прадуктаў.

На пытанне аб тым, з чаго пачынаўся калгас, якія пабудовы, тэхніка былі напачатку яго дзейнасці, усе рэспандэнты адназначна адказвалі, што ў самым пачатку гэта была проста назва. Пасля абвешчэння калгаса пачалося яго будаўніцтва. Матэрыялы для будоўлі здабываліся паводле загаду калгаснага кіраўніцтва на вёсцы: разбураліся сялянскія хлявы і з іх будавалі першапачаткова неабходныя калгасныя пабудовы.

З успамінаў рэспандэнта: *“Забіралі людскіе сараі. Севушыны одрыны, Паўловы і на Рубельцах. Тута б брыгад после войны зробілі. А далей тута амбар надо было дзелаць, тожэ ў кого хороша одрына была, забіралі, і плотнікі ужэ дзелалі. Так сделали два амбары”* [2].

Спачатку быў пабудаваны “Мархіль” – гэта першапачатковая жывёлагадоўчая ферма, якая знаходзілася за вёскай у накірунку дарогі да р. Прыпяць. Яна захавалася і цяпер, толькі ў адноўленым варыянце. Там былі пабудаваны так званыя “кароўнікі”. Першапачаткова яны запаўняліся за кошт хатняй жывёлы, што забіралася ў мясцовага сялянства, – каровы, цяляты, качкі, куры, свіння, авечкі: *“Дзве коровы мае мой бацько, допусцім, то за рогі, да поцяглі ў колхоз. Або, напрымер, на мого бацька кобылі прэсседацель ездзіў. Лучшы конь гэто тогда ў селе быў”* [6].

Калгас, як атрыліваецца, быў створаны за кошт рэсурсаў мясцовых жыхароў. Ім амаль нічога не засталася. Пасля вайны многія сем’і засталіся сіроцкімі. Безумоўна, напачатку дзяржава падтрымлівала тых, хто застаўся без бацькоў. Але, як адзначаюць рэспандэнты, гэта падтрымка была нязначнай: *“А хто нам помогаў, ніхто нам не помогаў. 5,60 рублей нам на двох дзецей плацілі, а як одна душа была, то 4 рубле плацілі”* [4].

Перыяд з 1960-х па 1970-я гг. характарызуецца масавым будаўніцтвам і ўздымам у развіцці калгаса. За гэты час былі пабудаваныя піларама, гараж для сельгастэхнікі, кузня, млын, новы Дом культуры і бібліятэка, другая жывёлагадоўчая ферма “Цагельня”. У 1959 г. правялі святло ў вёску. А да гэтага спраўляліся сваімі сіламі: *“Молоцілкі молоціў трактор. Мо на сем колхозоў одзін трактор. Прыедзе немного помолоціць у дзерэўні і потым по кругу, і зноў до нас. Ці возілі ў Туроў молоць”* [6].

Для загатаўлення корму для кароў і коней на зіму выкопвалі “сенажныя” ямы. Знаходзіліся яны на тэрыторыі вёскі, дзе былі высокія і свабодныя месцы, што не затапляліся вадой падчас разліву ракі. Іх было тры. Запаўнялі ямы з дапамогай валоў: *“Воламі топталі. Траву звозілі. Вол пока не натопчэ, то там і жыве”* [3].

Сяляне працавалі ў калгасе за працадні. Рэальных грошай за працу калгаснікі не атрымлівалі, асабліва у першае дзесяцігоддзе існавання, калі калгас толькі будаваўся. *“На трудодне робілі. Шчоб трудодня заробіць, надо было выполоць две соткі льна. Косовіцу надо было скосіць 50 соток, а дзе луг – 75 соток. І в конце года получаешь по своїм трудодням. За год, бывало, тры рублі получалі, зерна 2 мешкі, картонлей давалі. Жылі за соткі, за свой огород”*, – гаворыць рэспандэнт [5].

Штогод калгас выдзяляў калгаснікам соткі для “аднаразовага” карыстання. Гэта рабілася для таго, каб людзі плённа апрацоўвалі ўсё новыя і новыя землі. Яны іх палолі, аралі, угнойвалі і тым самым пашыралі на наступны год ворныя землі калгаса.

Пэўны час пасля вайны калгаснікі не маглі свабодна накасіць для сваёй гаспадаркі сена. Кожнаму выдзяляўся пэўны ўчастак, які ён скошваў і забіраў

сабе толькі чацвёртую частку. Напрыклад, для таго каб нарыхтаваць на зіму сена для адной каровы, патрэбна было накісьць 8 т, з якіх дзве гаспадар забіраў сабе.

Таксама вясковае насельніцтва абавязана было здаваць у фонд дзяржавы малако, яйкі, мяса. У процілеглым выпадку было наступнае: *“А як не было, прыходзілі з праўлення ісполніцелі, то забіралі карову, свінью, овечкі, машыну швейную. Беспраўе было. До 60-х гг. так было. В 1961 г. грошы началі даваць”* [6].

Умовы жыцця сялян у многім залежалі ад кіраўніцтва калгаса, а менавіта ад старшыні. Так, аб адным мы можам пачуць добрыя водгукі, а пра другога зусім наадварот. За перыяд з 1948 да канца 1980-х гг. на пасадзе старшыні калгаса паспела пабываць больш за 15 чалавек. Назваць усіх пайменна нашым рэспандэнтам было цяжка: *“Іх было богата, шчо смецця. Быў Паўлік, Мушак, Пікуза, Гліняны, Шостак, Пашковац, Нулік, Козуля, Антоновіч. Местнымі былі первые. А остальных прысылалі”* [4].

Распаўсюджанай з’явай было выкарыстанне дзіцячай сілы. Дзеці рана станавіліся дарослымі. У іх было шмат абавязкаў. Яны таксама працавалі ў калгасе, глядзелі за малодшымі, а яшчэ патрэбна было вучыцца.

З успамінаў адной рэспандэнткі: *“У 48 году колхоз стаў. У 1950 году я ў школу толькі пошла (8 гадоў), а ў 1957 кончыла. То у мене ужэ было 80 выходову, ходзіла ўлетку ў колхоз. Яка там работа, як умелі, так робілі. Некаторым старыкам не нравіло, шчо шчэ дзеці да не ўмеюць, да малые, але труділіся. Мусіш ідці”* [4].

Аб тым часе сучасныя старыя гавораць, што гэта быў нялёгкі перыяд для вёскі і грамадства ў цэлым. *“Мы, будучы дзецьмі, ведалі, што ад нас чакаюць дапамогі нашы бацькі, меншыя сёстры і браты. Нашы дзіцячыя гульні нават былі звязаны з рознымі відамі працы, – мы ўсё паўтаралі за дарослымі”* [2]. Нават вучоба ў школе ў пэўным сэнсе адыходзіла на другі план: *“Да шчэ як горвалі. Я ў другі клас ходзіў, то ўжэ короў пас. З Рудым мы былі, 24 каровы ў стадзі. Вон дзень ідзе ў школу, я пасу, а потым я іду, вон пасе. А потым як яка кантрольна, то его бацько гене ці моя маці. Да так і вучыліся”,* – паведаміў нам мясцовы жыхар [6].

Значны працоўны ўклад у некаторыя дасягненні калгаса ўнесла таксама моладзь. Амаль усе маладыя людзі ў вёсцы былі задзейнічаны ў калгасных справах. Дзяўчынкі працавалі на палях, былі даяркамі, даглядчыцамі. Хлапчукі паслі кароў, авечак, працавалі трактарыстамі, таксама станавіліся даглядчыкамі і працавалі на палях. Іх праца знаходзіла грамадскае прызнанне. Так, звяно, якім кіравала К. Я. Драпей (Кляцун), у 1965 г. на плошчы 11 га атрымала з кожнага гектара па 718 ц цукровых буракоў. Ксенія Якаўлеўна была выбрана дэпутатам Вярхоўнага Савета СССР, з’яўлялася дэлегатом XV з’езда ВЛКСМ [1, с. 454]. З яе ўласных успамінаў мы даведаліся: *“Я была на XV з’ездзі камсомола. Да две недзелі по Москве ездзілі. Былі дэлегаты з 16 рэспублік. То тогды я побачыла гэтых всякіх разных людзей. Тогда шчэ буракі посеялі, быў уроджай хорошы. Шостак быў прэседацелем 2 годы, да вон напісаў про нас. Послалі буракі в Москву на выставку. І прышла мне оттуда сціральная машына і медалі. З Мінска з ЦК комсомола почетная грамота – 1-е место в рэспубліцы. Я была звеневою, і я*

сама робіла. Я поняцця не мела зразу, шчо то за депутат. А потым по школам ездзіла, расказвала, шчо бачыла, про Москву, про Гагарына” [4].

У 1967 г. калгаснікі атрымалі пашпарты, а разам з імі і магчымасць выезду з вёскі. Моладзь пасля школы пачала паступаць у інстытуты і тэхнікумы. Частка людзей выехала з вёскі ў г. Мікашэвічы у пошуках лепшага жыцця. Калі становішча ў вёсцы пачало станоўча змяняцца, то некаторыя вярнуліся назад.

Адмоўнай асаблівасцю гаспадарчага жыцця вёскі былі вясновыя паводкі. Кожную вясну воды р. Прыпяць выходзілі са сваіх берагоў і затаплівалі вёску. Па ўспамінах мясцовых жыхароў, вада тры дні прыбывала, тры дні стаяла на месцы і тры дні сходзіла. Таму амаль у кожнай хаце была свая лодка. Паводкі, безумоўна, аказвалі пэўнае негатыўнае ўздзеянне на ўраджайнасць у калгасе. Партыйнае кіраўніцтва прыняла рашэнне аб правядзенні меліярацыйных мерапрыемстваў. Яшчэ ў 1958 г. пачаліся вялікія работы па меліярацыі зямель. Сярод першых меліярацыйных аб’ектаў у раёне была сістэма “Рамель – Сямігосцічы”. Працягам меліярацыі стала будаўніцтва дамбы вакол вёскі ў 1980 г. Па выніках працы вёска набыла якасна новы выгляд [6].

Прыкладна ў гэты ж час была вырашана праблема з дарогамі. Была пракладзена дарога па цэнтральных вуліцах вёскі з каменю. Яго прывозілі з Мікашэвіч на баржы, разгружалі і пракладвалі дарогу ўсёй вёскай. Рэшткі гэтай дарогі засталіся і да цяперашняга часу.

Асаблівасцю таго жыцця было сяброўства пераважна паміж усімі вяскоўцамі – яны разам працавалі і разам адпачывалі. Падчас працы распаўсюджанай з’явай было спяванне песняў як мужчынамі, так і жанчынамі: *“Пройдом рад да посядом, а потым встаем да далей ідом. А як на обед пойдом, то была такая баба Берэзоўка, вона кажэ дзеўкі танцуйце. Ведро возьме да перэверне да брась-брась, а гэтая спеае тако тур-тур-тур... а жонкі встаюць да як давай танцеваць. Веселейша была жызьнь, чым цепер унылость нека. А як свято яке, выпьюць ці не выпьюць, то ідуць ў клуб, да там Бульба граў на гармоніку. Самі ідуць і дзецей беруць”*. З усіх пачутых намі ўспамінаў вынікае наступны тэзіс: *“было жыць цяжка, але весела”* [4].

На працягу канца 1940–1980-х гг. калгас “XVII партз’езд” займаў цэнтральнае месца ў штодзённым жыцці вёскі. Большую частку свайго жыцця сяляне праводзілі на калгаснай працы, астатні час трацілі на вядзенне хатняй гаспадаркі, дадатковыя заробкі. І толькі нязначная частка прыходзілася на адпачынак. Адпачываць вясковыя людзі ўмелі гэтак жа добра, як і працаваць.

У выніку свайго даследавання мы можам вылучыць некаторыя станоўчыя і адмоўныя асаблівасці працэсу калектывізацыі ў в. Сямігосцічы.

Адмоўным у працэсе станаўлення калгаса было тое, што ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, калі людзі галадалі, у іх не было нават чаго надзець і абуць, усе асноўныя матэрыяльныя рэсурсы вёскі ішлі на будаўніцтва калгаса. Сяляне пэўны час не маглі без дазволу кіраўніцтва пакінуць вёску. Дзеці былі пазбаўлены дзяцінства, яны шмат працавалі. Умовы жыцця былі цяжкімі. Кіраўніцтва калгаса часта не клапацілася пра калгаснікаў. Цяжка жылі сем’і, што засталіся без бацькоў пасля вайны. Людзі мігрыравалі з вёскі, бо хацелі

лягчэйшага і ўтульнейшага жыцця. Да станоўчага можна аднесці тое, што калектыўны дух сярод сялянства адчуваўся як падчас працы, так і падчас адпачынку. Сумеснае правядзенне святаў, танцы, гульні, наведванне адзін аднаго па дамах – усе гэта аб'ядноўвала вёску, людзі сябравалі, дапамагалі адзін другому. Нягледзячы на цяжкасці, у вясковым жыцці ў той час існаваў некаторы аптымізм, якога не хапае ў некаторых выпадках у сучасным грамадстве.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Памяць. Столінскі раён. / рэдкал. Г. К. Кісялёў, В. М. Очкаіна [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 639 с.
2. Личный архив автора. Интервью № 021 с А. М. Пинчук. – Брестская обл., Столинский р-н, д. Семигостичи, 2019 г., февраль.
3. Личный архив автора. Интервью № 022 с И. А. Пинчук. – Брестская обл., Столинский р-н, д. Семигостичи, 2019 г., февраль.
4. Личный архив автора. Интервью № 024 с К. Я. Драпей. – Брестская обл., Столинский р-н, д. Семигостичи, 2019 г., февраль.
5. Личный архив автора. Интервью № 025 с Н. В. Вабищевич. – Брестская обл., Столинский р-н, д. Семигостичи, 2019 г., январь.
6. Личный архив автора. Интервью № 026 с И. П. Ольгомец. – Брестская обл., Столинский р-н, д. Семигостичи, 2019 г., февраль.

УДК 343.337.5(411.1-6):930.23(47+57)

Н. Р. Гусаковская (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

ХОЛОКОСТ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена историографии Холокоста в советский период. Два с половиной десятилетия назад данной темы как самостоятельной научной проблемы в советской историографии практически не существовало. Советская историография Холокоста является важнейшей частью советской историографии Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Изучение истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны относится к динамично развивающимся научным направлениям в современной историографии, что подтверждают первые историографические обзоры [2].

Между тем всего два с половиной десятилетия назад данной темы как самостоятельной научной проблемы в советской историографии практически не существовало. Умолчание о Холокосте началось непосредственно в годы Великой Отечественной войны [1; с. 7].

В конце 1942 г. знаменитый физик А. Эйнштейн вместе с писателями Ш. Ашем и Б.-Ц. Гольдбергом предложил «Еврейскому антифашистскому комитету СССР» (ЕАК) подготовить «Черную книгу» – сборник документов об уничтожении нацистами евреев. После длительных переговоров советское

руководство дало согласие на сотрудничество, посчитав, что использование темы еврейских жертв в тот момент могло сыграть положительную роль в укреплении антигитлеровской коалиции. В 1944 г. в США создали исполнительный комитет по изданию «Черной книги», куда должны были войти и материалы о гибели советских евреев. Весной 1944 г. для подготовки «Черной книги» в СССР была создана «Литературная комиссия», которую возглавил И. Г. Эренбург, а затем В. С. Гроссман. В 1944–1945 гг. они составили два тома книги «Убийство народа» на идише и передали рукопись ЕАК. Материал о трагедии евреев в годы Второй мировой войны по собственной инициативе также собирали Б. Горбатов, В. Инбер, А. Суцкевер и другие военные корреспонденты, писатели и поэты [2].

В ходе работы над «Черной книгой» было записано свыше 200 свидетельств очевидцев о преступлениях против евреев на территории СССР. К 1946 г. работа над ней завершилась. Сто восемнадцать материалов были разбиты по разделам: «Украина», «Белоруссия», «РСФСР», «Литва», «Латвия», а также «Советские люди едины», «Лагерь уничтожения» и «Палачи». Рукопись была передана представителю советского обвинения на Нюрнбергском процессе и сохранилась в архивах Чрезвычайной государственной комиссии. Однако в 1948 г. издание «Черной книги» было признано нецелесообразным, а ее набор уничтожен [2].

В условиях нарастания «холодной войны» негативную роль сыграло участие в ее подготовке международных организаций. После ликвидации ЕАК все подготовительные материалы к «Черной книге», занявшие 27 томов, были переданы в архив МГБ, а затем на секретное хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (в настоящее время – Государственный архив Российской Федерации). Для исследователей они стали доступны только в 1989 г. С 1948 г. в СССР практически прекратились на десять с лишним лет все публикации о гибели евреев в годы Второй мировой войны. По мнению современных исследователей, в этом сказалась политика «позднего сталинского антисемитизма» [2].

В советской исторической науке 1960–1980-х гг. тема Холокоста освещалась достаточно фрагментарно, оказавшись «закрытой в первую очередь для официальной академической историографии, присутствуя на ее периферии – в виде перечислительного ряда жертв нацизма» [5, с. 214–216].

Кардинальные изменения в изучении рассматриваемой проблемы произошли на рубеже 1980–1990-х гг., что было связано с общими переменами в жизни страны, развитием международного сотрудничества, расширением доступа исследователей к архивным документам. Уже в начале 1990-х гг. вышел ряд новых публикаций, рассказывавших о массовом уничтожении евреев в отдельных городах и регионах страны. Главным исследовательским центром изучения еврейской трагедии в СССР в годы Второй мировой войны в современной России стал Центр и фонд «Холокост». Проблемы истории Холокоста обсуждаются на ежегодных конференциях, проводимых Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» [2].

Значительный вклад в разработку истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, включая и определение масштаба его жертв, вносит первая крупная обобщающая работа на данную тему – монография И. А. Альтмана. Опираясь на предыдущие исследования, архивные документы и мемуары очевидцев, автор проанализировал создание и функционирование механизма уничтожения евреев, раскрыл систему антисемитской пропаганды, организацию гетто на оккупированной территории и сопротивление. Новизной особенно отличается материал, посвященный истории Холокоста на территории РСФСР, как наименее изученной к этому времени проблемы. Обобщив данные о гибели евреев в Ставропольском и Краснодарском краях, Курской, Ростовской, Московской, Тульской, Тверской, Смоленской, Орловской, Волгоградской и других областях, автор впервые назвал обобщающую цифру жертв Холокоста в границах современной России. Согласно его подсчетам, она составляет от 119 210 до 140 350 человек [3, с. 608].

До начала 1990-х гг. ход и особенности Холокоста на территории СССР были плохо изучены как в Советском Союзе, так и на Западе. В СССР разработка проблемы была начата в годы войны. Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) собрал огромный документальный материал по теме Холокоста и сопротивления советских евреев. В 1945–1948 гг. были изданы (на русском и идиш) несколько книг мемуарного характера о сопротивлении в Минске, Вильнюсе, Каунасе и сборник воспоминаний «Партизанская дружба». После закрытия ЕАК в конце 1948 г. выпуск такой литературы был приостановлен [1, с. 4].

В 60–80-е гг. XX в. эта тема присутствовала лишь фрагментарно в предисловиях и комментариях к сборникам документов, а также в обобщающих работах о преступлениях нацистов. Их авторы обычно упоминали о еврейских жертвах прежде всего в Германии и других оккупированных нацистами странах, но не на территории СССР или в контексте убийства «советских мирных граждан» [1, с. 7].

Нет специальной статьи по теме и в энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.» (М., 1985). Однако в ней подведены своего рода итоги «советского периода» историографии Холокоста: приводятся данные о преследовании евреев нацистами, уничтожении евреев в лагерях смерти, количестве жертв геноцида евреев в СССР (не всегда точные) [1, с. 10].

Лишь в годы перестройки появляются отдельные книги и статьи отечественных авторов, где тема Холокоста является центральной (работы Ю. Шульмейстера, Д. Романовского) [1, с. 15].

Таким образом, в советской историографии практически за весь период ее существования отсутствовали как специальные монографические исследования, так и публикации сборников документов, посвященные геноциду евреев СССР. Лишь накануне распада СССР эта тема стала привлекать внимание отечественных исследователей [1, с. 3].

Список использованной литературы

1. Альтман И. А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР / И. А. Альтман ; под ред. А. Г. Асмолова. – М. : Фонд «Холокост», 2002. – 320 с.
2. Корпачев, С. А. Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв [Электронный ресурс]./ С. А. Корпачев – Режим доступа: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle>. – Дата доступа: 01.03.2019.
3. Холокост : энциклопедия / под ред. Б. Ю. Иванова = The Holocaust : Encyclopedia / ed. W. Laqueur. – М. : РОССПЭН, 2005. – 808 с.
4. Bloomberg, M. The Jewish Holocaust: an annotated guide to books in English / M. Bloomberg, B. B. Barrett. – № 2. – Wildside Press LLC, 1995. – 312 p.

УДК 903.26 (476)

С. Ф. Жижиян (Беларусь, Быхов, Быховский районный историко-краеведческий музей)

Научный руководитель – А. В. Колосов, канд. ист. наук, доцент

КУЛЬТОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ БЕЛОРУСОВ

Культовые каменные изваяния являются не только важными археологическими и историческими памятниками, но и интереснейшими объектами для изучения этнографии, фольклора и быта наших предков. Данная статья посвящена исследованию фольклорных традиций белорусов в контексте общеевропейских этнографических источников, связанных с культовыми камнями.

На территории Беларуси, особенно в северной и центральной части, расположены интересные природные памятники – камни-валуны больших размеров. Как правило, их высота не превышает 0,7 м, реже встречаются валуны до 1–1,5 м и совсем редко глыбы до 3–5 м и больше.

Первые сведения о культовых камнях на территории Беларуси встречаются в письменных источниках с XVI в. Упоминания о них можно найти в Хронике Литовской и Жемойтской, Хронике Матея Стрыйковского, Метрике Великого княжества Литовского. Так, в 1557 г. около д. Тарасово вблизи Минска упоминается Чертов камень, на котором выбиты знаки.

Первые попытки систематизации культовых каменных изваяний предпринимались исследователями еще в конце XIX – начале XX в. Во второй половине XX в. советскими учеными были разработаны несколько вариантов классификаций культовых камней, а в 1980–1990-е гг. группой белорусских исследователей было предложено свое видение данного вопроса [4, с. 27].

К культовым каменным изваяниям мы относим комплекс памятников, которые имеют некие общие особенности, в первую очередь сакральные. Несмотря на различную функциональность, все подобные объекты характеризуются общими признаками: присутствием поклонений, обожествлений, мемориализации либо иных религиозных ритуалов. Сакральными объектами в фольклорной традиции принято считать различные необработанные валуны,

чаще всего больших размеров и причудливой формы. Некоторые из них подвергнуты обработке рукой человека, с иными «поиграла» природа. Расположенные на берегах рек и озер, у родников, в лесах или в полях культовые камни составляли единый в природной ойкумене сакральный комплекс. Люди приходили к ним из окрестных населенных пунктов, молились, совершали различные ритуалы: вешали ленточки, полотенца или предметы одежды на деревья, пили воду из углублений валунов или обливались (утирались) ею для исцеления от болезней.

В фольклоре и мифологии культовые камни зачастую осмысляются как некий фундамент – центр мира или своеобразный проводник между землей и небом. При ударе о камень из него источаются огонь или вода, в легендах и сказках герои превращаются в камень или временно заключаются в него, что осмысливается ими впоследствии как временное погружение в сон либо превращение в иной объект. В фольклоре с камнем органически сопрягается тема жизни и смерти. В русских былинах он становится «камнем преткновения», а в белорусских заговорах валуны занимают центральное место в архаической картине мира. В заговорах известны образы каменной стены до неба, каменной лестницы, каменной тучи, каменной бабы и мн. др. Отдельной нитью проходит использование культовых камней в народной медицине и целительной магии. В целом же яркое разнообразие фольклорных традиций, касающихся культовых камней, необходимо рассматривать в контексте определенных типов памятников.

Одной из наиболее представительных групп культовых камней являются камни-следовики и камни-чашечники. Данные типы камней порой очень схожи визуально, вместе с тем углубления, которые присутствуют на камнях, значительно разнятся в плане сакрального смысла. Безусловно одно: данные памятники имели в прошлом некое ритуальное назначение и представляют собой разновидности священных камней. Согласно этнографическим материалам «следовики» чаще всего связаны с христианскими персонажами. Как правило, легенды гласят о том, что отпечаток ноги на подобном камне – это либо отпечаток ноги Иисуса Христа, либо Девы Марии, либо иных местнопочитаемых святых. Есть «следовики» со следами простых людей, детей, силачей, богатырей либо со следами животных, а порой и со следами черта, дьявола, или сатаны, последние считаются в народе «нечистыми» и опасными для человека.

Люди, приходя к камню, как правило, молятся, просят помощи и украшают камни цветами, свечами, иногда иконами. На камень в виде жертвы кладут деньги, хлеб, конфеты, фрукты, иные продукты питания и т. д. На территории Беларуси сегодня насчитывается более трехсот камней следовиков. Камни-чашечники – это валуны с небольшими чашеобразными углублениями. Известны камни с чашками, имеющими цилиндрическую форму, и с углублениями, представляющими собой неглубокие лунки, будто вдавленные пальцем. Количество углублений на валуне может варьироваться от одного-двух до нескольких сотен. Большинство исследователей связывает их с

культом предков и загробной жизнью. Об этом свидетельствуют как археологические исследования, так и этнографические материалы.

О привязке данного типа памятников к погребальным сооружениям говорят исследования археологов Прибалтики, Беларуси, России [1; 2; 5–7]. Данные археологии подтверждаются и этнографическими материалами. В восточно-балтийском регионе неоднократно зафиксированы предания о том, что сквозь «чашки» в священных камнях предки смотрят на наш мир [5, с. 127].

Считается, что в древности многие чашечники служили жертвенниками. По мнению ряда ученых, многие памятники данного типа не являются обособленным объектом, а являются частью некоего культового комплекса, святилища. Российские исследователи зафиксировали довольно большое количество «чашечников», являющихся частью культовых мегалитических комплексов [5, с. 167]. По многим критериям, как функциональным, так и сакральным, камни-чашечники схожи с камнями-следовиками. Оба типа памятников распространены на значительной территории от Западной Европы до Кавказа, «следы» и «чаши» присутствуют на менгирах и дольменах и могут даже соседствовать с петроглифами. Этот факт позволяет предположить, что культы камней данных типов могли сосуществовать синхронно, являться двумя направлениями одного культа.

Камни-жертвенники широко распространены практически во всех уголках планеты. В Европейском регионе камни-жертвенники наиболее распространены на землях древних пруссов в Литве, Латвии и на территории Беларуси. По форме жертвенные камни, как правило, представляли собой округлые или овальные плоские камни, порой напоминающие жернова. Часто одной из примечательных особенностей жертвенников являлись отверстия, выемки, чаши, канавки для стока, всегда тщательно отполированные. Считается, что выемки наши предки высверливали при помощи песка и воды, прокручивая вставленный в предварительно выбитое отверстие деревянный черенок [13, с. 69].

По мнению исследователей, камни-жертвенники фактически являлись для языческого населения алтарем. Порой валуны-жертвенники также выполняли функцию каменного стола с выбитыми на нем чашами для угощений земных и небесных богов [5, с. 99].

Отметим и тот факт, что согласно этнографическим материалам некоторые жертвенные валуны ассоциируются у местного населения с «чертовыми» камнями, что говорит об их хтонической направленности, возможно, в комплексе с иными близлежащими археологическими погребальными памятниками. Также этнографами зафиксирован ряд легенд о связи благополучия и существования местного ландшафта (и его жителей) с жертвенными камнями: деревня (река, болото, гора) будет стоять на месте, пока камень не будет перемещен (поврежден). Интересны и данные о том, что вода, которая собиралась в чаше жертвенного камня, в более позднее время почиталась христианизированным населением как святая вода.

Особым мотивом в этнографических материалах проходит мифическая взаимосвязь жертвенных камней с каменными жерновами. Так, на территории

современной Литвы на землях аукшайтов до сих пор совершается обряд, имеющий, безусловно, очень древние корни. Раз в году на десятое воскресенье после Пасхи люди по пути в костел поднимаются на городище и возлагают жертвы: лен, шерсть, монеты на каменные жернова. Молясь, они просят Бога о здоровье, украшают крест и сами жернова. Таким образом, видна трансформация языческих верований в христианские и каменные жернова, схожие с камнями-жертвенниками не только по внешнему виду, но и по своей мифологической функции, выполняют функцию своеобразного алтаря [5, с. 105].

Кроме этого, в исторической литературе конца XIX в. зафиксированы случаи, когда в выемках жертвенных камней, как в каменной ступе, или в жерновах перетирали табак, мак, семена конопли и льна. Почитание камней-жертвенников, порой, возможно, и неосознанное, можно наблюдать и сегодня во многих регионах Европы.

Камни-целители (лекари, гойбиты). Чаще всего, это камни с отверстиями, в которых собирается влага («живая» вода, роса и т. д.). Согласно этнографическим данным, для исцеления существует некий ритуал с системой правил, ограничений, а порой и жертвоприношений, зачастую построенный на некоем симбиозе языческих верований и традиционной религии (в нашем случае христианства). На территории Беларуси на сегодняшний день насчитывается более сорока камней-лекарей. Третья их часть, согласно этнографическим данным, универсальна, лечит от многих болезней, еще треть исцеляет болезни зрения, остальные помогают в случае конкретных проблем со здоровьем: испуга, лихорадки, чародейства, коклюша, бородавок, зубных болей и т. д. Среди них есть камни, которые способствовали оплодотворению, защищавшие от эпидемий тифа, чумы. Считалось, что особой чудодейственной силой камни-лекари обладали в определённые дни, зачастую эти дни совпадают с праздниками христианского календаря. Таким образом, и здесь прослеживается трансформация языческих верований в христианскую обрядность.

Мифологические камни. К данному типу камней мы относим валуны, имеющие мистическо-религиозные особенности, в первую очередь этнографические. Такие камни, как правило, не выделяются некими визуальными особенностями, и в контексте ойкумены они могут лишь обращать на себя внимание со стороны местного населения. Это повязанные на памятник или близлежащие деревья полотенца, одежда, иные украшения, некие подношения в виде денег, продуктов питания и т. д. Зачастую сакральное отношение к мифологическим камням не уходит дальше границ микрорегиона, где он расположен, как и особенности поклонения. Также этнографические материалы, касающиеся памятников одного типа, могут значительно отличаться в зависимости от региона их бытования. К мифологическим камням относятся: «чертовы» камни (камни-черти, бесовы камни), камни «портные» («кравцы», «шевцы», «мастера»), тотемические камни, камни с легендами об окаменевших людях и животных, камни культа предков и культа богов, камни с легендами и прочие почитаемые камни.

Чертовы камни, камни-черти, бесовы камни. С такими валунами, как правило, связаны легенды о неких демонологических персонажах, которые

пытались переместить камни, либо их разбить, либо, напротив, поселиться в них, что порой согласно легендам им удавалось. Общим лейтмотивом всех преданий, связанных с чертовыми камнями, является желание нечистой силы каким-то образом навредить, обмануть, перетянуть на свою сторону местных жителей. Порой данным объектам приписывают способности нечто созидать (шить одежду, изготавливать обувь), но при этом проситель должен пожертвовать чем-то дорогим и таким образом перейти на сторону зла. Зафиксированы случаи, когда в местных легендах к чертовым камням относят камни-следовики (некая нечистая сила оставила отпечатки на камне) и камни, отождествляющиеся с окаменевшими людьми (наказание человеку за несоблюдение определенных канонных и таким образом перешедших на сторону черных сил).

Камни «кравцы», «портные», «шевцы», «мастера». Данные памятники в народном фольклоре чаще всего наделялись способностью шить одежду или обувь. В легендах, связанных с валунами подобного типа, заметно стремление человека видеть в камне не только фетиш, но и нечто близкое себе по духу. Почитаемый объект в данном случае становится не только духовным по сущности, но и каким-то образом материальным. Такие валуны становятся своеобразными «помощниками» в работе простого человека. С другой стороны, ряд легенд о камнях-мастерах связаны с чертями, бесами, колдунами, заключенными в камень, змеями и иными животными, превращающимися в человека, чтобы сшить одежду, или окаменевшими портными, наказанными за пренебрежение общеустановленными канонами. Данные особенности преданий можно воспринимать как своеобразный намек на подвластность человеческой судьбы высшим силам. Существуют предания о «ходящих по свету» камнях-кравцах. Подобные объекты, как и камни-следовики, особо почитались населением, и «за работу» к ним было принято приносить различные подношения – деньги, продукты питания, вещи.

Тотемические камни (валуны «звери»). Памятники данного типа, как правило, обладают выразительными визуальными особенностями, несомненно, природного происхождения, придающими им схожесть с различными животными. Подобные объекты свидетельствуют о наличии в регионе культов тотемизма или зоолатрии. Кроме наших предков – славян, культ медведя присутствовал также в верованиях древних греков, финнов, германцев, а также в верованиях народов Сибири и народов древней Японии. Истоки этого культа берут свое начало еще в период палеолита [3, с. 127]. Камни с легендами об окаменевших людях, животных, предметах можно встретить в легендах и преданиях разных народов. Данный мотив, как правило, одинаков: превращение в камень как наказание, кара божья, за грехи, воровство, болтливость, злобу, результат заклятия или просто магической трансформации. Согласно этнографическим данным такие предания характерны не только для территории Беларуси, они зафиксированы в Литве, Латвии, в землях прусов [4, с. 145].

Сам «запрет оглядываться» присутствует еще в античных мифах, также это один из ветхозаветных библейских сюжетов. В этнографических материалах, касающихся культовых камней с окаменевшими людьми, в качестве персонажа,

установившего запрет, выступают колдуны, ведьмы, черти, гномы, странники, а порой и библейские персонажи. Зачастую такая кара настигала человека за непослушание перед установленными канонами: работу в праздники, нарушение установленных традиций, пренебрежение по отношению к высшим силам, бесчестие, любопытство, нецензурную брань. Что касается окаменевших животных, то, как правило, кроме тотемных преданий, существуют мотивы, когда животное поневоле стало жертвой из-за человека, нарушившего некие каноны (предания об окаменевших вместе с волами (быками) пахарях в наказание за работу в праздник).

Окаменевшими мифологическими персонажами чаще всего выступают черти. По той или иной причине в камень может превратиться черт как в антропоморфном, так и в зооморфном облики: черт-лебедь, черт-ягненок, черт-конь и т. д. Также в зооморфном облики не всегда является сам черт, иногда согласно преданиям – это призрак умершего, так как «заблудший» домашний скот порой появляется около кладбища [4, с. 162]. Часть легенд характеризуют черта как хтонического персонажа.

Отметим интересный факт, что порой предметами или вещами, забытыми, оброненными, брошенными, утерянными данными персонажами, являются вовсе неприсущие им как во временном, так и в тематическом контексте. Так, в Латвии есть камень, который считается окаменевшими карманными часами, которые в спешке обронил черт. Такие легенды показывают, что и в более позднее время, и сегодня могут возникать легенды, построенные по принципам мифологического мышления.

Еще одной особенностью окаменевших персонажей являются окаменевшие враги-оккупанты – шведы и французы. Согласно легендам, они также окаменели в кару не столько за военные преступления, сколько за ослушание (непонимание, незнание, пренебрежение) местными святынь, традиций и канонов. Также известны окаменевшие здания-дома или камни как прообраз дома, некоего жилья [4, с. 73].

Отметим, что исходя из этнографических данных, окаменеть могли как отдельно взятые люди, так и пары, группы и даже целые деревни. Интересен и тот факт, что на территории Беларуси в большей степени зафиксированы сюжеты с библейскими персонажами и с карой за христианские грехи, а в соседних Латвии и Литве присутствуют чаще мифологические персонажи и более архаичные сюжеты. Вероятно, это связано с социальными особенностями укоренения язычества и территориальной неоднородностью влияния христианства. Также очевидна линия связи камней с такими мотивами, как бедность или голод и, напротив, сюжетами богатства или урожайности. Это яркое свидетельство патриархальных корней мифов и легенд об окаменевших персонажах, связанных с темой плодovitости скота и плодородия земли.

Камни этого типа не всегда природные, порой можно увидеть следы обработки их человеком. На территории Беларуси известны аналогичные памятники в виде каменных крестов. Поклонение таким камням сохранилось до

наших дней, зафиксированы и процессы жертвоприношений (они традиционны: деньги, продукты питания, вещи), которые также происходят и сегодня.

Еще одна сюжетная линия, связанная с окаменевшими людьми, – их активность. Согласно этнографическим заметкам, эти памятники могут говорить, петь, плакать, кровоточить, имеют сердце, рот, уши, могут расти и передвигаться. Также при выполнении определённых ритуалов они могут вновь превратиться в живое существо.

Камни культа предков и культа богов, согласно мифологической традиции, представляют собой валуны, в которых живут боги, духи и предки. Данная традиция распространена у многих народов мира как одна из форм политеизма, основным лейтмотивом которой является поклонение умершим прародителям и сородичам, а также вера в то, что они каким-то образом участвуют в повседневной жизни человека.

Такие памятники почитаемы, как правило, в микрорегиональном контексте, зачастую они играют роль жертвенников, целителей. Возможно, данные валуны являются сакральным прообразом погребальных камней. У них идентична цель – «привязать» душу умершего к заданному месту. Цель данных процессов может быть неоднозначна: с одной стороны, необходимо упокоить душу, дав ей своеобразную оболочку в виде камня, с другой – стремление держать дух предка поодаль от себя, дабы иметь возможность обратиться к нему во время нужды. В целом подобные камни наделялись функциями потусторонних покровителей, охранявших жилище, здоровье родных и близких, влиявших на выживаемость и плодovitость скота, помогающих обрести и сохранить богатство и т. д.

Камни с легендами и прочие почитаемые камни. Пантеон подобных памятников велик. Это и камни «небесные» или «гром-камни» – объекты метеоритного происхождения, которые считались упавшими с неба и притягивающими к себе удары грома и молнии. В данном контексте можно рассматривать любой памятник, к которому есть хоть минимальное внимание со стороны человека. Замечены ситуации, когда валун, который много лет лежал поодаль некоего населенного пункта и никак не выделялся на фоне общего природного ландшафта, вдруг в XXI в. неожиданно становился для местного населения «сакральным». Причина прозаична: он попал в поле внимания «чужих», желающих увести или расколоть данный камень для хозяйственных нужд. Местное население сразу же декларирует данный памятник хранителем деревни, к нему начинаются подношение и иные ритуалы, находятся старожилы, ещё помнящие «чудеса», которые явились благодаря камню.

Не стоит сбрасывать со счетов и очень популярное в последнее время движение «неоязычников». Они также склонны мифологизировать и «дополнять» известные факты, что становится проблемой для ученых. Наиболее активные группы данного движения порой пытаются «реконструировать» некоторые памятники, не только нанося таким образом огромный вред исследователям объектов подобного типа, но и нарушая законодательство об охране историко-культурного наследия.

Список использованной литературы

1. Александров, А. А. Волшебные камни в народных сказках / А. А. Александров // Отечество: краевед. альманах. – 2000. – Вып. 18.
2. Александров, А. А. Культурные камни в сказках / А. А. Александров // Земля Псковская, древняя и социалистическая : крат. тез. докл. к науч.-практ. конф. ; ред. О. В. Алексеев. – Псков : Б. и., 1986. – 78 с.
3. Жижиян, С. Ф. Культурные каменные изваяния Могилёвского Поднепровья: к вопросу о синтезе языческих и христианских традиций / С. Ф. Жижиян // Религия и общество – 10 : сб. науч. ст. / под ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко – Могилёв : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 126–128.
4. Культурныя і гістарычныя валуны Беларусі / А. К. Карабанаў [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 235 с.
5. Платов, А. В. Мегалиты Русской равнины / А. В. Платов. – М. : Вече, 2009. – 310 с.
6. Уртанс, Ю. В. Об идентификации культурных камней Северо-Запада РСФСР и Прибалтики / Ю. В. Уртанс // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология : тез. докл. науч. конф. – Нарва, 1989. – С. 200–203.
7. Шорин, М. В. О религиозных представлениях в связи с культом камней / М. В. Шорин // История и археология Новгородской земли : тез. докл. на конф. – Новгород, 1987. – С. 33–36.

УДК 94(476)

Т. А. Ігнацюк (Беларусь, Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)
Навуковы кіраўнік – В. Ю. Піліповіч, старшы выкладчык

ВЯСНОВЫ ЦЫКЛ КАЛЯНДАРНАЙ АБРАДНАСЦІ В. БАЛОТЫ КОБРЫНСКАГА РАЁНА: СПРОБЫ ПАЛЯВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

У дадзеным артыкуле разгледжаны вясновы цыкл каляндарнай абраднасці в. Балоты Кобрынскага раёна. Прааналізаваны асноўныя спецыфічныя асаблівасці абраднасці, характэрныя для дадзенага рэгіёна. Адзначаны фактары, якія паўплывалі на ход і вынікі даследавання.

Каляндарная абраднасць займала значную ролю ў жыцці нашых продкаў і вельмі ўплывала на штодзённае жыццё сялян. Менавіта ад прымет і забабонаў залежала, на думку продкаў, ураджайнасць пасаваў, гадаванне хатніх жывёл, дабрабыт у хаце і ў сям’і, а часам і здароўе самога чалавека. Святы разнастайвалі жыццё сялян. Абраднасць выконвала і выхаваўчую функцыю: праз яе дзеці, моладзь пераймалі традыцыі і звычаі сваіх продкаў, засвойвалі нормы паводзін у розных жыццёвых абставінах. У апошні час шматлікія звычаі і традыцыі, а таксама іх асаблівасці, характэрныя для той ці іншай мясцовасці, адыходзяць у мінулае разам з людзьмі, якія іх яшчэ памятаюць. У сённяшні час назіраецца тэндэнцыя аднаўлення некаторых. Аднак часта робіцца гэта без уліку мясцовых асаблівасцяў каляндарнай абраднасці пэўнага рэгіёна. Актуальнасць адзначанай тэмы вызначаецца неабходнасцю захавання адметнасці каляндарнай абраднасці,

якая характэрна для пэўных рэгіёнаў і мясцовасцяў. Цікавасць да тэмы вызначаецца тым, што кожная вёска можа мець своеасаблівыя адметнасці ў абраднасці, якія могуць з'яўляцца невядомымі дагэтуль. Інфарматарамі з'яўляліся сталыя жыхары в. Балоты, якія паведамлілі шмат каштоўнай інфармацыі аб саміх святах, іх святкаванні, прыметах, забабонах.

У разглядаемай мясцовасці свята Стрэчання, якое выпадае на 19 лютага, называлі Громныці. Назва свечкі, якую прыносілі дамоў з царквы ў гэты дзень, мае адпаведную назву – *“громнычна свічка”*. Па словах рэспандэнтаў, свята мае такую назву, бо свечка засцерагала ад грому (навальніцы), таму яе запальвалі пры навальніцы. Лічылі, што і сама наяўнасць такой свечкі ў хаце ўжо аберагае ад бяды. Ёю падпальвалі валасы ў такой паслядоўнасці, як і хрысцяцца: спераду, ззаду, справа і злева. Гэта рабілі, каб чалавек не баяўся грому. Акрамя таго, свечкай выпальвалі на столі (часам на бэльках) перад дзвярыма чорныя крыжыкі. Яны павінны былі засцерагаць хату ад маланкі. Была і прыказка *“Як на Громныці нап'ецця півэнь водыці, то на Юр'я наісця віл травыці”*. Наяўнасць вобраза вала ў прыказцы тлумачыцца тым, што іх было больш, чым коней, якіх амаль не было [2]. Існавала і другая інтэрпрэтацыя прыказкі: *“Сы на Громныці мороз будэ, то высна позно будэ. А сы одлыга капае з крыш, то будэ рання тэпла высна”* [4]. Аб лячэбных уласцівасцях грамнічнай свечкі рэспандэнты нічога сказаць не змаглі, бо ніколі пра гэтакія не чулі. Галоўнай уласцівасцю свечкі адзначалі ахову ад грому.

Тыдзень перад Вялікім постам называлі Масляным. Яшчэ дазвалялася есці масленыя (малочныя) стравы. У асноўным пяклі бліны на масле. Нядзеля звалася Прашчонай: прасілі прабачэння перад Вялікім постам адзін у аднаго [2].

Дзень сарака пакутнікаў называлі часцей Сорак святых. Выпадае гэтае свята на 22 сакавіка. У гэты дзень яшчэ казалі: *“Пасля Сорак святых будэ сорок морозів”*. Заўважалі, што, нягледзячы на вясновы месяц, бывалі часта маразы [4].

На 7 красавіка прыходзілася Благовішчанне. У гэты дзень казалі: *“Дівка косы ны плытэ, птушка гнызда ны в'е”*. Гэтым нібы паказвалася вялікая роля свята. Дзяўчатам забаранялася нават расчэсваць і заплятаць валасы. Заўважалі, што птушкі нават не ўюць гнёзды. Лічылася, што на Благовішчанне бусел павінен знесці яйка. У гэты дзень рабілі постныя галушкі, ці, як іх яшчэ называлі, *“галёны”*, якія гатаваліся на вадзе, пшанічнай муцэ і дражджах, затым выпякаліся ў печы [2]. Пасля гэтых галушкі давалі дзецям, якія ўздымалі іх да неба, калі бачылі бусла, і прасілі: *“Бусэнь-бусэнь, на тобі галёну і дай мыні жыта копу”*. Прасілі копу – звязку з 30–32 снапоў жыта, якая была большая, чым лёжка снапоў, якая складалася з 15 снапоў, таму і прасілі ў бусла менавіта *“копу жыта”*. Асабліва на Благовішчанне забаранялася выконваць працу ў полі, бо лічылася, што ў адваротным выпадку нічога не нарасце. Меркавалі, што ў дзень тыдня, на якое выпадала гэтае свята, непажадана пачынаць сур'ёзную справу на працягу года.

Са слоў рэспандэнтаў можна зрабіць вывад, што сустрэчу вясны атаясамлялі з Масленіцай. Гэта быў час, калі спявалі песні, пяклі бліны [2]. Першым прылятаў *“смытюх”* і жаўрук. Быгавала прыказка *“Дядько Смытю, ”*

заспявай на сёму няділю, колы я ны постію” [4]. Як паяснялі рэспандэнткі, калі не прылятае жаўрук у пачатку сакавіка (сёмы тыдзень пасля Раства), то ўжо прыляціць смытлюх. “Дядьком Смытліем” жаўрук называе смытлюха. Для таго каб зразумець, якую птушку ў мясцовасці называлі “смытлюхом”, неабходна было вывучыць дадатковую літаратуру. Пасля гэтага стала зразумела, што хутчэй за ўсё “смытлюхом” у мясцовасці звалі жаўрука чубатага, занесенага сёння ў Чырвоную кнігу Рэспублікі Беларусь [1]. Рэспандэнткі адзначалі, што сустракалі вясну песнямі, але ж іх не ведаюць ці не памятаюць. Прычына гэтага часцей за ўсё ў тым, што большасць рэспандэнтаў не ўдзельнічалі ў калектыўных гуляннях, таму і не ведаюць падрабязнасцей дадзенага працэсу.

Дзень Святога Георгія, які выпадае на 6 мая, у в. Балоты называлі Юр’ем. Казалі: “*До Юр’я сіно будэ і в дурня*” [3]. Мелася на ўвазе, што трэба было загатаваць столькі сена, каб хапіла яго да гэтага дня. Бо “*колы на Громныці нап’ецця півэнь водыці, то на Юр’я наісця віл травыці*”. Увогуле існавала прыказка “*Прышов май – гоны волів у гай, а сам на піч втыкай*”, што сведчыць аб халодным надвор’і ў гэтым месяцы. Прапаноўвалася на Юр’я да ўзыходу сонца, калі што-небудзь баліць, прайсці па расе. Такім чынам можна было вылучыць ногі [2]. У гэты дзень гаспадар абыходзіў поле. Для гэтага ён апранаўся ў чыстыя ці новыя сарочкі і абыходзіў пасевы. Гэтыя дзеянні маглі суправаджацца малітвай. Але так часцей рабілі больш багатыя людзі.

Нядзеля перад Пасхай звалася Вербнай нядзеляй ці “Вэрбныцый”. Як прыходзілі з царквы з асвечанай вярбой, то быў звычай біць адзін аднаго ёю. Дазвалялася і дзецям біць асвечанай вярбой старэйшых. Пры гэтым казалі: “*Ны я б’ю, вырба б’е, за тыждэнь – Вылыкдэнь!*” [4]. Была яшчэ варыяцыя: “*Ны я б’ю, вырба б’е, за тыждэнь – Вылыкдэнь. Слухай папу, слухай маму!*” Пасля гэтую вярбу захоўвалі ў хаце, а леташнюю заносілі ў хлеў з жывёлай. Асвечаная вярба, як і грамнічная свечка, ахоўвала ад навальніцы. Як першы раз выганялі статак кароў, то бралі з сабой асвечаную вярбу і абыходзілі яго тры разы з ёю, каб усё з ім было шчасна на працягу ўсяго пасвіння.

Чацвер на тыдні перад Вялікаднем называлі Чыстым. Калі ў кагосьці нешта балела, то ішлі ў тое месца, дзе бяжыць вада. Такім месцам мог быць і канал. Тою вадою мылі ногі ці другое месца, што баліць. Рабіць гэта трэба было да ўзыходу сонца. Пасля службы ў царкве прыходзілі дамоў са свечкай, грамнічнай, якую не гасілі са службы, і абыходзілі з ёю хату, хлеў і пры гэтым, перахрысціўшыся, чыталі малітву “Отче наш”. Затым заходзілі ў хату, дзе над дзвярыма выпальвалі грамнічнай свечкай чорныя крыжыкі. З гэтага дня некаторыя людзі пачыналі вельмі строга пасціць: выкарыстоўвалі ў ежу хлеб і ваду. Гэтым рэспандэнткі тлумачылі выпадкі, калі падчас Велікоднай службы некаму станавілася дрэнна, яны гублялі прытомнасць.

Велікодныя яйкі называлі свячонымі. Фарбавалі яйкі ў “велікодну суботу”. Пасля асвячэння ў царкве некаторыя людзі насілі іх на могілкі, іншыя неслі дахаты, дзе іх елі разам з астатнімі свячонымі стравамі. Шкарлупу, якая заставалася, пакідалі на полі, дзе будзе бульба. Быў звычай біцца свячонымі яйкамі. Адбывалася гэта наступным чынам: два чалавекі біліся яйкамі,

пераможцам станавіўся той, чые яйка заставалася цэлым, пабітае ж яйка аддавалася першаму. Як адпраўляліся ў царкву, па магчымасці стараліся пакінуць святло ў хаце, такім чынам падкрэсліваючы сакральнасць свята. Ручнік, на якім асвятчалі пасху, не мылі да наступнага Вялікадня. Ён таксама засцерагаў ад навальніцы [2]. Існуе звычай падчас Велікоднай службы разводзіць касцёр, які гарыць усю ноч, непадалёк ад царквы. Часцей за ўсё за гэтым кастром збіралася моладзь. Рэспандэнтам адзначалася, што ніякага сакральнага сэнсу гэты касцёр не меў, з'яўляўся ён у большай ступені забавай для моладзі.

Сераду пасля Вялікадня называлі Сухой. У гэты дзень быў звычай аблівацца вадой. Часцей за ўсё вадой аблівалі дзяўчат. Для гэтага іх часта пільнавалі, бо тыя стараліся не выходзіць з хаты ў гэты дзень, і аблівалі халоднай вадой з вядра [4]. Калі дзяўчаты былі на вуліцы, то іх ганялі да бліжэйшага вадаёма, рэчкі, канала. Там і кідалі ў ваду. У гэты дзень яшчэ *“вылыкых ділов ны робылы. В поле ны шлы, а другэ робылы. Моглы картоплі повыбыраты на семена”*. Займаліся хатнімі справамі. У гэты дзень часцей хадзілі прыбіраць могількі.

Чацвер пасля Вялікадня называлі Мамский Вылыкдэнь, бо маліліся за памерлых родзічаў (маці, бацьку і інш.). Настаяцель царквы праводзіў у гэты дзень на могільках малебен. Малітва праводзілася як агульная, так і паасобку для кожнага. Менавіта па гэтай прычыне і прыбіралі могількі ў Сухую сераду. Рэспандэнты адзначалі, што зараз сітуацыя змянілася і могількі прыбіраюць ужо да Вялікадня, але раней гэта рабілася пасля.

Наконт таго, калі святкуецца дзень Міколы вясновага, рэспандэнты назвалі дзве даты, 21 і 22 мая. Як яны паяснялі, аднаго дня ў вёсцы Балоты, другога – у в. Кісялёўцы (суседняя вёска). Такая блытаніна была выклікана тым, што ў суседняй вёсцы знаходзіцца царква св. Іаана Багаслова, заклад якой быў 21 мая, у дзень памяці святога. Менавіта ў гэты дзень там праводзіцца святочная служба. Таму рэспандэнты і лічаць, што святкуюць Міколу вясновага два дні [2]. Бытавала прыказка *“На Мыколу ны стрыжы овэчкы і ны сій грэчкы ныколы”* [3]. У якасці пацверджання прыводзіліся факты, калі нехта пасеяў грэчку да гэтага дня і яна потымпамерзла або як адна вяскоўка *“до Мыколы выстрыгла овэчок, то всі выздыхалы”* [4].

Тыдзень пасля Вялікадня зваўся Проводнэю нядільню. У апошні яго дзень, у нядзелю, у царкве настаяцель раздаваў кавалачкі асвечанай пасхі, што знаходзілася ў “захрэсці” ўвесь тыдзень. Яе прыносілі дадому і захоўвалі разам з грамнічнай свечкай, асвечанай вадой, “зіллем” (травамі, асвечанымі ў чацвер пасля Троіцы) і інш. Яна засцерагала ад нячыстай сілы і злога духа.

Троіцу раней святкавалі тры дні: нядзеля, панядзелак і аўторак. Ва ўсе тры дні забаранялася займацца цяжкай працай, у т. л. працай у полі. Усе тры дні хадзілі ў царкву. Так, напрыклад, у панядзелак пасля Троіцы людзі збіраліся ў царкве на службу, пасля якой адбываўся хрэсны ход па вёсцы. Асаблівае значэнне надавалася выгляду хаты. Яе абавязкова упрыгожвалі. Для гэтага выкарыстоўваўся *“пльшнык”* (аер). На гэты час часцей за ўсё прыходзілася яго цвіценне, таму і шукалі *“пльшнык”* пераважна з кветкамі. Выдзялялі два віды

“плышныка”: “кінскый плышнык” і “пахучый плышнык”. “Кінскый плышнык” адрозніваўся больш цёмным колерам, а “пахучый плышнык” меў адпаведна больш светлы колер і прыемны пах. Часцей стараліся ўпрыгожваць надворак “пахучым плышныком”, які было цяжэй знайсці. Яго раскідвалі па сцежцы ў двары. Акрамя таго, хату і надворак упрыгожвалі галінкамі такіх дрэў, як дуб, рабіна, бяроза і інш. [2]. Часам упрыгожвалі хату і галінкамі акацыі, якую рвалі ў мясцовага пана. Галінкі дрэў затыкалі ўздоўж ці па-над дзвярыма, вокнамі [4]. У чацвер пасля Троіцы хадзілі ў царкву асвячаць “зілле”. Для гэтага плялі вяночкі са “зверабою” (святаянніка), “розыхіду” (невысокія жоўтыя кветачкі) і іншых палявых траў і кветак. Пасля таго як “зілле” асвяцілі ў царкве, яго захоўвалі ў хаце каля асвячоных рэчаў ці ў цёмных месцах, звычайна ў каморы [2].

Галоўны фактар, які паўплываў на эфектыўнасць даследавання быў звязаны з невялікай колькасцю рэспандэнтаў, якія мала што ведалі пра такія звычаі і абрады, як цяганне калодкі на Масленіцу, гуканне вясны, а таксама песні, якімі гукалі і сустракалі вясну, і інш. На гэта паўплываў той фактар, што самі рэспандэнты не ўдзельнічалі ў гэтым, нягледзячы на тое, што пра існаванне такіх звычаяў і абрадаў ведалі. Што адметна, рэспандэнты нічога не ведалі пра “Градабойны” дзень, як і пра існаванне русалак.

Падчас даследавання цяжкасці выклікалі і мясцовыя назвы прадметаў, жывёл і раслін. Дзякуючы інтэрнэт-рэсурсам было высветлена, што птушка “смытох”, якая прылятае першая вясной, гэта жаўрук чубаты, занесены ў Чырвоную кнігу. Аднак навуковай назвы такой кветкі, як “розыхід”, высветліць не атрымалася. Гэтым і не толькі абумоўліваецца такі важны фактар даследавання, як веданне асаблівасцей мясцовасці. Так, дзякуючы гэтаму ўдалося высветліць непаразуменне наконт дат святкавання Міколы вясновага, якіх рэспандэнты назвалі дзве – 21 мая і 22 мая, што было звязана з асаблівай царкоўнай святочнай службай двух свят (Іаана Багаслова і Міколы), здзяйсняемай у гэтыя дні ў дзвюх цэрквах, суседняй і мясцовай.

Быў сабраны матэрыял пра шматлікія забабоны свят вясновага цыклу каляндарнай абраднасці, якія тычыліся галоўным чынам дабрабыту ў хаце, здароўя чалавека, эфектыўнага вядзення хатняй гаспадаркі і інш.

Спробы палявых даследаванняў паказалі неабходнасць больш глыбокага і шэрышага вывучэння разглядаемай тэмы для больш цэласнага вывучэння вясновага цыклу каляндарнай абраднасці ў пэўнай мясцовасці.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Заказнікі і помнікі прыроды Лунінецчыны [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://lunines.by2.by/zakazniki/sosny.html>. – Дата доступа: 31.03.2019.
2. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з П. С. Ігнацюк, 1937 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2018.
3. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з С. І. Ігнацюк, 1928 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2018.
4. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв’ю з Я. І. Ігнацюк, 1934 г. н. – Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н, в. Балоты, 2018.

УДК 72.03(091)(410.1)

В. В. Лавшук (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. И. Пашкович, канд. ист. наук, доцент

ВКЛАД КРИСТОФЕРА РЕНА В АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК АНГЛИИ

Статья посвящена роли Кристофера Рена в формировании архитектурного облика Англии. В статье рассматривается жизненный путь мастера, становление его как личности и архитектора, его вклад в перестройку Лондона, вызванную Великим пожаром 1666 г., и прежде возведение главного шедевра – собора Святого Павла.

Кристофер Рен являлся одним из немногих наиболее значимых архитекторов Англии. И это национальное признание он заслужил каждой из своих работ и прежде всего как создатель величественного собора Святого Павла. В то же время великий современник самого Рена, Исаак Ньютон ставил его в число трех лучших геометров своего времени, и первые тридцать из прожитых Реном девяноста лет он занимался исключительно математикой и астрономией.

Кристофер Рен (1632–1723 гг.) появился на свет в семье священнослужителя, где воспитывался в высокодуховной атмосфере. На формирование его личности значительным образом повлияли события революции XVII в. В результате чего он, как и многие представители его поколения, отошел от политики и посвятил себя науке. В 1662 г. он вступил в ряды Королевского научного общества, а впоследствии стал его президентом. Однако важнее всего была благосклонность Карла II, которая помогла ему в карьере. К. Рен был назначен придворным архитектором, но прежде, чем получить такую ответственную должность, он стал известным профессором астрономии в Лондоне, а затем профессором в Оксфорде, причем последний пост он сохранял за собой длительное время, а именно до того момента, как выполнение архитектурных работ стало отнимать слишком много времени, в результате чего Рен ушел в отставку и полностью посвятил себя архитектуре [2, с. 207–208].

Вероятно, его глубокие знания в области математики послужили причиной того, что в 1661 г. к нему впервые обратились за консультацией касательно старого собора Святого Павла, но об этом нам известно очень мало. Однако точно известно, что первым построенным Реном зданием был театр Шелдона в Оксфорде, подаренный университету архиепископом Шелдоном в качестве зала для присуждения степеней и других подобных церемоний. Поскольку здание предназначалось для торжественных публичных действий, Рен решил выбрать базовой формой классический амфитеатр с Н-образным планом, в который он добавил собственные, характерные для него элементы. Возведение театра началось в 1664 г. Следующие свои работы Рен выполнил для Кембриджского университета, в колледжах Пембрук и Иммануила, но решающим моментом в его карьере стали события 1665–1666 гг.

Летом 1665 г. Рен отправился во Францию, где находился на протяжении 9 месяцев и воочию знакомился с классическим стилем, созданным лучшими

фаворитами архитектурного дела той эпохи. Необходимые знания об архитектурном ремесле он получает также посредством изучения гравюр, наиболее значимых сооружений в Париже. И уже вскоре после возвращения в Англию он подготовил проект реконструкции старого собора Святого Павла, поскольку этот храм сильно обветшал. 27 августа 1666 г. его проект был одобрен, но спустя несколько дней, а именно 2 сентября 1666 г., начинается «Великий Лондонский пожар» [2, с. 212.]

Пожар начался в одной из пекарен. Огонь стал быстро распространяться по Сити в западном направлении. В результате большая часть города была охвачена пожаром, который получилось потушить лишь на третий день. Вся территория Сити лежала в развалинах, выгорели не только жилые дома, но и каменные постройки. Джон Эвелин писал в своих мемуарах: «Камни летели в разные стороны, растопившийся свинец ручьями тек по улицам» [2, с. 212]. В результате трехдневного пожара было истреблено 4/5 всех построек, сгорел также и собор Святого Павла, 89 приходских церквей, 50 зданий гильдий и 13 200 домов, в огне погибло более 90 тыс. человек [3].

Лондон, переживший ужасающий пожар, нуждался в скорейшем восстановлении. Перед Реном появились новые возможности для реализации его проекта. На территории города, опустошенного пожаром, можно было развернуть строительство множества зданий, отвечавших условиям жизни нового Лондона, и тем самым изменить старую неудобную планировку средневекового города. Рен предложил проект восстановления Сити, где были учтены последние достижения в области градостроения. Согласно этому проекту вместо уличных лабиринтов старого города должны были появиться прямые улицы, радикально расходящиеся от пяти площадей, а вдоль Темзы простираться красочная набережная. Таким образом, основу плана Рена составляли принципы, характерные для классицизма [3].

Однако проект не был принят к исполнению по причине недостатка финансовых средств. У государства не было возможностей для воплощения проекта в жизнь, в результате чего было решено отказаться от коренной перестройки города, жителям было дано разрешение возводить дома на старых фундаментах за собственный счет, но с запретом на постройку деревянных домов. На смену старым и непрочным деревянным домам пришли здания из красного кирпича с отделкой из белого камня. Высота домов составляла четыре этажа для главных улиц и три этажа для небольших улочек [3].

После пожара изменился не только внешний вид центральной части города, но и появилось много новых районов. Состоятельные лондонцы покупали землю на окраинах города и выстраивали себе просторные особняки. Районы начали выполнять определенные функции. Так в деловом районе были возведены здания банка и Ост-Индийской компании, в Вестминстере построили Адмиралтейство, а на Стрэнде – парадное здание Сомерсет-хауза и Академию художеств, вокруг дворцов и парков Вестминстера сформировался новый богатый район Вест-энд, где в роскошных особняках жила аристократическая верхушка общества и придворная знать [3].

Несмотря на то что проект Рена по комплексному восстановлению Лондона был отклонен, его вклад в перестройку столицы был существенным. Из гражданских сооружений одно из наиболее значимых – новые части дворца Хэмптон-корт. В 1689–1694 гг. им были построены корпуса вокруг так называемого двора с фонтаном и фасад с выходом в парк. В этой оригинальной по замыслу работе архитектор показал прекрасное мастерство, строгий вкус, а также умение эффективно использовать материалы – кирпич и белый портовый камень. Реном также был окончательно разработан план Гринвичского госпиталя [1, с. 304–305].

Среди творений архитектора особенно выделялся собор Святого Павла. Это, пожалуй, важнейшее дело жизни Рена, на которое ушло 35 лет. Возведение собора началось 21 июня 1675 г. и завершилось в 1710 г. Место его постройки находится на возвышении в самом сердце Лондона, а огромный купол со сверкающим крестом можно было лицезреть из любого района Лондона.

Первое здание собора было построено в Лондоне еще в VII в. Святой Павел почитался лондонцами как покровитель и заступник Сити. В конце XI в. собор сгорел, и лишь в 1136 г. завершилось его восстановление. На тот момент здание собора было самым высоким в Лондоне (158,5 м). В Средневековье зачастую двор собора являлся местом народных собраний, где принимались решения о низложении одного короля и коронации на престол другого. В конце XIV в. боковые пределы собора превратились в своего рода ярмарку, где торговали всевозможными товарами, дрались на дуэлях, грабили. Доносившиеся из глубины собора звуки мессы время от времени заглушали крики торговцев и шум гомонящей толпы. Кроме того, здесь совершались торговые сделки, устраивались деловые встречи, передавались из уст в уста новости. Во времена Реформации внутри собора были уничтожены многие памятники, могилы скрыты, а украшения алтарей пополнили королевскую казну. Собор постепенно пришел в упадок, а во время Великого пожара сгорел дотла.

Перед Кристофером Реном стояла нелегкая задача не просто восстановить собор из пепла, но и создать новое грандиозное сооружение. Собор должен был стать крупнейшим протестантским храмом, противостоящим самому важному католическому храму – собору Святого Петра в Риме. Парламент нашел средства на строительство за счет введения нового налога на уголь, который привозили в Англию морским путем. Значение угля для англичан было огромным, поэтому можно считать, что по существу грандиозное здание собора построено на средства миллионов англичан.

В генеральном плане здание собора имеет форму латинского креста. Длина здания достигает 175,5 м. Рен при проектировании нового собора выбрал вместо готического стиля греко-римский. Наиболее эффектно выглядит собор со стороны главного, западного фасада. По обеим сторонам портика тридцатиметровой высоты возвышаются две башни-колокольни. В правой башне находится самый большой колокол в Англии – Большой Пол, вес которого 16 т. В архитектурном решении башен чувствуется влияние стиля барокко. Несмотря на то что они отличаются по стилю от портика и купола, архитектор умело

объединил их в единое целое. Большую роль в этом играет световой фонарь, венчающий величественный купол собора и повторяющий форму башен-колоколен. Фронтон украшен скульптурной композицией на сюжет «Обращения Савла» работы Френсиса Берда [3].

Долгое время собор Святого Павла оставался самым высоким зданием в Лондоне, поднимаясь ввысь на 111 м. В солнечный день с галереи верхней части купола открывается чудесный вид на Лондон. Доступен для посетителей и сверкающий золотом шар, поддерживающий крест на куполе. Оттуда перспектива окрестностей еще более широкая. Возведенный Реном купол представляет собой триумф инженерной мысли Англии начала XVIII в. Архитектору удалось воплотить свою заветную мечту и подарить столице Англии купол, ни в чем не уступающий куполу собора Святого Петра в Риме и другим сооружениям талантливых зодчих.

Купол, спроектированный Реном, тройной. Снаружи видна только его свинцовая оболочка, которая закреплена на деревянной конструкции. Несущим в этом сооружении является кирпичный конус, полностью скрытый от глаз посетителей. Его не видно и внутри собора, так как под конусом расположен еще и внутренний купол в виде полусферы с отверстием в центре. Кажется, что взгляд через него уходит в беспредельную высоту. Инженерный расчет Рена выдержал не только проверку временем, но и выстоял в годы Второй мировой войны, когда почву вокруг собора сотрясали взрывы бомб и снарядов. Купол великолепно сохранился. Интересно, что у основания внутреннего купола есть так называемая «галерея Шепота», знаменитая своим акустическим эффектом. Слово, сказанное тихим голосом на одной стороне купола, прекрасно слышно на другой, хотя диаметр купола в этом месте достигает 32 м. С этой галереи также можно хорошо рассмотреть росписи купола на сюжеты деяний апостола Павла, выполненные в 1716–1719 гг. английским живописцем Торнхиллом [3].

Декоративное оформление собора выполнено с относительной сдержанностью. Здесь нет позолоты, лепки и скульптур, но мастерство исполнения каждой детали и высокий уровень отделочных работ позволяют любоваться превосходной резьбой по камню, великолепными балюстрадами и решетками кованого железа. Только с 1860 г. в первоначальном облике здания стали появляться существенные изменения. Тонкая, изящная отделка внутреннего помещения собора радует глаз и в наши дни, а своды купола покрыты мозаикой. В верхней части стен размещены статуи и барельефы, выполненные из мрамора. Самое ценное в интерьере собора Святого Павла – ажурные кованые решетки работы Жана Тижу и превосходные резные деревянные скамьи, выполненные знаменитым английским скульптором Гринлингом Гиббонсом. Скамьи представляют собой сложнейшую композицию гигантских размеров, главными украшениями которой стали гирлянды из фруктов и цветов, головки херувимов, ажурные решетки и колонны коринфского ордера. Орган собора Святого Павла, созданный в 1694 г., считается одним из лучших в Англии [3].

С конца XVIII в. возникла традиция хоронить английских знаменитостей в крипте собора. В подземелье находятся могилы некоторых деятелей литературы

и искусства. Так, например, здесь покоятся известный специалист в области лексикографии доктор Сэмюэль Джонсон, английский пейзажист Тернер, первый президент Королевской академии художеств Рейнолдс. И все же главным образом собор Святого Павла стал усыпальницей английских полководцев. Многочисленные надгробия украшены скульптурными портретами военачальников в древнеримских тогах и сандалиях, изображениями пушек, военных кораблей и других атрибутов. В художественном отношении надгробия малоинтересны, так как очень похожи одно на другое. Почетное место занимает могила адмирала Нельсона. Его гроб был сделан из мачты одного из французских кораблей, побежденных в морском сражении возле устья Нила [3].

Даже в современном Лондоне собор Святого Павла сохраняет свою центральную позицию в ансамбле Сити и окружающих его районов. Трудно даже представить, какое грандиозное впечатление производил собор в XVIII в., когда самыми высокими домами в Лондоне были четырехэтажные здания. Долгие годы жизни посвятил архитектор работе над этим замечательным сооружением. Когда он начинал свой труд, ему было всего лишь 30 лет, а когда парламент объявил строительство полностью законченным, архитектор стал уже 80-летним стариком. Выдающийся архитектор и ученый, он вошел в историю Англии. Интересна надгробная плита на могиле создателя собора Святого Павла Кристофера Рена. На ней высечено по латыни: «Если ты ищешь памятник, посмотри вокруг» [3].

Список использованной литературы

1. Всеобщая история искусств : в 6 т. / редкол.: Б. В. Вейнмарн [и др.]. – М. : Искусство, 1963. – Т. 4 : Искусство 17–18 веков / под общ. ред. Ю. Д. Компинского и Е. И. Ротенберга. – 1012 с.
2. Кидсон, П. История английской архитектуры / П. Кидсон, П. Мюррей, П. Томпсон. – М. : Центрполиграф, 2003. – 382 с.
3. Ермакова, С. Исторический центр Лондона [Электронный ресурс] / С. Ермакова. – М. : Вече, 2005. – Режим доступа : <https://www.livelib.ru/>. – Дата доступа: 11.03.2019.

УДК 002.2+069.1 (476.5-21)

Д. А. Лутава (Беларусь, Полацк, ПДУ)

Навуковы кіраўнік – А. В. Сумко, канд. гіст. навук, дацэнт

«БЪЛОРУССКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ» ВОСПА ДАНИЛАВІЧА АРЛОЎСКАГА

У артыкуле прадстаўлены агляд адзінага беларускамоўнага выдання з Полацка за перыяд з XIX да пачатку XX ст. – “Бълорусскіе народныя разказы” Воспа Данілавіча Арлоўскага (1908) – у кантэксте выдавецкай справы ў Полацку ў пачатку XX ст., прыведзены звесткі пра аўтара твора, апісаны знешні выгляд выдання, якое сёння экспануецца ў Музеі беларускага кнігадрукавання ў Полацку, прааналізаваны змест твора.

Полацк – калыска кніжнай культуры Беларусі. Тут нарадзіліся дзве выдатныя асобы, якія стаялі ля вытокаў беларускай кнігі – Еўфрасіння Полацкая і Францыск Скарына. Першая стала адзінай вядомай на беларускіх землях жанчынай свайго часу, якая працавала над кнігай рукапіснай. Другі даў «люду паспалітаму» кнігу друкаваную. Кнігавыданне, пачатае Францыскам Скарынай, было толькі першым крокам беларускай выдавецкай справы, надалей яе чакала доўгае і складанае развіццё.

Пачатак ХХ ст. для беларускай кнігі стаў паваротным момантам. З’явіліся першыя легальныя беларускія выдавецтвы, была атрымана свабода друку, актыўна развівалася беларуская мова, нарэшце, з’явілася беларуская дзяржава. Той перыяд быў адметны значным уздымам выдавецкай справы на тэрыторыі Беларусі. За гэты час у Беларусі выйшла 4 355 выданняў – гэта ў два разы больш, чым у другой палове ХІХ ст. [1, с. 4]. Актыўна дзейнічалі не толькі губерньскія друкарні, але і шматлікія прыватныя.

У Полацку на пачатак ХХ ст. існавала тры прыватныя друкарні: друкарня Х. Клячко (Віцебская вул., дом Баркана), Н. Сраліовіча (Віцебская вул., дом Шнейваса) і Б. Фейгінова (Спаская вул., дом Эпштэйна) [3, с. 261; 6, с. 248; 7, с. 14]. Па прычыне таго што Полацк на той час быў невялікім правінцыйным горадам еўрапейскай часткі Расійскай імперыі, у якім не было вялікіх грамадска-асветніцкіх аб’яднанняў, выдавецкай дзейнасці трох мясцовых друкарняў было дастаткова.

Старэйшай з пералічаных з’яўлялася друкарня віленскага мешчаніна Хаіма Вульфава Клячко, адкрытая адразу пасля пераезду выдаўца ў Полацк у 1874 г. Праз два гады ўласную друкарню заснаваў полацкі мешчанін Берка Янкелеў Фейгінаў, прадпрыемства якога было абсталявана літаграфіяй. У 1897 г. свае дзверы адчыніла трэцяя полацкая друкарня, уладальнікам якой стаў таленавіты наборшчык і вучань Х. Клячко Нахум Абрамаў Сраліовіч, які пераехаў у Полацк з Ковенскай губерні.

Асноўным відам полацкай друкаванай прадукцыі ў той час былі брашуры апісальнага характару аб’ёмам да 40 старонак (“Путеводитель по городу Полоцку” (1910), “Прощание его Преосвященство Преосвященейшего Инокентия, бывшего епископа Полоцкого и Витебского с духовенством паствою и учреждениями Полоцкой епархии” (1915), “Отчеть Полоцкой библиотеки за 1915 год” (1916) і інш.). Выданні былі разлічаны на густ павятовага абывацеля (“Бѣлорусскіе народныя разказы” (1908) В. Д. Арлоўскага, “Самоучитель кройки и шитья дамской, детской и мужской обуви, составленной по легко понимаемому методу” (1908) М. Н. Дурасовіча і інш.).

Большасць полацкіх выданняў былі рускамоўнымі, на сённяшні момант вядома толькі адна кніга, якая была выдадзена з выкарыстаннем беларускай мовы – першы том кнігі “Бѣлорусскіе народныя разказы” пад аўтарствам Восіпа Данілавіча Арлоўскага [4, с. 247, 589].

Гэтая кніга выйшла з полацкай друкарні Н. А. Сраліовіча ў 1908 г. На вокладцы кнігі “Бѣлорусскіе народныя разказы” пазначана: “Томъ I”. Гэта дае

падставы меркаваць, што мог быць выдадзены і другі том, а магчыма, ён існаваў ў рукапісным выглядзе.

Асаблівую цікавасць прадстаўляе асоба аўтара кнігі. Восіп Арлоўскі (на вокладцы кнігі пазначаны як Іосиф Данилович Орловский) – пісьменнік канца XIX – пачатку XX ст., звестак пра якога амаль няма. Л. Д. Сільнова ў артыкуле “Экслібрыс Вацлава Ластоўскага” [8] разгледзела кнігу “Белорусские народные рассказы” Восіпа Арлоўскага, на якой быў знойдзены вывучаны ёй экслібрыс. Яна апісала Восіпа Арлоўскага як “паўпісьменнага селяніна з Віцебшчыны, які выдаў толькі адну гэту кнігу”. Насамрэч “Белорусские народные рассказы” і зараз застаюцца адзіным вядомым творам пісьменніка. Л. Д. Сільнова разгледзела таксама змяненні адносінаў да твора Восіпа Арлоўскага ў залежнасці ад гістарычнага перыяду: так, калі дзеячы перыяду беларускага нацыянальнага адраджэння пачатку XX ст. такія як Я. Карскі, М. Гарэцкі выказваліся наконт яго станоўча, то ўжо пазней, у савецкай крытыцы, твор характарызаваўся як “узор псеўданароднай літаратуры” [8, с. 135]. Л. Вашко ў артыкуле “Ліст” [2] працягнуў разважанне пра адносіны да творчасці Восіпа Арлоўскага. Акцэнт ён зрабіў на характарыстыцы пісьменніка, дадзенай Максімам Гарэцкім, і зазначыў, што Гарэцкі быў рэдактарам Арлоўскага. Акрамя таго, у артыкуле прадстаўлены і новыя дэталі біяграфіі пісьменніка паводле ўспамінаў Гарэцкага: “Максім Гарэцкі сьведчыць, спасылаючыся на чуткі, што Арлоўскі, маючы корць да гарэцкі, памёр у віцебскім прытулку для жабракоў...” [2, с. 249].

Адзін экзэмпляр кнігі “Белорусские народные рассказы” Восіпа Данілавіча Арлоўскага сёння экспануецца ў адной з залаў Музея беларускага кнігадрукавання (філіял Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка). На прыкладзе дадзенага музейнага прадмета (КП4-2147) можна прадставіць апісанне знешняга выгляду кнігі.

Памер выдання – 20,7*13,7*0,6(26,0) см. Кніга мае пераплёт з кардону, старонкі якога абклеены паперай шэрага колеру; карашок абцягнуты тканінай карычневага колеру. Выданне складаецца з 94 старонак. Падчас друкавання кнігі выкарыстоўваліся шрыфты розных памераў, прабелы паміж сімваламі ў тэксце значна адрозніваюцца, што можа сведчыць аб невысокай якасці друкарскага абсталявання. На вокладцы кнігі пазначаны кошт аднаго экзэмпляра – “25 коп”. Для прыкладу: за 20 кап. у той час у Полацку можна было набыць дзясятак яек ці адзін фунт свіной вяндрліны [7, с. 24].

Захаванасць прадмета здавальняючая: прысутнічаюць плямы, пацёкі, пацёртасці вокладкі, пажоўкласць паперы, загіны вуглоў, забруджванне. На тытуле ўверсе штамп: “Беларуская Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка // Інстытут Беларускае культуры // Бібліятэка”; там жа ўнізе – “ИНВ. ПРАВЕРКА 1948 г.”; “Урадавая Бібліятэка БССР // імя // А. М. Горкага” (такія ж на с. 17) і надпіс чарнілам: “Биб. СНК”. На старонцы 2 пасярэдзіне штамп: “Инв. 1954 г.”.

Змест твора нагадвае этнаграфічныя запісы. Пачынаецца ён з “Прэдисловія” ў вершаванай форме (зmeshчана на с. 3–4), асноўным матывам якога з’яўляецца заклік да людзей, каб тыя маліліся Богу:

“Ня треба намъ за богатством гайсать
Для житья одной минуты
Ти ня лучше намъ души свои спосать
Кабъ избавитца вѣчной покуты” [5, с. 4].

На астатніх старонках (с. 5–94) змешчаны асноўны змест твора, які прадстаўлены ў выглядзе вершаваных і пражайтных аповедаў; яны змяшчаюць багаты фальклорны матэрыял і адлюстроўваюць уяўленні беларускага сялянства аб навакольным свеце. Міфапаэтычная карціна свету беларусаў праглядаецца амаль на кожнай старонцы: часам у тэксце ўзнікае постаць чараўніка ці ведзьмы, русалак ці чарцей. Аўтар змясціў у выданні аповеды пра традыцыйныя абрады, так, напрыклад, у творы апісваецца беларускае вяселле. У тэксце выдання паўстаюць вобразы пана і вясковага мужыка, размова заходзіць пра хітрых купцоў, ксяндзоў і папоў. В. Д. Арлоўскі ў сваёй кнізе закрануў і вечнае пытанне адносінаў паміж бацькамі і дзецьмі. Першыя амаль у кожным новым урыўку павучаюць маладое пакаленне ці наракаюць на яго за непрацаздольнасць і ляноту.

Вялікая колькасць аповедаў у выданні мае гумарыстычнае адценне, але ёсць у змесце выдання і шмат спецыфічных рэмарак, якія можна ахарактарызаваць ці як “ідэалагічна правільныя”, ці як праяву “веры ў цара”: “Да и мнѣ такъ кажется Ермолай, что теперь у насъ слава Богу Государь Николай Александровичъ можно сказать, что Ангель въ человѣческомъ тѣлѣ, то Онъ могъ бы эту милость учинить, если бы Шляхта вошли бы с просьбой къ Нему то онъ могъ бы облегчить имъ несчастную ихъ участь” [5, с. 56].

Такім чынам, “Бѣлорусскіе народные рассказы” Восіпа Данілавіча Арлоўскага – гэта цікавае і ўнікальнае для даследчыкаў выданне. Па-першае, гэта адзіная беларускамоўная кніга з Полацку за перыяд з XIX да пачатку XX ст. Па-другое, гэта адзіны вядомы твор беларускага пісьменніка Восіпа Данілавіча Арлоўскага, імя якога неапраўдана рэдка можна сустрэць на старонках навуковай літаратуры. Па-трэцяе, выданне дэманструе ўзровень полацкай выдавецкай справы ў пачатку XX ст., паказвае яе тагачасныя магчымасці і дасягненні, а таксама адлюстроўвае густы мясцовых чытачоў. Па-чацвёртае, гэта карысная крыніца для вывучэння традыцыйнай карціны свету беларусаў, якая нясе ў сабе багаты фальклорны матэрыял. “Бѣлорусскіе народные рассказы” – гэта каштоўны матэрыял для вывучэння беларускай кніжнай справы, а таксама цікавы летапіс мінулага Полаччыны.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Ашуева, В. Я. Беларускія выданні на рускай мове к. XIX – пач. XX стст. у фондах НППГКМЗ / В. Я. Ашуева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2001 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : НППГКМЗ, 2002. – С. 3–6.
2. Вашко, Л. Ліст / Л. Вашко // Запісы БІНіМ / пад рэд. Н. Гардзіенка, А. Гардзіенка, Л. Юрэвіча. – Мінск, 2004. – С. 241–250.
3. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс ; уклад, прадм. і камент. М. Баўтовіча ; пер. з рус. мовы М. Ермалаева. – Мінск : Медисонт, 2007. – 330 с.

4. Кніга Беларусі. 1517–1917: зводны каталог / рэд. Г. Я. Галенчанка. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 616 с.
5. Орловский, И. Д. Бѣлорускіе народныя разказы. Сочиненія Іосифа Даниловича Орловскаго. Томъ I. – Полоцкъ : Тип. Н. А. Сроліовича, 1908. – 94 с.
6. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – 912 с.
7. Путеводитель по городу Полоцку. – Полоцк : Полоцкое Церковное Братство, тип. Х. В. Клячко, 1910. – 24 с.
8. Сільнова, І. Д. Экслібрыс Вацлава Ластоўскага / І. Д. Сільнова // Першыя кнігазнаўчыя чытанні : матэрыялы міжнар. канф., Мінск, 15 верас. 1998 г. / Нац. б-ка Беларусі ; склад. Т. І. Рошчына. – Мінск, 2000. – С. 129–135.

УДК 930.2+908(476)

А. В. Макоўчык (Беларусь, Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)
Навуковы кіраўнік – А. А. Башкоў, канд. гіст. навук, дацэнт

МЕТАД ВУСНАЙ ГІСТОРЫ Ў ДАСЛЕДАВАННІ ШТОДЗЁННАСЦІ

У прадстаўленым артыкуле аналізуецца магчымасць выкарыстання метаду вуснай гісторыі ў даследаванні штодзённасці. Разглядаюцца культурныя кантэксты, у якіх ажыццяўляецца работа памяці і забыцця, а таксама складанасці перапляцення індывідуальнай і сацыяльнай памяці. Асаблівая ўвага нададзена перавагам і недахопам выкарыстання метаду вуснай гісторыі, праблеме генералізацыі матэрыялу і праблеме “матрычных тэкстаў”.

У сучасным свеце, дзе тэхнічны прагрэс імкліва змяняе навакольную рэчаіснасць і штодзённае жыццё чалавека, пытанне аб захаванні крыніц, якія дазваляюць раскрыць штодзённыя практыкі індывіда, набывае асаблівую значнасць і актуальнасць. У любой адносна ўстойлівай сферы грамадскіх адносін ёсць свой “узровень” штодзённасці: штодзённае жыццё гарадскога і сельскага насельніцтва, сялян, рабочых, інтэлігенцыі; розных этнічных груп, вернікаў і атэістаў. Задача сучаснай гістарычнай навукі заключаецца ў комплексным вывучэнні праблемы штодзённасці. Прадметам вывучэння штодзённасці з’яўляецца сфера чалавечай абыдзенасці ў яе гісторыка-культурных, палітыка-падзейных, этнічных і канфесійных кантэкстах. Выкарыстанне вуснай гісторыі як метаду даследавання штодзённасці ўяўляецца асабліва перспектыўным. Метад вуснай гісторыі дазваляе выявіць тыповыя сітуацыі, пераломныя моманты, якія аказалі ўплыў на развіццё грамадства і індывіда.

Гісторык у сваім пазнавальным працэсе рэканструюе мінулае на аснове комплексу гістарычных крыніц. Традыцыйныя крыніцы не заўсёды могуць дапамагчы ў аднаўленні карціны мінулага, асабліва штодзённых практык, змяненняў ментальных установак і каштоўнасных арыенціраў індывіда. Акрамя таго, не ўсе крыніцы захаваліся і даступныя для даследчыка.

Абсалютызацыя пісьмовых крыніц прывяла большасць гісторыкаў да поўнага забыцця крыніц вусных. Да ўзнікнення пісьменнасці менавіта ў вуснай форме захоўваліся і перадаваліся ад пакалення да пакалення сацыяльны вопыт, інфармацыя аб мінулым, мастацкія творы (эпас). Можна пагадзіцца з даследчыкам Д. П. Урсу, які лічыць, што пасля ўзнікнення гісторыяпісання (аналаў, хронік, летапісаў) вусная гісторыя не знікае: паралельна існуюць дзве формы гістарычнай памяці – вусная і пісьмовая [8].

Антрапалагічны паварот у гістарычнай навуцы прывёў да росту недаверу да пісьмовых крыніц. З'явіліся заклікі паглядзець на гісторыю з пункту гледжання вусных сведчаньняў звычайнага чалавека. Фокус даследавання ад глабальных працэсаў перамяшчаецца на вывучэнне суб'ектыўнага ўспрымання сацыяльных працэсаў і трансфармацый тыповым прадстаўніком соцыуму.

Вусная гісторыя (*oral history*) як самастойны накірунак і як тэхналогія збору і захавання крыніц аформілася ў ЗША і Заходняй Еўропе пасля Другой сусветнай вайны. У 1948 г. прафесар Калумбійскага ўніверсітэта (Нью-Ёрк) А. Нэвінс (1890–1971) пачаў запісваць успаміны, выкарыстоўваючы першыя магнітафоны. Ужо ў 1973 г. у ЗША было 316 навукова-даследчых устаноў, якія працавалі ў галіне вуснай гісторыі. У Еўропе вусная гісторыя масавага распаўсюджвання не атрымала, хоць у кожнай заходнееўрапейскай краіне былі шырокавядомыя спецыялісты ў гэтай галіне [1].

У айчынай гістарычнай навуцы зварот да вуснай гісторыі адбываецца ў канцы 80-х – 90-х гг. ХХ ст. Распаўсюджванню дадзенага метаду спрыяла вызваленне гістарычнай думкі ад дыктату марксісцка-ленінскай ідэалогіі і кантролю партыі над грамадскай думкай. Аднак варта адзначыць, што метады вуснай гісторыі ў галіне гістарычных даследаванняў не стаў прыярытэтным.

У цяперашні час ужыванне тэрміна “вусная гісторыя” выклікае крытыку за недакладнасць і двухсэнсоўнасць. Так, Д. П. Урсу заяўляе, што дадзены тэрмін нельга прызнаць удалым, паколькі сама грань паміж вуснай размовай і запісаным словам даволі ўмоўная. У той жа час даследчык прызнае, што цяжка знайсці больш прыдатнае слова для таго, каб пазначыць масіў разнастайных крыніц, у якім інфармацыя прадстаўляецца ў славесна-маўленчай форме [8].

Некаторыя даследчыкі прапаноўваюць выкарыстоўваць традыцыйнае для гістарычнай навукі паняцце “вусныя крыніцы” або па меншай меры зводзяць да яго значэння сэнс паняцця “вусная гісторыя”, разыходзячыся ў вызначэннях апошняга. Напрыклад, С. О. Шміт пад вуснай гісторыяй разумее запісаныя спецыялістамі на магнітную плёнку сведчанні ўдзельнікаў і відавочцаў падзей з мэтай атрымання і захавання гістарычнай інфармацыі [10]. Для А. Я. Гурэвіча вусная гісторыя – гэта запіс таго, чаму сведкамі былі тыя ці іншыя асобы, не абавязкова прафесійныя гісторыкі, але перш за ўсё радавыя ўдзельнікі гістарычнага працэсу, на памяці якіх адбываліся падзеі не толькі іх уласнага або групавога жыцця, але і вялікай гісторыі [4]. На думку Б. М. Гаспарава, вусная гаворка выконвае настолькі складаныя камунікатыўныя функцыі, што вусная гісторыя, як від апавядання, які аб'ядноўвае калектыўны і асабісты наратыў, адкрывае шлях да складанага спляцення ў свядомасці індывіда розных

дыскурсаў, сэнсастваральных структур, да ўсяго таго, што ўтварае механізмы калектыўнай памяці, разумеецца не толькі як нейкая мазаіка гістарычных вобразаў, а як сукупнасць працэсаў іх фарміравання, цыркуляцыі, выцяснення, маніпуляцыі імі [3]. Калектыўная памяць можа эвалюцыянаваць, трансфармавацца, а некаторыя яе элементы могуць падвяргацца забыццю. Успаміны, што выступаюць асновай калектыўнай памяці, не з'яўляюцца дадзенасцю і выяўляюцца ў форме грамадскай канструкцыі. На думку А. А. Макравусавай, гісторыя аднаўляе не самі гістарычныя факты, а іх ментальную калектыўную перапрацоўку ў свядомасці людзей [5].

У тэрміналогіі ў дачыненні да метаду вуснай гісторыі няма агульнапрынятага паняцця. Ёсць агульнае ўяўленне, што асноўным метадам вуснай гісторыі з'яўляецца апытанне, а формы яго розныя – размова, інтэрв'ю, распытванне. У сучаснай даследчай практыцы пераважае метада інтэрв'ю ў розных яго фармулёўках: гісторыка-сацыялагічнае інтэрв'ю, навуковае інтэрв'ю, гісторыка-навуковае інтэрв'ю, інтэрв'ю-ўспамін і г. д.

Вусная гісторыя як спецыяльны метада гістарычнага даследавання складаецца з цэлага комплексу метадычных прыёмаў. Па сваёй сутнасці дадзены метада шмат у чым падобны з метадыкай якасных даследаванняў у сацыялогіі і адкрывае шлях да міждысцыплінарнага даследавання штодзённасці. У рамках якаснай метадалогіі даследчык разглядае паведамленне асобнага чалавека як самабытную пазнавальную адзінку і не спрабуе абагульніць яго змест пры дапамозе колькасных (статыстычных) метадаў у больш буйныя комплексы [6].

Нязменная тэма дыскусій усіх даследчыкаў, якія працуюць у галіне вуснай гісторыі, – гэта праблема дакладнасці і надзейнасці метаду вуснай гісторыі (інтэрв'ю). У дадзеным выпадку надзейнасць вызначаецца як нязменнасць пераказу індывідам гісторыі адной і той жа падзеі на працягу розных сітуацый інтэрв'юіравання. Дакладнасць разумеецца як ступень суадноснасці паміж выкладаннем падзеі індывідам і самой падзеяй, якой яна паўстае з іншых (першасных) крыніц, такіх як дакументы, фатаграфіі, дзённікі і пісьмы.

Хоць мы тэрэтычна дапускаем, што вусны пераказ можа быць праўдзівым апісаннем падзеі, яго валіднасць не можа быць устаноўлена да таго часу, пакуль не правэрана яго адпаведнасць іншым сведчанням. Без такога пасведчання ізаляванае апісанне падзеі застаецца ўнутраным перажываннем, каштоўнасць якога не можа быць дакладна вызначана. У гэтым аспекце крыніца вуснай інфармацыі (інфарматар) лічыцца надзейнай, калі паведамленне аб дадзенай падзеі ўзгадняецца з апавяданнямі іншых інфармантаў. Крыніца павінна мець фіксаваную форму, дакладную храналогію, а таксама падмацоўвацца іншымі аднатыпнымі крыніцамі. Усё гэта павінна даць магчымасць праверкі крыніц рознымі спосабамі. Аднак варта памятаць, што сказіць пры жаданні можна як вуснае сведчанне, так і афіцыйны дакумент, чаму ёсць мноства пацвярджэнняў у гісторыі чалавецтва.

Стаўленне пісьмовых крыніц да вусных не з'яўляецца мадэллю адносін тыпу “оперная прымадона і яе дублерша”, г. зн. калі зорка спяваць не можа, на сцэну выходзіць дублерша, так і з крыніцамі – калі “маўчаць” пісьмовыя

матэрыялы, даводзіцца карыстацца вуснымі [2]. І наадварот, вусныя сведчанні служаць для праверкі іншых крыніц, як і тыя ў сваю чаргу выпраўляюць іх саміх.

Прамоўлены рэспандэнтам тэкст падвяргаецца моцнаму ўздзеянню з боку інтэрв'юера. Ён можа накіроўваць ход апавядання пытаннямі, задаваць эмацыйны тон апытання, можа свядома правакаваць свайго суб'ядніка ці адводзіць яго ў бок ад нейкіх тэм. Выказваннямі і нават выразам твару ён здольны задаць эмацыйную ацэнку таго, што чуе, і гэта прымусяць рэспандэнта або арыентавацца на яе, або паспрабаваць абвергнуць. Вусная гісторыя ў некай меры – прадукт сумеснай дзейнасці рэспандэнта і інтэрв'юера.

Аналізаваць апавяданні, сабраныя ў межах вуснай гісторыі, надзвычай цяжка. Даследніку пагражаюць тут дзве відавочныя складанасці – выйсці на такі ўзровень абагульненняў, які ігнаруе канкрэтнага чалавека і яго ўнікальны аповед, або скаціцца да ўзроўню пераказу індывідуальных гісторыі у той ступені падрабязнасці, якая загадзя робіць немагчымым усякае шырокае абагульненне. Таму адным з найбольш складаных момантаў вуснай гісторыі выступае праблема генералізацыі матэрыялу. Цяжка сказаць, ці вырашальна ў поўнай меры гэтая дылема, паколькі яна адпавядае дыялектыцы самой вуснай гісторыі – сутыкнення індывідуальнага і агульнага, “маленькага” і “вялікага” [9].

Да праблемы праверкі дакладнасці вусных сведчанняў прымыкае іншы недахоп вуснай гісторыі – гэта праблема так званых “матрычных тэкстаў”, калі рэспандэнт выдае за сваё меркаванне, перажыванне ці ўласнае сведчанне стандартны, ледзь не афіцыйны тэкст, які ён засвоіў і лічыць уласным меркаваннем. Пры гэтым падмена ў свядомасці аўтараў успамінаў сваіх асабістых уражанняў чужым і малаверагодным “матрычным тэкстам” адбылася так даўно, што рэспандэнт не заўсёды ўсведамляе, што транслюе калісьці навязаны яму пункт гледжання.

Праблема “матрычных тэкстаў” звязана з інтэртэкстуальнасцю вуснагістарычных крыніц, г. зн. множнай інтэрпрэтацыяй і неаддзельнасцю тэксту ад кантэксту. Тэрмін “інтэртэкстуальнасць” прадугледжвае прысутнасць у кожным тэксце тэкстаў папярэдняй культуры, урыўкаў культурных кодаў, формул, фрагментаў сацыяльных ідыём і разумеецца як след, які пакідае ў тэксце гісторыя і ідэалогія [7].

Калі мы жадаем карэктна зразумець расказаную гісторыю – як не тое, што здзейснілася, а тое, што гэта значыць для чалавека – немагчыма абысціся без крытычнага пранікнення ва ўнутраны свет рэспандэнта. І тут вуснай гісторыі варта звярнуцца да вопыту не сацыялогіі ці антрапалогіі, а псіхалогіі [9]. Відавочна, што “сацыяльныя межы” памяці ніколі не дзейнічаюць інакш, як праходзяць і пераламляюцца праз індывідуальны псіхічны свет, што фарміруецца ўнікальна-канкрэтнымі абставінамі асобнага чалавечага жыцця.

Такім чынам, метады вуснай гісторыі валодае эўрыстычным патэнцыялам у даследчым плане і здольны дапамагчы ў дасягненні задачы рэканструкцыі штодзённасці. Ён захоўвае для будучых пакаленняў духоўны свет чалавека, яго каштоўнасці, традыцыі, стэрэатыпы, страхі і надзеі. Усё гэта адкрываецца з дапамогай апытанняў інфармантаў, так як дадзены метады гістарычнага

даследавання дае магчымасць людзям дзяліцца перажытай гісторыяй уласнымі словамі, уласным голасам і ўласным разуменнем таго, што здарылася і чаму.

Сведчанні вуснай гісторыі забяспечваюць больш поўнае і дакладнае напісанне карціны мінулага, дапаўняючы інфармацыю, узятую з архіўных дакументаў, перыядычных выданняў, статыстычных дадзеных, дзённікаў і іншых матэрыялаў, якія маюць гістарычную каштоўнасць. Выкарыстоўваючы метады вуснай гісторыі, спецыялісты “канструююць” неабходныя ім гістарычныя крыніцы. Пры гэтым магчымасць задаць пытанні і атрымаць адказы непасрэдна ад удзельнікаў і відавочцаў гістарычных падзей з’яўляецца важнай перавагай метаду вуснай гісторыі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Бердинских, В. А. Речи немых: повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке / В. А. Бердинских. – М. : Ломоносовъ, 2011. – 323 с.
2. Бутько, В. Н. Устная история: преимущества и недостатки / В. Н. Бутько // Наука и современность : материалы I междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 2010 : в 3 т. / Центр развития науч. сотрудничества ; ред.: С. С. Чернова [и др.]. – Новосибирск, 2010. – Т. 1. – С. 118–123.
3. Гаспаров, Б. М. Устная речь как семиотический объект / Б. М. Гаспаров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm>. – Дата доступа: 14.03.2019.
4. Гуревич, А. Я. Апоории современной исторической науки: мнимые и подлинные / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. – М., 1998. – С. 232–250.
5. Мокроусова, Е. А. Историческое основание коллективной памяти: коллективная память в проекции устной истории / Е. А. Мокроусова // Социология, политология, философия и история: современные тенденции развития : материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., 17 окт. 2012. – Новосибирск, 2012. – С. 73–81.
6. Мусиездов, А. А. Социологическая проблематика в исследованиях устной истории / А. А. Мусиездов // Socio простір : междисциплинар. сб. науч. работ по социологии и социал. работе. – Харьков, 2010. – С. 89–95.
7. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; пер. с фр. Г. К. Косикова, Б. Н. Нарумова. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.
8. Урсу, Д. П. Методологические проблемы устной истории / Д. П. Урсу // Источниковедение отечественной истории : сб. ст., 1989 г. – М. : Наука, 1989. – С. 3–32.
9. Черепанова, Р. С. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории / Р. С. Черепанова // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Соц.-гуманитар. науки. – 2013. – № 1, Т. 13. – С. 80–85.
10. Шмидт, С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России / С. О. Шмидт // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма : чтения, посвящ. памяти А. Л. Станиславского : тез. докл. и сообщений. – М., 27 янв. – 1 февр. 1991. – М., 1991. – С. 259–267.

УДК 902.03-055.2

А. Н. Савчук (БрГУ имени А. С. Пушкина, Брест)

Научный руководитель – А. А. Башков, канд. ист. наук, доцент

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ЗНАМЕНИТЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ

В представленной работе дана характеристика начального этапа становления археологии и определены роль и место женщины в ней. Особое внимание уделено женщинам, принимавшим непосредственное участие в археологических исследованиях на всемирно известных памятниках египетских и шумерских древностей.

Все в мире знают великих открывателей, исследователей, археологов-мужчин. Но стоит сказать, что рядом с великими археологами, творцами истории, стояли их спутницы. Они участвовали в раскопках с мужьями, вкладывали частичку своего труда, помогая им. В данной работе мы рассмотрим деятельность таких женщин в археологической науке, как Сара Бельцони, Агата Кристи, Кэтрин Вулли. Определим также место и роль женщин в жизни мужчин-археологов на начальном этапе развития науки, а значит и самой археологии.

Сара Бельцони – одна из первых женщин, которая связала свою жизнь с несвойственной для женщин того времени деятельностью. Ее не устраивала жизнь с родителями, которые владели бакалейной лавкой, и она примкнула к бродячей цирковой труппе в Дублине, возглавляемой Джованни Бельцони. Вскоре Джованни и Сара поженились. Вместе они побывали в разных странах, показывая свое мастерство. Но прибыли от выступлений не хватало на жизнь. Тогда семья Бельцони решает уехать в Египет. Благодаря своим знаниям в гидравлике Бельцони удалось перевести статую «Молодого Мемнома» в Британский музей, но это не единственная заслуга Джованни. Сара является первой из европейцев, кто заинтересовался укладом жизни местного населения, их культурой. Она познакомилась с двумя женами местного правителя, и ей удалось побеседовать с ними. И вот что писала об этом Сара: «Первое, что их поразило, – это моя шляпа и волосы, а еще мой черный шелковый носовой платок; потом пуговицы моего пальто: они были уверены, что в них спрятаны деньги. Я открыла одну, чтобы убедить дам в обратном, но это, похоже, их не удовлетворило, так как они полагали, что пуговица специально предназначалась для того, чтобы сбивать людей с толку. Я уже начала думать, что если сейчас в комнату не войдет мужчина (местный правитель, муж этих двух женщин), то общение с ними станет несколько проблематичным. Однако благодаря этой встрече я получила хороший урок на будущее и с другими женщинами общалась уже более осторожно» [1, 2]. Основная ее роль в археологической разведке и раскопках часто заключалась в том, чтобы оставаться в резиденции в Каире, Луксоре или Асуане или в каком-то другом базовом лагере, в то время как ее муж занимался поиском древностей. Она хотела быть участницей открытий мужа и в своих записях выражала недовольство: «Если бы я была там, то я бы помогала убирать песок на сколько хватало бы мне сил» [6].

Сара была описана Чарльзом Диккенсом как «симпатичная, чувствительная, молодая женщина», которая участвовала в ранних театральных постановках Джованни. Джованни включил ее записи в свою книгу, из-за этого ее редко упоминают. Но она заслуживает право быть известной. Сара вела свой личный дневник записок, фрагменты которого вошли в основную работу мужа. Она назвала свою работу «Пустяковые женские замечания миссис Бельцони». Там она писала про свои путешествия исходя из личной, женской точки зрения о жизни в Египте и Палестине. Сара записывала разговоры с местными женщинами, обычно женами местных чиновников. Она описывает эти контакты в простой форме: «Услышав так много о турках и арабах, я воспользовалась возможностью, находясь в Египте, понаблюдать за манерами женщин в этой стране. Я неоднократно наблюдала за ними. Я ухитрилась увидеть различные способы жизни среди этих полудиках людей...» [1; 2]. Она научилась общаться с этими женщинами, чтобы получить информацию об интерьере домов, их быта, традиций. Благодаря тому что она женщина, ей можно было заходить в жилища местного населения. Им также было интересно узнать про европейцев, их одежду и манеру поведения [1; 2].

Сара накопила большой этнографический материал во время пребывания в Египте. Она проникла в культуру народа, собирала сведения о традициях и обычаях жителей Египта. В Египте Сара была ущемлена в своих действиях, так как там господствовала другая религия. Она не носила там открытой и вызывающей одежды, а была в костюме молодого мамлюка, чтобы не привлекать внимания. Подвергала себя опасности, когда выходила одна в город к местным жителям. Еще одним большим делом является путешествие на Святую землю. Она уехала из Каира в январе 1818 г., пробыла два месяца в Дамiette и прибыла в Яффу в марте, а затем в Иерусалим на церемонию Страстной недели. В мае она отправилась в путешествие на муле в Иордан и в долину Иерихона. Сохранилось её описание полчищ паломников, с которыми она столкнулось, а также описание целостной картины путешествия по Ближнему Востоку. Она отправилась на гору Сион и в Вифлеем. Также посетила запретный для женщин храм Омара в Иерусалиме. Переодетая в мужскую одежду, она поднялась на Храмовую гору, и ей удалось заглянуть в Купол Скалы. Свои впечатления и наблюдения она записала в свою книгу. Информация, накопленная Сарой, была взята для общей книги Бельцони «Рассказ о работе и недавних открытиях, сделанных в пирамидах, храмах, гробницах и на раскопках в Египте и Нубии и о путешествии на побережье Красного моря в поисках древней Вереники, а также о путешествии к оазису Юпитер-Амон», которая была опубликована в 1820 г. [2]. Во время пребывания в Розетте Сара также ухитрилась получить Библию от британского консула в Александрии. Она рассказывала местным жителям об этой книге. Но в своих записках написала, что люди не хотели воспринимать идеи христианской религии. Они думали, что она занимается торговлей ради прибыли [1]. Из этого можно предположить, что Сара была истинно верующей христианкой. В марте 1820 г. они вернулись в Лондон. В мае 1821 г. состоялась первая выставка в

Пиккадилли, где были представлены находки семьи Бельцони. Но вскоре Джованни отправился в Африку в поисках артефактов затерянного города Тамбукту. Сара осталась в Лондоне. В 1823 г. Джованни умирает от дизентерии. Перед смертью он писал письма друзьям, чтобы те позаботились о Саре. Ей прощального письма он дописать не успел. Сара осталась без средств на существование. Все, что осталось от мужа, – это смятое письмо и аметистовое кольцо, которое ему досталось от Александра I. Сара взяла на себя обязательство продолжать показывать некоторые результаты работы мужа. Она открыла выставку в Лондоне в 1825 г., которая, к сожалению, была не закончена. Материалы выставки, наброски и модели были нелегально присвоены. Она несколько лет подряд обращалась к парламенту за помощью. Только в 1851 г. ей была предоставлена гражданская премия в размере 100 фунтов в год. В последние годы своей жизни она жила в Брюсселе и на Нормандских островах, умерла в Джерси в возрасте 87 лет. У нее с Джованни не было детей. Чтобы увековечить память о любимом муже, она заказала мемориальную надпись, на которой был выгравирован Бельцони – дворянин и археолог, в окружении его самых важных открытий: «Молодого Мемнона», головы и руки Тутмоса III, обелиска с острова Филе и саркофага Сети I [1; 2]. Таким способом она вписала в историю мира имя своего мужа.

Кэтрин Менке Килинг Вулли родилась в Германии (в Бермингеме) в 1888 г. в состоятельной и уважаемой семье, где отец был швейцарским консулом. Известно, что она училась в Оксфорде, но научную степень не получила, многие связывали это с ипохондрией [3]. В начале Первой мировой войны работала медсестрой. Там встретила своего первого мужа – полковника Бертрама Килинга, который работал топографом в Египте. В 1919 г. они поженились и жили в Каире. Но с первым мужем случилось несчастье: сразу после свадьбы он покончил жизнь самоубийством на плато Гиза, как считают, в невменяемом состоянии. Возможно, он так поступил из-за того, что Кэтрин не могла иметь детей. В 1920 г. Кэтрин опять устроилась работать медсестрой и переехала в Багдад. В 1924 г. она впервые побывала на раскопках древнего Ура. По случайности ей удалось зарисовать одну из находок. Этот рисунок понравился руководителю раскопок Леонарду Вулли. После этого глава раскопок пригласил ее к себе в качестве помощника. Леонард Вулли отмечал в своих записках: «Работа Килинг заключалась в создании рисунков для каталога и репродукций. Сама по себе это была недостаточно серьезная вещь, не оправдывающая наем специального оплачиваемого ассистента, но Макс Маллоуэн написал в каталоге, что совершенно не умеет рисовать». Вулли оценил работу Кэтрин в прошлом сезоне и пригласил ее на следующий сезон. Кэтрин помогала создавать каталог артефактов, а также осуществляла контроль над посетителями. Но следует отметить, как тогда относились к незамужним женщинам. Случилась необычная история. Из Пенсильванского музея Вулли получил предупреждение относительно набора кадров. Директор музея Дж. Б. Гордон писал: «Это личное и конфиденциальное... Вы упомянули миссис Килинг, которая... вызвалась быть добровольным помощником...» [4]. Директор

музея был против присутствия одинокой женщины в лагере с четырьмя мужчинами, так как это могло вызвать больше сенсационного изумления, чем очертания зиккурата. Ответ Вулли директору был таков: «Миссис Килинг близка к 40 и уже 7 лет как вдова, и все ее друзья уверяют, что она не имеет намерения выходить замуж снова» [4]. Но даже после этого заявления правительство требовало, чтобы Кэтрин ушла. В 1927 г. Кэтрин и Леонард поженились, заявив следующее: «Можно подвести итог, сказав, что в прошлый понедельник я женился на миссис Килинг! Вы, зная ее, по достоинству оцените, как повезло мне, и можете поздравить с успешным завершением очень долгих усилий» [4]. Таким образом, Кэтрин уже участвовала в раскопках на официальных правах. Она была помощником все оставшиеся годы археологической экспедиции в Уре, была его правой рукой. Её зарисовки ценились по достоинству, которые часто появлялись в иллюстрированных лондонских новостях. Кэтрин занималась реконструкцией многих найденных объектов. Самая большая ее работа – это восстановление головного убора королевы Пу-аби. Также хочется отметить, что она была гидом на раскопках, организовывала экскурсии. Агате Кристи удалось с ней поработать на раскопках, которая определила её как женщину с необыкновенным характером, с частой сменой настроения. Кэтрин также написала роман «Приключение зовет», который был написан в 1920-х гг. В романе она описала жизнь в Ираке, права и свободы женщин этой части планеты, опираясь на свой опыт жизни в этой стране. Кэтрин считала, что Ирак – страна не для женщин [3]. Значит, поехать на раскопки в эти места было очень рискованным делом для нее. Она была властной женщиной, которая добивалась всего, чего желала. Можно с уверенностью сказать, что эта женщина с авторитарными замашками была драгоценной находкой для Вулли. Во время Второй мировой войны Кэтрин тесно сотрудничала с Уинстоном Черчиллем и военной разведкой Директората по контролю за нацистскими разграблениями европейских музеев, художественных коллекций и королевских архивов. В этой работе Кэтрин оказала неоценимую помощь. К концу своей жизни она помогала своему мужу осуществлять масштабный проект в каталоге в фондах Британского музея. В ноябре 1945 г. Кэтрин умерла в возрасте 57 лет [3; 4].

В археологии оставила свой след знаменитая писательница Агата Кристи. С первым своим мужем Агата познакомилась во время Первой мировой войны. Она была медсестрой, а он пилотом. Но судьба сделала так, что в 1926 г. ее муж ушел к другой женщине. Писали в журналах и газетах, что после случившегося Агата пропала. Но неожиданно для всех и для себя решила круто изменить свою жизнь. В одной из газет она прочитала о том, что на Востоке будут проводиться раскопки под руководством Леонарда Вулли, и решила туда поехать. В отеле по чистой случайности встретила с женой Вулли, которая была восхищена детективами писательницы. Кэтрин Вулли предложила ей принять участие в раскопках древнего Ура на юге Ирака. Леонард Вулли назначил 38-летнюю Агату полевым ассистентом к 25-летнему археологу Максу Маллоуэну. За время, проведенное на раскопках, они стали неплохой командой. Вскоре пара поженилась. Агата отмечала в своих записях, что быть женой человека, который

помешан на древних артефактах, истории прошлого – это сложно. Она называла такое помешательство «археологическим сдвигом». В своей автобиографии она вспоминает такой случай: «Макс оставил новобрачную одну в греческом эпидавре. Вместо того, чтобы наслаждаться обществом любимой женщины, он весь день изучал древние надписи в местном музее» [5]. Так как она была неофициальным работником, то постоянно участвовать на раскопках не могла. Чтобы как-то помочь мужу, она начала заниматься самообразованием. Прочитала огромное количество книг по истории, начала изучать древние языки и даже записалась на курсы фотографии. Макс предложил поучаствовать в раскопках Ниневии. Чтобы и Агата в этом участвовала, она должна была пройти несколько экзаменов, для проверки уровня ее подготовленности к полевым условиям. В своей книге она подробно описала, как проходят дни в поле. Макс был начинающим археологом, который мечтал о собственных археологических исследованиях. В итоге по проделанным исследованиям он написал книгу «Нимруд и то, что в нем сохранилось» (1931 г.). В проведении первых археологических раскопок большую поддержку оказала ему Агата. Найденные в Ираке предметы и написанная Максом по окончании раскопок книга сделали его звездой в британском научном обществе. Агата гордилась своим мужем. Она писала, как сама считала, что книги не научные. Но доходы от этих «несерьёзных книжек» позволили Агате и Максиму купить поместье Гринвей. У Макса, который поднялся по своей археологической лестнице от ассистента до руководителя собственных раскопок, было много работы. Агата также была занята делом: чистила найденные вещи. Это была очень кропотливая работа, от которой Агата была в восторге. В автобиографии описывается случай, когда в колодце нашли статую девушки, ее чисткой занималась Агата. Было найдено много других изделий из слоновой кости. Агата восхищалась найденными вещами. Ее черно-белыми фотографиями до сих пор пользуются археологи. Многие экспонаты Британского музея появились там только благодаря Агате Кристи. Британский музей в знак благодарности писательнице в 2001 г. устроил выставку «Агата Кристи и Месопотамия». Этот брак был необычайно долгим, счастливым и гармоничным. Как позднее напишет об их совместной жизни Маллоуэн: «Сорок пять лет любви и радостного сотрудничества. Мало кому посчастливилось испытать, насколько обогащает жизнь гармоничный союз с творческим человеком, обладающим воображением». [5]. Оба занимались любимым делом, оба достигли значительных успехов и известности.

В заключение можно сказать, что женщины в знаменитых археологических открытиях XIX – начала XX в. были неотъемлемой частью археологического процесса. Они оказывали большое влияние на развитие археологической науки. На них держались порядок, организация раскопок. Они были хорошими ассистентами, реставраторами, секретарями, иллюстраторами, младшими помощниками, советчиками. Выйдя замуж за археологов, они подвергали себя опасности, делали совсем несвойственную для женщин работу. Они участвовали в раскопках в таких странах, где женщины были значительно ущемлены в правах и возможностях. Сара Бельцони носила мужскую одежду,

дабы не привлекать внимания. Она знакомилась с местным населением, изучала их обычаи и традиции. Большое влияние оказывала еще не исчезнувшая викторианская эпоха. Негативно эта эпоха, со своими традициями и взглядами, сказывалась на Кетрин Вулли. Так как начальству не нравилось присутствие одинокой женщины в кругу мужчин на раскопках, она должна была покинуть их. Однако вскоре она стала вторым по важности руководителем раскопок. Агата Кристи, окончив курсы фотографа, запечатлевала найденные вещи, раскопки, которые были очень важны. Без женщин на раскопках было не обойтись уже тогда. Самой главной их функцией была поддержка своих мужей. Стоит привести пример: Макс Маллоуэн, благодаря Агате Кристи, решил организовать свои собственные раскопки, что в дальнейшем положительно повлияло на его научную деятельность. Все перечисленное говорит о том, что без одной из важных составляющих – вклада женщины в науку – осталось бы неизвестным многое в археологии.

Список использованной литературы

1. Джойс, Т. Египет. Возвращение утерянной цивилизации / Т. Джойс. – Лондон. – 2007. – С. 75–80.
2. Mayes, S. The Great Belzoni / S. Mayes. – Лондон, 2013. – S. 54–56.
3. Кэтрин Вулли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trowelblazers.com/katharine-woolley/>. – Дата доступа: 19.03.2019.
4. Олейникова, Е. На зов приключений: женщина на раскопках шумерских городов в начале 20 века / Е. Олейникова // Энгурра. – 2016. – № 4. – С. 1–7.
5. Кристи, А. Автобиография / А. Кристи. – М. : Эксмо, 2015. – С. 60–103.

УДК 392.48 (575.4)

О. Х. Таганова (Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – В. Ю. Пилипович, старший преподаватель

ОБЫЧАЙ ADAGLAMAK В ТУРКМЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИИ

В статье на основе опубликованных и собранных в ходе полевых исследований автора материалов рассматривается обычай помолвки в комплексе досвадебных традиций туркменского народа. Показываются региональные особенности и определенная трансформация обычая.

В Туркменистане предсвадебный подготовительный этап мог начинаться задолго до свадьбы. В обычном туркменском праве существовали конкретные предписания и правила, касающиеся заключения брака. В традиционном туркменском обществе было популярно заключение брака с помощью договора между родителями жениха, который называется – *adaglamak*. В этом обряде основную роль играло обещание родителей жениха и невесты. В виде сватов выступали сами родители мальчика или его самые близкие родственники. В

некоторых регионах пережитки данного обряда сохранились еще до нашего времени. Поэтому мы попытались обстоятельно рассмотреть этот вопрос.

Родители новорожденных детей – мальчика и девочки – имели право между собой заключить устное соглашение, на основании которого дети должны были вступить в брак по достижении ими совершеннолетия [8, с. 102]. Согласно Р. Одековой, помолвка малолетних могла происходить между родителями будущих жениха и невесты еще до их рождения на основе взаимодоверия и уважения друг к другу. Если родится девочка у одной из сторон, тогда друзья обязаны были дать ее другой стороне, а если родится сын, тогда нужно было забрать девушку из той семьи, с которой договорились.

Помолвка малолетних имела свои особенности в разных регионах Туркменистана. Например, по воспоминаниям путешественника М. Н. Галкина: «...бывали случаи заключения брака, когда жениху было менее 12 лет, а невесте менее 9 лет. Но брак в этом случае получал только вид сговора, после чего молодых разъединяли до тех пор, пока невеста не подрастет» [4, с. 37]. Только потом разрешали жениху брать свою девушку себе в жену.

На юго-восточном побережье Каспийского моря широко распространены были сговоры (адамак, адагламак), которые заключали родители малолетних детей. Для этого выбирали удачный день, а родители мальчика должны были принести с собой свадебные сладости. После того как родители девушки давали добро на брак, читалась молитва. Родители жениха давали девочке серебряную монету, что считалось как знак обручения [5, с. 122].

По исследованиям А. Оразова, сговоры туркмен о браке малолетних детей в виде адаглама заключались по разным причинам. В частности, родственные семьи этим самым стремились укрепить свои дружественные отношения или избежать выплаты высокого калыма. Такое также могло происходить в тех случаях, когда плохое материальное положение отца девочки вынуждало его получить от жениха какие-либо средства в счет калыма [9, с. 92].

В племенах геклена дагламак проходил в возрасте 6–7 лет. Совершался этот обряд в присутствии уважаемых людей из села. До совершеннолетия они жили отдельно и потом устраивали свадьбу. При этом родители обеих сторон не спрашивали согласие на брак у молодых [7, с. 204]. Этот обряд, по словам Я. Р. Винникова, допускал раннее вступление в брак: для девочек допускалось вступление в брак с 9 лет, для мальчиков — с 10–12 лет.

Традиции отличались не только в разных племенах, но и в разных социальных слоях. Адагламак был более распространен среди зажиточной части населения. Осуществлялось это для того, чтобы получить дополнительный надел «сув», так как в то время всякий женатый туземец имел право на надел земли и воды в ауле, поэтому родители малолетнего юноши начинали рано женить своего сына, чтобы приобрести это право [3, с. 57]. Чаще всего в малолетнем возрасте браки заключались среди материально обеспеченных туркмен, и прежде всего среди текинцев Мургаба, Теджена, Копет-Дага, салыров Серахса и сарыков Пендинского оазиса. Это было связано со стремлением получить при общинном землепользовании дополнительный пай воды и земли (ника-сув) [2, с. 235].

Почетные люди из аула, обычно мулла и аксакалы, совершали этот обряд в присутствии будущих жениха и невесты и/или их родителей. Нарушение сговора строго осуждалось обществом. Обычно нарушения могли происходить из-за изменения экономического положения одной из сторон. Более богатая сторона могла нарушить договор, чтобы не связывать себя с обедневшей родней. На обручение родители жениха привозили с собой ценные подарки для невесты и ее родителей. При обручении родители мальчика повязывали на шею девочки черно-белую нитку, т. е. с этой минуты она становилась их невесткой [1, с. 57].

В настоящее время в регионах Туркменистана обряд адагламак в классическом его варианте встречается очень редко. Вместо этого распространен у туркменского народа обряд обручения, который происходит после того, как выясняются все вопросы по заключению брака. В данном случае в обряде принимают участие сваты и близкие родственники.

Атрибутом обряда помолвки являлся узелок со сладостями для родителей невесты, особенно с белоснежным сахаром – символом чистоты помыслов и искренности чувств. Суть обряда помолвки заключалась в доведении до сведения родителей невесты о грядущем визите в их дом сватов, а также назначении удобной и благословенной для подобного события даты – сахетлигун [10, с. 298].

По данным Г. П. Васильевой этот обряд происходит для того, чтобы официально закрепить согласие и разрешение родителей на бракосочетание и объединить судьбу молодых. Слухи быстро распространялись среди сельчан. Большинство жителей аула узнавали об обручении. Поэтому отказ принимался после этого обряда крайне негативно. В связи с этим туркмены говорят: «Молодые обручены, назад пути уже нет». Обручение приходит пышно и торжественно. Сторона невесты принимают гостей, дары и дастархан. На языке символов это означало согласие на предстоящий брак [10, с. 299]. Респонденты подчеркивают, что во время их молодости без разрешения и без согласия родителей девушка никому не могла пообещать выйти замуж. Дети очень уважали своих родителей. Для них слово матери было как слово пророков, слово отца – как слово Бога, поэтому в очень редких случаях дети не соглашались с родителями [6].

Свадебные традиции всегда имели колоссальное значение для всех туркменских племен, несмотря на то, что в каждом регионе их соблюдение имело свои особенности. Однако, как мы видим, культурные традиции в силу влияния различных факторов имеют свойство изменяться со временем. Трансформируется, в том числе и достаточно консервативная, особенно в сельской среде, свадебная обрядность. Это заметно при сравнении традиций, зафиксированных в этнографических источниках, того, что фиксируется нами при полевых исследованиях (середина XX в.), и то, что мы можем наблюдать на данный момент.

Список использованной литературы

1. Бабаджанов, Р. Семья и семейные обряды Тедженских туркмен в конце XIX-начале XX веков. / Р. Бабаджанов // Вопросы этнографии туркмен : сб. ст.

преподавателей ТГУ / Туркм. гос. ун-т имени А. М. Горького ; редкол.: К. Нурмухамедов (отв. ред.) [и др.]. – Ашхабад : ТГУ, 1980. – 76 с.

2. Винников, Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР / Я. Р. Винников / АН СССР ; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1969. – 312 с.

3. Вопросы этнографии туркмен : сб. ст. преподавателей ТГУ / Туркм. гос. ун-т им. А. М. Горького ; редкол.: К. Нурмухамедов (отв. ред.) [и др.]. – Ашхабад : ТГУ, 1980. – 76 с.

4. Галкин, М. Н. Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю / М. Н. Галкина. – СПб. : Я. А. Исаков, 1868. – 336 с.

5. Джикиев, А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря: ист.-этнограф. очерк / А. Джикиев ; АН ТССР ; Ин-т истории, археологии и этнографии. – Ашхабад : Изд-во Акад. наук Туркм. ССР, 1961. – 155 с.

6. Личный архив автора. Интервью с Аннагуль А. Burguçygeň. В. Türkmenbashi ad. et. Lebarwel., Türkmenistan, 2017.

7. Овезов, Д. М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара / М. Д. Овезов. – Ашхабад : Ылым, 1976. – 231 с.

8. Одеков, Р. В. Мир туркмен / Р. В. Одеков. – СПб. : Наука, 2010. – 262 с.

9. Оразов, А. Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX – начале XX в. : ист.-этнограф. очерк / А. Оразов ; АН ТССР ; Ин-т истории им. Ш. Батырова. – Ашхабад : Ылым, 1972. – 131 с.

10. Туркмены / Российская академия наук ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; Академия наук Туркменистана , Ин-т истории ; отв. ред. Н. А. Дубова. – М. : Наука, 2016. – 634 с.

УДК 316.7:711.4.01

И. В. Шекро, Н. Ю. Слюсарь (Беларусь, Брест, БрГТУ)

Научный руководитель –: В.В. Сушко, канд. ист. наук, доцент

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена анализу социокультурных особенностей проектирования городского пространства, которые оказывают большое влияние на человека и общество в целом. Актуализируется контекст того, что архитектура зданий и городского пространства в целом может оказывать воздействие на психоэмоциональное состояние людей, формируя позитивное или негативное восприятие, а также создавать контент урбанистической культуры, философии города.

Городская среда является объектом изучения многих научных дисциплин. Большая часть населения планеты является жителями городов – мегаполисов, малых и больших, имеющих вековую историю и возникших не более десятилетий назад. Город – это сложная система, включающая многие элементы, которые также являются системами, имеющими сложные многоуровневые образования. Структурная организация города как системы состоит из трех основных подсистем:

1) экологическая подсистема – естественная среда города (водоемы, сады, парки и т. д.);

2) демографическая подсистема – городское население с его отношениями и функциями;

3) техническая система – материальная искусственная среда (здания, заводские помещения, мосты и т. д.).

Наряду с основными подсистемами города определяют еще ряд структур: хозяйственную, управленческую, пространственную, духовную, социальную, профессиональную, потребительскую структуры населения и другие, связанные с различными сферами городской жизни (политикой, экономикой, медициной, наукой, искусством и т. д.).

Таким образом, город характеризуют не только как форму поселения, но и как форму сообщества, как тип социальности, сущностной чертой которой является интеграция разнообразных видов жизнедеятельности в единую саморазвивающуюся систему с собственными механизмами поддержания устойчивости и порядка [1].

Город является универсальной культурной константой, национальным концептом, составляющим каркас социокультурного пространства, в котором отражены все основные характеристики проживающего в нем социума. Изначальный смысл «города» соотносился с пониманием его как границы, межи, фиксирующей разрыв двух различных пространств, отмечающей начало определенного бытия. Впоследствии это смысловое ядро обрело более конкретные характеристики «обжитого, укрепленного поселения, защищенного воинами, заполненного рабочими», «пространства средоточия веры, учености, центром культуры» и т. д. Важным определяется изначально представление о городе как о «родовом гнезде», в котором удобно и комфортно жить, о территории, где нераздельны политическая власть и религиозная вера, об избранном месте, способствующем духовному развитию человека. Город является пространством, разделяющим космос и хаос, моделью, в которой отображены базовые представления общества о мире в целом и государстве в частности. В городах, как правило, существует зонирование территории по функциональному, социоструктурному, социокультурному и ментальному основаниям. Все это объединено городским ландшафтом для целостного восприятия среды [6].

Сложившееся в культуре понимание пространства определяет «лицо города» и его «образ», отпечатывается в структуре города и его колористике [2]. Особенности урбанистической колористики определяют распределение цвета в пространстве, которое оказывает воздействие на зонирование городской среды, а так же на религию, философию и эстетические нюансы и образует устойчивую систему, чаще всего являющуюся несознаваемой, однако тесно переплетенной с эмоциональным состоянием и восприятия города в целом.

В основе любого цветового проекта лежат определенные нормы организации пространства, тесно связанные со сложившимися традициями. Они обладают ярко выраженной социокультурной спецификой, которая проявляется

в особенностях механизма, с помощью которого отдельные элементы городской колористики распознаются и складываются в единую картину с учетом времени, фона, горизонталей и вертикалей [2]. В целом дихотомия физического и социального пространства, задающая перспективу социокультурного исследования, может быть положена в основу главных принципов цветового проектирования. В основу первого типа, ориентированного на сохранение характеристик цветовой родины, особенности географии цвета, лежит анализ и закрепление территориальной дифференциации региона. В цветовых проектах второго типа объектом управления становятся социальные параметры.

Таким образом архитектурный ансамбль города может нести как позитивный, так и негативный характер. Позитивный характер среды передают активные стимулы (оригинальность, необычность, острота, экспрессия, контраст и резкость); нейтральные стимулы (однообразие элементов, обычность, банальность, привычная среда); успокаивающие стимулы (спокойные, мягкие и плавные очертания форм, природные образы, гармоничные сочетания форм). Негативный характер среды передают подавленность, ощущение страха, скука, монотонность, неконтролируемость средовых элементов [3].

Вопросами восприятия архитектурной среды, которая выступает непосредственным базисом городского пространства, рядовым наблюдателем, занимается экспериментальная эстетика. В этом направлении рассматриваются общие закономерности построения эстетического объекта и особенностей формирования его оценки человеком, что имеет принципиальное значение в социокультурном проектировании городского пространства.

Факторы, влияющие на восприятие архитектурной городской среды:

1. Биологический – предполагается, что в человеке конституционально заложены и, следовательно, биологически обусловлены некоторые предпочтения.
2. Социальный – рассматривает социальные нормы, определяющие предпочтения.
3. Личностный – изучает личные мотивы эстетических предпочтений [4, с. 189].

Архитектура зданий оказывает большое влияние на психику людей. Бедность цветовых и архитектурных решений, отсутствие уникальных строений влияют на человека отрицательно, давят на людей, могут погружать в депрессивное состояние. Дома, которые располагаются вплотную друг другу могут агрессивно отразиться на жителях. Чтобы окружающая среда была благоприятной для жизни, важна в целом и жилая среда: архитектура зданий, озеленение территории, освещение, цветовое решение и т. д. Выполнение всех этих условий намного повысит уровень жизни населения, их психологическую устойчивость. И только так можно создать гармонию между миром зданий и сооружений с миром людей [5].

Город есть интенциональный предмет – феномен, возникающий как конструкция сознания субъектов городской жизни, как пространство коммуникации, как диалог социокультурных сообществ. В этом плане город можно представить как личностно-смысловой конструкт и как мозаику

жизненных миров, ментальную среду. Чтобы понять поведение горожан, надо понять, представить себе, сконструировать тот континуум жизнедеятельности, в котором реально протекает их жизнь. Люди живут не вообще в пространстве, а в топосах среды [1; 3]. Как социальные агенты люди всегда занимают определенную социальную позицию, реализация которой также предполагает определенное физическое пространство. В обоих случаях имеет место интерференция территории и пространства отношений, устойчивая практика которой и порождает топос как населенное пространство, отношения между живыми, физически существующими людьми на конкретной территории. До определенных пределов у каждого горожанина – «свой город». Но восприятие в то же время социокультурно детерминировано через идентификацию с социокультурной группой, которая актуализирует в индивидуальном восприятии предметы и параметры среды, значимые для группы. Человек смотрит на мир через призму картины мира группы и групповых норм поведения. Восприятие является не пассивным копированием мгновенного воздействия, а представляет собой структуру социально-перцептивных действий: из потока сенсорной информации человек выбирает лично значимую, а в конечном счете – социально значимую информацию. Таким образом, восприятие неотделимо от означивания фрагментов реальности, которые затем складываются в систему представлений об окружающей среде. Топосы городской жизни – «места» различного «протекания жизни». «Разноликость» горожанина – демонстрация различных моделей поведения и различных качеств личности одного и того же человека обусловлена тем, что горожанин по своей жизненной траектории попадает в различные топосы, структура и качественная определенность которых и детерминирует актуальное поведение. В образе городской среды сливаются визуальный образ территории и образ жизни на этой территории [1].

Поскольку отношения между фрагментами среды устанавливаются и поддерживаются воспринимающим субъектом или фактором, то конструирование среды есть одновременно проекция жизненного мира человека, формирующаяся в процессе переживания актуальной жизненной ситуации. Город – это пространство возможностей. В маленьких городах меньше возможностей для социальной мобильности. Ситуация, в которой человек не может реализовать значимые для него жизненные обстоятельства, переживается как бесперспективная и бессмысленная. Однако в больших городах их может быть слишком много; возникает опасность перегрузок и негативных переживаний, связанных с размыванием идентичности личности и смысла ее существования. Негативные переживания могут также возникать в ситуации нереализованных возможностей, что нередко случается в больших городах. Эти переживания связаны с осмыслением городской среды. Поэтому их следует отличать от эмоционально-психологических переживаний, связанных с общими негативными факторами проживания: экологическими, транспортными, эстетическими и т. п. Восприятие и интерпретация феноменов городской среды происходит в границах жизненного мира и мира чувственного опыта человека, мотивированного практически ситуационными интересами. Жизненный мир –

это мир феноменов, которые мы создаем сами и в существование которых мы верим, это то, что имеет для индивида очевидную достоверность. Феномены «духа места» и «духа города» конкретное для какого-либо района и какого-либо города социокультурное своеобразие системы топосов городской жизни возникают как закрепление на конкретной территории практических схем повседневной жизни, которые берут свое начало в истории освоения мест проживания: заселения, формирования архитектоники среды, закрепления функциональной специализации, формирования ментальности (умонастроения) их жителей [1].

Таким образом, архитектура за счет комбинации прямых и кривых линий способна создать определённое умственное состояние, что оказывает воздействие на человеческое сознание и формирует соответствующий тип социального поведения. Следовательно, архитектура является инструментом формирования духовно-нравственного облика человека и общественного сознания, социокультурной среды городского пространства в целом.

Список использованной литературы

1. Социокультурное проектирование городской жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/tutorials/socurbanproj.pdf. – Дата доступа: 24.03.2019.
2. Теория цветового проектирования городского пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.google.by/books?id=vABiDwAAQBAJ&pg>. – Дата доступа: 24.03.2019.
3. Влияние зданий и сооружений на человека и общество // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/chto-nam-govorit-arhitektura-vliyanie-zdaniy-i-soruzheniy-na-cheloveka-i-obschestvo>. – Дата доступа: 24.03.2019.
4. Степанов, А. В. Архитектура и психология / А. В. Степанов, Г. И. Иванова, Н. Н. Нечаев. – М. : Строй-издат, 1993. – 295 с.
5. Архитектура как инструмент формирования сознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80ajoghfyj0a.xn--p1ai/architektura-kak-instrument-formirovaniya-soznaniya>. – Дата доступа: 24.03.2019.
6. Социокультурное пространство современного российского города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chloveknauka.com/sotsiokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-rossiyskogo-goroda#ixzz5jlO7qjo9>. – Дата доступа: 23.03.2019.